

Национальная Академия наук
Украины
Институт языковедения НАНУ
Институт украинского языка НАНУ
Киевский Славистический
Университет
Феодосийский музей древностей

Российская Академия наук
Институт русского языка РАН
ИНИОН РАН
Государственная Академия
Славянской Культуры
Фонд академика О. Н. Трубачева
«Славянский мир»

---

*От поколения к поколению –
в изучении Причерноморья и Тавриды.*

Международная конференция

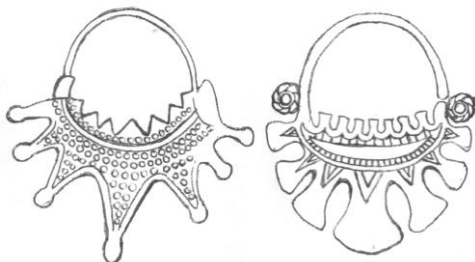
**СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:
К ИСТОКАМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

VII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева.

СБОРНИК СТАТЕЙ

Феодосия

10–15 сентября 2012 г.

Киев – Москва – Феодосия

2012

Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» готовилась совместными усилиями Общественного Оргкомитета Украины и России в 2012 г.

Оргкомитет

Сопредседатели

академик НАНУ Толочко П. П.
академик НАНУ Склярченко В. Г.

Сопредседатели

член-корреспондент РАН
Воротников Ю. Л.
академик РАН Богатова Г. А.

Секретариат оргкомитета:

Киев: дфн Франчук В. Ю. (ответственный секретарь), дфн Шульгач В. П., кфн Лазаренко О. Н., кфн Иваненко А. В.
Москва: дфн Богатова Г. А., кистн Фадеева Т. М.
Коктебель: кфн Шапошников А. К.

Издание материалов конференции подготовлено и опубликовано при финансовой поддержке Фонда «Славянский Мир»

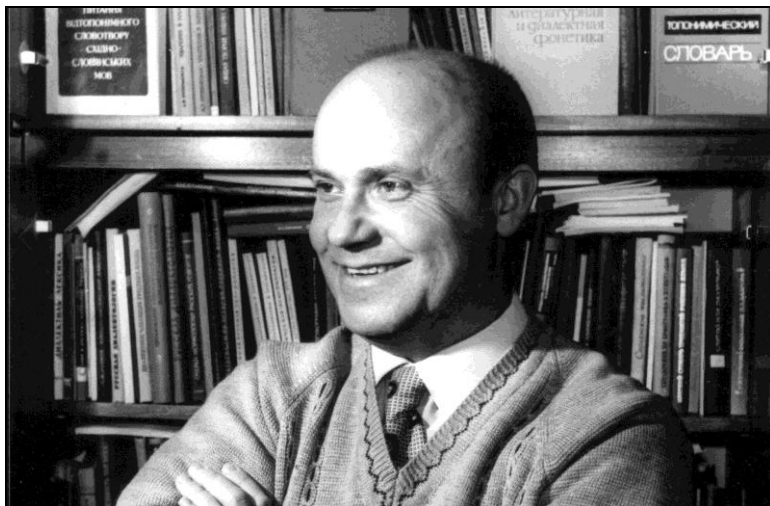
На титульном листе: восточнославянские височные кольца дунайского типа.

«Дунайское происхождение имеют и ранние лучевые височные кольца, послужившие прототипами семилучевых и семилопастных височных колец радимичей и вятичей. Восходят лучевые кольца к широко распространенным в Подунавье золотым и серебряным подвескам в виде колец с треугольными отростками-лучами, составленными из зерни» (Академик В. В. Седов. О расселении славян на Восточно-Европейской равнине из Дунайского региона).

На обложке: И. К. Айвазовский «Генуэзская башня».

Этот рисунок Ивана Константиновича Айвазовского был нарисован в 1845 году. Произведение выполнено сепией на бумаге. Работа находится в Государственном Русском музее.

© Отделение истории и филологии РАН, 2012
© Фонд им. О.Н.Трубачева «Славянский мир» 2012

«Я стою здесь, в Северном Причерноморье, почти у кромки воды, и чувствую себя обязанным еще раз изложить, отстоять свою теорию об индоарийском этнолингвистическом субстрате Северного Причерноморья.

Северное Причерноморье – большое, оно простирается от Нижнего Дуная через Юг Украины до Приазовья и Северо-Западного Кавказа, Предкавказья. Но средоточием его здесь и сейчас является Крым. Может быть, незаметно для себя я оказался постепенно связан с Крымом множеством нитей. Меня тянуло сюда даже тогда, когда я этого старался не замечать. В будущем году исполнится полвека с той поры, как я, молодой студент, впервые появился в Крыму и в первый раз (пока единственный) в 1950 году стоял на вершине Ай-Петри, «у края стремнины».

Когда начались мои поиски южных границ распространения славянства, встречи с археологами, я ездил в Крым и имел возможность побывать во всех интересующих меня местах Таврии, и в душу стали западать впечатления, отозвавшиеся впоследствии новыми толкованиями, этимологиями... По всему южному побережью до Керчи, один за другим заговорили таврские языковые реликты, заговорили по-древнеиндийски. Постепенно эти поиски стали фактом моей жизни...»

О. Н. Трубачёв*

*Из «Слова на презентации» книги «Indoarica в Северном Причерноморье», Крым, 1999 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Ю. Астахина	Денежные книги как источник социально-экономической лексики.....	7
Грасилда Блажене / Grasilda Blažiene	Вклад О. Н. Трубочёва в исследование балтийской ономастики.....	13
Г. А. Богатова	Издательские и исследовательские проекты фонда имени академика О. Н. Трубочева «Славянский Мир».....	14
Н. А. Бойко	К реконструкции праславянской гидрографической лексики по данным ойконимии.....	15
Е. И. Бреусова	Эргонимия города Сургута: графико-орфографический аспект.....	18
М. А. Бурибаева	Вариативность тюркизмов как этап в истории слов.....	19
В. Л. Васильев	Средневековая этнопонимия в области Новгородских пятин (лингвистический обзор).....	22
И. Г. Верховцева	Украинское Придунавье в славяно-романо-тюркских отношениях в Северо-Западном Причерноморье (этносоциокультурные аспекты).....	24
Грэм Дж. Гаррисон / Graham J. Harrison	"Corona astralis" Максимилиана Волошина на английском языке: филологические нюансы с точки зрения переводчика.....	25
С. И. Георгиева	Календарна обредна терминосистема на бесарабските българи: културно-езикова интерпретация.....	37
В. И. Дегтярёв	Значение типологических данных для сравнительно-исторического изучения категории числа (на историческом материале славянских языков).....	41
А. А. Дудин	Диалектное слово в поэтическом тексте: комментарии к «Сказанию о Евпатии Коловрате...» Сергея Есенина.....	53
І. В. Єфименко	Суднобудівна лексика Нижньої Наддніпрянщини.....	54
И. М. Железняк	Дополнение к реализации псл. * <i>ovi-</i> в славянских языках...66	
М. В. Жуйкова	Праславянский глагол * <i>jьgrati</i> : прототипическая референция и семантика.....	68
А. В. Иваненко	Басаврюк.....	70
А. И. Илиади	Еще раз о следах славяно–иранского взаимодействия в лексике славянских языков.....	87
О. С. Ильченко	Личная одушевленность в свете восточнохристианской антропологии (на материале гибридных русско-церковнославянских текстов XI–XVII вв.).....	98
Т. А. Исаченко	Пифики и бандерлоги (к истории одной неучтенной цитаты Букваря Кариона Истомина).....	102
О. П. Карпенко	3 етимологічних спостережень над українською лексикою.....	113

В. О. Колесник	▣ Доля лексичні́х балкані́змів в бессарабських болгарських гові́рках	115
И. Е. Колесова	▣ Формирование метеорологической и географической лексики с этимологическим корнем <i>*lei-</i> в истории русского языка...116	
О. Н. Лазаренко	▣ Толкование названий народов Северного Причерноморья в «Словаре» Самуила Богумила Линде.....121	
Ю. М. Могаричёв	▣ К вопросу о пребывании Иосифа Гимнографа в Херсоне123	
В. Л. Павлов, М. Ю. Савельева	▣ Исторические и лингвистические обоснования происхождения русского народа в творчестве М. В. Ломоносова.....125	
Н. Н. Парфёнова, В. В. Савиных	▣ Историческая антропонимия Зауралья как источник изучения Диалектной лексики.....141	
М. Н. Саенко	▣ Реконструкция этимологического значения праслав. <i>*bělъ</i> 142	
О. С. Северцева	▣ Сообщение о выходе книги Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура: документы, письма, воспоминания: в 2 кн.....145	
Е. В. Сердюкова	▣ Праславянские фитонимы в ономаσιологическом аспекте.....146	
Е. Л. Смаль	▣ Историческая микропонимия города Киева.....152	
Е. С. Суркова	▣ К истории лексического гнезда с корнем <i>вид-</i> (о когнитивных терминах в трактате Псевдо-Дионисия Ареопитага «О Божественных именах»).....155	
Т. Д. Суходуб	▣ Крым в судьбе и творчестве С. Н. Булгакова.....156	
Е. Н. Сырцова	▣ Текстология имени: <i>Korčula</i> – коўрка – Кърчевъ в этнопонимической миграции росов на Боспор Киммерийский.....165	
Е. И. Сьянова	▣ К проблеме взаимодействия украинской и русской языковых систем на территории позднего заселения (на материале украинских говоров Воронежской области).....177	
Л. В. Табаченко	▣ Мутационные приставочные позиционные глаголы со значением ‘получить, приобрести’ в истории русского языка.....180	
Т. М. Фадеева	▣ Правящий дом Феодоро в свете новых исследований.....191	
В. Ю. Франчук	▣ Следы предшественников славян в древнерусской топонимике.....195	
А. Г. Чередниченко	▣ Северное Причерноморье, «курганная культура» и вектор миграций индоевропейцев в III–II тыс. до н. э.....197	
Е. К. Чернухин	▣ О некоторых родильных заговорах и верованиях крымских и приазовских греков (по материалам рукописей первой половины XIX в.).....211	
Н. Ж. Шаймерденова	▣ Традиции О. Н. Трубачева в казахстанской русистике.....228	

А. К. Шапошников ▣ Северно-причерноморский ареал позднего праславянского языкового состояния (I–V вв.).....	230
В. П. Шульгач ▣ К этимологической реинтерпретации некоторых диалектных лексем. 2.....	237
В. К. Щербин ▣ О. Н. Трубачев о нормах словарной этики.....	228

ДЕНЕЖНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ*

Среди хозяйственных книг Крестного Онежского монастыря не последнее место занимают денежные книги, в которых отражались существовавшие в обществе социально-экономические отношения. В них обычно записывались траты денег, связанные с дальними поездками по монастырским делам. В книге 1669–1670 гг. отражены особенности этого жанра: «Книги приходные и расходные денежные Крестного мнстря иеромонаха Сергия РОИ 2 году» (РГАДА, ф. 1195 Крестный Онежский монастырь, оп. 1, ед. хр. 162, л. 1. – В примерах буквы кириллицы, вышедшие из употребления в 1708 г., заменяем современными, выносные буквы отмечены курсивом; знаки препинания расставлены нами. – Л.А.).

«РОИ 2 году декабря въ Е де Крстного мнстря по приказу строителя иеромонаха Андреяна з братьею книги приходные денежные Крстного ж мнстря иеромонаха Сергия, что принято из монастырской казны поехав к Москве с строителем мнстрских денег, и что на Мо скве и на какие расходы те денги розо шлис, и то писано в сих книгах врознь по статямъ» (л. 1).

Сначала сделаны записи о том, сколько было денег у отъезжающих: 5 декабря из казны взято 400 рублей, 9 декабря в Ненокском Усолье у крестьянина «по кабалы» взят рубль. 14 марта прибыли в Москву, у подьячего Афоньки взято 64 рубля 19 алтын 2 деньги, 19 июня казначей Дамаскин из монастыря прислал 700 рублей. 9 августа у патриарха из домовые казны «взято в заем в кабалу с порукою» 100 рублей. Получается 1265 рублей 19 алтын 2 деньги. Этот «приход» денег записан на двух страницах. Вся остальная книга посвящена тому, как расходовались деньги во время поездки иеромонаха Сергия, которая длилась около года.

Деньги шли на еду («на харч», «на квас»), на корм лошадям, которых нанимали во время поездки, на покупку одежды, обуви и других необходимых в поездке вещей: купили рукавицы песцовые за 5 алтын, за 5 алтын связни и вязеные чулки себе, «слушке Климу Леонтьеву купил штаны холстинные да сапоги приголовки, дано за шбое десят алтнь четыре денги (л. 7).

---

*Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН ПЗЗ «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Русская историческая лексикография как способ описания культурно-языковой эволюции восточных славян в эпоху Средневековья» (рук. Р. Н. Кривко).

В дороге пришлось купить посуду: «два бурачка, два ставца, два блюда деревянные, сковородку белую медную подержанную, да братину деревяную, дано за все восемь алтнъ четыре денги» (л. 7-7 об.). Отметим, что все эти предметы по возвращении были отданы монастырскому казначею Дамаскину.

11 декабря куплены за 10 алтын в Важском уезде «сани дубовые подъездки, а те сани дорогою едучи издержались» (л. 4 об.). 26 декабря за 20 алтын уже в Москве «куплены сани резные новые дощатые, а те сани отданы строителю Андреяну, как поехал из Москвы в Крестной монастырь» (л. 5 об.). Ему же отдали на расход 35 рублей. Дальше иеромонах Сергей «со служебники» ехали на наемных подводах или верхом: «Декабря въ 11 день от города Архангельского до Колмогор, и до Ваги, и до Вологды с строителем и со служебники дорогою едучи на четыре лошади врознь по волостем издержано в наимы 9 рублей 16 алтын 4 денги. Издержано на хлеб и на харчи и на квас и на постоянные врознь один рубль 18 алтнъ (л. 4-4 об.).

Кроме того по дороге было «куплено четыре гребня рыбы кости весом сорокъ три золотника, дано дватцетъ восемь алтнъ четыре денги, а те гребни на Москве разошлись в почестъ начальным людемъ» (л. 5-5 об.).

Какие же монастырские дела заставили иеромонаха Сергия ехать к Москве и на что были потрачены крупные суммы?

Первым делом, нужно было сдать стрелецкий хлеб и заплатить недоимку за прошлые годы с девяти Чарондских деревень. За стрелецкий хлеб заплатили стряпчему Ивану Васильеву по кабале 218 р., а казначею патриарха Иоасафа старцу Тихону 150 р. Пришлось купить недостающий хлеб: «Куплено хлеба в платеж за Чаронские за девят дрвнь у стрелцов Жидовинова приказу у Еупла Киндякова с товарищи пятьдесят юфтеи с осминою без четверика ржи и овса ценою по сороку по три алтна по две денги юфть, и того дано за хлеб шестьдесят пят рублей пятнатцет алтнъ две денги» (л. 14).

Два раза были выплачены деньги «по кабалы», т. е. по заёмным документам, когда на эти деньги люди в Москве покупали и платили за Крестный монастырь стрелецкий хлеб: «Генваря въ 14 день по строителскому приказу ярославскому стряпчему Ивану Василеву платил по кабалы и по записе за стрелецкои поряднои хлебъ 218 рублей денегъ.

Марта въ 19 день великого гсдна свтейшаго Иоасафа патриарха Московского и Всеа Руси в домовую казну казначею старцу Тихону Обанину по кабалы за стрелецкои же хлеб платил 150 рублей денегъ (л. 6-6 об.).

С большой проблемой столкнулись служители Крестного монастыря, когда «того хлеба у подрядчиков не учили принимать, и о том били челом великому государю, а челобитную подавали духовнику Андрею Савиновичю, от того стряпчему Исаию Иойлеву дано пять рублей» (л. 7). В связи с этим в книге шестнадцать записей посвящены тому, что к разным людям они «ходили бить челом, челом ударить», т. е. с просьбой (и разумеется, не с пустыми руками), чтобы приняли у них этот стрелецкий хлеб, о чем говорят такие записи: «Кнзь Ивану Борисовичю Троекурову ходили бит челом о чаронскои грамоте к писцу,

несли пирогъ да рыбицу белую, дано за обое сорокъ три алтна две денги» (л.8 об.).

Обращались с подарком к стольнику Новгородского приказа Ивану Севастьяновичу: «Образ Пресвтаг Животворящего Крста Гсдня иконописецъ Федор Конанов писал в поднос Новгородцкогo приказа столнику Ивану Савастьяновичю Хитрого Болшог, дано ему иконописцу за работу *от* писма два рубля денегъ. Ему *ж* Ивану Савастьяновичю несли пирогъ, какъ ходили о стрелецком хлебе бит челом о выписки, дано за пирогъ шесть алтнъ четыре денги» (л. 9). К дьяку Новгородского приказа Ефиму Юрьеву «*от* того *ж* дела несли пирогъ да рыбицу белую, дано за обое тритцетъ один алтнъ четыре денги» (л. 9-9 об.). «Справчему подъячему Борису Протопопову *от* того *ж* дела, какъ выносили память в Стрелецкой приказ, несли рыбку белую, дано дватцетъ шесть алтнъ четыре денги» (л. 9 об.). С молодым подъячим расплатились деньгами: «Да молодому подъячему *от* той *ж* памяти дано за писмо восемь алтнъ две денги» (л. 9 об.).

Заказывали «в поднос» шесть раз образ Животворящего креста в окладе как символ Крестного монастыря, каждый из которых обходился по 2 рубля.

Чтобы окончательно решить вопрос о стрелецком хлебе и получить нужные документы, пришлось расплачиваться со всеми, от кого зависело решение этого дела: «И как о том хлебе, о приеме, вынесли память из Новгородцкого приказу по подписной челобитной в Стрелецкой приказ, в Хлебном приказе от поручной записи площадному подъячему дано три алтна две денги. Да приставу хоженного, кои поруку збирал, дано три алтна две денги. В Хлебном приказе подячеи писал целовалником ссыпную память, по чему хлеб принят, справчему подячему от справы дано шестнатцетъ алтнъ четыре денги. Домовым подячим за писмо дано восемь алтнъ две денги. Сторожа в Хлебном приказе дано два алтна» (л. 12). Когда же удалось решить вопрос со сдачей хлеба, появилась запись: «Целовалником Козмы Микитину с товарищи, какъ хлеб принимали, дано в почестъ десят денегъ» (л. 14-14 об.).

Но пришлось обратиться и в другой Хлебный приказ, так как речь шла, видимо, о недоимке прошлых лет с Чарондских деревень и её можно было возместить именно в этом хлебном приказе: «На Житном дворе в другом Хлебном приказе, что за Мясницкими вороты, с Чаронских девяти дрвнь дворянину Данилу Никитичю Воробину несли пирогъ да рыбу, дано дватцетъ шесть алтнъ четыре денги» (л. 13 об.) – и далее платили старым и молодым подъячим, справчему подъячему – особо, сторожам за воск, целовальникам за ссыпную память, а в конце – приставам. И опять ходили бить челом с подношением всем, от кого зависело принять хлеб и «погасить» недоимку: «Били челом о приеме стрелецкого хлеба думному дьяку Лариону Ивановичю, несли пирогъ да рыба, дано рубль дватцетъ три алтна две денги. Того *ж* Стрелецкогo приказу диаку Ивану Горяинову *от* того *ж* дела несли пирогъ да рыбу, дано сорокъ алтнъ. Хлебного приказу дворянину Еуфиму Марковичю Норову ходил бит челом о том же хлебе о приеме, несли колачь и рыбы на два

рубля з гривною. В Хлебном же приказе подячому с приписью Василью Ремезову от того ж хлебного приему несено колачъ и рыбы, дано полтора рубля. Били челом в Стрелецком приказе и писали память из Хлебного приказу в Новгородцкой приказ, по чему очистит хлебного платежу прошлых лет доимка, от того справчому подячому Федору Клокову дано рубль» (л. 10 об.-11).

На праздники непременно ходили поздравлять «начальных людей» с приношениями: «На праздник Воскресия Хрства, еже есть Святая пасха, ходили начальным людемъ с почестью, с куличами, челом ударить, издержано в то число врознь сорокъ три алтна две денги» (л. 7 об.); «На праздник святых апстль Петра и Павла ходил челом ударить начальным людемъ, розошло в то число врознь в почестъ два рубля дватцет три алтна» (л. 16 об.).

Обратим внимание на слово *почесть*. Ещё в смоленских грамотах XII в. встречается это слово в форме *почестье*: А се погородие от Мьстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисицы, а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногат за лисицу... а се от Копосы 6 гривен урока и две лисицы, а почестья три гривны (Смол. гр., 79. XVI в. ~ 1150 г.). Понималось оно, видимо, как своего рода благодарность за настоящую или будущую услугу. Не забывали русские люди о плате за услугу и будучи за границей. Русских посланников Степана и Семого в 1614 г. проводил «из Любка до Лимбурка урятца Франц Ерень на любских кочах 50 верст». Они «отпускаючи урятцу, почтили, что у нихлучилось» (Рим.имп.д. II, 1039), то есть вознаградили человека за его услугу.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» есть слова *почестие*, *почесть* со значениями ‘награда, вознаграждение’, ‘угощение, подношение, подарки’ и ‘подношение, натуральные дары, позже переведённые на деньги, вид подати’ (вып. 18, стр. 70, 72). В нашем случае слово *почесть* выступает как семантический конгломерат, так как трудно разграничить, когда это было добровольное вознаграждение, благодарность за труд, а когда обращение с приношением предполагало будущие выгоды, обусловленные дальнейшими действиями одариваемых лиц.

Вторым делом служителей, приехавших из Крестного монастыря в Москву, было вызволить осуждённых крестьян и вернуть их в монастырские деревни: «Априля въ 14 де Крстного мнстря беглово крстьянина Вонгуцкой волости Ивашка Осипова, стрелцами караулщиками поймав, привели в Стрелецкой приказ, подячому от записки, и приводу, и хоженово и влазного, всего учинилос девятнатцет алтнъ четыре денги. В Мнстрьском приказе подячие Василеи Григоревъ да Петръ Новоселов с товарищи писали со всего крстьянского дела выписки докладные, дано им за работу полтора рубля» (л. 7 об.- 8). Каждый крестьянин в монастырском хозяйстве был важен и нужен, поэтому предпринимались серьёзные попытки вернуть беглых, а для этого «били челом Мнстрьского приказу дьяком Филипу Артемьеву да Семену Домашневу о крстьянех приводных, о Ивашке Осипове да Ксенофонтке Гордиеве, о отдачи; несли имъ от того дела по пирогу да по рыбице белои, дано за те пироги и за рыбицы рубль тритцетъ два алтна две денги» (л. 10).

Несмотря на то, что «ходили с почестью» и приносили «в поднос», крестьяне были сосланы в «сибирские городы» с женами и детьми. Пришлось платить за подводы, на которых их увозили.

Третьим делом была поездка в Великий Новгород для поставления иеромонаха Сергия в архимандриты. Для этого пришлось занять денег: «На Москве же у думного дворянина у Семена Ивановича Заборовьского занято, поехав в Велики Новьград, десят рублевъ. Будучи в Великом Новеграде, Футыня мнстря у архимандрита Иосифа занято *пят* рублевъ денегъ. Того ж мнстря у казначея у старца Паисии занято рубль денегъ» (л. 23). Отчет в расходовании именно этих денег завершает книгу.

В конце книги есть свидетельство о том, что «179 *г* апреля въ 9 де Крстного мнстря казначеи иеродиякон Дамаскин и соборная братия иеромонах Тимофеи, иеромонах Фаласеи, монах Афонасеи, монах Иларионъ книги приходные и росходные денежныя Крстного же мнстря архимандрита Сергия, каковы он положил каковы он положил [*так в ркп.*] за своею рукою в Крстном мнстре на соборе, считали, и приход с росходомъ шшелся» (л. 29 об.).

В настоящей денежной книге следует отметить наличие лексики, обозначающей социально-экономические отношения между людьми и относящейся к различным тематическим группам. Здесь находим группу названий церковнослужителей: *владыка, патриарх, митрополит, архимандрит, иеродьякон, иеромонах, монах*, группу названий людей, имевших определённое отношение к церкви: *духовник, ризничий, певчий*. Из названий социальных групп отметим слова: *государь, князь, боярин, жилец, крестьянин*.

Встречаются наименования людей по их занятиям: *стольник, целовальник, стрелец, сторож, караульщик, приворотник, садовник, солодовник, извозчик*. Разнообразны названия людей по занимаемой должности в делопроизводственном процессе: *дьяк, подьяк, подьячий, дьячек, стряпчий, писец, пристав, приспешник, справчий, зарядчик, подрядчик*. Заметим, что эти люди работали, видимо, сдельно, и всем им было заплачено за их работу и труды «просителями», т. е. лицами, приехавшими из Крестного монастыря. Из названий монастырских должностных лиц отметим *строитель, казначей, соборный старец, служебник*.

Многочисленна лексика, связанная с документами и процессами приказного делопроизводства: *выпись, выписка, запись, записка, список, память, отписка, отпись, припись, договор, приговор, счет, платеж, хоженое, влазное, печать прием, отпуск, подача, отдача, уплата, справа*.

Отразила денежная книга и название процессов, связанных с поездкой и деятельностью служебников по монастырским делам: *доимка, порука, привоз, привод, приход, присылка, покупка, провоз, приём*.

Такие слова, как *почесть, поднос* занимают особое место. Написанное один раз *поднос* с буквой *а* во втором слоге *поднас* показывает, что ударение ставилось в этом слове на первый слог. Семантика слова *почесть* выявляется в тех предложениях, где говорится о подношениях «начальным людям», от кого

зависело вершение важных дел, за которым собственно и приехали люди из монастыря. Выражение *несли в почесть* повторяется шестнадцать раз, а рыба и пшеничный пирог (а к празднику – кулич) служили главными предметами подношения. Отметим, что во всех случаях записывается точно, в какую сумму обошлась эта «почесть». Отметим немногочисленные глаголы, употребленные в книге. Самыми частотными стали глаголы *дать* в форме краткого причастия *дано*, *издержать* в форме *издержано*, возвратный глагол *розошлось*, затем – глаголы *нести*, *отдавать*, и словосочетание *бить челом* (вариант – *ударить челом*), единичные – *ручать*, *ехать*. Конструкция «инфинитив с дополнением в винительном падеже» нашла отражение и в этой денежной книге: *доимка очистит* (л. 11, 15).

Из транспортных средств назовем *сани*, *сани подъездки*, *телега*, *салазки*, *подвода*, а главной тягловой силой были лошади. Иногда нанимали *подводы тележные и верховые*, так что слово *подвода* обозначало не только предмет, но и процесс выдачи («подведения») лошадей для проезда.

Встретились названия предметов обихода, одежды и обуви, которые понадобились в длительной поездке: *епанча*, *свитка*, *штаны*, *чулки*, *рукавицы песчовые под ровдугою*, *сапоги приголовки*, *связни*. Понадобились в дороге *скатерть*, *свечи*, *воск*, *рогожа*, *холст*, *кожа*, *сковородка*, *горшок*, *бурачок*. Из продуктов питания постоянно фиксируются траты на *хлеб* и *харч*, иногда – на *квас*, по одному разу встретились записи о расходе на *пиво* и *вино*. При выезде в декабре купили в Холмогорах пуд и десять гривенок *сухого палтасу*, чем, видимо, и питались в дороге. *Рыба*, *рыбка*, *рыбица белая*, *белуга*, *семга*, *пирог пшеничный*, *калач*, *кулич* встречаются только в записях о подношениях в почесть.

Перечислим названия мер, бытовавших на Руси во второй половине XVII века: *юфть*, *пуд*, *фунт*, *осьмина*, *полуосьмина*, *четверть*, *четверик*, *гривенка*, *золотник*. Из денежных единиц один раз встретилась *гривна*, чаще всего употребляются *рубли*, *алтын*, *деньга*, а как общее наименование – слово *деньги* во множественном числе. Отметим постоянное написание буквы *й* (и краткое) в слове *святейший* и в фамилии стряпчего Исаия Иойлева. Обращают на себя внимание факты покупки книг и отдачи их в переплёт: «Купил книгу на Печатном дворе Григория Бгослова Назианзина в тетратех, дано два рубля» (л. 17), а позже купил «Часослов» и «Жезл правления»; все книги размером «в десть»: «Переплетали три кнги печатных, дано за кожу, чем доски оклеиват, и за работу мастеру от переплету дватцетъ алтнь» (л. 18).

Лексика социально-экономического содержания денежных книг раскрывает не только бытование разнообразных слов в деловой письменности, но (хотя и очень редко) может содержать данные о произношении некоторых слов, а именно – об ударении. Денежные книги раскрывают такие отношения в жизни людей XVII века, которые не только существовали на Руси и в более ранние времена, но сохраняются до настоящего времени.

Сокращения

Рим.имп.д. – Памятники дипломатических сношений с Римской империей. – СПб., 1851–1868. – Т. I–IX.

Смол.гр. – Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Изд. подгот. Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин. – М., 1963.

© Грасилда Блажене / **Grasilda Blažiene**
(Вильнюс)

ВКЛАД О. Н. ТРУБАЧЕВА В ИССЛЕДОВАНИЕ БАЛТИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Плодотворно работая в различных лингвистических направлениях, Олег Николаевич Трубачев особое внимание уделял балтийским языкам. В исследованиях славянской лексики он использовал литовский языковой материал. Ученый изучал происхождение терминов родства в балтийских языках, этимологию названий домашних животных. В монографии 1966 г. „Ремесленная терминология в славянских языках“ им сделан вывод о более близких контактах славянских языков с германскими языками и латынью по сравнению с балтийскими языками. Для балтистов, без сомнения, весьма значимым является „*Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*“ О. Н. Трубачева.

Ценной для ономастов и исследователей предыстории балтов является книга В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева „*Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*“, последний раздел которой посвящен „*Этнической и диалектной дифференциации Верхнего Поднепровья на материале гидронимии*“. Интересна гипотеза о прямых балто-иранских контактах в бассейне реки Сейм. И, само собой разумеется, „до сих пор никто не предполагал, что балты заходили так далеко на юго-восток“ (с. 23).

Автору данных тезисов особенно важны происходящие с этой территории гидронимы древне-прусского типа, ср. *стабня* и др.-прусск. *Stabingen* и т. д., прусск. *stabis* „камень“. О. Н. Трубачевым высказана интересная мысль о том, что балты не пришли на свои территории, как считал Казимерас Буга, а были постепенно ассимилированы славянами, ср. „...было бы наивно отождествлять исчезнувшие балтийские диалекты Поднепровья с каким-либо конкретным языком Прибалтики, поэтому нужно считаться с наличием в Верхнем Поднепровье особой группы балтийских диалектов“ (с. 240). При трактовке гидронимов (как и других топонимов) как кладбища апеллятивов (по меткому высказыванию А. Непокупного), без всякого сомнения, нужно возвращаться к рассмотренным уважаемыми учеными гидронимам и пытаться

реконструировать скрытую в них апеллятивную лексику. Данный труд имел решающее значение для прояснения вопросов балто-славянского прошлого.

В продолжение темы О. Н. Трубачевым была написана монография „Названия рек правобережной Украины“. Ученый верно правильно заметил, что изучение гидронимии к югу от Припяти представляет глубокий научный интерес также и для баллистики (*Baltistica* IV (1) 1968, с. 32). Ср. *Вересна*, *Нересна* на правобережье Припяти и лит. *Versnė*, балт. *Veresna, балт. *neg-/ nag*, Трубачёв с. 250, 149).

Следует подчеркнуть тот факт, что уникальные исследования О. Н. Трубачева (совместно в В. Н. Топоровым) показали, что ономастика делает лишь первые свои шаги.

Следует напомнить, что во время написания трудов О. Н. Трубачева существовали лишь работы К. Буги, а два фундаментальных исследования по литовской гидронимии А. Ванагаса появились позднее (прусским именам собственным тогда уже посвятили свои исследования Георг Геруллис, Янис Энзелинс).

Исследования литовского, латышского и прусского словника сейчас сильно продвинулись вперед, пришло время вернуться к работам О. Н. Трубачева и рассмотреть их в свете новых фактов, что и будет сделано в данном сообщении.

▣

© Галина Александровна Богатова
(Москва)

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ФОНДА ИМЕНИ АКАДЕМИКА О. Н. ТРУБАЧЕВА «СЛАВЯНСКИЙ МИР»

После успешного издания избранных трудов О. Н. Трубачева в 4-х томах (Труды по этимологии Т. 1–2 – 2004, Т. 3 – 2008, Т. 4 – 2010.), включая монографии по гидронимии, остаются не переизданными труды северопричерноморской тематики и, в частности, об индоарийском субстрате.

Фонд планирует переиздание Индоарики в Северном Причерноморье с дополнениями в 2-х частях.

1 часть повторяет издание 1999 г. (*Indoarica* в Северном Причерноморье. М.:Наука, 1999. – 320 с.),

2 часть выполнена А. К. Шапошниковым и будет иметь приблизительно такое содержание:

Введение – 4

Изложение – 25

Раздел 1 Языковые реликты иллиро-кельтского вида: киммерийцы – 25

Раздел 2 Языковые реликты фракийского вида: скифы – 37

Раздел 3 Языковые реликты хеттского вида: амазонки и савроматы – 76
Раздел 4 Языковые реликты индоарийского вида: синды и меоты – 94
Раздел 5 Языковые реликты восточно-иранского вида: сарматы и аланы
Раздел 6 Языковые реликты германского вида: готы и герулы. – 211
Раздел 7 Языковые реликты греческого вида: эллины и ромеи – 225
Отступление – 261
Раздел 1 Языковые реликты позднеславянского вида – 261
Раздел 2 Языковые реликты неясного происхождения – 270
Заключение – 290
Приложения – 294
Использованная литература – 294
Список сокращений – 311
Индексы – 314
Карты – 400

Таким образом, надеемся достигнуть полноты и исчерпанности темы северно-причерноморских древностей в продолжение многолетних исследований реликтовой лексики О. Н. Трубачёвым.

© **Наталья Александровна Бойко**
(Киев)

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПО ДАННЫМ ОЙКОНИМИИ

Ойконимы, как наименования поселений, считаются относительно молодыми по сравнению с другими названиями природных объектов (рек, озер, балок, гор), поскольку создавались они позже. Для номинации поселений использовалось два типа названий: 1) те, которые уже существовали для обозначения реалий и переносились на населенные пункты в готовом виде (доойконимный уровень деривации); 2) те, которые образовывались разными морфологическими средствами специально для обозначения поселений (ойконимный уровень деривации).

Дегидронимные ойконимы, производные от названий водных объектов, представляют собой особый класс онимов. Они входят в ойконимические системы каждого из славянских языков. Учитывая специфическое ономастическое, следует заметить, что разные разряды онимов различаются степенью раскрываемости первоначального их смысла.

Ойконим (название населенного пункта) отражает знание о фрагменте географического пространства. Это знание опредмечивается во внутренней форме названия, поэтому для его объяснения необходимо выявить исходный апеллятив.

Набор семантических полей, которые привлекаются в онимические ряды, обусловлен набором самих реалий, которые получают имена собственные. Наименования поселений, мотивированные наименованиями водных объектов, опосредовано несут информацию о естественно-географических свойствах реалий. Нередко они включают в свой состав географический термин, являющийся средством локализации населенного пункта по отношению к другому объекту окружающей среды.

Значительное количество наименований населенных пунктов возникло в результате ойконимизации апеллятивов и различных классов онимов, субстантивации прилагательных. Однако следует заметить, что образованные от прилагательных и причастий онимы, хотя они и субстантивируются, подвергаются этому не полностью. Занимая место существительных, они склоняются по адъективной модели.

Наиболее многочисленную группу составляют дегидронимные ойконимы с основой **bystrь*.

Прилагательное **bystr(jь)* включает в свой состав значение 'скоро перемещающийся в пространстве, стремительный в движении, полете, течении', которое неоднозначно представлено в славянских языках [ЭССЯ, 3, 153–154]. В восточнославянских языках оно активно используется в этом значении и относится к числу древних [Срезневский III, Допонения, 28].

Лексема *быстрый* (ая, ое) активно формирует ойконимы, которые встречаются на территориях Южной, Западной и Восточной Славий.

Апеллятив **bystrica*, производный от прилагательного **bystr(jь)*, обозначает 'место быстрого течения в реке' Указанное производное широко представлено в славянской гидронимии. Что же касается названий поселений с названием *Быстрица*, то не во всех случаях они обозначали именно поселение на р. *Быстрица*. Очень часто именно топонимический апеллятив служил наименованием поселения.

Интерес представляет лексема *быстри*, зафиксированная в форме множественного числа как собственное название мелкого места реки с быстрым течением: «На *Быстрых* много рыбы» [СРНГ 3, 349]. Данный апеллятив встречается только в составе имени собственного на территории Русского Северо-запада (Валд. Новг.). В единственном числе слово *быстрь* в значении 'быстрина' (но с другим оттенком) употреблялось в XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 1, 366].

В диалектах русского языка представлены также апеллятивы *быстреть*, *быстряк* [Даль 1, 150], которые не отмечены в составе наименований населенных пунктов Восточной Славии.

Ойконим *Быстрец* (укр. *Бистрець*) образован путем трансонимизации гидронима *Быстрец*. Данный гидроним относится к кругу славянских названий, которых объединяет словообразовательная модель с суффиксом *-ьсь*. Эта модель является продуктивной в гидронимии в различных славянских регионах.

Кроме дериватов от основы **bystrь (jь)*, среди дегидронимных ойконимов представлены наименования населенных пунктов со звукосочетанием *сmp-*, например, г. *Стрый*, сс. *Стырь*, х. *Струга* [АТП 53, 135; Рапанович 231]. Ойконим *Стрый* и многочисленные вторичные наименования поселений (сс. *Стриевка*, *Стрива*, с. *Стриевка*) производные от гидронима *Стрый*. Гидроним *Стрый*, в свое время О. Н. Трубачев объяснял как дославянское название: праформа **Strujь* или **Strijь* (с иллир. $i < \bar{u}$) [Трубачев 1968, 157]. В. П. Шульгач трактует *Стрый* как славянское название, связанное отношением корневой апофонии $\bar{u} : ou$ со *Струй / Струя*: **Strūjь / *Stroujь > *Strujь / *Strujь*, и.-е. **srou-* / **sre-* / **srū-* ‘течь’, расширенное -j-детерминативом [Шульгач 262]. Гидроним *Стрый* связан с лит. *strraujos* ‘быстрый (о течении)’ *strava strave* ‘течение реки’ лтш. *strauja*, *straujs* ‘быстрый, стремительный’. Раньше все реки в бас. Верхнего Днестра назывались *Стриями*. [О замене данного онима фонетически созвучным *Быстр(a)* > *Быстрик* > *Быстрица* см.: Петров 1963, 79; Петров 1965а, 160, 165]. С. О. Вербич в этимологическом словаре «Гідронімія басейну Верхнього Дністра» относит это название к числу славянских [Вербич 2007, 77].

Многочисленную группу составляют ойконимы *Струга* (Украина, Белорусь), *Strug* (Словения), *Struga* (Хорватия), *Struga* (Македония) [I.m.J, 1973, 376]. Мотиваторами этих географических наименований являются гидронимы, производные от псл. **struga* [См. этимологию: Фасмер III, 783; Шульгач 260].

В ойконимиконе Украины представлено наименование поселения *Стрежень*. Оно, как и ойконим *Stržanj* в Боснии и Герцеговине, мотивировано соответствующими апеллятивами, восходящими к праформе **strьзьнь* [Шульгач 262–263]. В русском языке есть топонимический апеллятив *стрежень* в значении ‘место наибольшей скорости течения и глубины в речном русле; быстрина’ [ССРЛЯ 14, 1020]. Данная лексема зафиксирована в памятниках письменности [Срезневский III, 565].

В диалектах русского языка встречается слово *стрежь*. На Южном Урале представлена лексема *стрежка*, обозначающая ‘узкий участок с быстрым течением’ [Мурзаев 526]. Указанные топонимические апеллятивы формируют ойконимы *Стрежевой* в Томской области, *Стреж* в Пермской области.

Рассмотренные топонимические апеллятивы составляют категорию слов достаточно легко онимизирующихся. Фиксация их в памятниках письменности подтверждает факт их древности (*быстрый*, *быстрица*, *быстрь*, *стрежень*). Закрепленные в названиях населенных пунктов гидрографические термины относятся к архаической лексике.

Проанализированные ойконимы подтверждают наличие гидронимной основы *сmp-*. Они подчеркивают архаику ономастической базы **bystr(jь)*, **stryjь*, **struga*, **strьзьнь*.

ЭРГОНИМИЯ ГОРОДА СУРГУТА: ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Эргонимы являются носителями определенной информации. Соотношение же языковых и неязыковых элементов в них дает возможность выделить значимую информацию, выразить ее скрытым образом, неоднократно.

Определенный научный интерес представляет рассмотрение основных тенденций в использовании графико-орфографических средств при создании эргонимов.

Необходимо отметить, что облик современного города характеризуется множеством графико-орфографических решений. Сегодня эргоним может быть представлен в различном графико-орфографическом оформлении:

– средствами современного алфавита: *ТЦ «Южный», «Охота на рыбалку»* и т.д.;

– средствами современного русского алфавита в сочетании с другими параграфическими средствами графики: *«Л'Этуаль», «ЛОГОС+», «Золото 585⁰», фОКус, «Зоомагазин...чик»* и т.д.;

– графико-орфографическими средствами языка-источника (если это слово заимствовано): *«Scart Music», «Versace», ТЦ «Ski City», «VIS-À-VIS»* и т.д.;

– средствами кириллицы при передаче заимствованных наименований, например: *«О'кей», «Лайф», «Самсунг», «Стинол»* и т. д.;

– средствами латиницы при передаче русских наименований: *«KRASOTKA», «LADA»* и др.;

– сочетанием двух график в пределах отдельного слова или словосочетания: *«СИМона», «Интерьер-Design», «KinderФАРАОН»* и т.п.;

– средствами дореволюционной графико-орфографической системы: *«Торговый домъ», «Ковровый дворъ»* и т.п.

Таким образом, эргонимы демонстрируют активный процесс интегрирования собственно графических и параграфических средств в пределах текста, что оказывает прагматическое воздействие на адресата, необходимое для полного извлечения информации. Шрифт, прописные буквы, апостроф, дефисы и другое, как вспомогательные средства, вносят дополнительные семантические экспрессивные оттенки в названия магазинов и прочего.

Графика, в которой система элементов из века в век закрепляется законодательно, оказалась сегодня открытым уровнем языка. Комбинирование графических и параграфических компонентов является богатым источником информации и средством воздействия на адресата (они выполняют аттрактивную, информативную, экспрессивную и суггестивную функции).

Модной в наши дни является игровая тенденция в области названий, соединяющих русскую и латинскую графики в одном тексте/слове, что придает им семантическую многослойность и многоплановость.

Как видим, в современном обществе изменилось отношение и к правописанию как способу передачи мысли на письме. Элементы графической и орфографической системы все чаще стали использоваться в специфических функциях. Необычная орфография создает «оптический образ» слова.

Таким образом, с целью речевого воздействия в эргонимии начинает постепенно обнаруживать себя стилистическая дифференциация средств русской орфографии. Распространенность графико-орфографических инноваций, хотя и не придает им статуса системных явлений, но свидетельствует о поиске новых стилеобразующих средств эргонимов.

© Майнура Абильтаевна Бурибаева
(Астана)

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЮРКИЗМОВ КАК ЭТАП В ИСТОРИИ СЛОВ

Вариативность неразрывно связана с нормой языка, поскольку именно наличие в языке вариантов свидетельствует о неустойчивости нормы. Проблема выбора одного из вариантов обусловила проблему нормы. В этом отношении совершенно справедливо утверждение Ф. П. Филина, который отмечал: «...там, где выбора нет, нет и проблемы нормы» [1, с. 181].

Активное взаимодействие славянских и тюркских языков вызвали необходимость более углубленного рассмотрения нормы в древне- и среднерусский периоды развития русского языка. При этом диахронный подход позволяет выявить особенности функционирования тех или иных лексических единиц, жизненность их вариантов в одних случаях и временность – в других, а также определить роль вариантов в усовершенствовании и упорядочении литературных норм.

Широкая вариативность тюркизмов в памятниках русской письменности в некоторых случаях объясняется не только фонематическими или графемно-фонетическими видоизменениями слова, но и различными фонетическими субституциями, вследствие которых тюркизмы в русском языке приобретают различные формы. Например, вследствие контаминации появляются варианты – *ѡлѡсъ ~ влѡсъ*, диссимилиации – *жемчѡгъ ~ женчѡгъ ~ женчюгъ ~ жѡмчѡгъ ~ жемчюгъ ~ ѡмчѡгъ*; *банрамъ ~ баграмъ*; *балабанъ ~ болобанъ*; *банракъ ~ бонракъ ~ бѡкракъ ~ бѡтаракъ*; *ѡшанъ ~ ѡшанъ*; *изюмъ ~ изѡмъ*; *конакъ ~ канакъ*; *сакма ~ сокма*, метатезы – *мѡксѡнъ ~ мѡскѡнъ*, гиперкоррекции – *бѡравъ ~ бѡровъ ~ бѡравень ~ бѡравль ~ бѡровль*; *крагѡи ~ крагѡиль ~ крагѡк*; немотивированных замен – *бекъ ~ бегъ ~ бекечъ ~ бекешъ*; *ичѡтыги ~*

ичеготы ~ ичедоги ~ ичетоги ~ ичитыги; кѹмганъ ~ кѹлганъ ~ кѹнганъ ~ кѹнгалъ ~ кѹббанъ ~ кѹпбанъ ~ кѹганъ ~ кѹрганъ ~ кѹбганъ и мн. др. И, как следствие таких субституций, объясняется варьирование производных слов, возникших «на почве» метатезы производящих основ, например, **аргамачнын - аграмачнын**, диссимилиации – **жемчѹжнын-жемчюжнын-женчюжнын**, паллатализации – **кинжалище-чингалище-чинжалище-чинжанище** и т. д. Часто наблюдается графемная вариативность самих слов и их флексий, например, в родительном падеже мн. ч.: *дараги/ дороги – дараг/дарагов, татары – татарь/татаровъ, янычары – янычарь/янычаровъ, улусы – улус/улусовъ* и т. д.

Вариативность производных слов позволяет говорить о становлении нормы русского языка в древне- и среднерусский периоды и, возможно, вариативность дериватов в диахронии является свидетельством того, что к нормам стремились и шел процесс ее «становления». Приведем несколько примеров варьирования производящих основ и производных слов: **алмазъ-олмазъ → алмазецъ-олмазецъ → алмаженье-олмаженье → алмазникъ-олмазникъ → алмазчикъ-олмащикъ; атласъ-отласъ → атласнын-отласнын → атласецъ-отласецъ; барышъ → барышникъ-борышникъ; барсѹк → барсѹковын-боръсѹковын; есаѹлъ-гасаѹлъ → есаѹлынн-гасаѹлынн → есаѹлишка-гасаѹлишка; кафтанъ-кавтанъ-кофтанъ-ковтанъ-ковхтан → кафтанишко-кавтанишко-кофтанишко → кафтаннын-кавтаннын; сафыган-сафиган-софыган → сафыганнын-софыганнын** и мн. др.

Таким образом, тюркизмы, попадая на русскую почву, подвергаются освоению не только морфологической, но и словообразовательной системой русского языка. Это выражается в том, что они, во-первых, воспринимали характерные для русского словопроизводства аффиксы и, подчиняясь законам русского словообразования, образовывали производные, подстраиваясь к продуктивным словообразовательным типам русского языка.

При решении проблемы включения тюркизмов в Словарь русского языка XI–XVII вв. лексикографы опираются на три фактора как «источник и время заимствования, а также особенности функционирования заимствованного слова в языке» [2, с. 132]. Г. А. Богатова отмечает: «Составители Картотеки ДРС понимали, что для словаря, построенного на данных памятников письменности – а данные письменности даже при сплошном расписывании слов, в конечном счете, всегда фрагментарны, – важна полнота корневой группы, гнездовой фон слова, обеспечивающий объективность семантических решений. Важна и количественная сторона, и широкая представленность слова памятниками разных жанров» [3, с. 62].

Как известно, вариативность слов связана, прежде всего, с процессом их освоения, поэтому именно заимствования для исторического словаря представляются наиболее проблематичными в связи с их подачей в словарных статьях. По мнению Г. А. Богатовой, заимствования в любом языке являются многовариантной частью лексики и равное, самостоятельное положение в

словаре исторического жанра вариантов, «не собранных составителем в одну заголовочную строку по каким-то основаниям семантического или этимологического характера», несколько завышает их реальное количество [4, с. 124].

Одной из причин вариативности также является «многократная» переписка того или иного памятника, в результате которых, возможно допущение ошибки при переписывании рукописи или личные языковые «вкусы» и «предпочтения» автора текста или переписчика.

Фактический материал показывает, что тюркизмы как объект описания русской исторической лексикографии вызывают «немалые проблемы» в создании словарных статей и каждого выпуска словаря. Необходимость анализа и переработка существующих исторических и этимологических словарей назрел давно, а, если бы лексикографы включили туда иллюстративные материалы с тюркизмами в памятниках русской письменности, то «намного» повысили бы значимость лексикографических источников, несмотря на то, что «предпринятые в «послефасмеровское» время усилия принесли ощутимые результаты (словарь МГУ под ред. Н. М. Шанского; словарь П. Я. Черных; многочисленные дополнения О. Н. Трубачева к двум изданиям перевода словаря Фасмера и др.), которые, однако, отнюдь не исчерпывают потребности в новом русском этимологическом словаре» [5, с. 3].

В докладе внимание будет сосредоточено на тюркизмах в русском языке, точнее – жизни тюркского слова в пространстве и времени, а именно на особенностях его функционирования в русском языке древнего, среднего и нового периодов, некоторых закономерностях их «существования» в памятниках русской письменности (их вариативности как историческом этапе в адаптации) и тенденциях развития в современном русском языке.

Цитированная литература:

1. Филин, Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Филин Ф. П. Очерки теории языкознания. – М., 1982. – С. 181.
2. Чернышева, М. И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. научн. тр. «И. И. Срезневский. Современная славистика: наука и образование». – Рязань, 2002. – С. 132.
3. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. Изд. 2-е. доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 62.
4. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – С. 124.
5. Новое в русской этимологии. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 3.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭТНОТОПОНИМИЯ В ОБЛАСТИ НОВГОРОДСКИХ ПЯТИН (ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Географические имена, извлекаемые из средневековых новгородских источников XI–XVI вв. (летописей, актов, грамот, писцовых книг и др.), отражают основы примерно трех десятков различных этнонимов: *Крив-/Крев-, Литв-/Литвин-, Ижер-, Корел-, Лоп-/Лопин-, Вод-/Вожан-, Варяг-/Веряг-, Венц-, Рус-/Русин-, Словен-, Нерев-/Мерев-, Татар-/Татарин-, Колбяз-, Буряг-, Вен-/Вин-, Лях-/Лех-, Чуд-/Чудин-/Чуч-/Чух(о)н-, Прус-/Прусин-, Латыш-, Жид-, Мер-, Сум-, Торчин-, Латыгол-, Печенег*. В целом, они сообщают о пестром этническом составе населения Новгородской земли за период от первых веков славянской колонизации региона до утраты Новгородом политической независимости в конце XV в. Для этноисторических заключений, однако, названия с такими основами следует использовать осмотрительно, так как далеко не все из них прямо отсылают к обозначениям тех или иных этнических групп. Многие на самом деле восходят к индивидуальным личным именам и прозвищам, в которые регулярно превращались этнонимы (впрочем, и такие отантропонимные названия показательны, поскольку их опосредованные смысловые связи с этнонимами все же окончательно не стирались). Порой неясны не только этимология, но и семантика самих основ (какую древнюю народность обозначают, обозначают ли этнос или некую социальную группу, не являются ли они случайными совпадениями с основами известных этнонимов?).

В таком издревле освоенном славянами регионе, как Новгородская земля, в основном именно славяне оставляли этнопонимы, маркируя ими места пребывания неславян. Собственно «славянские» этнопонимы среди населения, относившего себя к славянам (*словенам*), появлялись крайне редко, хотя и не были совсем исключены на пограничье с иным этносом. Среди левых притоков Невы, рядом с р. Ижорой, средневековые документы указывают р. *Словенка* ('Словенская река'); гидроним отметил размежевание славянских и ижорских селений вдоль р. Словенки. Напротив, в северных погостах Новгородской земли (на севере Водской и Обонежской пятин) встречаются топонимы на *Вен-/Вин-* (*Веницы, Винилакша, Виниярва, Венуя* и др.), которыми преобладавшее там прибалтийско-финское население маркировало селения славян (русских).

Центральные районы Новгородской земли отличаются повышенной концентрацией названий на *Рус-*, что традиционно интерпретируют как свидетельства пребывания здесь русов-скандинавов и распространения отсюда терминов *Русь, русский*. Однако такие названия очень разнородны по происхождению и по хронологии. Лишь небольшую часть из них можно

предположительно отнести к этнопонимам (например, *Русыня*, *Русиново*, *Русино* при наличии др.-рус. термина *русинь* в «Русской Правде», хотя было и личн. *Русинь*); иные прямо отсылают к личным именам (*Русилово*, *Русаново*), другие оптимально объясняются балтийским гидронимическим субстратом, перенесенным также и на селения (оз. *Русское*, р. *Руса*, или *Порусья*, р. *Русская*, г. *Руса*), многие вторично закреплялись на территории, особенно благодаря появлению солеварения (*Новые Русы*, *Новая Руса*, *Русье*). Безусловные этнопонимы на *Рус-* в регионе более часто выявляются для эпох сравнительно поздних, после XVI в., но в это время они маркировали места уже собственно русского (не скандинавского) населения вблизи мест новоприбывших нерусских поселенцев (*Русская Щилинка*, *Русское Пестово* и мн. др.).

Появление в Поволховье и Приильменье в VIII в. н. э. скандинавских дружинников отразилось в географических именах *Вареги*, *Варягово*, *Ворягово*. Наряду с общерус. *варягъ*, региональная топонимия свидетельствует о более архаическом собственно др.-новг. варианте этнотермина – *верягъ*, исчезнувшем еще в первые века новгородской государственности (*Веряжа*, *Веряжкино*, *Верезь*, *Вереговичи* и др.). Только на новгородско-псковской территории встречены такие топонимы, как *Колбяги*, *Колбежичи*, тоже трактуемые по связи со скандинавскими наемниками (к др.-сканд. *kylfingr* от *kylfa* ‘дубина’, согласно Р. Экблomu, Томсену, Фасмеру), и неоднократно *Буряги*, *Бурезско* (к др.-новг. *бурягъ, структурно подобному терминам *варягъ*, *кълбязъ*, но со значением не ясным: возможно, речь идет о какой-то социальной группе скандинавов).

Соседями новгородских славян на протяжении многих столетий были разные финно-угорские народы. Особенно много средневековых топонимических свидетельств о прибалтийско-финском народе *водь*, населявшем местности вблизи самого Новгорода (*Вожане*, *Вотская*, *Вотское*, *Вотчи*, *Воцково*, *Воцкой Клин*, *В Вотцких* и др.), реже топонимы указывают на карелов (*Корела*, *Корелово*, *Корелкино*, *Гухта Корельская* и др.), на саамов (*Лопский погост*, *Лоп*, *Лопино* и др.), единично на ижорцев (*Ижерский погост*), которых новгородцы, похоже, еще не выделяли из карел (др.-новг. *ижеряне* – это карелы, поселившиеся у берегов р. Ижоры), на финнов-суоми (*Сумско*, *Сума* южнее широты Петербурга, ср. др.-новг. *сумь*), на волжских финнов – мерян (ср. *Мерско* в Бежецкой пятине), на вепсов (р. *Вепсея* у западного побережья Ладоги). Целый ряд названий (*Неревичи*, *Неровское*, *Мерева*, *Неревский* конец в Новгороде и др.) включает информацию об исчезнувшем в древнерусскую эпоху эстонском племени *нерева/ерева* (согласно А. И. Попову, от эст. *järv* ‘озеро’). Но обычно эстов в средневековье и позднее именовали термином *чудь*. Данный термин одновременно использовался северными славянами в широком родовом обозначении финно-угорских племен вообще, о чем позволяет судить рассеянная по всей области новгородских пятин (и, шире, по всему Русскому Северу и Северо-Западу) топонимия, такая как *Чудско*, *Чудская Гора*, *Чудини*, *Чудинско*, *Чудиново*, *Чудково*, *Чудля*, *Чудка*, *Чучемля*, *Чухново* и др.; такие названия продолжали появляться и в постсредневековое время.

Древнебалтийские племена до прихода славян жили в юго-западной половине будущей области новгородских пятин (в основном южнее линии городов Луга – Новгород – Боровичи – Бежецк) и, по сравнению с прибалтофиннами, быстрее влились в состав славянского этноса. К первым векам славянской колонизации относится появление топонимов *Кривичи*, *Кривкино*, *Кривскино*, *Кривско*, *Крево* – индикаторов присутствия северных кривичей, вероятно, балтоязычных. Позднее, с XIII в., появлялись названия на *Прус-*, которых в средневековых источниках более десятка (*Прусси*, *Прусское*, *Прус*, *Прусина*, *Прусина*, *Пруская* ул. в Новгороде и др.); большое их количество, на мой взгляд, связано с колониями прусов-переселенцев, бежавших на восток от экспансии Тевтонского ордена. Средневековая новгородская топонимия единично свидетельствует также о латышах (*Латыгола*, *Латышино*), но чаще о литве (*Литва*, *Литвинково*, *Литвиново* и др.). Часть топонимов на *Литв-/Литвин-*, очевидно, не имела конкретного этнического содержания и указывала на выходцев или переселенцев из Великого Княжества Литовского. По крайней мере уже в XV в. в центре Новгородской земли были хорошо известны евреи, судя по средневековым названиям *Жидовичи*, *Жидовочи*, *Жидова*, *Жидовична*, *Жидовка* и др.; что касается цыган, то они пришли начительно позднее («цыганская» топонимия в регионе появляется не ранее XVIII в.). Связи с Польским королевством свидетельствуются многими средневековыми топонимами на *Лях-/Лех-* (*Ляховичи*, *Ляхово*, *Лехово*, *Ляхова* и др.).

▣

© Ирина Геннадьевна Верховцева
(Измаил)

**УКРАИНСКОЕ ПРИДУНАВЬЕ В СЛАВЯНО-РОМАНО-
ТЮРКСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
(ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ)**

Юго-запад Одешины, в исторической литературе получивший название «Украинское Придунавье», подобно Крыму, географически как бы отделен от остальной части Украины, что, безусловно, указывает на особенную историческую судьбу края. Контуры его очерчены берегами Черного моря, Дунаем, Днестровским лиманом и небольшим участком Днестра. Край является составляющей нескольких культурно-исторических областей – Карпато-Причерноморской, Балкано-Дунайской и Северо-Западного Причерноморья. Дунай связывает его с Европой, культурами Запада, а Черное море – с Востоком и Средиземноморьем. В конце античности Дунаем ограничивались пределы Римской, позднее – Византийской империи в Юго-Восточной Европе, благодаря

чему в I тыс., как и Крым, Придунавье становится частью христианской ойкумены, одним из каналов проникновения веры Христа на земли Восточной Европы, Руси. В средневековье Придунавье – составляющая славяно-романского мира Северо-Западного Причерноморья, поскольку является частью «прародин» восточных славян и восточных романов, культуuroобразующей традицией для которых было православие. В VII–XV вв. земли края стали зоной экспансии тюрок (булгар, печенегов, половцев-куманов, татар, турок-османов). Здесь «встретились» два потока тюркских народов: один – из Северного Причерноморья (булгары, печенеги, половцы, татары), другой – из Южного (османы). В позднем средневековье, с исламизацией татар, славяно-романо-тюркские отношения в крае приобретают характер христианско-мусульманского противостояния. В конце XV в. кольцо исламского господства грозило отсечь Причерноморье от остального христианского мира, что угрожало культурной самобытности местных славянских и романских этносов, сформировавшихся в лоне православной религии. В условиях активной экспансии Порты в Северном Причерноморье, когда Черное море становилось внутренним морем этой империи, Придунавье – «христианское окно» Европы. Благодаря Дунаю, связывавшему регион с Западом, стали возможны контакты европейских народов, их консолидация в противостоянии с мусульманами. Будучи славяно-романо-тюркским пограничьем, Придунавье, культурные константы развития которого определялись православием, выполняет миссию форпоста христианского мира перед лицом исламского. Казацко-османские войны в Северо-Западном Причерноморье начала XVII в., украинско-молдавские контакты времен Хмельниччины, подвижническая работа христианских миссионеров и культурных деятелей XVII–XVIII вв. (Петра Могилы, Досифея Сочавского, Дмитрия Кантемира, Паисия Величковского), расселение старообрядцев, продвижение и укрепление в XVIII–XIX вв. в регионе позиций России способствовали утверждению «христианскости» Придунавья, сохранению и развитию самобытных славянских и романских культур Северо-Западного Причерноморья, препятствовали их растворению среди тюркских.

© Грэм Дж. Гаррисон / **Graham J. Harrison**
(Letterkeny University, Ireland)

**"CORONA ASTRALIS" МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА.**

Поэты XIX века, вдохновляемые произведениями поэтов-современников и предшественников, часто создавали поэтические переводы, по красоте и по ясности выражения равны подлинному тексту. Наши поэты-современники,

пожалуй, предпочитают заниматься поэтическим творением на основе своих собственных ума и опыта. Переводить чужие мысли – им это кажется часто напрасной работой.

Перед переводчиком стихов стоит трудная задача: стихи – как словесное творение – уже являются совершенным единым целым..... Стихотворение – это результат творческого процесса, а не материал для обработки! Вот можно отрицательно обсудить попытку переводчика. Сам я признаю, что немножко опасным является моя профессия!

Переводчики русских стихов на английский язык часто передают идеи и мысли поэта в ином жанре, т.е., они пишут авторские идеи и мысли **в виде прозы**. Например, в девяностых годах издавалось на английском языке полное собрание стихов Анны Ахматовой. Переводчиком была Юдит Гемшмайер, талантливая американская поэтесса и писательница. Её переводы – чуткие, верные, точные. Но большинство их – проза. А на мой взгляд, стихи нельзя переводить в прозу.

Другие писатели, восторженные поэтическим текстом и, может быть, его размером и рифмой, сбиваются с пути, переводя в стихотворной форме, может быть, и красивые тексты, но совсем не похоже – с точки зрения мыслительного содержания – на подлинный текст.

Передавая точное мыслительное содержание стихов, я бы хотел по возможности хранить поэтический строй – в данном случае строй сонета, включая его размер и рифму. Что касается размера, в основном я храняю пятиямбические строки, но порой придерживаюсь этого не очень строго. Что касается рифмы, ситуация сложнее. Надо отметить, что русский язык – язык синтетический – очень богат на плане рифмования, он имеет очень много рифмуемых окончаний, много рифмуемых склонений. Наоборот, английский язык – язык аналитический – имеет очень мало склонений; в предложении очень важную и ограничительную роль играет порядок слов. Рифмование в английском языке сложнее, чем в русском. Поэтому, хотя я включаю некоторые рифмы в переведённых мной сонетах, употребление рифм остаётся частной, а не типичной чертой моего перевода. Часто надо довольствоваться такой по-английски называемой «полурифмой» ('half-rhyme', 'semi-rhyme').

В самом начале надо сказать, что не существует однозначный, окончательный перевод. Каждый перевод является попыткой, в которой переводчик приближается к творчеству автора. Прежде чем предлагать свой английский перевод всех 15 сонетов 'Corona astralis' я даю несколько примечаний к первому, ключевому сонету, чтобы приводить пример этого процесса приближения, этого подхода.

В мирах любви – неверные кометы –
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит,
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Unsteady comets ply the realms of love;
no path assures us of a proven orbit.
Earth cannot dim the radiance of our dreams
for midnight suns entice and draw us onward.

В первой строфе Максимилиан Александрович употребляет четыре главных предложения, а я в своём переводе только три. Значит, у меня четвёртая строка строфы – придаточная фраза: “...for midnight suns entice and draw us onward” т.е., «потому что полночные солнца...» Зачем я это сделал? Во-первых, английский язык любит союзы, слушатель/читатель ожидает плавного течения предложений. Во-вторых: ямбический строй требует начального неударного такта. «Полночных солнц...» = “for midnight suns...”

Пойдём дальше. Мы читаем - «к себе»: «полночных солнц к себе на маня светлы». Выражение «к себе» - у нас, в английском языке, невозможно. Это возвратное местоимение в английском языке практически не существует. Поэтому я употребил слово «onward», «вперёд», выражающее движение астрального полёта: «for midnight suns entice and draw us onward».

«Явь наших снов земля не истребит» (5 ямбов). «Земля», конечно Earth. Подлежащее встречается в английском языке в основном в начале предложения, на пример: “Earth cannot dim the radiance of our dreams”. Раньше я написал “Earth cannot quench the ferment of our dreams”. Т.е., «земля не может тушить брожение наших снов». По-английски, по-моему, это звучит красиво. Но позже я испытывал угрызения совести: текст Волошина говорит о свете, «явь», а не об огне. Лучше поэтому перевести: “Earth cannot dim (не может туманить) the radiance ” и т.д.

Я уже объяснил, что ямбический поэтический строй требует неударного начального слога: «...полночных солнц...» - “...for midnight suns...”. Конечно, я мог бы писал просто “the midnight suns”. Но здесь возникает проблема: что касается определённого артикля “the” - “the midnight suns...” - у носителей английского языка возникает такой вопрос: «Какие именно полночные солнца?» У нас определённый артикль “the” является здесь слишком определённым! Есть другая возможность, т.е., поворачивать порядок слов: “the lights of midnight suns entice us onward”, но такое повторение фонем “lights-night-entice” звучит немножко некрасиво.

Дальше:

Ах, не крещён в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

«Крещён» – по-английски, конечно, “baptized”; но это слово

употребляется у нас скорее в христианском контексте. В контексте мифологических вод Леты выбор слова “baptized” чувствуется немного неуместным. На мой взгляд, здесь более удачно звучит “bathed” (отмытый).

Our bitter soul's not bathed, alas! in Lethe's
deep oblivion. We're wearied by regrets
and feel the smouldering aches of alien woe,....

«Наш горький дух»: “Our bitter soul”. Как переводить выражение «русский дух», «русская душа»? Английское слово “soul” включает в себе, кажется, и «дух» и «душу». Здесь, конечно, моё слово “Oblivion” – «забвение», окажется дополнением к тексту, но это слово уточняет значение Леты, останавливает связь с фразой «память нас томит».

Что касается фразы «память нас томит», я написал не “memory” – «память» – а “regrets” – «огорчения». Почему? Правда, «память» значит по-английски “memory”, но английское слово является трёхсложным, дактилическим словом. С трудом можно употреблять его в ямбическом контексте. (В конце концов, можно прибегнуть к сокращению “mem'ry”).

«В нас тлеет боль внежизненных обид». Ещё вопрос: Что такие эти внежизненные обиды? Подобны ли эти обиды на ранение, вытекающее из грехопадения человека под влиянием библейского Змия? Нет. Было бы ошибочно предполагать здесь христианскую концепцию. Эти внежизненные обиды возникали скорее с некоего перевоплощённого наследства – так называемой кармы – как в теософии Штейнера или Блаватской. Слово «внежизненный» нелегко понимать, труднее перевести. Я выбрал сочетание «alien woe» («чужая беда»). Английское слово «alien» по своему значению сильнее, чем русское слово «чужой» – оно имеет оттенок чего-то нашему миру не принадлежащего. Что касается английского слова “woe”, «беда», то оно – общего происхождения с русским «Увы!».

«Изгнанники, скитальцы и поэты!» Я написал “banished exiles, wanderers and poets!” Здесь я решил прибегнуть к иному размеру. Пятистопный стих вносит некое разнообразие в ямбический сонет. Ударение на первый слог (“banished exiles”) придаёт окончательному предложению некоторую энергию, некоторый дух, так как эта строка, в конце концов – резюмирует роль и судьбу Максимилиана Александровича Волошина.

Maximilian Voloshin (b. Kiev 1877 – d. Koktebel (Crimea) 1932)

CORONA ASTRALIS

A Sonnet of Sonnets

0 The Key

Unsteady comets ply the realms of love;
no path assures us of a proven orbit.
Earth cannot dim the radiance of our dreams,
for midnight suns entice and draw us onward.

Our bitter soul's not bathed, alas! in Lethe's
deep oblivion. We're wearied by regrets
and feel the smouldering aches of alien woe –
banished exiles, wanderers and poets!

Some, though seeing, are blinded by the light of day;
some live, yet in dark prisons are forgot;
for some the earth's a sacred land of exile.

Some dream, yet all the while remember names.
All these find in love no union of bliss
but only parting's dismal ecstasies!

1 to *Elizaveta Ivanovna Dmitrieva*

Unsteady comets ply the realms of love;
o'er mountains far the radiant Pleiades
we bear: the fiery balls and crackling heat,
the wandering lights of interstellar storms.

Gloom-struck planets see in us the flaming
sword of retribution o'er the world:
it matters not to us: we set sail for the sun
like Icarus, girt with cloths of wind and fire.

Strange voyagers! We merely graze the sun,
following parabolas into night,
never to return... For blind mutiny

urges on our superb, reckless spirit
to lurid crimson sunsets without end...
No path assures us of a proven orbit!

2

No path assures us of a proven orbit;

the prayer-stream's harmony is rent,
for, raising earthly shrines to earthly gods,
the earth is starved of holy nourishment.

Our vagrant spirit craves the lunacy of dreams;
we are like bees abandoned by the swarm,
or deserters fleeing, Troy behind us,
and before us our ship in flames.

The breath of tempest willy-nilly lures us on;
through maze of paths and choices of divergent roads
we strive. Unforgiving, harsh our journey.

Let thunder dully threaten all our schemes;
let regret and ill assail us on all sides;
earth cannot dim the radiance of our dreams!

3

Earth cannot dim the radiance of our dreams!
Each dawn melts softly in the cloths of heaven,
the hum of morning joins the daytime chorus,
the waning sickle fades and finally goes out;

the grey tide's ripples turn the sheaves of light
to diamonds, scattering them on the sea.
And yet no sun can from the soul eradicate
those nights which from Mount Tabor we espy.

Noonday ecstasies of earthly deserts
do not blind us, neither limpid topazes,
nor flows of pitch, nor flashing gold.

Attired in soul-silk, hieratic vesture
we know the day of never-fading nights, –
for midnight suns entice and draw us onward.

4

Midnight suns entice and draw us onward...
Man's gaze, tenacious, plumbs the starry shafts
and universes course the diamond paths.
Constellations, mists and planets all,

from Sirius to Vega and from Beta
of the Bear to flickering Pleiades,
they plough the heavenly void and bring
all plans, all vows to being in darkness.

O dust of worlds! O swarm of consecrated bees!
I've studied, measured, weighed, accounted,
allotted names, drawn maps and calculated...

Yet none of this could still the terror of the stars.
All is recalled: our ancient, brooding soul's
not bathed, alas! in Lethe's deep oblivion!

5

Alas! Our starry spirit is not bathed
in Lethe's streams of night-forgetfulness.
It has not tasted of the streams of Orcus,
nor made its pledges to the nether world.

The circle's incomplete, the oaths unuttered...
The sapphire-splendid day makes others glad;
streams chuckle in the fields. And yet, blind lights
will'o-the-wisp around us in the gloom.

Reeds rustle; the marsh glimmers luminous.
An aimless wind stirs and wafts to us
the autumn swarm of Persephone's shades.

Achilles fastens a sad gaze on night...
But sadder and more melancholy is
our bitter soul... We're wearied by regret.

6

Our bitter soul -- We're wearied by regret --
Our bitter soul is born from darkness, like the grass;
it conjures ghostly venom that from graveyards seeps;
in it, as in the pyramids' deep vaults, time sleeps.

But neither marble, porphyry, nor granite
can fashion such a crucible as this that spews

lethal lava, flowing for eternity,
subverting us slowly with its ooze.

O sepulchre of Suns! Graveyard of worlds extinct!
The dead Moon's corpse and Saturn's vacant face –
the brain recalls, the heart begins to fill:

So thought germinated 'midst the wreck of stars;
and yet the soul is weary of the wind-blown ash –
we feel the smouldering aches of alien woe!

7

We feel the smouldering aches of alien woe!
Grief undermines us, our candle gutters;
the unfurled banner of all sorrow flutters
listless in the doleful winds.

But even if the fire torment and sear
his singing spirit, choked by serpents' coils,
Laocoön, trapped in their dire embrace,
strains every sinew... and holds his peace.

Nor shall we give up this blissful pain,
this fetter'd pride, these joys of sheer necessity,
nor the hopeless prison cell's hard ecstasy,

for all of Lethe's forgetful relief!
We carry through the world the Grail of Grief,
banished exiles, wanderers and poets!

8

Banished exiles, wanderers and poets, –
some yearned to be, and others came to nothing.
The bird commands its nest, the beast its lair:
the staff of poverty's our sole empire.

Our duties shunned, our vows forsaken,
void the journey. Subject to fate's wrongs
we dream all paths, doubtful of all roads taken.
Spilled the honey; unsung, alas! the songs.

In torn desires some seek to find and know
themselves, shameless to shame, and so
they crawl the waste land in search of water.

And, forced to beg their bread at foreign doors
like vagrant storytellers on life's way,
some, though seeing, are blinded by the light of day.

9

Some, though seeing, are blinded by the light of day –
sense of voices, sound of words, chain of events,
smell of bodies, rustling of the leaves; –
veiled is nature's secret scheme of weft and woof.

Apollo, he who once gave light to men
now gives insight to the blind;
God lies hidden in the crib; the stable, then,
becomes the stage of Christ's nativity.

Night, first Mother, cherishing in her dark womb
the fruit bestowed on her by Miser-Father,
brings gifts to her darling chosen one. –

Some were flung to darkness by the fiery Sun:
to be Fate's blinded playthings was their lot.
Some live, yet in dark prisons are forgot.

10

Some live, yet in dark prisons are forgot,
where they uncover ancient sepulchres:
the Sun-boat, subterranean gods, the pattern
of the earth in fields of wheat and maize.

The oxen plough, the sickle reaps, the ears are flailed.
Rafts float, the wild beast sleeps, the birds build nests –
Thus the holy shroud, unwrapped, reveals
the changing days, a people's destiny.

Without compassion, joy, or tears,
they view the futile agitation of a race,
themselves untroubled by the question "why?"

Strangers they to being, will, desire,
enjoying the repose unknown to those
for whom the earth's a sacred land of exile.

11

For some the earth's a sacred land of exile;
the fields, the rolling plain bring no delight.
To such a man each step, each moment
Summons him to other worlds and other light.

He has intimations as yet unclear,
as if predestined he were to pore
o'er sacred alphabets on ancient stones,
unlearning our inherited conceptual lore.

Priest-apostate, he roams the dusty roads,
himself a god, yet himself mistaking –
and traces telling patterns everywhere.

His like, whom Fate resolves to spare,
meet death, confused, and bow their heads;
they dream, yet all the while remember names.

12

They dream, yet all the while remember names,
these men who hear the grasses' halting speech.
To them the heralds of the coming days are known;
the love-sick wave enchants them with its song.

Those whose soul is blanched by cares of earth,
who, shouldering the harsh restraint of thought,
have lit the candles of the Mysteries,
drawn to contemplate the veil of Isis;

those who never sought delights terrestrial
in priestesses' dance nor Maenads' orgies,
nor crushed the vine into the voluptuous cup;

who, like Orpheus, breaking barriers all,
yet failed to summon from Hades the beloved's kiss:

all these find in love no union of bliss.

13

All these find in love no union of bliss,
renouncing passion's sweet forgetfulness;
nor in caresses do they slake their thirst
nor do they down draughts of deadly wine.

They fear to take upon their necks the yoke
of hope, achievement's weighty piles.
They scorn all ties and snap the living bands
imposed on us by Luna's wiles.

Lone is their grief – and for eternity,
wide and empty like ocean's swell.
They'll not give in; for those who thirst for gall

will choose, when suffering is final,
not the peace of journeys blest
but parting's dismal ecstasies.

14

But parting's dismal ecstasies, our daydreams'
ashes, encounters fraught – this is our lot.
We cannot strut in dark-blue lunar linen.
And keep a shameful silence? We cannot.

To all we whisper empty vows of love;
we flee kind hands to follow dreamers' lodes.
We see no face, it's names that we believe;
weary wanderers on unrewarding roads.

In the gloom on all sides alien gazes
meet us; everywhere are hostile eyes.
No star gives light, no sun gives us its warmth.

Through immense, eternal dark we strive,
our banishment within us bearing.
Unsteady comets ply the realms of love!

1909 tr. GH 2012

Глоссарий – краткий список употребляемых в переводе слов венка сонетов Corona Astralis Максимилиана Волошина

Sonnet 0

ply	travel (as of a ship)
smouldering	тлеющий
woe	painful fate
forgot	forgotten
dismal	мрачный

Sonnet 1

retribution	кара
girt	clothed with a belt
graze	lightly touch
superb	proud
lurid	грозовой

Sonnet 2

rent	torn
craves	hungers for
willy-nilly	nolens volens (Lat.)

Sonnet 3

the cloths of heaven	(from the title of a poem by W.B. Yeats)
espy	see, discern

Sonnet 4

tenacious	цепкий
-----------	--------

Sonnet 5

pledges	promises
nether	lower, subterranean
will-o'-the-wisp	блуждающий огонёк (here used as verb)

Sonnet 6

seeps	просачивается
crucible	тигель
spews	vomits
ooze	slow-flowing liquid

Sonnet 7

gutters	dies (candle)
listless	lacking energy
sear	scorch, burn
dire	fatal
relief	облегчение

Sonnet 8

shunned	rejected
---------	----------

Sonnet 9

weft and woof	texture, уток
---------------	---------------

	prey	добыча
Sonnet 10	holy shroud	плащаница
Sonnet 11	pore	study
	lore	learning
Sonnet 12	harbinger	messenger
Sonnet 13	down	drink
	wiles	tricks
	gall	жёлчь
Sonnet 14	fraught	burdened
	lot	доля
	strut	walk arrogantly
	lodes	рудные жили

▣

© Светлана Ивановна Георгиева
(Одеса)

КАЛЕНДАРНА ОБРЕДНА ТЕРМИНОСИСТЕМА НА БЕСАРАБСКИТЕ БЪЛГАРИ: КУЛТУРНО-ЕЗИКОВА ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Календарните празници като фактор, съдействащ за запазването на етнокултурната идентичност на българите от южните части на Украйна са още слабо проучени, а те са един богат извор за разкриване на българската народна култура, за промените, които тя търпи в обкръжението на други култури. Теренните материали, събрани от съвременните изследователи, частично са въведени в научния оборот. Те засега са фрагментирани.

Етнолингвистиката не е нов дял в езиковедението, но днес, както никога досега, езиковедите проявяват особен интерес към нея. Трудно е да се каже точно на какво се дължи този факт – може би това е своеобразен отговор на предизвикателството на етнологите, които все по-често се опитват да обяснят етнологичните проблеми чрез езика или просто тя увлича с интересните си теми, с широкия диапазон на своя обхват, който излиза извън рамките на езиковедението. Най-вероятно обаче явлението е предизвикано от назрялата необходимост проблемите в хуманитарните науки да се разглеждат комплексно, от различни гледни точки, с надеждата че енциклопедичното изследване ще даде по-точни отговори на възникналите въпроси.

Най-ярка изява на етнолингвистиката са етнолингвистичните речници. В тях обаче се включват сравнително малко материали от българските диаспори. Разбира се, причините за това са обективни. Но същевременно макар и малко като количество, изследванията върху диалектите и културата на българите в Украйна дават възможност да се открият интересни особености. Преди всичко наред с архаичните думи тук се откриват, макар и най-често под формата на спомени, старинни варианти на някои обичаи и обреди от българската култура. Така например в с. Заря, Саратовски район е регистриран народен празник *Сурма Лазар* – неделя след *Лазаровден* // *Лазар'ца*, който се чества в събота една седмица преди Великден. На този ден всъщност тук се извършвало лазаруването, в което са се съхранили персонажите в обряда (вж. по-долу). Запазени са тук и персонажите при обичая *пеперуда-ляда*, които не само в България, но и при другите българи в Украйна вече не се помнят. Все още се честват *Кук'еровд'ен* и старата *Нова година* с характерният за нея обичай *сурваки*. От друга страна интерес представляват празници като *Макав'ей*, *Стипануфд'ен*, *Св. Никола л'ет'ан*, които, под влияние на руснаци и украинци тук са много популярни, а в България не се спазват.

Тези материали разкриват не само общото в културата на българите от диаспорите с тези от митрополията, но и кои елементи от традицията са най-устойчиви. От друга страна вариантите, които понякога съществуват дори в едно село показват не само това, че селото е формирано от преселници от различни краища на България, но и взаимодействието между тях. Проучванията доказват също, че влиянието върху културата е първично, а върху езика – вторично, т.е. езиковата интерференция в областта на културните заемки обикновено е резултат от влияние върху културата на даден народ.

Като се има предвид, че по-голяма част от тези материали не са публикувани, то в речниковите статии трябва подробно да се опишат и много подробности, които отразяват различните нюанси най-вече в обредите, обичаите и нравите, като същевременно се отбележат и фонетичните варианти на названията, и географските им локализации. Този вид речници обикновено са предназначени за широк кръг читатели, поради което не е без значение е и въпросът за представянето на научните интерпретации към всяка речникова статия, а също и за сравненията със ситуацията в България или при другите народи.

Не са по-маловажни и чисто лингвистичните проблеми от рода например на това как да се представят фонетичните варианти, дублетите и синонимите, как да се представят фразеологизмите и изобщо словосъчетанията и т. н. Характерът както на лингвистичния, така и на етнографския материал подсказва и други принципи въпроси, а именно, че речникът може да бъде не просто азбучен, а едно съчетание на тематичен и азбучен, за структурата на речниковата статия, за илюстративния материал и др. под.

Всички тези въпроси се подчиняват на основната цел на речника, която по същество е стремеж да представи комплексно резултатите от

диалектоложките, етноложките и фолклорни изследвания на българите в Украйна.

За сега първата задача е да се съберат и обработят материалите, като това се направи за всяко селище поотделно. Как в общи линии това трябва да стане ще илюстрираме с материал, отнасящ се към темата “Календарни празници” от с. Заря (Камчик), Саратовски район, Одеска област (откъс).

Балабушк'и 1) Народен празник, който се чества на 13. XII и съвпада с черковния празник Св. ап. Андрей Първовенчани. 2) Вид гадаене на Андреевден. 3) Тесто, направено във вид на кръгче в устата, с което се извършва гадаенето. Връзката между трите понятия се разкрива в обяснението на гадаенето, което е основен обичай на този ден: *На Балабушк'и са сб'ирахм'и мум'ич'ита - падрушк'и Зам'исахм'и т'исто Ката ина ут нас з'има уда в устата и пу ино парч'енц'и т'истоГ'истоту гу прайм на кръкч'и На тва кръкч'и му думат балабушкаКажд'ий с'и прайш'и пу ина балабушкаГату са гутов'и г'и тургахм'и на м'итл'ит'и, кажд'ий мум'ич'и тургаиш'и своята балабушка на своята м'итла Сетн'а с'ичк'ит'и вм'есту тургахм'и м'итл'ит'и ду кучитиКвату балабушка куч'иту ша лапн'и п'ервуту, тва мум'ич'и ша са уж'ен'и.*

На този ден се пеели песни, характерни за седенките и хората.

Ен'уфд'ен Народен празник на 7.VII, и същевременно църквата отбелязва рождението на св. Йоан Кръстител. На Е. рано сутрин, преди изгрев слънце, моми и жени, врачки и баячки берат билки, които вият на *ен'овски венец* и през цялата година ги използват за лек. Свиват се толкова китки, колкото са членовете на семейството. Тези билки са натоварени с магическа сила, поради което не само лекуват, но и предпазват от зли духове, притежават свойството да накарат някой да обича или да мрази, поради което са също *омразни* и *любовни*. На този ден се събират също зелени орехи, които се посипват със захар и се заливат с ракия. Смята се, че това е първото лекарство, както за човек, така и за животни, от стомашно-чревни заболявания.

През тази нощ магическа сила придобиват и водите.

Освен това: *Ут гл'ина са прай чул'еч'и – Ен'у. Гу тургат на сухрата п'ир'ид кун'ата. Пуд Ен'у са тургат л'иста ут баб'и зъб'и и с так'ива л'иста гу пукр'иват.*

На Е. се гадае за здраве, женитба и плодородие. Еньовденските гадания се извършват в обичая надпяване на китка. *Са сб'ират мум'и на дугувар'ену м'асту. Ина ут мум'ит'и дув'ида мум'ич'инц'и тъй к'ид'и п'ет гуд'инк'и и гу пр'ипр'ват на Ен'у. Му убл'ичат дълга б'ала р'иза с ракави. Мум'ич'инц'иту драц'и рац'ет'и пуснат'и, а пак в ракав'ит'и мушкат ина дълга пръчка. На главата му връсо:т чарв'ена кръпа и утгор'а тургат в'инок ут цв'ет'ита. На тва мум'ич'инц'и му казват Ен'у. Вс'ака ина мума си носи цв'ет'и, пр'ивръсану с чарв'ену кунч'е. Гату доят ду упр'ед'ил'енуту м'асту, мум'ит'и слагат Ен'у на з'им'ата и тургат ду н'егу в'идро сас св'итена уда, пукр'иту с чарв'ен плат. Вс'ака ина ут мум'ит'и си загадава жилиан'ийе вк'шит'и, гату пр'ивръсва*

к'итката. Мум'ит'и акружават Ен'у в харавод и пускат свойт'и цв'ет'ита фав в'идроту. След това момите пеят и танцуват, а Еню изважда от ведрото по една китка. Всяка си познава китката и гадае по текста на песента, който съвпада с ваденето на нейната китка. Припева на песента се пее от всички моми, а останалите куплети само от една. Куплетите всъщност са вид наричания под формата на гатанки и с известен хумористичен уклон, напр.:

*Зр'ала д'ул'а, н'идузр'ала,
д'ету ит'ала, там пан:ала!*

/пияница/

Припев: *Извад'и, Ен'у, к'итка ен'увука!*

*Шита р'иза, н'идушита
ж'ен'ил'ита на вратата!*

/скоро ще се омъжи /

*Царулан, голан, пр'ес пул'е б'ага,
царул'а с'и ст'ага!*

/годеник-некадърник/

*Пъстра зм'ийа пуд прагъ л'ижи,
с мору: сукну черква м'ит'е!*

/ще се ожени и ще стане работна/ и т. н.

Пеят се и други песни като:

Ой, Ен'у, Ен'у !

*д'ин д'и кул'ету пу пул'ету
на Ен'у пр'асна к'итка,
на мом'ит'и чарв'ена к'итка,
на мумц'ит'и ч'ерн'и калпаци.*

Гадае се и по друг начин. Вечерта преди празника момите откъсват три неразцъфнали цветя от магарешки трън, слагат ги във водата и ги наричат с мъжки имена, които им харесват. Който цвят пръв се разтвори, за момче с такова име ще се омъжи момата.

В края на празника момите заравят куклата от кал на брега на реката и молят дъжд за полята. Цветята хвърлят в реката, та водата да вземе всичко лошо и да им донесе щастие и изпълнение на желанията им...

Представеният материал сам по себе си илюстрира проблемите. Тук трябва да добавим, че всяка от подчертаните думи е обект на представяне в отделна статия. Тук това не се прави, тъй като от една страна това не са статии, дори примерни, а от друга – това не ни позволява ограниченият обем на тази работа. Основната ни цел тук бе да повдигнем въпросите, които трябва да се решават успоредно със събирането на материала. Чрез изнесенния материал искахме да покажем също, че само в едно село могат да се открият доста моменти, които представляват интерес както за етнологите, така и за езиковедите, в частност за диалектолозите и етнолингвистите. Те ясно показват, че етнографските и лингвистични материали от диаспорите допълват не само част от празнините в историята на българската култура, но представата за нас

самите; дават ни възможност да се опознаем по-добре, което от своя страна доказва необходимостта от по-бързото събиране на тези живи старини, който по различни причини са подложени на забравя и дори на пълно изчезване.

© Владимир Иванович Дегтярёв
(Ростов-на-Дону)

**ЗНАЧЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА
(НА ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Каждый язык обладает множеством разнообразных средств для выражения количества – свойства, основанного на дискретности (прерывности), исчисляемости и измеримости материи. Это – имена числительные, специальные количественные и счетные слова, местоимения, наречия, артикли, классификаторы, частицы, приставки и суффиксы, флексии. При всем многообразии и различиях они соотносительны, взаимосвязаны и образуют систему. Морфологическое ядро этой системы составляют парадигмы форм грамматических категорий – числа имен, вида или аспектуальности глаголов, степеней сравнения прилагательных и наречий. Грамматические категории – продукты высокого абстрагирования, обобщения и формализации языковых значений и способов их выражения. От лексики к грамматике, от индивидуальных, лексических значений – к обобщенным и универсальным, грамматическим абстракциям – таков путь развития строя языка. Грамматическая категория числа соответствует высшему уровню вербального, абстрактно-логического мышления и познания, когда категория количества, понятия единичности и множественности абстрагируются от конкретных пересчитываемых предметов, формируется абстрактный счет, появляются числа. В своем становлении и развитии категория числа проходит ряд стадий, характеризуемых возрастанием уровня абстрагирования и формализацией способов и средств языкового выражения количественных отношений. В настоящее время выявлены некоторые общие закономерности развития категории количества в мышлении и в языке [Холодович 1979: 173–195; Панфилов 1982: 227–354]. Это стимулирует реконструкцию древнего состояния категории числа, ее истории, что является задачей сравнительно-исторического языкознания. Но без обращения к типологии сравнительно-исторические исследования замыкаются на внутренних реконструкциях и не продвигаются вглубь, в праязыковое состояние.

Типологические соответствия и параллели служат надежным ориентиром в семантических реконструкциях грамматических категорий, в выявлении

закономерностей их развития и прогнозирования. В истории типологически разных языков можно наблюдать аналогичные или однородные диахронические процессы, что объясняется, с одной стороны, единой мыслительно-логической основой языковой семантики, а с другой стороны – общей, специфически знаковой природой языков.

К таким диахроническим универсалиям относится, например, плюрализация словообразовательных типов имен собирательных. Происхождение форматов мн.ч. из суффиксов имен собирательных как общезыковая закономерность формирования грамматического строя подтверждается историческими материалами индоевропейских [Schmidt 1889], тюркских, монгольских, финно-угорских [Бубрих 1955], тунгусо-маньчжурских [Цинциус 1946: 73], семито-хамитских [Рифтин 1946: 52] и других языков – тех языков, в которых есть хотя бы какие-то признаки грамматического выражения мн.ч.

Грамматический показатель мн.ч. *-t* в прибалтийско-финских и мордовском языках восходит к древнему форманту собирательной множественности. О формах мн.ч. на *-t* Д. В. Бубрих писал следующее: «По происхождению *t*-овое множественное число представляет собой имя с собирательным значением» [1955: 33]. Он и форманты мн.ч. *-n*, *-i*, *-k* возводит к суффиксам собирательности и локальности [там же: 40], хотя его комментатор В. И. Лыткин в цитируемом издании считает, что столь категорически это утверждать нельзя [там же: 177]. Позже Б.А. Серебренников вновь подчеркивает: «...в древности формант *-t* носителями мордовского языка не воспринимался как показатель грамматической категории множественности, так как он выражал собирательную множественность» [Серебренников 1967: 41–42]. Здесь же он проводит аналогию между образованиями этого типа и русскими именами собирательными типа *матросня*, *хулиганье*.

Тюрколог Н. З. Гаджиева, обобщая многочисленные исследования своих предшественников и обогащая их собственными наблюдениями, заключает: «Материал тюркских языков свидетельствует о том, что формально выраженное членимое множество возникло на базе значения собирательности, нерасчлененного множества. В этом направлении и шли основные линии исторического развития» [Гаджиева 1968: 217]. Формантом собирательной множественности исконно, по происхождению, является тюркский суффикс форм мн.ч. *-лар*. На основе первоначального значения формы на *-лар* (неопределенная совокупность) развились все другие значения этого форманта – множественности, интенсивности, приблизительности [Щербак 1977: 94]. Б.А. Серебренников подтверждает мысль Н. З. Гаджиевой на более широком лингвистическом основании: «значение абстрактной множественности обычно развивается из значения собирательной множественности...» [Серебренников 1983: 277].

В. А. Аврорин, исследовавший грамматический строй нанайского языка, свидетельствует: «Сравнительно-исторический подход позволяет без особенного

труда убедительно показать, что морфемы множественного числа существительных в нанайском языке, равно как и некоторые аналогичные морфемы в других тунгусо-маньчжурских языках, в отдаленном прошлом были морфемами деривативного формообразования (собирательного значения)» [Аврорин 1959: 78].

Это, пожалуй, самая характерная универсалия, сближающая совершенно разные, если не все, языки мира, в которых сформировалась грамматическая категория числа.

Праславянский язык-основа вынес из протославянского состояния сформировавшийся флективный строй и грамматические парадигмы словоизменения. Но в древней письменности славянских языков в выражении множеств наряду с грамматическими формами числа участвовали и слова – архаические типы имен собирательных.

Сравнительно-историческое изучение славянских, как и других индоевропейских языков, показывает, что древнейшие типы имен собирательных служили в них лексическими и словообразовательными средствами выражения множественности и функционировали на месте первоначально отсутствовавших грамматических форм множественного числа. Это касается индоевропейского типа имен собирательных неактивного класса на **-ā*, преобразовавшегося в истории индоевропейских языков в окончание мн.ч. среднего рода. В праславянском, а затем и в древних славянских языках, функцию формы мн.ч. выполняли архетипы собирательности женского рода ед.ч. на *-ия* и ед.ч. среднего рода на *-ие*, исторически преобразованные в форманты множественности.

Трансформация имен собирательных в грамматические формы множественного числа означала приведение языкового выражения значения в соответствие с его исконной функцией множественности. Это – общая закономерность развития строя языка, его грамматикализации, формализации способов языкового выражения определенных действительных отношений на основе взаимодействия лексики и грамматики. Вместе с тем это показывает, что имена собирательные в отдаленном прошлом играли активную роль в выражении множественности и в этой роли предшествовали оформлению грамматической категории числа. Типологические соответствия и аналогии убеждают, что **собирательность генетически предшествует грамматическому числу и является базой его формирования.**

Сопоставление фактов разноструктурных языков, выявление универсалий эффективно применяется в объяснении некоторых свойств и особенностей развития грамматического строя, которые в границах одного языка или даже семьи языков не удастся обосновать сколько-нибудь надежно. Установлено, например, что в древних индоевропейских языках имена собирательные, выражавшие совокупности лиц, в роли подлежащего требовали согласования формы простого глагольного сказуемого во множественном числе, а выражавшие совокупности животных и неодушевленных предметов

отличались согласованием глагола только в единственном числе. В таком соотношении оказались в древних славянских языках типы имен собирательных на *-ия* и *-ие*. Первые (названия лиц типа *братия*) принимали глагольное сказуемое во мн.ч., вторые (названия неодушевленных предметов, как *камене* или *листвие*) – только в ед. ч. Очевидно, что это различие отражает то архаическое состояние грамматического строя языка, для которого актуальным было противопоставление лиц и нелюдей. Такое противопоставление определенным образом отражено и в склонении имен существительных в древних индоевропейских языках, в частности в различии форм именительного – винительного падежей мужского и женского рода, с одной стороны, и среднего рода – с другой. В древнегреческом склонении флективно разграничены в формах именительного – винительного падежей два рода – одушевленный, объединяющий мужской и женский, и неодушевленный, т. е. средний род, который исконно принадлежит именам вещей.

Указанное различие тем или иным образом отражено в грамматических системах разных языков. На нем основываются номинальные классификации. Так, в классных системах восточнокавказских языков четко противопоставлены личные – классы разумных существ (мужчин и женщин) и вещные – классы животных, вещей и отвлеченных понятий. В африканских языках банту, сохранивших систему грамматических классов в наиболее стройном и целостном виде, например, в суахили, первый из восьми классов составляют названия людей, противопоставляемые другим классам.

Противопоставление лиц и нелюдей определенным образом выражается и в отношении имен существительных к категории числа. В языках формоизолирующего строя в соответствии с их структурными особенностями нет словоизменяемых форм числа, подобных индоевропейским или тюркским, т. е. в общем флективным и агглютинативным. Считается, в частности, что в китайском языке отсутствует грамматическая категория числа. Однако имена существительные, называющие лица, а также личные местоимения имеют морфологизованное средство выражения множественности – агглютинативный суффикс *-мэнь* или *-мынь*, например: *жэнь* «человек / люди» - *жэньмэнь* или *жэньмынь* «люди», *хайцзы* «ребенок» - *хайцзымэнь* «дети», *во* «я» - *вомэнь* «мы», *ни* «ты» - *нимэнь* «вы». Суффикс *-мэнь* (*-мынь*) – показатель коллективной множественности личных местоимений и существительных-названий лиц.

По наблюдениям В. М. Солнцева, суффикс *-мэнь* (*-мынь*) используется регулярно, когда речь идет о совокупности конкретных лиц, а не о множестве лиц вообще [Солнцев 1957: 78]. Это последнее значение может быть выражено абсолютной формой существительного, равной основе. Есть и другие ограничения в образовании форм на *-мэнь*: если количество лиц не уточняется какими-либо другими средствами и если существительное без указанного суффикса не обязательно обозначает единичность [Коротков 1968: 274–275]. Но это говорит лишь о факультативности формы множественного числа в

китайском языке. Различие между названиями лиц и нелиц здесь проявляется в особых, противопоставленных сериях словообразовательных суффиксов и в синтаксических свойствах слов в предложении [Драгунов 1952: 52]. Во вьетнамском языке названия лиц характеризуются особой системой классификаторов, которая строится на иных основаниях по сравнению с классификацией животных и предметов [Быстров, Нгуен Тай Кай, Станкевич 1957: 108–116]. Вьетнамские имена существительные определенно различаются в плане выражения количественных понятий в зависимости от того, что они обозначают – лица или предметы.

Различие типов или классов имен существительных в отношении к числу – явление, распространенное в самых различных языках. Раньше других это заметил В. Вундт, обративший внимание на факты центрально- и южноамериканских языков, в которых формант мн.ч. принимают только имена существительные активного (высшего) класса (названия богов и людей), тогда как у имен низшего, предметного класса число выражается чистой основой, при этом основа имеет значения как единичности, так и множественности. Это, как полагал Вундт, связано с другим явлением, свойственным примитивному мышлению, а именно с тем, что множество мыслится вообще не как сумма отдельных объектов, а как собирательное целое [Wundt 1912: 32, 37].

В современном японском языке грамматическая категория числа представлена реляционными формами так называемого репрезентативного (по А. Холодовичу) множественного числа и (только у местоимений) формами со значением обычного единственного и множественного числа. Показатели множественности – служебные слова *тати*, *ра*, *гата*, *домо*, обычно относимые грамматистами к деривационным суффиксам, присоединяются только к одушевленным существительным – названиям лиц и животных, а также к личным и некоторым указательным местоимениям [Алпатов 1975].

В некоторых папуасских языках (Новая Гвинея и Папуа), в частности в языках маринд и кате, «имена, обозначающие неодушевленные предметы, вообще не имеют грамматически выраженной категории числа и сопровождаются глаголом в форме единственного числа» [Леонтьев 1974: 64], хотя это языки с яркими чертами агглютинации и разнообразными средствами выражения количественных значений.

В тамильском языке, одном из четырнадцати официальных языков Индии (распространен главным образом в штате Мадрас, на Цейлоне, в Малайзии) имена существительные делятся по лексическому значению на два разряда – высший (названия разумных существ) и низший (названия животных, неодушевленных предметов и отвлеченных понятий). Существительные высшего разряда относятся к мужскому или женскому роду, а существительные низшего разряда – к среднему роду. Формы множественного числа с помощью суффиксов образуют имена существительные всех трех родов, но регулярно – только имена мужского и женского рода, тогда как у существительных среднего

рода множественное число «часто остается невыраженным (особенно в классическом и современном разговорном языке)» [Андронов 1966: 58].

В маньчжурском языке имена и глаголы обычно не изменяются по числам, количественные значения подлежащего и сказуемого определяются общим смыслом речи, контекстом. Но этнонимы, названия людей по признакам родства, званиям, состоянию, возрасту и т.п., а также соотносительные с ними личные и указательные местоимения присоединяют морфемы множественного числа *-са, -сэ, -си, -со, -та, -тэ, -ри* и собирательные обобщающие слова со значением рода или класса предметов [Захаров, 1879: 120], например: *манзу* – мн.ч. *манзу-са* «маньчжуры», *солхо* – мн.ч. *солхо-со* «корейцы» и т.п. В.И. Цинциус и Н.И. Летягина отмечают, что образование множественного числа у названий людей, в частности в группах терминов родства и свойства, имеет свои особенности в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [1978: 215]. Так, по данным Ц.Б. Цыдендамбаева, «...наиболее древние суффиксы множественности, по крайней мере в бурятском языке, связаны с обозначением лица» [1979: 34].

Категория числа может быть выражена в неодинаковом объеме в зависимости от типа лексического значения имени существительного. Так, в чукотском языке (инкорпорирующем с агглютинацией префиксально-суффиксального типа) полную падежную парадигму форм множественного числа имеют только имена лиц, у остальных существительных формы множественного числа в косвенных падежах отсутствуют [Скорик 1961: 140].

Тип лексического значения имени существительного (деление на классы лиц и нелюдей) оказывает влияние и на форму числа согласуемого сказуемого. В грамматической организации фразы может быть осознана избыточность выражения противопоставления по числу одновременно в существительном и глаголе, достаточно выразить число только в одном каком-то члене предикативного отношения. Чаще всего числовые противопоставления нейтрализуются в глаголе, но названия лиц в этом отношении занимают особое положение. В тюркских языках глагол в составе предикативного отношения согласуется в числе обычно с одушевленными существительными.

Таким образом, различие в формах согласования глагольного сказуемого с подлежащим, выраженным именем собирательным, в зависимости от типа значения подлежащего связано с древнейшим противопоставлением лиц и вещей, включая и животных. Первые (лица) исконно могли быть активными субъектами действия, а вторые (вещи) большей частью служили объектом воздействия. Согласование во множественном числе проявляет особый характер осмысления совокупности: множество лиц, выражаемое именем собирательным, которое до образования грамматических форм множественного числа выполняло их функции, мыслилось расчлененно-индивидуализированно. Это подчеркивает значительность каждого отдельного индивида, входящего в совокупное множество. Согласование в единственном числе соответствует целостному, недифференцированному представлению совокупности, в которой на единице внимание не останавливается, так как различия единиц в мышлении

нивелированы. Вместе с тем как грамматическое свойство имен собирательных, согласование в числе возможно потому, что имена собирательные выполняли в древних индоевропейских языках функцию выражения множественного числа и образование имен собирательных предшествовало формированию грамматической категории множественного числа. Различие форм числа глагольного сказуемого при подлежащем – имени собирательном в древних славянских языках – реликт прошлого, отражение в сознании, в мировидении человека активности и пассивности.

Материальная основа категория числа для всех языков едина – это отражение в сознании количественных отношений и прежде всего противопоставление единичности и множественности предметов и явлений материального мира. Однако не только системы средств выражения количественных значений, но и семантические структуры грамматической категории числа в разноструктурных языках не одинаковы. Во многих языках мира имена существительные не имеют грамматически противопоставленных форм единственного и множественного числа, слово, взятое вне контекста, в своей словарной форме, нейтрально в отношении количества обозначаемого и потому оно может быть введено в речь то в значении единичности, то в значении множественности в зависимости от ситуации и действительного смысла.

Но и в тех языках, где нет изменения форм по числам и, следовательно, отсутствует грамматическая категория числа, как правило, имеются определенные грамматические или грамматикализованные средства для выражения понятия множественности. Так, в кхмерском языке, по данным Ю.А. Горгониева, значение множественного числа существительного выражается соединением имени с количественным модификатором, который достаточно формализован в данной функции и, следовательно, может считаться грамматическим средством образования типологически своеобразной формы множественности. В литературном кхмерском языке служебное слово *тэангла:й*, сочетаясь с исчисляемыми существительными, выражает неопределенное множество без каких-либо иных смысловых оттенков, например: *ко:н* «ребенок» / «дети» - мн..ч. *ко:н тэангла:й* «дети». Групповая множественность выражается служебным словом *пуЖ*, утратившим этимологическое значение «группа» [Горгониев 1966: 118]. В бирманском языке, тоже не имеющем грамматической категории числа, формы множественного числа образуются факультативно с помощью служебных слов *тоу 1*, *мйа 3*, *твэй 2*, синонимичных в значении множественности, но различающихся употреблением в разных формах языка – разговорной или литературной [Мазо 1978: 38]. Нет грамматической категории числа в полинезийских языках, в частности в языках восточной ветви – таитянском, маорийском, гавайском, но и здесь значение множественности выражается синтаксически – специальными частицами множественного числа, словами собирательных значений. В таитянском языке частица *таи* перед существительным обозначает неопределенное, неограниченное множество предметов, например: *e fare* «дом» – *e mau fare* «дома» [Аракин 1981: 34].

Таким образом, маркируются обычно формы для выражения множественного числа. Словарные формы с невыраженным числовым противопоставлением обозначают, как правило, предмет или предметы как тип (класс). В китайском, кхмерском, вьетнамском, бирманском языках существительное без количественных показателей выражает неопределенное количество, которое скорее воспринимается как тип, совокупность предметов данного типа. Как отмечает А. А. Драгунов, в китайском языке любое существительное обозначает «не отдельный индивидуальный предмет, а некую совокупность однородных предметов – предмет, взятый как «класс» [1952: 44].

В языках австронезийской семьи, по свидетельству В.Д. Аракина, существительное в словарной форме выражает некую коллективную множественность, совокупность, класс предметов или лиц; например, самоанское *tagata* соответствует русским *человек / люди* [Аракин 1973: 32–33]. В индонезийском языке всякое отдельно взятое слово с предметным значением обозначает одновременно и весь класс или род предметов, воспринимаемых в единстве, и отдельных его представителей, например: *bunga* «цветы» (класс) и «цветок» [Алиева и др. 1972: 201].

В японском языке словарная форма *гиси* «инженер» / «инженеры» в количественном отношении нейтральна, однако в сочетании с реляционным показателем множественного числа *тати* она выражает понятия абстрактной множественности «инженеры» и репрезентативной множественности «инженер и относящиеся к нему другие лица». В корейском языке, как отмечает А. А. Холодович, существительное в словарной форме «не выражает ни единичности, ни множественности», вне конкретной обстановки слово называет предмет как тип без указания на его количество» [Холодович 1954: 51]. То же характерно и для тунгусо-маньчжурских языков.

В языках синтетическо-агглютинативного строя, как тюркские, обладающие грамматической категорией числа, форма, выражающая множественность, специально маркируется суффиксом множественного числа, а противоположная, соотносительная с ней форма не имеет показателя числа, т. е. представляет слово в его словарном виде. Абсолютная форма слова с нулевым показателем грамматического значения выражает общее значение числа, соответствующее то единичности, то множественности. По свидетельству А.Н. Кононова, в турецком языке существительное без форманта множественного числа *-lar/-ler* «выражает одновременно весь класс, род существ, предметов в целом, а также и отдельных представителей данного класса, рода» [Кононов 1956: 67]. Сказуемое может быть согласовано в числе с подлежащим, имеющим маркированную форму множественного числа, если подлежащее выражает определенное множество, чаще всего лиц, выделенных из класса или совокупности. В абхазо-адыгских языках полисинтетическо-агглютинативного типа имя существительное в абсолютной форме, равной основе, также выражает общее значение числа, конкретизируемое формой согласования глагола.

Сказуемое принимает форму единственного или множественного числа в зависимости от действительного смысла подлежащего, например, кабардинское *Фызым желэ* (ед.ч.) «женщина говорит» - *Фызым жалэ* «женщины говорят» [Кумахов 1971:7].

Оформление в числе сказуемого показывает, что категория числа в синтетическо-агглютинативных и полисинтетическо-агглютинативных языках имеет грамматический характер. Но при очевидном структурно-типологическом различии синтетическо-агглютинативных языков, сформировавших грамматическую парадигму форм единственного и множественного числа, и аналитическо-агглютинативных языков, развивших лишь некоторые грамматизованные средства выражения множественности, нельзя не заметить однотипности, генетического тождества числовых значений в исходных формах имен существительных этих языков. Это свидетельствует о том, что имя существительное любого языка в своей исходной, номинативной форме предназначено для называния, обозначения предмета или явления независимо от его количественной стороны. Номинативно-знаковая функция слова первична, выражение числовых значений в номинативной форме является побочной, вторичной его функцией. Становится понятной одна особенность значения форм единственного числа по отношению к формам множественного в языках синтетическо-флективного строя, например, в русском: ед.ч. *стена* и мн.ч. *стены* образуют эквиполентную оппозицию в равной мере выраженных грамматических значений, тем не менее форма единственного числа, по общему мнению, воспринимается как слабый член оппозиции. Причина этого в том, что форма множественного числа специально предназначена для выражения числового значения, тогда как в форме единственного числа количественный аспект предметно-логического содержания слова отнесен на второй план, скрыт за номинативной предназначенностью слова. Из этого же следует, что грамматические формы единственного и множественного числа в языках флективного строя соотносительны как формы словоизменения, а не словообразования.

Очевидно, что слово в том или ином контексте или ситуации может выражать число, не имея специальных показателей числового значения. Грамматическая категория числа в языках различных типов сложилась позже лексико-семантической, понятийной категории количественности. Грамматическому выражению числовых оппозиций, образованию грамматических форм числа предшествовало такое состояние, когда слово в своей номинативной, абсолютной форме наряду с номинацией выражало и количество обозначаемых предметов. Само по себе слово – архаическое, дограмматическое средство выражения количества.

Строй праиндоевропейского языка-основы на древнейшем этапе его развития характеризовался отсутствием грамматической категории числа, в частности грамматических форм множественности. И. М. Тронский писал: «Множественность, выражаемая в индоевропейских языках одной лишь

флексией, – сравнительно молодая категория, которой в дофлективном состоянии индоевропейских языков могла предшествовать только собирательность» [Тронский 1946: 62]. Действительно, множественность, выражаемая лексически, и есть собирательность. По мысли И. М. Тронского, «мы имеем все основания доводить дальнюю реконструкцию до эпохи, предшествующей возникновению флексии» [Тронский 1967: 50]. В дофлективном состоянии языка-основы количественные отношения выражались лексическими и словообразовательными средствами, слово в своей неизменяемой форме, равной корню или основе, совмещало значения единичности и множественности. Но и праиндоевропейская флексия, видимо, не сразу была приспособлена к выражению количественных значений, а применялась сначала для выражения падежно-синтаксических отношений в предложении. Предполагается, что праиндоевропейские окончания именительного падежа – множественного числа **-es* и единственного числа **-s* восходят к общему исходному архетипу: окончание ед.ч. **-s* возникло из окончания мн.ч. **-es*. Значит, формы именительного падежа не различались по числу. В хеттском языке индоевропейские окончания родительного падежа **-es/-os* (ед.ч.) и **-om* (мн.ч.) выражают падежное значение без различия в числе: «Первое из них в виде *-as* стало нормой, второе – в виде *-an* – употребляется в отдельных случаях в древнейших памятниках (также в значении как единственного, так и множественного числа)» [Савченко 1974: 16]. Считается, что это явление древнее, восходящее к праязыковому состоянию. В косвенных падежах формы числа первоначально, по-видимому, не различались. На это указывает общность окончаний генитива, аблатива и инструменталя в формах единственного и множественного числа в хеттском языке, отражающая праиндоевропейское состояние. Следовательно, дальняя реконструкция может установить наличие общего числа в праиндоевропейском языке-основе.

Некоторые признаки значения общего числа, предполагаемого нами для древнейшего, начального этапа развития праславянского языка, обнаруживаются при сравнительно-историческом анализе фактов древних славянских языков, правда, лишь в отдельных праиндоевропейских основах или словообразовательных типах. Идея общего числа предоставляет возможность объяснить происхождение некоторых праславянских грамматических форм, определить их место в эволюции грамматической категории числа. Так, слав. мн.ч. **děti* во всех древних славянских языках соотносится с ед.ч. **dětę*, но это соотношение не исконно: форма единственного числа образована хотя и в праславянский период, но позже формы множественного числа по образцу названий детенышей на **-ent-*. Более древняя форма мн.ч. **děti* предполагает форму ед.ч. **dětъ* «питаемое, вскармливается грудью» (от и.-е. основы **dhēi(-t-)* «вскармливать», «питать»). Очевидно, форма **dětъ* совмещала значения единичности и множественности. В собирательном значении соответствующая форма была употребительна в древнесербском языке: **дѣтъ** «дети», единичное

понятие выражают польское (силезское) *zecz*, чешское (моравское) *děť* (муж. р.) «дитя», «ребенок».

Слав. мн.ч. **ljudyje* образовано от ед.ч. **ljudy* «народ», «люди» / «человек». Сравнение с готским *liudan* «расти» указывает на первоначальное значение основы – «народившиеся». Исходная праформа **lēudis* находит соответствия в литовском *liūdis* (ед. ч.) «народ», «люди», латышском *laudis* (мн.ч.) «то же», но в прусском ей соответствует форма со значением единичности *ludis* «человек», ср. также бургунд. (вост.-герм.) *leudis* «свободный человек (муж)». Очевидно, что праслав. **ljudy* имело значение общего числа. От формы со значением единичности образована современная форма множественного числа.

Др.-русс. (праслав.) *gospoda* тоже выражало и единичность («госпожа», «господин»), и собирательность («господа»), см. об этом [Дегтярев 2007: 49–51].

Видимо, значения единичности и совокупной множественности совмещали первоначально древние славянские этнонимы на **-ā* и на **-ŷ*, усвоенные у других народов, например, название финского племени собир. *ливь* «ливь», ср. латыш. *libis* «ливь» (в значении единичного лица), собир. *весь* или *угра*, переосмысленные топонимы и гидронимы – *морава*, *печера*, *югра* и т.п. Сингулятивы от этнонимов типа др.-русс. *русинь*, *угринь*, *чудинь*, *ливинь* производны и, следовательно, более поздние.

Факты индоевропейских языков, которые можно было бы отнести к исследуемой теме, не собраны. Идея общего числа в праиндоевропейском языке проблематична. Но несомненно, что привлечение типологических данных усиливает возможности сравнительно-исторического изучения и реконструкции грамматической категории числа.

Литература

Авrorин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Алиева Н. Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х. Грамматика индонезийского языка. – М.: Наука, 1972.

Алпатов В. М. О показателях множественности и категории числа в современном японском языке // Японское языкознание. – М.: Наука, 1979.

Андронов М. С. Грамматика тамильского языка. – М.: Наука, 1966.

Аракин В. Д. Таитянский язык. – М.: Наука, 1981.

Аракин В. Д. Самоанский язык. – М.: Наука, 1973.

Быстров И. С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н.В. Грамматика вьетнамского языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Гаджиева Н. З. О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса (на материале тюркских языков // Вопросы языкознания, 1968, № 3. – С. 19-30.

- Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. – М.: Наука, 1966.
- Дегтярев В. И. Диахроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. – Ростов-на-Дону, 2007.
- Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Захаров И. Грамматика маньчжурского языка. – СПб., 1879.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. – М.: Наука, 1968.
- Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков. – М.: Наука, 1971.
- Леонтьев А. А. Папуасские языки. – М.: Наука, 1974.
- Мазо В. Д. Группа существительного в бирманском языке. – М.: Наука, 1978.
- Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982.
- Рифтин А. П. Из истории множественного числа // Ученые записки ЛГУ, № 69. Серия филол. наук. Вып. 10, 1946. – С. 37-53.
- Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М.: Высшая школа, 1974.
- Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. I. Фонетика и морфология именных частей речи. – М.; Л.: Наука, 1961.
- Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. – М., 1995.
- Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. – М.: Изд-во ИМО, 1957.
- Тронский И. М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филол. наук. Вып. 10, 1946. – С. 54 – 72.
- Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. – Л.: Наука, 1967.
- Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке / А.А. Холодович. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. – С. 173-195.
- Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1954.
- Цинциус В. И., Летягина Н. И. К истории форм множественности в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Сб. ст. – Л.: Наука, 1978. – 271 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977.

© Алексей Александрович Дудин
(Рязань)

**ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
КОММЕНТАРИИ К «СКАЗАНИЮ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ...»
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА**

«Серебряный век» русской поэзии оставил нам множество сложных текстов. Среди них — «Сказание о Евпатии Коловрате...» молодого Есенина. В докладе дан комментарий к нескольким диалектным словам из есенинской поэмы.

1. На узёмном *погорелище* // За Коломной бабы хныкают. // В хомутах и наколодниках // Повели мужей татаровья. В одной известной работе о есенинских неологизмах (Шеронова, 1967) слово *погорелище* признано новообразованием по аналогии с непродуктивной моделью. Но если опираться не только на русские словари, то очевидно, что — старое отглагольное *poten loci* со значением ‘место, где произошел пожар, остатки сгоревшего; пожарище’, по-видимому, праслав. *pogorēlišče (сербохорв., словен., слвц. стар., польск, ст.-укр., диал. полесск., ст.-блр., ст.-русс., русск. диал., русск. [Пастернак, Вс. Иванов и др.]). Впрочем, единственная известная нам фиксация в старорусских текстах ненадежна в том отношении, что передает в переводном тексте польск. *pogorzelisko* («Двор цесаря турецкого» Старовольского в пер. Лызлова). Есенинское *погорелище* — диалектное слово, не отмеченное словарями и слабо засвидетельствованное специальной литературой (только подмосковная фиксация в знач. ‘выжженное, выгоревшее место в лесу’, А. Ф. Войтенко)

2. Не *кухта* в бору замешкалась // И не лышник чешет бороду, // Ходит Спасе, Спас-угодниче // Со опущенной головушкой. Литературовед П. Ф. Юшин толковал (по Далю) слово *кухта* как «косматый иней на деревьях» и считал почему-то, что оно было хорошо известно в рязанском Константинове (хотя у Даля с пометой *сиб.*). В комментарии последнего акад. собр. соч. Есенина дается значение «туман, изморозь», свойственное (случайно или нет) олонечким говорам (см. СРНГ). Не исключено, что Есенин мог узнать северное слово *кухта* — ‘туман’, ‘изморозь’ — от «олонечского крестьянина» Николая Клюева, как было со словом *пелегать* (*пелеганец*), но это кажется нам маловероятным. По нашему мнению, *кухта́* — местное рязанское слово, обозначающее беспалого или безрукого человека и продолжающее возможное праслав. *кукѣта или *кикѣта (это и др. возможные этимол. решения: А. Е. Аникин, RL, 16, № 2/3).

Поблизости от Константинова зафиксирована форма без диссимилиации *куктá* ‘беспалый человек’ (1902 г.); также ряз. *кухта* ‘рука без кисти’ (сказка о Безручке в записи Худякова, сб. 1860 г.).

3. *Не облыжники пеняются*, // *Не кусомни-поминуш(ни)ки*, — // *Сходилися товарищи* // *Свет хороброго Евпатия*. В комментарии акад. собр. соч. парному слову *кусомни-поминушники* придается значение лица: *кусомня* (или *кусомень*) — от «кусомничать» (побираться, просить куски); *поминушник* — участник поминок. По нашему мнению, второй стих отрицательного сравнения имеет иное значение, синонимичное стиху «Сказания...» *не изюм-кутья поминная*. *Кусомни* — аномальная, судя по всему, форма мн. ч. русск. диал. (праслав. **kǫsmę/*kǫsmęnъ*, производное с суф. *-ten-* от гл. **kǫsati*; ЭССЯ). Рязанская запись слова *кусомень* нам не известна, но, напр., в тамб. говорах *кусьмѣнь* — ‘кусочек хлеба’ (Словарь тамб. гов., 2002). Слово *поминушник*, по-видимому, возникло в результате эмендации. Диминутив же *поминушка* обозначает поминальное изделие из теста; ср. ворон. *поминушка* ‘грנדельки, оладьи и т. п., которые разносят в церкви после поминовения умершего’ (1905 г., СРНГ).

© Ирина Вадимівна Єфименко
(Київ)

СУДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Славянская судостроительная лексика, наряду с географической, земледельческой, ремесленной и торговой терминологией, отражающая одну из важнейших сфер материальной культуры, на сегодняшний день в полной мере не описана. Одним из немногочисленных примеров обобщающего исследования древних терминологических систем может служить фундаментальный труд О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках», где этимологически была интерпретирована лексика ремесленной деятельности, в том числе и судостроительная терминология, привлекавшаяся, однако, sporadически¹.

Лакуна, образовавшаяся таким образом в изучении указанного терминологического розряда, побудила нас обратиться к украинской (общенародной и диалектной) лексике, связанной с судостроением на Нижнем Днепре.

Как известно, с давних времен Днепр, являясь естественным коммуникационным путём для внутренних и внешних торговых сношений,

¹ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966. С. 229–235.

играл важную роль в коллонизации земель, ставших впоследствии одной из основных территорий проживания восточных славян. Поднепровье же всегда славилось своей давней культурой судоходства и судостроения. Достаточно развитое в княжеский период судостроение этого края после монголо-татарского нашествия надолго пришло в упадок. Однако с появлением запорожского казачества, значение которого для Поднепровья сложно переоценить, судоходные и судостроительные традиции поднепровских славян возрождаются.

Выбор для исследования обозначенной территории обусловлен наличием богатой и своеобразной судостроительной терминологии, естественным образом отражающей происходившие тут культурно-исторические и социально-политические процессы. Фактический материал отобран прежде всего из лексикографических источников², полностью или частично представляющих нижнеподнепровский говор как составную часть степных говоров юго-восточного наречия украинского языка и охватывающих часть современной Днепропетровской, современные Запорожскую и Херсонские области (бывшие Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии). Также нами использованы материалы из произведений отечественных этнографов, историков и литераторов XIX – нач. XX вв.³

Возвращаясь к предмету анализа – нижнеподнепровской судостроительной терминологии, а именно, семантической группе ‘названия судов’, заметим, что по свидетельству исследователей, суда строились чаще в верховьях Днепра (местности, богатой лесом), откуда преимущественно и приходили их названия⁴, связанные, главным образом, с особенностями конструкции, способом и материалом изготовления, родом перевозимого груза. Поэтому основной массив изучаемой группы лексики – славянского происхождения.

Разумеется, в анализируемой судостроительной лексике имеется определенный процент заимствований. В основном это достаточно поздние образования, привнесенные из западноевропейских языков: начиная с XIV в. (*барка*) и заканчивая новообразованиями XX в. (*моторка*). Подавляющее большинство заимствований вошло в реестр этимологических словарей с общепринятым толкованием. Речь идет о корабельных терминах, принадлежащих к языкам германской группы: *kátir* ‘катер’ (Чабаненко 2, 155) и *шкунa* ‘вид мореходного судна’ (Афанасьев-Чужбинский 1861: 406) – из английского языка (ЕСУМ 2, 404; 6, 498); *мотóрка* ‘катер, какое-либо

---

² См. список источников в конце статьи.

³ См.: Поездка в Южную Россию А. Афанасьева-Чужбинского. Т. I: Очерки Днепра. СПб., 1861; *Эварницкий-Яворницкий Д. И.* Вольности запорожских козаковъ. Историко-топографический очеркъ. СПб., 1890; *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. I.

⁴ *Никулина Н. П.* Профессиональная лексика лоцманов Днепровских порогов. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Днепропетровск, 1973.

небольшое речное судно' (Чабаненко 2, 293) – из немецкого языка (ЕСУМ 3, 522); романской группы: *галірка* 'небольшая галера' (Чабаненко 1, 218; Яворницький 1, 133) – из итальянского языка (ЕСУМ 1, 459); *люнтра* 'узкая длинная лодка' (Чабаненко 2, 263) – из румынского языка (ЕСУМ 3, 263); *шалáнда* – вид речного беспалубного судна (Афанасьев-Чужбинский 1861: 407) – из французского (ЕСУМ 6, 369).

Следует отметить, что некоторые из заимствованных корабельных терминов, засвидетельствованных на Нижнем Днепре, однозначной этимологии не имеют. К таким названиям относится, в частности, термин *бáрка* – вид речного судна (Афанасьев-Чужбинский 1861: 79, 87 и др.), для которого предлагаются разные источники заимствования – скандинавские (Черных I, 75); немецкий (ЕСУМ 1, 144; Шанский I, 45); французский, немецкий, итальянский языки (Фасмер I, 127).

В нижнеднепровской судостроительной терминологии также прослеживаются незначительные вкрапления из угро-финских языков, например, *ла́йба* 'разновидность речного судна' (Чабаненко 2, 241), 'вид большого парусного судна' (Нікуліна 1973: 100–101), 'деревянное беспалубное несамоходное грузовое судно барочного типа, использовавшееся на Днепре' (ВМС 216) < фин. *lajva* 'лодка, судно' (Фасмер II, 540)⁵ и тюркских языков, например, *каюк* 'судно' (Яворницький 1, 343), 'душегубка' (Кашченко 1917: 21) < тур. *kaúk* 'лодка', крым.-тат. *kajúk* 'то же' (ЕСУМ 2, 412).

В связи с заимствованиями чуть подробнее остановимся на корабельном термине *требака*, часто встречающимся в «Очерках Днепра» известного этнографа А. С. Афанасьева-Чужбинского и обозначающим мореходное прибрежное каботажное судно, перевозившее, в основном, зерновой хлеб, а иногда лес, сало и др. товары. Как отмечает исследователь, это судно плавало по Днепру, а также по разным портам Черного и Азовского морей и строилось на местных верфях (Афанасьев-Чужбинский 1861: 183 и др.). В литературе, посвященной истории судоходства и судостроения, *требака* толкуется как 'двухмачтовое грузовое судно' (преимущественно предназначенное для перевозки хлебных грузов с низовых днепровских пристаней в Одессу; Боголюбов II, 569), 'парусное грузовое и рыбацье судно на Средиземном, Азовском и Черном морях' (Данкир). Очевидно, как вариант фонетически модифицированный, следует расценивать укр. *трамбáк* 'небольшое парусное каботажное судно на Азовском море' (ЕСУМ 5, 617) и русск. (локализовано на побережье Азовского моря) *трамбáк* 'требака, небольшое полубереговое судно' (Даль IV, 426).

Отметим, что за пределами Черноморского бассейна у восточных славян рассматриваемый термин не засвидетельствован. В «Этимологическом словаре украинского языка» он квалифицируются как неясный (ЕСУМ 5, 617), а в

---

⁵ Для этого термина не исключают также балтийское происхождение, см.: Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. С. 144.

реестрах этимологических словарей других славянских языков вообще отсутствует. При этом в нелингвистических источниках высказывается предположение о его заимствовании из итальянского языка, в частности, о связи с итал. *trabàccolo* ‘рыбачья (парусная) лодка’⁶.

Действительно, в итальянских лексиконах зафиксировано слово *trabàccolo* ‘маленькая парусная лодка, применяемая для рыбной ловли и торговли’ (Mestica 1932), ‘двухмачтовое судно’ (СИР 750), ‘люгер’⁷ (ИРС 886), по всей вероятности, восходящее к лат. *trabs, trābis, trabes* ‘бревно, лесоматериалы’, ‘дерево; любой предмет, сделанный из бревен или лесоматериалов’ (Lewis, Short 1882). Семантика приведенных латинских лексем чётко указывает на материал и отчасти на технологию изготовления плавсредства. Показательным в этом плане является родственное лат. *trabīca* ‘судно, сделанное из брусьев (бревен), связанных вместе, плот’ (Lewis, Short 1882). На словообразовательном уровне исследуемый корабельный термин соотносится также с, несомненно, родственными итал. *trabacca, trabacco* ‘палатка, шатёр’ (СИР 750), ‘палатка, шалаш, барак’ (ИРС 886), современные значения которых могут быть вторичными, а сами лексемы перенесены из сферы судостроительной терминологии, где могли обозначать плавсредство (например, плот) с каким-либо навесом.

Скорее всего, судостроительные термины *требака* и *трамбак* – адаптированные на украинской языковой почве заимствования из романских языков, пришедшие на территорию Нижнего Поднепровья вместе с самой реальей (через Черное море) из стран Средиземноморского бассейна. В пользу высказанного предположения свидетельствуют также названия судов, зафиксированные у южных славян, в частности, слов. *trabákul, trabákula* ‘далматинская или истрийская лодка с двумя мачтами’ (SSKJ V, 133).

Особый интерес, всё же, для нас представляет наиболее многочисленная группа нижнеднепровской судостроительной лексики – исконнославянские названия судов, среди которых прослеживаются как давние образования, восходящие к праславянскому лексическому фонду, так и поздние, возникшие уже на украинской языковой почве. С точки зрения типологии номинации отобранный материал весьма разнообразен и имеет различную степень этимологической прозрачности. Для полноты картины мы приводим его весь.

Брянка ‘один из типов большой лодки’ (Чабаненко 1, 108). Одноименное судно засвидетельствовано также в русских лексикографических источниках как ‘днепровская барка ...’ (Даль I, 134). В справочной литературе определяется как ‘один из видов барок, плавающих по Днепру’ (Брокгауз, Эфрон VIII, 813). По

---

⁶ См. различные интернет-форумы, посвящённые судоходству и судостроению.

⁷ Небольшое двух- или трёхмачтовое парусное судно (СИР 398).

всей видимости, исконное днепровское название, известное с XIX в.⁸ и не встречающееся на других славянских территориях.

К сожалению, в специальной литературе какую-либо информацию об этом виде судна, в частности, об использовании, о способе изготовления, не говоря уже об описании самой реалии, нам найти не удалось. Учитывая тот факт, что *брянка* представляет собой определённый тип барки, о чём можно судить из семантики лексемы, полагаем, что судно было грузовым и несамоходным (сплавным).

На первый взгляд судостроительный термин *брянка* логично сопоставлять с географическим названием (ойконимом) *Брянск*, где могло изготавливаться судно. Этой версии, к примеру, придерживаются некоторые исследователи, полагающие, что название судна указывает на место его построения, – город Брянск⁹. Последний, расположенный на Десне, в истории славянского судостроения известен прежде всего своей верфью, на которой строились крупные морские, в основном военные, корабли (*бригантины, байдаки, прамы, баркасы, галеры, венецианские боты*), и которая прекратила своё существование в начале XVIII в.¹⁰. Таким образом, ко времени появления *брянок* на Днестре, верфи в Брянске уже не было, что даёт основание для предположения об изготовлении *брянок* народными мастерами на пристанях или берегах Десны (затем, видимо, их сплавливали к Днестру) с помощью достаточно простых орудий труда.

В целом, предложенная этимология термина *брянка*, основанная на том, что суда нередко называли по месту их изготовления или наибольшего распространения (ср., например, русск. диал. *астраха́нка* (СРНГ 1, 287), *баки́нка* (от названия г. Баку, где строились эти суда; СРНГ 2, 59), *казанка* ‘лодка, изготовлявшаяся в Казани ...’ (СРНГ 12, 310)), вполне приемлема и не противоречит типологии номинации плавсредств.

Вместе с тем некоторые факторы позволили нам усомниться в вышеизложенной версии как единственно возможной.

Так, в свое время О. Н. Трубачев отмечал, что «при этимологизации названий корабля, судна как правило приходится считаться с неисконностью, вторичностью значения ‘корабль’»¹¹. Чаще всего, вследствие метафорического переноса из сферы хозяйственной терминологии. Подобное употребление одной лексемы в нескольких терминологических сферах – действительно распространенное явление в различных индоевропейских языках, в частности

---

⁸ Нікуліна Н. П. Професійна лексика лоцманів дніпровських порогів. Дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1973. С. 99.

⁹ Боголюбов Н. История корабля. М., 1880. Т. 2. С. 629; Нікуліна Н. П. Указ. соч. С. 99; Андрющенко Н. С. Толковый морской словарь. Основные термины. М., 2006. С. 88.

¹⁰ См.: *Брянск* // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. IV. С. 819.

¹¹ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 230.

романских, германских и славянских¹². Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами, отражающими связь понятий *сосуд (посуда)* → *судно* в русских говорах, ср.: *бак* ‘большой деревянный чан’ и *бак* ‘лодка; лодка, выдолбленная из толстого бревна’ (СРНГ 2, 57), *корыто* ‘в названиях посуды, используемой с разными хозяйственными целями’ (там же 15, 36) и *корыто* ‘небольшая лодка, чёлн’ (там же 37), *жёлоб* ‘корыто, предназначенное для различных бытовых надобностей’ (там же 9, 108) и *жёлоб* ‘выдолбленная в виде корыта озерная лодка’ (там же 109), *комяга* ‘долблёное корыто, используемое для разных хозяйственных нужд’ и *комяга* ‘лодка, выдолбленная из одного дерева’ (там же 14, 241), *лоток* ‘корыто’ и *лоток* ‘лодка-плоскодонка с широкой кормой’ (там же 17, 156–157).

В связи с изложенным, на наш взгляд, интерес представляют отмеченные в смоленских говорах русского языка лексемы *брянка* (устар.) ‘маленькая корзина’ (из лыка, липы; ССГ 1, 240) и *брánка* ‘большая корзина’ (из лозы; там же 280)¹³. Приведенные факты позволяют сделать предположение о появлении корабельного термина *брянка* в результате семантического переноса одноименного названия сосуда (в данном случае корзины) на название судна¹⁴. При этом, как уже отмечалось выше, из-за отсутствия информации о данном типе судна, открытым остается вопрос, какой именно признак лёг в основу семантического переноса? Таким признаком могла быть форма судна, своим внешним видом, напоминая корзину, назначение (и корзина, и судно служат для перемещения груза) или же способ (материал) его изготовления¹⁵. Наконец, *брянкой* изначально могли называть плот, связанный (сплетенный) из брёвен, название которого со временем распространилось на самоходное (сплавное) грузовое судно.

Гончák ‘берлина’ (Чабаненко 1, 242; Нікуліна 1972 40), ‘большое речное судно ...’ (на Днепре; СРНГ 7, 13). Аналогичный корабельный термин засвидетельствован также на территории Киевского Полесья, ср. укр. диал. (полесск.) *гончák* ‘открытое грузовое судно, берлина без помоста’ (Миколаенко 41). С точки зрения происхождения – отглагольное образование, мотивированное псл. *gopъсььь (< *gъnati; ЭССЯ 7, 28, 196). В названии судна,

---

¹² Розен С. Я. Очерки по истории русской корабельной терминологии Петровской эпохи. Л., 1960. С. 41; Карпенко О. П. Зі спостережень над українськими діалектизмами // Студії з ономастики та етимології. 2009 / Відп. ред. В. П. Шульгач. К., 2009. С. 246.

¹³ В словообразовательном плане *брянка* / *бранка* – отглагольное производное с суф. -*ьк(a)* от псл. *бъranь – страдательного причастия прошедшего времени, мотивированного глаголом *бъrati (ЭССЯ 3, 161–162).

¹⁴ О подобном семантическом переносе см.: Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 229–233.

¹⁵ Хотя в давние времена на Днепре были известны плетеные из лозы и обшитые звериными шкурами лодки, предположение, касающееся семантического переноса на основе общности изготовления обеих реалий, считаем менее вероятным, поскольку плетёные суда, как достаточно примитивные плавсредства, характерны для более раннего периода развития судостроения.

вероятно, отражено указание на его быстроходность. Судно могло быть использовано для перегона грузов на определенные расстояния. В то же время наличие укр. *гончак* в значении 'высокое, стройное дерево' (Яворницький 1, 151) позволяет допускать, что одноименное судно могли делать из цельного ствола дерева. Название же его в этом случае указывает на материал или способ изготовления.

Двоак 'небольшая двухместная лодка' (Чабаненко 1, 262), 'небольшой каюк, или лодочка, для двух пловцов' (Яворницький 1, 179) восходит к псл. **d(ъ)vojakъ*, реконструированному в (ЭССЯ 5, 190). Аналогичный мотивационный признак 'количество гребцов на лодке' прослеживается также в русск. диал. (без указ. места) *двоак* 'лодка для двух человек' (СРНГ 7, 304).

Двугрѣбка 'лодка для двух человек на четыре весла' (Чабаненко 1, 262; Яворницький 1, 179) – композитное образование, в котором первый числительный компонент *дву-*, очевидно, отражает русскую фонетику (ср., например, синонимическое русск. *двувесѣлка* 'лодка с двумя веслами, двойка'; Даль I, 419). Второй компонент мотивирован укр. *грѣбка* 'весло' (Грінченко I, 323) – суффиксальный дериват от псл. *grebti (ЭССЯ 7, 109).

Картоплянка 'речное судно для перевозки картошки, овощей' (Чабаненко 2, 153; Нікуліна 1972: 40). Из этнографических источников известно, что целые партии этих судов, груженных картофелем, весной сплавливали вниз по Днепру для продажи по более высоким ценам в южных губерниях¹⁶. Родственная лексема, зафиксированная в русских говорах, ср. русск. диал. (петерб.) *картофлянка* 'барка, нагруженная картофелем' (СРНГ 13, 104), возможно, заимствована из украинского языка с соответствующей фонетической адаптацией. Данный судостроительный термин отражает характерную для судов номинацию по названию перевозимого ими груза¹⁷. Относительно семантической типологии ср. ещё русск. диал. (волжск.) *арбузница* 'небольшая баржа, приспособленная для перевозки арбузов с низовья Волги вверх по реке' (СРНГ 1, 270), (волог.) *брусаянка* 'лодка, в которой перевозили бруски и точила ...' (там же 3, 210). С точки зрения происхождения *картоплянка* – позднее образование, связанное с укр. *картопляний*.

Ліпа 'небольшая лодка из липового дерева' (Нікуліна 1973: 102), 'длинная лодка' (ЕСУМ 3, 237; Пискунов 125), (производное) *ліпка* 'лодка, сделанная из липы' (Чабаненко 2, 253). Этот вид судна часто упоминается в казацких летописях XVII в.: «... и *липи* ... на борошно за Пороги провадити» (ЛС 174). Образовано перенесением названия материала, из которого изготовлена лодка (дерево *липа*), на изделие (лодка из *липы*). Восходит к псл. *lipa (ЭССЯ 15, 114). В качестве примера подобного семантического переноса,

¹⁶ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР К. В. Чистов. М., 1987. С. 327.

¹⁷ Нікуліна Н. П. Указ. соч. С. 101.

характерного для судостроительной лексики, приведем русск. диал. (беломор.) *осінка* ‘осиновая лодка-долблѣнка ...’ (там же 24, 7).

Обши́ванка ‘небольшая лодка определенной конструкции, обшитая досками’ (Нікуліна 1973: 102), ‘лодка, обшитая шалѣвками’ (Грінченко 3, 32) – производное с суф. *-ъk(a)*, мотивированное псл. *obšivati (ЭССЯ 30, 137). Общеднепровское название, бытующее также в России и Белоруссии¹⁸, ср. русск. диал. (на Десне) *обши́ванка* ‘род лодки, небольшого судна’ (СРНГ 22, 268), блр. *абшы́ванка* ‘лодка из досок ...’ (ТСБМ 1, 88).

Паска́рик ‘небольшая рыбацья лодка’ (Чабаненко 3, 76) – суффиксально осложнённая форма от *паскар*, ср. укр. диал. (буков.) *паска́р(ь)* ‘лёгкая одноместная лодка, используемая только для ловли рыбы’ (СБГ 390). Последнее, в свою очередь, возникло вследствие переноса на название лодки одноименного названия посуды, ср. укр. диал. (гуцул.) *паска́р* ‘посудина, в которой носят святить паски’ (ЕСУМ 4, 305), ‘деревянная посудина, в которой носили святить на Пасху’ (ГГ 144), семантически и словообразовательно связанного со ст.-сл. *паска* (ССЯ III, 17). Учитывая ареал функционирования исходных форм на территории юго-западного наречия украинского языка (буковинские и гуцульские говоры), предполагаем, что и сама реалья, и её название на Нижнее Поднепровье занесены с территории Днестровского бассейна.

Отдельного этимологического комментария, на наш взгляд, заслуживают нижнеподнепровские судостроительные термины с основой *дуб-*, в частности, *дуб* ‘большая лодка’ (Чабаненко 1, 300), (производные) *дуба́с* ‘большая лодка на 15-20 человек’ (Яворницький 1, 209), *дубі́вка* ‘то же, что дуб, т. е. большая лодка’ (там же), традиционно возводимые к псл. фитониму *dǫbъ (ЭССЯ 5, 95). Однако в восточнославянских лексикографических источниках приведенные лексемы засвидетельствованы с семантикой, в которой прослеживается чёткое указание на способ изготовления судна, ср., например, укр. *дуб* ‘большая выдолбленная из цельного дерева лодка’ (Білецький-Носенко 125), русск. диал. (камчатск.) *дуб* ‘долблѣная лодка-однодеревка’ (Клыков 29), (арханг.) ‘лодка, выдолбленная из сосновой колоды’ (СРНГ 8, 232), (южн.) ‘долбанка’ (там же), ст.-укр. *дуба́с* ‘выдолбленная лодка’ (ЕСУМ 2, 138), русск. диал. (волог., твер., ворон.) *дуба́с* ‘дуб, долблѣная лодка, большая однодеревка’, (волог.) ‘небольшая лодка, выдолбленная из цельного бревна, колоды’ (СРНГ 8, 233). С фонетической и семантической точек зрения интерес представляет ст.-польск. *dłubas* ‘вид лодки, вероятно грузовой’ (SP V, 31), ‘грузовая лодка, шхуна, грузовое (товарное) судно’ (SS II (1), 55), имеющее идентичную семантику со ст.-польск. *dubas* ‘то же’ (там же II (3), 212). Как известно, долбленые челны, изготовленные только из ствола одного дерева, были очень распространены по

---

¹⁸ Нікуліна Н. П. Указ. соч. С. 102.

всей территории Украины¹⁹. В частности, однодеревные лодки, или моноксилы, традиционно использовались в бассейне Нижнего Днепра²⁰.

Опираясь на исходную семантику 'долблёное судно', считаем возможным определение генезиса приведенных названий судов (как форм с более лабиализованным корневым гласным -ъ- и абсорбцией плавного согласного *l*) в гнезде псл. *dylbъ 'что-то долблёное, выдолбленное'²¹. Исходя из типологических особенностях номинации судов, обе предложенные этимологии для судостроительных терминов с основой *дуб-*, на наш взгляд, вполне правомерны.

Сегодня, благодаря научным разработкам последних лет, можно вполне удовлетворительно объяснять на славянской языковой почве несколько нижнеднепровских судостроительных терминов, ранее не нашедших в этимологических словарях убедительного толкования или интерпретировавшихся как заимствования из неславянских языков.

Так, названия судов *байдак*²² 'речное одномачтовое судно с прямым парусом' (Афанасьев-Чужбинский 1892: 292), 'плоскодонное судно типа барки' (Нікуліна 1973: 98), 'речное судно по Днепру и притокам его' (Даль I, 38), *байдара* 'гребное судно на Днепре на 6-8 весел' (Вахтин 13), 'речное судно, бывшее в употреблении на Днепре' (Даль I, 38), *будара* 'речное судно' (Яворницький I, 540) рассматриваем как континуанты гнезда псл. **byld-* с исходным значением 'предмет с выпуклостью, предмет округлой формы', претерпевшие различные фонетические преобразования²³. Вероятнее всего, эти суда имели выпуклое дно, позволявшее им легко скользить по поверхности воды. На родство рассматриваемых судостроительных терминов справедливо

---

¹⁹ Шаповалов Г. Корабли веры. Судходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье, 1997. С. 16-18.

²⁰ Кобалия Д. Р. Традиции различных корабельных школ в создании Днепровской гребной флотилии // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. Запоріжжя, 2010. Вип. 2. С. 102.

²¹ Подробнее о псл. *dylbъ и её континуантах см.: Козлова Р.М. Проблемы славянской именной префиксации (производные с префиксом **a-*) // Русский язык. Минск, 1991. Вып. 11. С. 64–65. В «Этимологическом словаре славянских языков» (под ред. О. Н. Трубачева) лексика с семантикой 'долбать' реконструируется в гнезде псл. **dylb-* см.: ЭССЯ 5, 206–207.

²² Как название грузового судна часто встречается на страницах казацких летописей и других исторических документов казацкого периода, ср., например, под 1651 г. «... где могли пройти *байдаками* и иными суднами» (ЛС 27), под 1705 г. «... *байдаковъ* 10 изъ запасами» (Эварницкий I, 975).

²³ Подробнее см.: Сфименко І. В. Псл. *bylda / *byldъ і їх відбиття в слов'янському антропоніміконі та топоніміконі // Восточноукраїнський лінгвістический сборник. Донецьк, 1999. Вып. 5. С. 95–102; Казлова Р. М. Беларуска і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. I. С. 13–47.

указывала в свое время Н. П. Никулина, полагая, что конструкция и название родились на Днестре, откуда попали в польский и русский языки²⁴.

На страницах дорожных очерков А. С. Афанасьева-Чужбинского упоминается грузовое судно под названием *беринка* (Афанасьев-Чужбинский 1861: 193). По всей видимости, речь идёт о *берлінке*, *берліне* – типе баржи, распространенном на Днестре в XIX в. (Нікуліна 1973: 98), а также известном как большое грузовое судно в Прикаспии, Причерноморье, на Волге в XIX–XX ст. (Данкир). В украинских лексикографических источниках толкуется как ‘речное судно: барка (на Днестре)’ (Грінченко 1, 52). Данный термин прослеживается также в других диалектных зонах Украины, ср.: (полесск.) *берліна* ‘закрытое грузовое судно на Днестре’ (Миколаєнко 41), ‘большая лодка с закругленным (реже – заостренным) носом, отвесной кормой и развернутыми бортами, с двускатной крышей и под парусом’ (Полесье 267), (днестр.) *берліна* ‘вид баржи ..., которой перевозили зерно по Днестру’ (Дзєндзелівський 39). Кроме того, имеет параллели в русском (ср., русск. *берлин* или *берлінка* ‘речное судно, по Висле, по Днепру и Соже, с острым носом и кормой ...’; Даль I, 84), белорусском (ср., блр. диал. *барл’іна* ‘большое плоскодонное судно для перевозки груза’; Масленникова 161) и польском (ср., *berlinka* ‘вид речного судна с мачтой, барка’; SJP I, 116) языках.

По мнению Н. П. Никулиной, конструкция и название лодки заимствованы украинцами у поляков, в частности, у висленских *берлинок*²⁵. О. П. Карпенко рассматриваемую лексему относит к рефлексам псл. **byrl-* с генетической семантикой ‘округлый, неровный’²⁶. Поддерживая предложенную этимологию, полагаем, что основным мотивационным признаком для названия судна могли быть его форма или особенности устройства, например, закругленный нос или дно, о чём известно из описания реалии в специальной литературе²⁷. Нельзя исключать, однако, связи названия судна с материалом, из которого оно изготовлено. О потенциальности этой версии свидетельствуют лексемы, отмеченные в северорусских и в сибирских старожильческих говорах, ср. (арх.) *берлины* ‘лесины вроде лыж’ (СРНГ 2, 259), (нарым.) *берлина* ‘мелкий сосновый лес или отдельное дерево’ (там же), семантика которых вполне удовлетворительно объясняется в гнезде псл. **byrl-*.

Гáпка ‘плоскодонная лодка’ (Чабаненко 1, 219; Яворницький 1, 135), ср. ещё русск. диал. (азовск.) *гáпка* ‘небольшая лодка с плоским дном и двумя вёслами; каюк’ (СРНГ 6, 137). Данный судостроительный термин В.П. Шульгач возводит (очевидно, как форму с оглушением согласного) к псл. *gabьka ‘что-то

---

²⁴ Нікуліна Н.П. Указ. соч. С. 99.

²⁵ Там же. С. 98.

²⁶ См.: Карпенко О. П. Етюд із прикарпатської ойконімії: *Берлин* // Студії з ономастики та етимології. 2004 / Відп. ред. О. П. Карпенко. К., 2004. С. 93.

²⁷ Шубин И. А. Волга и волжское судоходство (история, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927. С. 484.

выгнутое, неровное', продолжающем и.-е. * *geub(h)*- 'гнуть, сгибать'²⁸. Вероятно, название судна связано с особенностями его конструкции (устройства) или способом изготовления.

Предложенные этимологии названий судов *байдак*, *байдара*, *будара*, *берлин(к)а*, *гапка* основываются на фонетико-словообразовательных отношениях и месте той или иной лексемы в генетическом гнезде. Кроме того, они показательны и в семантическом плане, наглядно иллюстрируя типологию номинации судов по их внешним признакам, форме и т. д.

Проведенное исследование позволило выявить несколько языковых пластов названий судов на территории Нижнего Поднепровья. Анализируемая нижнеподнепровская судостроительная терминология развивалась в основном на славянской языковой почве. При этом на ней достаточно заметно отразилось иноязычное влияние, чему способствовали активные этноязыковые контакты восточных славян, прежде всего украинцев, с другими народами, населявшими исследуемый регион.

Конечно, наше разыскание не исчерпывает всего богатства нижнеподнепровской судостроительной терминологии. Однако, надеемся, что рассмотренный выше лексический материал послужит дальнейшему изучению истории славянского судостроения, которая, насколько нам известно, пока не написана.

Сокращения

Афанасьев-Чужбинский 1861 – Поездка в Южную Россию
А. Афанасьева-Чужбинского. Т. I: Очерки Днепра. СПб., 1861.

Афанасьев-Чужбинский 1892 – *Афанасьев (Чужбинский) А. С.* Словарь малорусского наречия // Афанасьев (Чужбинский) А. С. Собрание сочинений. СПб., 1892. Т. IX. С. 289–465.

Білецький-Носенко – *Білецький-Носенко П.* Словник української мови / Підгот до вид. В. В. Німчук. К., 1966.

Боголюбов – *Боголюбов Н.* История корабля. М., 1879–1880. Т. I–II.

Брокгауз, Эфрон – Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. СПб., 1890–1907. Т. I–XLI.

Вахтин – *Вахтин В. В.* Объяснительный морской словарь. (Настольная книга для имеющих отношение к морскому делу) / Сост. В. В. Вахтин. СПб., 1894.

ВМС – Военно-морской словарь. М., 1990.

ГГ – Гуцульські говірки. Короткий словник / Відп. ред. Я. Закревська. Львів, 1997.

---

²⁸ Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). К., 1998. С. 92.

Грінченко – Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1958–1959. Т. 1–4.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.

Данкир – *Данкир О.* История парусно-весельного флота. Электронный ресурс: <https://sites.google.com/sit/parusno-veselnyjflot>

Дзендзелівський – *Дзендзелівський Й. О.* Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я // Лексикографічний бюлетень. Вип. VI. С. 36–54.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / За ред. О. С. Мельничука. К., 1982–2012. Т. 1–6.

ИРС – Итальянско-русский словарь / Сост. Н. А. Скворцова и Б. К. Майзель. М., 1972.

Кащенко – *Кащенко А.* Мандрівка на Дніпрові пороги. Катеринослав; Ляйпціг, б. р. в.

Кащенко 1917 – *Кащенко А.* Великий Луг Запорожський. Катеринослав. 1917.

Клыков – *Клыков А. А.* Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.

Копылова – *Копылова Э. В.* Ловецкое слово: словарь рыбаков Волго-Каспия. Волгоград, 1984.

ЛС – Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением, изд. Киевскою временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878.

Масленникова – *Масленникова Л. И.* Из полесской терминологии транспорта // Лексика Полесья. М., 1968. С. 161–192.

Миколаєнко – *Миколаєнко Я.* Плітницька термінологія с. Сваром'я на Київському Поліссі // Вісник Інституту української наукової мови. К., 1930. Вип. II. С. 39–44.

Нікуліна 1972 – *Нікуліна Н. П.* Про спеціалізовану лексику дніпровських лоцманів // Питання української діалектології і міжмовних (міждіалектних) контактів / Відп. ред. В. С. Ващенко. Дніпропетровськ, 1972. С. 39–41.

Нікуліна 1973 – *Нікуліна Н. П.* Професійна лексика лоцманів дніпровських порогів. Дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1973.

Пискунов – *Пискунов Ф.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882. 304 с.

Полесьє – Полесьє. Матеріальна культура / Отв. ред. В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив. К., 1988.

СБГ – Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.

СИР – Словарь итальянско-русский / Сост. Д. Де-Виво. Одесса, 1994.

СІС – Словник іншомовних слів / За ред. О. С. Мельничука. К., 1977.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. М.; Л., С.-Петербург, 1966–2010. Вып. 1–43.

ССГ – Словарь смоленских говоров / Отв. ред. А.И. Иванова (Вып. 1–4), Л.З. Бояринова (Вып. 5–11). Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

ССЯ – Словарь старославянского языка. Репр. изд.: В 4 т. СПб., 2006.

ТСБМ – Глумачальны слоўнік беларускай мовы. У пяці тамах / Пад агульн. рэд. акад. К. К. Атраховіча. Мінск, 1984. Т. 5. Кн. 2.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987. Т. I–IV.

Чабаненко – *Чабаненко В. А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрящини. Запоріжжя, 1992. Т. 1–4.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993. Т. I–II.

Шанский – Этимологический словарь русского языка / Автор-сост. Н. М. Шанский. – М., 1965. Т. I. Вып. 2.

Эварницкий – *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских козаков. Владимир, 1908. Т. I.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва и А. Ф. Журавлёва. М., 1974–2010. Вып. 1–36.

Яворницький – *Яворницький Д. I.* Словник української мови. Катеринослав, 1920. Т. 1.

Lewis, Short – A Latin Dictionary, founded on Audrew's edition of Freund's Latin Dictionary. Revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D. and Charles Short, LL.D; professors of Latin in Columbia College. – New York, Oxford, 1879. Impression of 1958. 2020 p.

Mestica – *Mestica E.* Dizionario della lingua italiana. Torino, 1946.

SJP – Słownik języka polskiego / Pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. Warszawa etc., 1904–1927. Т. I–VIII.

SP – Słownik Polszczyzny XVI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1953–1980. Т. I–III.

SS – Słownik staropolski. Warszawa, 1953–1980. Т. I–VIII.

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. Кн. 1–5.

▣

© Ирина Михайловна Железняк
(Киев)

ДОПОЛНЕНИЕ К РЕАЛИЗАЦИИ ПСЛ. *OVI- В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В своей книге “Происхождение названий домашних животных в славянских языках” (М., 1960) О. Н. Трубачев подробно описал генезис

славянских слов **овьса* и **овьль* как родовые суффиксальные образования от псл. **ovi-* (и.-е. **oüis*). Он подчеркнул, что в славянских языках отсутствуют лексемы с чистой основой **ovi-*, известной только в балтийских языках, ср. балт. **avis*. П.Я. Черных к этому уточнил ожидаемое славянское **овь* ‘овца’, не засвидетельствованное документально в говорах ни одного славянского языка. Праславянское **овьса* < **овьк̄a* – уменьшительное производное от основы **ovi-* из и.-е. **oüis* ‘овца’ как общеродовое понятие – восходит к глубинным пластам славянской лексики. Подобная структура (с суффиксом *-ka*) известна лишь в древнеиндийском *avika* ж. р. ‘овца’.

Общепринятый тезис об отсутствии псл. **ovi-* как чистой основы в славянской лексике нарушил сам же О. Н. Трубачев, предложив этимологию псл. **ovadъ* ‘овод’ как композит, где **ov-* чистый корень-основа со значением ‘овца’ и **ād-* (**ōd-*) апофонический вариант корня **ed-* ‘есть’. Таким образом, исследователь счел возможным высказать предположение о существовании в славянских языках чистой основы **ovi-*. Следует отметить, что О. Н. Трубачев достаточно осторожно изложил свою гипотезу в отношении этимологии последнего слова, поскольку это был единичный пример.

Подтверждением функционирования чистой основы **ovi-* в праславянском можно считать название озера *Овье*, которое известно из статистической описи Киевского округа 1686 года (Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. К., 1886. Ч. VII. Т. I. С. 520); гидроним засвидетельствован возле села Новые Петровцы (совр. Вышгородский р-н Киевской обл.). Это название рассматривается нами как прилагательное на *-ьje* от основы **ovi-* ‘овца’. Следует полагать, что образования от основы **ovi-* (например, предполагаемое существительное **овь* ‘овца’; прилагательное **овььbъ* (*-a, -e*)) в праславянском языке были очень рано вытеснены суффиксальными формами с выразительными родовыми признаками **овька* и **овьль* с появлением соответствующих новых прилагательных. Если относительно псл. **ovadъ* ученый высказал лишь предположение, то гидроним *Овье* подтверждает существование **овь* ‘овца’ и возможность композита **ovadъ* с чистой основой **ov-* в интерпретации О. Н. Трубачева.

Весьма вероятно ожидать подобные находки и в других славянских языках, возможно, с большим преимуществом восточнославянского региона (более узко – Киевского полесья).

Мы уже писали о возможном вхождении Правобережной Украины и, в частности, Киевского Полесья (где в данном случае засвидетельствован архаизм *Овье* озеро), в зону зарождения праславянского языка, высказывая тезис в пользу соображения о возникновении праславянского языка на той территории, где можно проследить именно на гидронимном уровне индоевропейские, праславянские и восточнославянские названия. Этот тезис мы повторили в своих работах об определении прародины славян. Фактический материал, который может подтвердить этот тезис, изложен в нескольких работах. Общая характеристика языковой ситуации в Киевском Полесье свидетельствует о том,

что тут наблюдается значительное количество архаичных языковых явлений, свойственных как всему региону, так и спорадически отдельным говорам. Выявленные факты эндемической и архаической лексики демонстрируют здесь определенную этническую изолированность, возникшую еще в говорах праславянского языка. Гидронимы, которые могут подтвердить этот тезис, существуют в небольшом количестве, поскольку они восходят к глубокой древности и их сохранность, естественно, невысока. Однако приведенный выше пример названия озера *Овье*, датируемое ранним праславянским периодом, добавляет к нашему тезису материальное подтверждение.

▣

© **Маргарита Васильевна Жуйкова**
(Луцк)

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ГЛАГОЛ *JЬGRATI: ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ И СЕМАНТИКА

Проблема этимологизации корней тесно связана с вопросом об архаической референциальной соотнесенности лексем, их содержащих. Пересмотр многих традиционных этимологий, представленный, в частности, в работах О. Н. Трубачева, основывается прежде всего на более точном описании связей между архаическими лексемами и их экстралингвистическими коррелятами.

Континуанты праславянского глагола *jьgrati образовали обширное деривационное гнездо, в котором, как можно предполагать, произошли значительные сдвиги в плане содержания. Однако отдельные единицы поля могли сохранить исходную семантику корня, в которой сконцентрированы инвариантные признаки внеязыковых ситуаций, обозначенных данным глаголом. Анализ семантики и употребления производных от *jьgrati позволяет выделить архаические признаки, характерные для типической исходной ситуации: это специфическое (непоступательное) движение, напоминающее колебания в горизонтальном или вертикальном направлении (движение «туда» — «сюда»). Его амплитуда была, очевидно, не слишком велика, а само движение осознавалось как ритмически повторяющееся, многократное. Коротко охарактеризуем референтные группы лексики славянских языков, дающие основания для выделения у континуант праславянского *jьgrati соответствующих семантических признаков.

1. Движение, совершающееся без внешнего каузатора. Движение природных объектов: рус. *море играет, разыгралось*, чеш. *hra vln* 'игра волн', укр. гуц. *играти* (о воде — 'кипеть'), рус. *квас, брага играет*, укр. фолькл. *З лівої [руки] кровця грає* (= вытекает толчками, пульсируя). Движение живых объектов: рус. *рыба в воде играет* (= выскакивает из воды), укр. *кінь грає, виграє*

(= скачет на одном месте), д.-рус. *таимое бо штро(ч) играе(т) въ оутробѣ моеи* (= ребенок шевелится, бьется в утробе), верхнелуж. *mi wšě stawu hrajachu* 'дрожал всем телом', серб. *играти на ужету* 'ходить по канату'. Движение артефактов: *бетон (фундамент) играет под ногами*, болг. *едното колело на каруата играе* 'одно колесо у воза шатается', болг. *ще играе метлата*, букв. 'веник будет играть' (кого-то накажут).

2. Каузированное движение одного предмета, многократно соприкасающегося с другим предметом: рос. устар. *играть в скрипку, играть в гусли*, укр. *грати в дзвони* (= бить языком по колоколу). Данная конструкция применительно к музыкальным инструментам вытеснена другой: *играть на чем*.

3. Каузированное субъектом-человеком повторяющееся движение небольшого предмета (конструкция *играть чем*): рос. *играть карандашом (пуговицей, локоном, цепочкой)*; укр. фолькл. *Хто ножем іграє, від нього рану має*, рус. фолькл. *Грязью играть, лишь руки марать*, болг. *играя си с перото* 'уметь красиво писать' (орудовать пером).

4. Движение лица (или его частей), фиксируемое сторонним наблюдателем: рос. *улыбка играет на лице*, укр. *гра рум'яння на щоках*; чеш. *hra obličje* 'изменчивость выражения лица', пол. *gra twarzy* (то же). Наблюдаемые изменения в освещении чего-либо: рос. *луч света играет на листве*, укр. *грала зірниця* 'мерцала звезда', чеш. *hráti všemi barvami* 'переливаться всеми цветами радуги', *hráti do zelena* 'переливаться зеленоватым оттенком', болг. *виното играе* 'вино искрится'.

Вероятно, наиболее близки к прототипическим те ситуации, в которых предмет совершает ритмические (или повторяющиеся) движения с небольшой амплитудой (*рыба в воде играет, грати в дзвони*). Многие современные употребления лексем, восходящих к **jьgrati* или **jьgra*, сохраняют внутреннюю связь с прототипической ситуацией, как, например, рос. *играть* 'плясать' или 'водить хоровод' (с исходным значением 'подпрыгивать, скакать'), рос. *река взыграла* (на реке поднялись волны), *играть в карты* (первоначально 'перебрасывать, подбрасывать'). Подобным образом может быть объяснено и сексуальное употребление глагола *играть* (ср. рос. фолькл. *Играць не плакать, и отцу с матерью не жаловаться*, укр. фолькл. *Хто о смерті гадає, тому в заді не іграє*), которое имело синоним — архаический глагол *юрить* (ср. *Юрил бы и играл бы, да Бога боюся, а се греха страх и людей сором*).

Интересно отметить, что почти полное исчезновение **jьgrati* в его архаическом значении в современных восточнославянских языках создало некую понятийную лакуну, так как вид движения, соответствующий **jьgrati*, никак не обозначен.

БАСАВРЮК

Иногда случается так, что только художественные произведения могут дать языковедам предмет для исследования, указав, вместе с тем, и путь к разгадке его феномена. В замечательной своим народным колоритом повести Н. В. Гоголя видим мы то и другое, находя в «Вечере накануне Ивана Купала» и мифоперсонаж – *Басаврюка*, и описание одного из купальских действий, в котором тот принимает участие²⁹. При этом вне гоголевского литературно-художественного пространства (например, в фольклорных материалах или диалектных словарях) образ самого *Басаврюка* встречать нам не доводилось.

Взяться за исследование мифологической природы известного гоголевского персонажа нас побудила догадка, неожиданно возникшая в связи с этимологией имени колхидского царя *Савлака*: имя это, вкупе с Σαυλος – личным именем скифского царя, соотносится О. Н. Трубачевым с индоар. **saul-* / **sol-* и правомерно сближается с д.-инд. *saurya*, *sūrya* ‘солнечный’ (Трубачев 1999: 273). В памяти сразу же всплыло речное название *Базавлук* (варианты – *Бузувлук*, *Бузулук*), а за ним, не без влияния д.-инд. *saurya*, выскочил и *Басаврюк*. Идея же о возможной связи этого мифоперсонажа с Солнцем, в качестве весьма вероятной мотивации названия, нам показалась не лишней этимологического интереса. Итогом стала основанная на астрономических данных этимология названия Венеры как индоар. **Bha-saur-* > *Басаврюк*.

Однако спустя некоторое время после выхода сборника, где была предложена названная этимология, в нашем распоряжении появились данные, заставившие нас изменить свое первоначальное мнение относительно его генезиса. Впрочем, работа с астрономическим материалом (легшим в основу более ранних этимологических построений), с народными представлениями о небесных светилах и астрофизических процессах оказалась весьма плодотворной и полезной для дальнейших исследований, прежде всего для происхождения мифонима *Басаврюк*.

***

История вопроса. На сегодня нам известны несколько различных по своей сути попыток этимологизировать мифоним *Басаврюк*.

Уже первый вариант повести – «Бисаврюк, или вечер накануне Ивана Купала»³⁰, напечатанный без подписи автора в февральской и мартовской

---

²⁹ Достаточно полное описание купальских обрядов можно найти в кн.: *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005. С. 404–422.

³⁰ Переименование *Басаврюка* в *Бисаврюка* ложноэтимологическое и продиктовано созвучностью этого имени со словом укр. *біс*, русск. *бес* – тем более, что и сам Гоголь, как может показаться, дает подсказку, называя

книжках журнала «Отечественные записки» за 1830 г. явил и первую – **славянскую** – этимологию имени *Басаврюк*. В авторстве этой этимологической версии еще Н. С. Тихонравов (в 10-м издании собрания сочинений М. В. Гоголя, вышедшего в 80-х гг. XIX в.) небезосновательно подозревал редактора журнала П. Свинына. Сам же Н. В. Гоголь, прежде полагавший «Отечественные записки» журналом, который «по важности своих статей, почитается здесь [в Петербурге. – А. И.] лучшим», редакторский подход П. Свинына воспринял отрицательно, заметив позднее в письме матери, что более ни одной статьи его в журнале этом не будет. Свое недовольство редакторским вмешательством Гоголь в завуалированной, но все же достаточно резкой форме, высказал в предисловии к первой части повести «Вечер накануне Ивана Купала» от имени дьяка Фомы Григорьевича (от лица которого ведется повествование в «Вечере накануне Ивана Купала»), возмущенного искажением его рассказа представителем журналистской братии (Гоголь 1, 214–215).

И лишь спустя полтора века исследователи обратились к неславянскому материалу. Так, В. А. Бушаков отметил, что и сам образ, и имя *Басаврюка* имеют параллели в мифологии других, прежде всего **тюркских**, народов. У венгров это – *boszorkany*, *boszorka* – ведьмы, особенно активно вредящие людям именно в Иванов день. Согласно В. А. Бушакову, венгерское слово было заимствовано словаками и карпатскими украинцами: ср. слов. *bosorka* ‘колдунья, ведьма’, *bosorak* ‘колдун’, укр. диал. (бойк.) *босурканя*, *борсуканя*, *пошурканя* ‘ведьма’, ‘ворожея’. По мнению исследователя, укр. *босорка* ‘ворожея, ведьма, колдунья’ и *босоркун* ‘упырь’ обозначают существ, объединяющих в себе естество человеческое и естество демоническое. Такие двоедушные существа существуют главным образом в представлениях народов Карпат (украинцев, словаков, поляков) и Южной Славии. В венгерском же языке слова *boszorkany* и *boszorka* трактуются исследователем как заимствования из языка куманов-половцев, переселившихся в Венгрию из Северного Причерноморья в XIII ст.

Для вngr. *boszorkany* В. А. Бушаков допускает происхождение из тюрк. *bastırgan*. В подтверждение своей версии исследователь приводит крым.-тат. *бастырыкъ* ‘домовой’, ‘кошмар’, ‘кошмарное сновидение’ (от глагольной основы *бастыр-* ‘давить, душить’), ногайск. *бастырык* ‘кошмарное сновидение’, кумыкск. *бастырык* ‘дух, служащий причиной кошмарных сновидений’, тат. *бастырган* ‘домовой’, из которого выводится удмуртск. и русск. *бустурган* ‘то же’. В случае, если вngr. *boszorkany* происходит от тюркск. *bastırgan*, то «имя Басаврюк должно происходить от не засвидетельствованной в источниках половецкой или татарской формы этого термина, которой соответствует киргизское *басырык* ‘демоническое существо в

Басаврюка бесовским человеком. Это первая ассоциация, возникающая у любого, кто слышит это название.

образе женщины, вредящей роженице и сжимающей горло спящего человека', иначе это существо киргизы называют *албарсты*».

Сам же образ *Басаврюка* в украинском фольклоре В. А. Бушаков рассматривает как привнесенный от золотоордынских татар, живших на украинских землях (в т. ч. на Полтавщине), а затем слившихся с украинцами (Бушаков 71–73).

Этимологические возможности тюркского материала, однако, требуют уточнения, в частности, прояснения фонетических и словообразовательных процессов, в результате которых могло возникнуть имя *Басаврюк*. Ознакомившись детальнее с тюркской этимологией слова, мы пришли к выводу, что на роль этимона для мифонима *Басаврюк* из всех приводимых В. А. Бушаковым образований наиболее подходят, хотя и с допущением ряда фонетических и словообразовательных трансформаций, лишь (заимствованные из венгерского источника) слвц. *bosorak* и укр. диал. (закарпатск.) *босорáк* = *босоркún* 'колдун; оборотень; ведьмак' (ср. еще *босорíти* = *босорчíти* 'колдовать', *~ся 'превращаться в вампира') (Керча 93).

В плане предполагаемой этимологической связи с *Басаврюком* несомненный интерес представляет украинская фамилия *Басавро*, зафиксированная на Днепропетровщине и приводимая В. П. Шульгачом в качестве украинского континуанта псл. *Basъrvo, *Paъrvo (Шульгач 142). Показательно, однако, что данная фамилия зафиксирована, в частности, в Запорожской обл. В свое время Ю.К. Редько рассматривал ее как фамилию неясного происхождения, допуская связь с укр. диал. *басаврiнок* (*басарiнок*) 'подарок' (Редько 1, 36).

Приводимые Ю. К. Редько украинские слова взяты из словаря Б. Д. Гринченко, где находим и укр. диал. *басарiнка*, *басарiнок* = *базарiнка* 'подарок, взятка', а также значения 'прибавка к плате', 'отработок, помощь работой, доставляемая половинщиками' (Гринченко 1, 19): *Є тут з наших заможна козачка, оре восьмериками. Багацько в неї косарів, женців становиться, басаринок одробяють* (там же, 32). Таким образом, слово *басарiнок* (*басарiмок*) происходит от незафиксированного *базарiнок (пор. ще *басарунок* 'сено или трава, которое дают корове, когда ее доят': Гринченко 1, 32) – производного м. р. от *базарiнка*. Также, но с несколько иным значением, в русских (восточносибирских) диалектах фиксируется *басаринка* 'работа в пользу хозяина за наем земли' (СРНГ 2, 128), явно украинского происхождения. Приведенный украинский диалектный материал наглядно иллюстрируют фонетические процессы, позволяющие удовлетворительно объяснить появление формы *Басаврюк*.

Учитывая все вышеизложенное, мифоним *Басаврюк* мог возникнуть в результате видоизменения слова *босорак* 'колдун' и т. д., если слово это и вправду попало на полтавские земли с западноукраинской (что весьма вероятно) территории. В этом случае примерная схема образования слова (с регрессивной

ассимиляцией *o* – *a* и переоформлением слова суффиксом *-ук*) такова: *басаврюк ~ *басаврак < *босаврак < *босоврак < босорак.

Этимология, во многом созвучная версии В. А. Бушакова и соединяющая в себе, кроме тюркского, венгерского и славянского также и румынский материал, была предложена Л. А. Софроновой. Согласно этой этимологии, гоголевский *Басаврюк* – «персонаж, приближающийся к высокому рангу демонологических персонажей», а само это имя восходит к вngr. *boszorkany* ‘дух умершего, колдунья’. Далее исследовательница отмечает, что к *boszorkany* восходит и трансильванский вариант названия оборотней, принимающих вид волка и других животных – *bosorcoi*. Этим существам, как и украинским *босоркуну* и *босоркане*, свойственно пребывать в опасных местах – на меже, на мельнице, в пустом доме (Софронова 87 со ссылкой на: Свешникова 1998: 198–201; Виноградова 2006: 236–237). Однако внешние характеристики *босорки* (как о них можно судить из книги Л. Н. Виноградовой) более подходят ведьме, появляющейся у Гоголя в сцене с обретением цветка папоротника, нежели самому *Басаврюку*.

Еще одну **славянскую** версию о происхождении названия *Басаврюк* позволяют предполагать онимные реконструкции В. П. Шульгача (здесь приводим только те из них, которые на словообразовательном уровне так или иначе (с непринципиальными в данном случае различиями в суффиксальной морфеме) могут соотноситься с украинским мифонимом *Басаврюк*): псл. ***Basъrvo** / ***Paсъrvo** (форма с озвончением инициального *B-*) укр. *Басавро* – фамилия на Днепропетровщине, *Басаврим* (последнее рассматривается как форма пассивного причастия наст. времени < псл. *Basъrvimъ) – русская фамилия в г. Луцке; псл. ***Съrva**, ***Съrvo**, ***Съrвъ** вкупе с образованиями, продолжающими псл. **съrv-* (укр. *Сорва*, русск. *Сурво*, *Сарф*, пол. *Sarwa*, *Sorwa*) рассматриваются также антропонимы: русск. *Савра*, *Саура*, *Соур*, *Шаур*, блр. *Шауро*, чеш. *Šavr*, пол. *Szawro*, ст.-русск. *Саур* (XVI в.), квалифицируемые как результат метатезы *rv* > *vr* и на апеллятивном уровне соотносимыми, напр., с русск. диал. *совра* ‘вид леща’; псл. ***Съrvukъ**: ст.-укр. Лукьянь *Саврук* (*Севрук*), 1649 г., ст.-русск. *Саврук* Иванов, 1613 г., пол. *Sawruk* – антропонимы, ойконимы *Севрुки* в бывших Волынской и Минской губ. В качестве возможных мотиваторов приводится русск. диал. *севрюк* ‘угрюмый, суровый человек; брюзга, ворчун’ < *сервук с реализацией *ъr* > (*эр*) > *ер* в качестве одной из разновидностей диалектной манифестации редуцированного (Шульгач 142); псл. ***Съrvakъ**: наряду с укр. *Сарвак*, блр. *Сурвак*, *Сырваков*, пол. *Szarwak* – антропонимы, подаются укр. *Саврак*, *Севрак*, русск. *Севрак*, *Шаврак*, хорв. *Šavrak* – антропонимы, *Шавраки* – ойконим в бывш. Витебской губ.; псл. ***Съrv’akъ**: русск. *Савряк*, *Себряков* – антропонимы, *Софряково* – ойконим в бывшей Владимирской губ. (Шульгач 143–144).

Исходя из приведенного материала, можно было бы восстанавливать славянские праформы *Basъrvukъ, **Basъrv’ukъ*. Правда, в этом случае оставалась бы неясной мотивация мифонима. Приводимая В. П. Шульгачом

апеллятивная лексика семантически неоднородна: ср., кроме уже перечисленных выше, укр. диал. *савритий* ‘распущенный, несдержанный, дикий’ ~ *sʔrvitʲj, русск. диал. *софрулька* ‘ледяная сосулька’ ~ *sʔrvulʲb, русск. диал. *сафрыга* ‘спившийся, беспутный человек, забулдыга’, ~ псл. *Sʔrvyga (Шульгач 142). Однако, на наш взгляд, значения ‘суровый’, ‘распущенный, необузданный, дикий’, ‘удалой человек, сорвиголова’, ‘быстрый’ etc., вполне применимы как к человеку, так и к потусторонним персонажам, носят самый общий характер и не дают возможности точно судить о том, чем именно первоначально «ведаль» *Басаврюк*, или откуда происходит этот мифоперсонаж.

Иранскую этимологию названия *Басаврюк* предполагает К. Ю. Рахно. Ссылаясь на цитируемую выше статью В. А. Бушакова, автор считает, что и функция удушения, и сами украинские диалектные слова [речь идет о *босорке*, *босоркане* и под.] имеют иранское происхождение: демоны, наваливающиеся на человека ночью и душащие его во сне за горло, характерны именно для североиранской мифологической традиции (Рахно 85). Вероятнее всего, следует говорить о заимствовании из иранских языков не славянской, а тюркской лексики.

Суть еще одной индоарийской этимологии состоит в том, что происхождение мифонима *Басаврюк* связывалось с названием планеты Венеры и рассматривалось как результат сложения индоарийских корней **Bha-* / **Bhā-* и **saur-*.

П е р в ы й компонент сложения – **Bha-* / **Bhā-* употреблялся в санскрите со значениями: д.-инд. *bhā́* ж. ‘свет или луч света, глянец, блеск’, ‘появление, сходство, подобие’ [ср. *agni-bha*, *guda-bha*, *tanu-bha*]; д.-инд. *I bhā́* ‘сиять, светлеть, светиться’, ‘появляться, показываться’, ‘блестеть’, ‘быть прекрасным’, ‘возвышаться / выступать’, ‘быть, существовать’; д.-инд. *IV bha* (корень *I bhā́*) м. ‘название планеты Венеры или ее покровителя’ [в астрологии]; *bhā́* ‘звезда, планета, созвездие, лунный свет или дом ...’ (Monier-Williams 742, 750).

В т о р о й компонент – **saur-* – так или иначе связан с обозначением Солнца и производными от него понятиями:

1) д.-инд. *saura* м., ж., ср. ‘относящийся, принадлежащий, посвященный солнцу, исходящий от него или от Солнца-божества’ (Monier-Williams 1254). С этой основой фонетически коррелируют д.-инд. *sur* (скорее всего, сущ. от *sura*), *surati* ‘сиять’; д.-инд. *svār* [от слабой основы *sūr*] ‘солнце, солнечный свет, свет, блеск’, авест. ‘блестящее пространство или небо, небо’ и т. д. (Monier-Williams 1281).

2) **saur-* генетически связан и с иран. **saura-*: **sur-*: ср. осет. *sūryn*: *syrd*, *sorun*: *surd* ‘гнать’, ‘прогонять’, ‘преследовать’. Исходя из семантики осет. дигор. *soræg* ‘преследователь’, ‘охотник’, скиф. Σωρακος (Абаев 3, 172–173).

Таким образом мы предполагали, что в семантическом отношении для **Bha-saur-* возможны семантические реконструкции либо *‘свет солнечный’,

либо *‘(рас)свет приносящий’, склоняясь более к последней. Учитывая, что контакты с индо-иранскими народами имели и тюрки, и славяне, а значительная часть современной Украины находилась в зоне влияния индоарийских, а позднее – скифских племен, имевших в своем составе индоарийские этнические (resp. языковые) вкрапления³¹, нами допускалась возможность усвоения и адаптации славянами, по крайней мере, некоторых из элементов и «действующих лиц» системы индоарийской календарной обрядности (Иваненко 34–36).

***

Общим для всех рассмотренных выше этимологических версий моментом является то, что все они (в той или иной степени) имеют определенные трудности с объяснением первоначальной мотивации мифонима *Басаврюк*, т.к. не учитывают целого ряда особенностей исследуемого мифологического персонажа. 1. На основе приведшегося выше материала не имеют удовлетворительной интерпретации намеки на воловью внешность и бычий голос *Басаврюка*, имеющиеся в описаниях у Гоголя. 2. Неясно, почему в один из моментов повествования *Басаврюк* вдруг посинел, как мертвец (этот аспект был затронут М. В. Жуйковой при обсуждении нашего доклада на конференции). И если тут – всего лишь связь персонажа с мертвецом-упырем, то почему персонаж этот носит имя *Басаврюк*. 3. Почему появляется мотив человеческой жертвы за найденный Петром клад. 4. Почему *Басаврюк*, если он все же тюркского происхождения, непосредственно связывается у Гоголя с праздником летнего солнцестояния во всем его отчетливо с л а в я н с к о м многообразии поверий, традиций и ритуалов.

На одни из этих вопросов позволяет ответить характер заселения современного украинского Левобережья, на другие – данные этимологии и этнографии, в частности, симбиоз романского (= румынского) и славянского (главным образом – южнославянского) материала.

Однако пространный экскурс в историю вопроса подразумевает изложение его сути, для чего необходимо хотя бы в самых общих чертах обрисовать и самого персонажа, и обстановку, в которой живут и совершают свои поступки главные действующие лица повести. Сам *Басаврюк* у Гоголя (и внешне, и «функционально») характеризуется в следующих отрывках.

1. **Знакомство с *Басаврюком***, его первое описание в повести происходит так: «В этом-то хуторе показывался часто человек, или лучше дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет,

---

³¹ Основания для такого утверждения следующие: разделение индоарийской общности на собственно индоариев (предков современных индийцев) и скифов-иранцев, произошедшее на территории Северного Причерноморья и, соответственно, постановка О. Н. Трубачевым вопроса об отношениях билингвизма между индоарийцами Старой Скифии и собственно скифами-иранцами (Трубачев 1999: 115, 158).

пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал, рыскает по улицам села...» (Гоголь 1, 97).

2. «Родная тетка моего деда, содержавшая в то время шинок по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульничал Басаврюк, так называли этого бесовского человека, именно говорила, что ни за какие благополучия в свете не согласилась бы принять от него подарков. Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги бог знает куда» (там же).

3. «Заметив, что Басаврюк и на Светлое Воскресение не бывал в церкви, задумал [отец Афанасий. – *А. И.*] было пожурить его – наложить церковное покаяние. Куды! насили ноги унес. «Слушай, *паноче!*», – загремел он ему в ответ: «знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутею!» (там же).

4. «Полно горевать тебе, козак!», – загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк! у! какая образина! Волосы – щетина, очи – как у вола!» (Гоголь 1, 99).

5. После того, как в купальскую ночь Петро сорвал цветок папоротника, «Всё утихло. На пне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. Хоть бы пошевелился одним пальцем. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; рот в половину разинут, и ни ответа. Вокруг не шелохнет. Ух, страшно!...» (там же).

6. Но после того, как «... послышался свист ... трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась, яга!», – проворчал он сквозь зубы» (там же).

7. «В тот самый день, когда лукавый припрятал к себе Петруся, показался снова Басаврюк; только все бегом от него. Узнали, что это за птица: никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы отрывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцов» (Гоголь 1, 103).

8. «Раз старшины села собрались в шинок и, как говорится, беседовали по чинам за столом, посередине которого поставлен был, грех сказать, чтобы малый, жареный баран. Калякали о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. Вот и померещилось ... всем, что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих. Все тотчас узнали на бараньей голове рожу Басаврюка ...» (там же).

Обстановка, имеющая отношение к происходящим в повести действиям и, частично, способствующая раскрытию (прежде всего) образа *Басаврюка*, описывается в следующих отрывках:

1. Договариваясь с Петром о встрече, *Басаврюк* говорит: «Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай!» (Гоголь 1, 99).

2. Оказавшись в условленном месте, Петро слышит от *Басаврюка* следующие слова: «Видишь ли ты, стоят перед тобою три пригорка. Много будет на них цветов разных; но, сохрани тебя нездешняя сила, вырвать хоть один. Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось» (там же).

3. «Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, всё чудных, всё невиданных; тут же и простые листья папоротника. Поусумнился Петро и раздумно стал перед ними, подпершись обеими руками в боки» (там же).

4. «Глядь – краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется ... Двигается и становится всё больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя <...> Зажмурив глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках. Всё утихло» (там же).

5. «Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. «Бросай!», – сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что за чудо? цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плавал по воздуху; наконец, потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. «Здесь!», – глухо прохрипела старуха; а *Басаврюк*, подавая ему заступ, примолвил: «копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось» (там же, 100).

6. В гоголевском «Вечере...» присутствует мотив жертвы – платы за обретаемое богатство: «Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!», – сказала ведьма и подвела к нему дитя, лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову <...> Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи...» (там же).

Чтобы подвигнуть растерявшегося Петра к желаемому поступку, *Басаврюк* как бы понукает его: «А что ты обещал за девушку?», – грянул *Басаврюк* и словно пулю посадил ему в спину» (там же, 87).

7. «Ведьма топнула ногою: синее пламя выхватилось из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и всё, что ни было под землею, сделалось видимо, как на ладоне. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудами были навалены под тем самым местом, где они стояли» (там же, 100).

8. «Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Всё пошло кругом в голове его! Собравши все

силы, бросился бежать он. Всё покрылось перед ним красным цветом. Деревья все в крови казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились ему в глаза» (там же).

9. На свалившееся на Петруся с Пидоркой богатство дивились все в один голос: «Откуда, как не от искусителя люда православного, пришло к нему богатство? ... Отчего, вдруг, в самый тот день, когда разбогател он, Басаврюк пропал, как в воду?» (там же, 101).

10. После обретения богатства Петро резко переменялся, стал сам не свой, все что-то пытался вспомнить и т. д. Все с ним происходящее вконец измучило его жену и она прибегает к последнему средству, приглашая для исцеления Петра ведьму. Хоть и не сразу, но Петр узнает ее: «Вдруг весь задрожал, как на плахе; волосы поднялись горою... и он засмеялся таким хохотом, что страх врезался в сердце Пидорки. «Вспомнил, вспомнил!», – закричал он в страшном весельи и, размахнувши топор, пустил им со всей силы в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посереде хаты... Простыня слетела. «Ивась!», – закричала Пидорка и бросилась к нему; но привидение всё, с ног до головы, покрылось кровью и осветило всю хату красным светом... В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, хотела было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею так крепко, что не под силу было отпереть. Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев» (там же, 102).

Так, если мы ничего не упускаем, описывал действующих лиц и развитие событий в повести ее автор. Если же судить из специальной литературы, посвященной «Вечеру накануне Ивана Купала», образ *Басаврюка*, несомненно, один из наиболее неясных и запутанных мифологических образов у Гоголя. И, разумеется, создать такой образ под силу разве что многовековой народной традиции, смешивающей подчас все, что попадает под руку. Но иногда эти смешения минимальны (как в данном случае) и, в некоторой степени, отражают определенную систему семантических и словообразовательных отношений. Если же попытаться разобраться в хитросплетениях народной фантазии, то перед нами открывается определенная система семантических и словообразовательных взаимосвязей исследуемого материала. Кроме того, предания, зафиксированные в «Вечере накануне Ивана Купалы», говорят о полиэтничном характере заселения украинского Левобережья.

Процесс заселения Левобережной Украины вкратце можно описать так. В этих землях соединились несколько этнических и языковых потоков. Это, прежде всего, славянский, а также иранский (содержащий индоарийские языковые вкрапления) и тюркско-татарский. Впрочем, в беспокойные времена позднего средневековья (а, возможно, и позже) ветры социальных перемен могли занести на украинские земли представителей различных этнических

групп, в частности, румын или молдаван – *волохов*, или *валахов*. А также и украинских переселенцев из краев, граничащих с территорией современных Румынии и Молдовы, – бессарабских степей, земель современной Буковины.

Наиболее полно в исторических документах засвидетельствована восточнославянская (собственно, уже украинская) колонизация Левобережья, длившаяся приблизительно с конца XIV и до конца XVIII – начала XIX вв., постепенно затухая. Активнее всего означенная колонизация происходила в середине XVII ст., когда на этой территории соединились два больших восточнославянских потока: переселенцы с Правобережья (в основном из западноукраинских земель) – с одной стороны, и выходцы с территориями современных России и Белоруси – с другой. Собственно говоря, слившись, оба этих потока и могли образовать на Полтавщине тот культурно-исторический (= этнографический) фон, на котором и разворачиваются описываемые в повести Н. В. Гоголя события.

Иными словами, мы допускаем, что *Басаврюк* (персонаж), попав именно на эту этнографическую территорию – Полтавщину – с юга или с юго-запада (если иметь в виду предполагаемый ареал его бытования в пределах современных украинских земель), действует уже в контексте северо-восточных украинских купальских поверий и традиций. Впрочем, это лишь один из возможных вариантов развития событий.

Этнографические материалы, использованные Н. В. Гоголем в повести, вполне согласуются с историей заселения Полтавского края. В целом, поверья и обряды, описанные у Гоголя, представляют собой органичный фрагмент славянской обрядности. Более того, приводимое в «Вечере накануне Ивана Купалы» описание самого цветка папоротника, того, как он плывет, постепенно отдаляясь, довольно точно совпадает с обрядами и поверьями, фиксируемыми в Белорусском Полесье. Ниже приводим необходимый в данном случае пространственный отрывок из записей купальских поверий:

«На Яна цвытэ папороть одын раз в рик и цвытэ вона в пылноч, трэба пылноваты тогэ момэнта колы вона зацвытэ, зловыты тогэ цвытка и тогды будэш знаты, як гаворыць скотына. Шоб побачыты тую папороть, трэба пуйты в корчы, в лис, там вона цвытэ, сйсты, около сэбы обвысты круга рукамы; ну, як сыдыш, дожыдаэшса шоб зацвыла папороть, то трэба ны боятыс нычэга, бо лякы всякы будуть, прыйдэ жяба з вэзом, с хурою солэмы, будэ тую солэму палыты, на тыбэ кыдаты, алэ боятыса ны трэба, бо солэма тогэ круга ны пырылытыть и трэба сидыты соби спокыйно и всэ и дожыдатыс пэмы папороть зацвытэ» (с. Симоновичи Дорогичинского р-на Брестской обл.). Кроме того, в селе Стодоличах Гомельской области рассказывают, что «папоротник цветет ровно в полночь красным цветом, но его трудно схватить, потому что вокруг и ужи, и гадюки, и черепахи. Как папоротник начинает зацветать, то летит звезда и так ярко светит, что страшное дело» (Толстая 412).

Точно определить, откуда именно пришли на Полтавщину поверья о *Басаврюке*, нам пока не удалось. Можно только предполагать, что занести их

сюда могли либо переселенцы из других земель, либо бродячие певцы-кобзари, либо гости, съезжавшиеся на знаменитую Сорочинскую ярмарку или на проводившуюся в родной гоголевской Васильевке вплоть до начала XX в. Пречистенскую ярмарку, где торговали товаром самым разным. Кстати, одной из основных статей дохода Гоголей-Яновских была торговля крупным рогатым скотом (ГМС 48–50). Из устного сообщения старшего хранителя Государственного музея-заповедника Н. Гоголя К.Д. Черновой нам достоверно стало известно, что поверье о *Басаврюке* писатель почерпнул в родной Васильевке (теперь с. Гоголево Шишацкого р-на Полтавской области, где и располагается музей его имени).

Единственный вопрос, остающийся для нас пока без однозначного ответа – было ли предание о *Басаврюке* связано с солнцеворотными праздниками изначально, или же сам писатель поместил его в обстановку купальских обрядов? Вопрос этот возникает постольку, поскольку известно, что сам Гоголь просил мать сообщить ему, помимо свадебных обрядов, «... несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно. На этот случай, и чтобы вам не было тягостно ... советую иметь корреспондентов в разных местах нашего повета» (Гоголь 10, 145). Как можно судить из его писем, часть необходимых сведений Гоголь получил от родных. Остальные сведения он мог получить из каких-то литературных (например, травников) источников (там же, 191–192).

Однако если есть мифологический персонаж, то должно быть и то, с чем связывается в народе его «деятельность». В данном случае это, вероятнее всего, поиск и обретение кладов. Даже если *Басаврюк* первоначально и не был связан с купальской обрядностью (что маловероятно), то присущие ей поиски кладов предопределили его демонологическое «амплуа». Точное определение преданиям о кладоискательстве дал выдающийся современник Гоголя А. Н. Афанасьев, отметив, что они «...составляют обломки древних мифических сказаний о небесных светилах, скрываемых нечистою силою в темных пещерах облаков и туманов; но с течением времени, когда народ утратил живое понимание метафорического языка, когда мысль уже не угадывала под золотом и серебром блестящих светил неба, а под темными пещерами – туч, предания эти были низведены на землю и получили значение действительных фактов» (Афанасьев 1, 202).

Как отмечалось выше, среди приведенных этимологических версий не оказалось ни одной, более или менее полно объяснявшей природу *Басаврюка*-персонажа, а значит, и происхождение его имени. Но, как показывает дальнейший анализ фактического материала, наилучшим образом мифоним объясняется на **румынско-молдавской** почве (идея поработать с румынским материалом подсказана А. К. Шапошниковым в личной беседе). Необходимые в

таким случае румынские и южнославянские этнографические материалы, подтверждающие правильность избранного направления исследования, приводим далее, вплетая их в контекст этимологического анализа. Знакомство (даже самое поверхностное) с румынской лексикой и фразеологией позволило нам выявить реальную образно-языковую основу внешних и, далее, внутренних (= «функциональных») характеристик *Басаврюка*-персонажа. При этом фонетические и словообразовательные процессы, происходящие на украинской почве с приводимыми далее румынскими словами, аналогичны описанному выше (см. тюркский материал).

Внешние характеристики *Басаврюка*, как они поданы у Гоголя, органично соотносятся с румын. *boușor* ‘бычок, молодой вол’ < *bou-* ‘кастрированный бык, использующийся для тягловой работы’, ‘бык; вол’ (DLRLC I, 269; PPC 103), а также производные: *bou-sur* ‘зубр’³², где румын. *sur* – ‘серый’ (DLRLC I, 269; IV, 316): ср. *cal sur* ‘серая лошадь’, *suri* ‘серая лошадь, серко’³³ (PPP(M)). Эта же лексика и фразеология фиксируется в молдавском языке (MPC 89). При этом румынский материал испытывает заметное влияние материала греческого: ср., напр., д.-гр. βούς ‘бык’, βούς ἄρσην и ταῦρος βούς ‘вол’ или ‘корова’, βούς ἐν Συρία ‘зебу’, букв. – сирийский бык (Дворецкий I, 305)³⁴. Относительно определенного греческого влияния ср. также тот факт, что в приводимой далее валашской сказке герой пашет не волом, а двумя коровами.

В плане «бычьей» этимологии *Басаврюка* уместно вспомнить и гоголевское «очи – как у вола», сопоставив его с румын. *ochi de bou* ‘волокий’ (DLRLC I, 269).

Еще одно свидетельство в пользу румынского происхождения образа одного из главных действующих лиц – пресловутая баранья туша, в голове которой селяне опознали *Басаврюка*: ср. румын. *cap de bou* – бараний / медный лоб (PPP(M)).

Очевидно, что связь *Басаврюка* с быком или волом (часто народная мифологическая традиция ставит между ними знак равенства) неслучайна. В славянской этнографии оба животных имеют статус священных. Их черты и

---

³² К слову сказать, для употребления на Полтавщине приведенной лексики имелись вполне реальные основания: еще несколько столетий назад в землях Васильевки (теперь Гоголево) водились косули и лоси, а иногда забредали даже *зубры* (ГМС 14).

³³ В лингвистическом и этнографическом планах несомненный интерес представляют и румынское *lapte de bou* ‘небылица’ (PPP(M)), и ставшая традиционной в русском языке (вероятнее всего, унаследованная из украинского) просьба не рассказывать *сказки про серого / белого бычка*.

³⁴ Семантика ‘вол’ использована и в ряде других румынских обозначений животных, птиц и насекомых: *bou-de-baltă* ‘выпь’, *bou-de-noapte* ‘сова, филин’, *boul-lui-dumnezeu / boul-domniului* ‘жук-олень, жук-рогач’, *boul-porii* ‘божья коровка’ (DLRLC I, 269).

функции, заинтересовавшие нас, таковы: согласно славянским поверьям, именно *быки* держат на себе землю, являясь, так сказать, космофорным элементом. В славянских загадках *бык* может олицетворять месяц, солнце, день и ночь, небо и землю: ср., напр., русск. *два быка бодутся – вместе не сойдутся* (СД 1, 274).

Определенным образом с погодными, атмосферными или небесными явлениями связаны т. наз. *волы*-«облакопрогонники» – во время грозы они начинают рыкать, бить передними копытами и смотреть на тучи; они даже могут вылезти из ярма и исчезнуть в тучах, чтобы там биться со змеями и злыми небесными силами (СД 1, 410).

Вообще же *бык* – существо весьма важное в индоевропейской мифологии и, как нам кажется, играет одну из ключевых ролей в космогоническом мифе как попытке человечества в аллегорической форме объяснить для себя происхождение всего сущего – на земле и за ее пределами.

Так, главным эпизодом в мифах о Митре является умыкание небесного быка и принесение его в жертву по приказу Солнца (как полагал, основываясь на некоторых дошедших до наших дней памятниках, М. Элиаде). При этом из тела умирающей жертвы вырастают все полезные травы и растения, из спинного мозга – хлебное зерно, а из крови – виноградная лоза. В более поздних текстах говорится, что из семени жертвенного первобыка, очищенного лунным светом, рождаются различные виды животных, а из его тела произрастают растения. Сам М. Элиаде рассматривал это жертвоприношение как созидательное убийство, которое «лучше объяснимо в контексте аграрных религий, нежели в инициатическом культе» (Элиаде 2, 272).

Мы же полагаем, что подоплека описанных в древнеиндийских источниках жертвоприношений исключительно астрофизическая. Именно поэтому для анализа интересующего нас гоголевского повествования чрезвычайно важен тот факт, что указанное жертвоприношение первобыка происходит в пещере в присутствии Солнца и Луны, а его космическую структуру удостоверяют «12 знаков зодиака или 7 планет, а также символы ветров и четырёх времен года. Два персонажа, Кауто и Каутопат [обозначающих утреннюю и вечернюю зорю. – А. И.], одетые так же, как и Митра, держа в руках зажженные факелы, пристально созерцают деяние бога». Похожий миф есть и в зороастризме, однако там первобыка убивает злое божество Ахриман (Элиаде 2, 272–273). Позднее этот миф лег в основу культа митраизма, распространившегося из иранских земель на всю территорию Римской империи и ставшего тайным культом воинов, соединившем в себе иранское наследие с греко-римским синкретизмом. Впрочем, самому М. Элиаде характер описываемых культовых ритуалов ясен был не до конца. Распространение же этого культа совпадает с передвижениями римских легионов и охватывает, в частности, территорию римских провинций – Дакии, Паннонии Германии (там же, 275–276). Совершенно определенным образом этот факт подтверждается приводимыми далее валашской (Румыния, как известно, ныне занимает историческую территорию даков) и немецкой сказками.

В связи с жертвоприношением так называемого первобытка становится понятным и то, почему на пригорках, на которые указывает Петру волоподобный *Басаврюк*, растут цветы, которые мы в данном случае рискнем уподобить звездам. Это соображение подтверждается и немецкой сказкой, приводимой А. Н. Афанасьевым (очевидно, в его же интерпретации). В ней теленок со звездой во лбу покидает своего молодого хозяина – Божьего крестника, и устремляется на небесные луга, где поедает золотые астры (*sternblumen*, цветы-звезды). Так длится, пока юноше не исполняется двадцать лет. Далее, вместе со своим молодым хозяином, уже бык участвует в освобождении королевы, совершая ряд чудес, в том числе астрономического порядка: сажает молодца себе меж рогов и несет его к королю (отцу похищенной двенадцатиглавым змеем принцессы), сдвигает в сторону горы, через которые нельзя проехать, выпивает препятствующее путешествию море и переходит на другой его берег. Он же выливает на мешающий добраться юноше до похитителя огненный город выпитое ранее море, после чего возникают густой пар и облака. Юноше лишь остается убить появившегося из тумана дракона полученным от отца похищенной королевы мечом, снеся ему разом все 12 голов. После этого бык, говоря, что служба его исполнена, покидает юношу, а тот благополучно женится на королеве (Афанасьев 1, 677–679). Сказка интерпретируется А. Н. Афанасьевым как брак Перуна с богиней-Солнцем (там же, 679). Мы же полагаем, что в этой сказке может быть зашифрован годичный цикл прохождения солнца. Отголоски описанного М. Элиаде жертвоприношения мы склонны видеть и в приведенной сказке.

Отметим также, что «звездно-бычьи» мотивы прослеживаются и в валашской сказке: молодец по имени Петр – крестник некоего старца, по заданию короля пашет поле в две десятины меди³⁵ плугом, имеющим 12 центнеров весу двумя коровами – бурой и пятнистой. Кто сделает это за один день, получит в жены прекрасную принцессу. Выполнив к полудню половину работы, он, съев присланный королем обед с подмешанным в него сонным зельем, засыпает до вечера. Когда же приближается закат, бурая корова начинает его будить, но безуспешно. Тогда она поднимет его на рога и бросает высоко в воздух, от чего юноша проснулся и стал жаловаться на потерю времени. Тогда пестрая корова подошла к горизонту и подвинула своими рогами солнце снова на полдень, так что юноша выполнил задание в срок (Афанасьев 1, 676–677).

Есть, однако, еще одно немаловажное обстоятельство, позволяющие нам предполагать первоначально «бычью» природу *Басаврюка*. Это связь быка (в случае с гоголевским персонажем – вола) с упырем, в которой отражена вера народа в покойников, продолжающих свое посмертное существование на

---

³⁵ А. Н. Афанасьев приводит слова Гомера о том, что медное (= светлое) небо покоится на столбах (Афанасьев 2, 162), что подтверждает «небесность» описываемых в сказке событий и свидетельствует об определенном греческом влиянии на культуру северопричерноморских народов.

границе двух миров. Подобные представления об упыре у славян наиболее развиты на Балканах и ослабевают к северо-востоку славянского мира. В Украине, в западной Белоруссии и на юге России образы вампира и колдуна смешивают (СД 1, 283), что подтверждается и самим гоголевским повествованием.

Также для упырей характерно и оборотничество. Например, у болгар и сербов *упырь* может принимать вид животного, перескочившего через его тело перед погребением, – кошки, собаки, курицы, реже – коровы, белого коня, ягненка и т. д. (СД 1, 284). Так, у косовских сербов *гробник*³⁶ имеет свойство появляться в виде волка, барана, собаки (Раденкович 2009: 154 со ссылкой на: Vukanović 1986: 193). Из этого сообщения становится понятно, почему у Гоголя *Басаврюк* посинел, как мертвец. Это замечание писателя терминологически не совсем точно, но по сути, однако, верно: с той только разницей, что в образе *Басаврюка* в народном предании должен был пониматься не просто мертвец, а именно *упырь*, т. е. – заложный покойник, неуспокоенный мертвец.

В связи с верой народа в упырей становится понятна и жертва, принесенная Петром за обретаемое им богатство, – смерть Ивася, – родного брата его возлюбленной Пидорки. О приносившихся упырям жертвах известно из древнерусских письменных источников (СД 1, 283). Жертва (в том числе и человеческая) за обретение клада – дело обычное. Для нас же интересно сербское поверье, согласно которому бык охраняет клады: чтобы выкопать их, следует принести в жертву своего быка, зарезав его на месте закопанного клада (СД 1, 273). Может быть, именно поэтому в повести Гоголя и пропадает время от времени *Басаврюк*? Интересно также, что клад может являться человеку в виде животного, в т. ч. и быка (Афанасьев 1, 626; 2, 365). Не находим ли мы и в гоголевской повести отображения подобных преданий и верований?

Все изложенные факты, в особенности этнографические данные, донесенные в валашской и немецкой сказках, позволяют нам перекинуть мосток к тем астрономическим реалиям, на фоне которых разворачивается действие гоголевских «Вечеров...». Мы видим растущие на трех пригорках цветы³⁷ и

---

³⁶ Это же название упыря зафиксировано и у болгар (СД 1, 283).

³⁷ Возможно, трем пригоркам в некотором смысле аллегоричны три окна в украинской песне:

Стояль костѣль новый, незрубленный.

А въ томъ костѣли три оконечки:

У першомъ океньцы ясное сонце,

А въ другомъ океньцы ясенъ мисяць,

А у третѣмъ океньцы ясныя зироньки.

Али есть воны божіе дити (Афанасьев 1, 79).

движущуюся красную почку, превращающуюся в распутившийся красный цветок, который по наущению *Басаврюка* и срывает Петро.

Этот красный цветок, в свете описанных выше сказочных событий, логичнее всего отождествлять с Венерой – самой яркой после Солнца и Луны звездой (sic!), видимой человеческому глазу как небесное тело красного цвета. То, что эта почка-цветок движется, также соотнобразует со свойствами Венеры: согласно данным астрономии, ярче всего *Венера* сияет именно в дни летнего солнцестояния. Тогда становится понятно, почему в повести Н. В. Гоголя *Басаврюк* исчез, и почему он появился снова ровно через год.

Еще одна приметная черта Венеры – время, когда она появляется в небе, а именно – полночь, что тоже отражено в повести Гоголя. В русских заговорах (произносившихся на рассвете, повернувшись лицом к востоку) встречаем следующее обращение к Венере: «Зоря-Зоряница, красная девица, полунощница», т. е. рано пробуждающаяся, предшествующая дневному рассвету» (Афанасьев 1, 86). Однако для того, чтобы с полным правом говорить о связи *Басаврюка* с солнцеворотной обрядностью, необходимо привлечение более полного фольклорного материала и его детальный анализ, что, однако невозможно в рамках одной статьи.

***

Выводы, которые напрашиваются в результате проведенного исследования, таковы.

1. Анализ гоголевского материала позволяет допускать, что предание о *Басаврюке*, действующем в Купальскую ночь, – единое органичное целое, рожденное в народной среде и многократно в ней видоизмененное и дополненное. Творческим вмешательством (дополнениями или уточнениями) Гоголя в повествовательную ткань народного предания о *Басаврюке* и купальском обряде может быть описание папоротника и того, что происходило с его цветком.

2. Полагаем все же, что предание о *Басаврюке* и сам его образ занесены на Полтавщину, вероятнее всего, переселенцами из Бессарабии, где одновременно сосуществовали славяне (восточные и южные), греки, румыны и молдаване, а также татары. О привнесенности образа или народного предания в целом именно из бессарабских земель говорит тот факт, что сказки о небесных коровах встречаются именно у валахов, а предания об упырях и жертвах, им приносимых, распространены более всего у южных славян, в частности, у сербов. Греческое же влияние прослеживается в употреблении эпитета неба «медный» (в румынской сказке) и, отчасти, в формальном и семантическом сходстве греческого и румынского обозначений быка. Восточнославянским элементом в повествовании о *Басаврюке*, несомненно, является описание цветка папоротника: похожее описание зафиксировано ныне в белорусском Полесье и могло быть занесено оттуда на Полтавщину.

3. Данные лингвистики и описание внешности *Басаврюка*, в котором прослеживаются явные «бычьи» мотивы, а также приводимый в статье

фольклорний матеріал, дозволяють с високою ступенню достовірності говорити о том, что *Басаврюк* – не что иное, как упрощенная и трансформированная народной фантазией персонификация т. наз. небесного жертвенного первобыка. Возможно, результатом такой трансформации (= народно-мифологического переосмысления) и явилось предание о *Басаврюке*-«кладоискателе».

4. Полагаем также, что в описываемых в повести событиях обнаруживается, хотя и приглушенная народной традицией, связь *Басаврюка* с Венерой-Денницей, обозначенной в произведении Н. В. Гоголя лишь пунктирно.

Литература

Абаев – *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.

Афанасьев – *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I–III.

Бушаков – *Бушаков В. А.* Образ *Басаврюка* в повісті М. В. Гоголя «Вечір проти Івана Купала» // *Slavica та baltica в ономастиці України* / Відп. ред. І. М. Желєзняк. К., 1999. С. 71–73.

Виноградова – *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.

ГМС – Гоголеве: минувшина і сучасність: історико-краєзнавчі нариси. Полтава, 2009.

Гоголь – *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. М., 1937–1952. Т. 1–14.

Грінченко – *Грінченко Б.* Словарь української мови. К., 1908. Т. 1.

Дворецкий – *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.

Иваненко – *Иваненко А. В.* Басаврюк // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. VII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева (Феодосия, 10–15 сентября 2012 г.) / Материалы конференции. Киев; Москва; Феодосия, 2012. С. 33–37.

Керча – Русинсько-російський словник: у 2 т. / Склав І. Керча. Ужгород, 2007. Т. 1.

МРС – Молдавско-русский словарь / Ред. колл.: А. Т. Борщ, М. В. Подико, В. П. Соловьев. М., 1961.

Раденкович – *Раденкович Л.* Внешность мифологических существ: славянские параллели // *Studia mythologica slavica*. Београд, 2009. С. 153–168.

Рахно – *Рахно Ю.В.* Східні ремінісценції в українському фольклорі // Мовні та літературні зв'язки України з країнами Сходу (Коллективна монографія) / За ред. І. П. Бондаренка. К., 2010. С. 58–97.

Редько – *Редько Ю. К.* Словник сучасних українських прізвищ. Львів, 2007. Т. 1.

РРР(М) – Румынско-русско-румынский (молдавский) словарь // Электронная система: АBBYY Lingvo x 5.

РРС – Румынско-русский словарь / Под ред. Б. А. Андрианова, Д. Е. Михальчи. М., 1953.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 3.

Софронова – *Софронова Л. А.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л., М., 1965. Вып. 2.

Толстая – *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005.

Трубачев – *Трубачев О. Н.* *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999.

Шульгач – *Шульгач В. П.* Ст.-русск. *Софрыга* в этимологическом гнезде (на материале антропонимии) // Актуальные проблемы лингвистики: Сб. статей Международной межвузовской науч. конференции (27 марта 2007 г.) / Отв. ред. Н. Н. Парфенова. Сургут, 2010. Вып. 3. С. 141–147.

Элиаде – *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: В 3 т. Т. 2: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2002.

DLRLC – *Dicționarul limbii române literare contemporane.* București, 1955–1957. V. I–IV.

Monier-Williams – *Sir Monier Monier-Williams.* A Sanscrit-English dictionary etymologically and philologically arranged. With special reference to cognate Indo-European languages. Delphy. 1899.

© Александр Иванович Илиади
(Кировоград)

ЕЩЕ РАЗ О СЛЕДАХ СЛАВЯНО–ИРАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема взаимоотношений иранских и славянских языков, включающая широкий спектр вопросов, принадлежит к разряду вечных: будучи в самом общем виде обозначенной исследователями начала прошлого века, она непрерывно обогащалась новыми данными, количество и удельный вес которых напрямую зависели от общего состояния разработанности иранской и славянской этимологии, сравнительной грамматики, лингвогеографии и теории языковых контактов. И сегодня ее будущее также во многом зависит от накопления этимологий, тем или иным образом уточняющих общую картину славяно-иранских связей, потому по мере сбора частных наблюдений над материалом из вводимых в научный оборот новых источников у этой проблемы будут возникать новые аспекты, обеспечивая ей дальнейшую перспективу. Некоторым из таких наблюдений посвящен настоящий доклад.

Представленный в нем материал делится на две группы: 1) примеры славяно-иранского взаимодействия на уровне лексики, результатом которого стала выработка общей для части носителей древней иранской и славянской речи суммы антропонимов-комполит, близких мотивационно (а при этимологическом тождестве одного из элементов сложений – еще и генетически) и тесно связанных с религиозно-этической сферой, в которой влияние иранского было особенно заметно; 2) примеры возможных лексических заимствований из иранского в славянский.

К первой относятся: а) композиты с первой частью **bog-*: иран. **baga-*: псл. **bogoŷma* ~ иран. *Vakakeya, Irdakaya* (**Bagaxaya-*, **Rtaxaya-*)

Вост.-слав. **Богойма* (: укр. *Бегейма*, блр. *Багайма* (г. Барановичи) – фамилии, отражающие фонетически измененные формы), воспроизводящее утраченное в апеллативной лексике архаичное сложение **bogo-ŷma* с первым компонентом **bogŷ* и вторым ~ **ŷmŷ* (праес. к **eti*). Из этого, однако, не следует вывод, что **bogoŷma* – это ‘имеющий Бога’. Скорее всего, препозитивное **bog-* употреблено тут со знач. ‘доля Бога’ или же ‘счастье’, ‘изобилие’, ср. семантику рефлексов производного прилаг. **bogaty* ‘богатый’, ‘обильный’, ‘знатный, благородный’ (ЭССЯ 2, 158). Если **bogoŷma* рассматривать как ‘имеющий счастье, долю от Бога’, то уместным будет сравнение с древними иран. именами **Bagaxaya-* и **Rtaxaya-* (в эламских передачах V в. до н. э. – *Vakakeya, Irdakaya*), букв. ‘(Обладающий) долей Бога’ и ‘(Обладающий) долей божества праведности’ (приведены по: Лившиц 2003, 84). Принимая в расчет иранское влияние на праславянскую лексику религиозной сферы (и на связанную с ней антропонию; Трубачев 50), одним из аспектов которого было оформление и стабилизация псл. **bogŷ* как культового термина, предположим, что псл. **bogoŷma* является частичной калькой имени типа **Bagaxaya-*, возможно, бытовавшего в речи восточноиранских племен, с которыми общались предки современных восточных славян.

Если же псл. **bogoŷma* толковать как ‘имеющий счастье’, ‘наделенный изобилием’, то и в этом случае оно (правда, уже только типологически) также может быть сопоставлено с иранским лексическим материалом, ср. согд. **farnbērtāk* ‘носитель фарна’, осет. *farnug* ‘наделенный фарном’ ~ *farn*, *farnæ* – общеиранское полурелигиозное понятие, включавшее в себя небесную благодать, благополучие, преуспевание, откуда значения произв. слов ‘преуспевающий’, ‘богатый’ и под. в осет. и согд. языках (см., напр.: Абаев 1958, 421–422; Абаев 1979, 287–288; ЭСИЯ 3, 440–441). С другой стороны, принимая во внимание семантическую связь слав. произв. от **bogŷ* с и.-е. лексикой со знач. ‘доля’, ‘делить’, ‘получать долю’ (ЭССЯ 2, 161; см. еще SP 296–297: **bogŷ* 2), вполне вероятно толкование псл. **bogoŷma* как древнего социального (правового) термина, обозначающего человека, который имел свою долю в чем-либо, чего-либо (= ‘долю/часть имеющий’).

Предложенная выше реконструкция древнейшей формы укр. *Бегейма*, блр. *Багайма* и объяснение общих черт их ономастиологии кажутся более

приемлемыми, чем восстановление этимологически невыразительных **bagylma*, **bo-gylma*, где первый компонент – префикс, а второй – основа с неизвестным значением (см.: Шульгач 20).

Псл. ***bogorodъ** ~ иран. Μεγασίδρας (***Baga-čitra-/ *Baga-čīṭra-**)

Вост.-слав. *Богород*, *Богородов* – совр. фамилии, изредка встречающиеся у граждан России, Украины и Польши, где отмечена форма *Bogorodź* (SNP 802), вероятно, вторичная к **Bogorod*. Впрочем, уверенно можно говорить только о рус. и пол. формах, т. к. в укр. языке это слово произносилось бы как **Bogorid* с закономерным развитием *o > i* в новозакрытом слоге. Едва ли относится к фамилиям, происходящим от прозвищ, которые давались рожденным в день почитания кого-то из православных святых, т. к. в этом случае она бы имела суффикс относительности *-ск-*, ср. *Богородицкий*, *Успенский*, *Кузьмодемьянский* (*Козьмодемьянский*) и др. Сравнение с однокоренными образованиями вроде рус. диал. свердл. *богородка* ‘чебрец обыкновенный (богородская трава)’, урал. ‘растение из сем. гречичных; змеевик’ волог. *богарáдник*, *богорáдник* ‘попрошайка’ и под. (СРНГ 3, 42, 53) проблематично: в первом случае при близости структуры нашей фамилии с растительным названием все-таки остается размытым мотив номинации, во втором мы имеем дело со сращением *бога ради*, оформленным суфф. комплексом *-н-ик* (ср. соответствующее прилаг. на *-н-* в СРНГ 3, 42).

В исследовании истории названных фамилий нужно учитывать, что некоторые слав. имена-композиции с основой **bog-* ‘бог, божество’ являются кальками или прямыми заимствованиями из древних иран. языков (ср. **bogodanъ/*bogъ-danъ* ~ мид. *Baga-dāta* ‘данный Богом’, **bogu-xvalъ* ~ иран. **Baga-xvarna-*, ср. перс.-мид. *Baga-farna-* ‘славный перед Богом’; ЭССЯ 2, 159, 161: вслед за Т. Милевским), потому в *Богород* и др. антропонимах при отсутствии более правдоподобного объяснения можно видеть псл. **bogo-rodъ* – кальку с **Baga-čitra-/ *Baga-čīṭra-*, ср. Μεγασίδρας (у Геродота) – отец Дотоса (букв. – ‘из божественного рода, семени’; Justi 57: **Bagačīpra* (?) сравнивается с пехл. *mīpōčitrē*) со второй частью, обозначавшей ‘семя; род, племя; происхождение’ (см.: ЭСИЯ 2, 259).

Псл. ***bogorokъ** ~ др.-перс. Μεγαβάζης (***Bagabāzu-**)

Рус. *Богорук*, *Богоруков* – совр. фамилии. Как и в предыдущем случае, речь может идти о кальке с иран. оригинала, которым могло быть личное имя **Bagabāzu-*, ср. Μεγαβάζος (у Геродота), др.-перс. Μεγαβάζης, букв. – ‘являющийся рукой Бога’ или ‘имеющий власть от Бога’ (Justi 56), аналогичный др.-перс. антропоним отмечен в эламских источниках – **baga-bāzu-*, **baga-bādu-* (ЭСИЯ 2, 161: как ‘рука Бога’). География указанных фамилий не выходит за пределы России и Украины, и на фоне этого обстоятельства проступают два аспекта истории заключенного в них композита: 1) ареальный, подводящий к мысли о принадлежности его к следам славяно-персидского взаимодействия (ср. тезис о важности свидетельств контактов персидского со славянскими диалектами в: Эдельман 14: со ссылкой на работы В. Н. Топорова),

затронувшего только часть вост.-слав. (проторусских?) племен, что, как будто, находит поддержку в иран. материале, представленном перс. формами; 2) хронологический, на основании которого сумма персидских и хорезмийских элементов в духовной, религиозно-этической вост.-слав. лексике относится к эпохе ранних русско-иранских контактов (см., напр.: Топоров 1995, 508–531), в связи с чем возраст калькирования может оказаться сравнительно поздним.

Впрочем, ситуацию можно представить и по-другому: комментарий к слав. словам, в части, касающейся области их распространения, уточняется, если предположить отражение псл. **bogorǫkъ* также и в др.-чеш. *Bohoryuka*, 1440 г. (Морошкин 15: *Богорука*), что влечет за собой переориентацию на незападноиранский источник калькирования и отнесение **bogorǫkъ* к разряду более древних следов Irano-Slavica.

Псл. **bogusqđbъ* ~ авест. *bayō.baxta-*

Чеш. стар. *Bohusud*, *Bogusud* – личные имена, (произв.) *Bohusudov* – топоним (Miklosich 34: **богъ**). Антропонимическое сложение **bogъ & *sqđbъ*, содержащее свернутую синтагму '[Тот, кто] предназначен/пожертвован (букв. – присужден) Богу', и, вполне вероятно, оформленное не без иранского влияния, ср. авест. п. *bayō.baxta-* 'предназначенное Богом, богами' (ЭСИЯ 2, 53) с теофорной основой в субъектной функции, а также элам. личное имя *ba-qa-da-u-šá* (**bagađauša-*) = 'Божья жертва', 'жертва Богу' (Hinz 55), '[Тот, кто] жертвован Богу'. Ср. еще близкие с точки зрения номинации иран. личные имена: парф. *mtrdt*/Mihrdāt, Μιθριδάτης < **Miθra-dāta* 'Посвященный Митре' (или 'Созданный Митрой'), а также в арамейской записи *dmtr* < иран. **Dāta-miθra-* (Лившиц 2010, 111).

Псл. **boževojъ* ~ иран. **baga-spāda-*

Слвц. стар. *Božvoj* – личное имя (приводится по: Majtán 208). Архаичное антропонимическое сложение основы **bog-/bož-* с **vojъ*, возможно, оформленное под влиянием иран. имен типа **baga-spāda-*, букв. 'тот, кто с войском Бога' (пример взят из: Эдельман 158) в период славяно-иранских культурных контактов;

б) образования с постпозитивным **mysl-*: иран. **mana-*:

псл. **l'udemyslъ* ~ авест. *airyaman-, airyāman-*

Др.-серб. *Liudemisl*, 814, 822 гг. (Морошкин 115: *Людомысль*, *Людемысль*), *Liudemuslus* – слав. антропоним в средневековых латинских документах (Майков 411), *Liudemuhslus* – слав. имя, упомянутое в старых немецких памятниках письменности (Miklosich 72: читается как *Ljudemysl*). Сложение **l'udъ & *myslъ*.

Интересным и говорящим в плане выяснения мотивов комбинации этих основ оказывается иран. **arja-man-*, продолжения которого обозначают друга, товарища, человека из высшей касты арийского общества, ср. авест. *airyaman-, airyāman-* (Bartholomae 198; ЭСИЯ 1, 223), но одно из них употреблялось как имя племенного божества ариев – *Ариаман*, примерно – «ария-мысль», т. е. мыслящий о племени, покровитель народа (?) (Стеблин-Каменский 161: Ясна

54). Такое толкование семантики (видимо, в наиболее архаичном ее состоянии, позднее уже *‘друг/товарищ народа’ → ‘друг/товарищ’) иран. имени-композиата вполне применимо к псл. **l'ude-myslъ* «о людях/племени мыслящий», где **l'ud-* как ‘народ, люди’ (знач. рефлексов см.: ЭССЯ 15, 194) по функции эквивалентно иран. **arjā-* (народ ариев, арии), а *myslъ ‘«мыслый», думающий’, также как иран. **mana-*, имеет в основе и.-е. **men-* ‘думать’. Нам пока не известны аналоги **l'ude-myslъ*: **arjā-man-* за пределами иранского и славянского, потому эти композиты предварительно можно определить как общественно-религиозные термины, выработанные в период славяно-иранских контактов. Если эти термины обозначали вождя народа, который в древнем обществе часто обожествлялся, то употребление их в качестве теонима (возможно, через стадию имени легендарного предка), как в случае с арийским примером, закономерно.

Псл. *nezamyslъ/*nejъzmyslъ (?) ~ ср.-перс. *apēgumān*

Др.-чеш. *Nezamisl*, чеш. *Nezamysl* (Miklosich 78: **мысль**), полаб. *Nezemuiscles* (приводится по: Шафарик 201: читает как *Незамысль*). Производное на базе *ne zamysliti. Вместе с тем, полаб. имя совсем не однозначно в структурном отношении, т.к. допускает возможность параллельного прочтения как *nejъzmyslъ ~ *ne jъzmysliti, ср. чеш. диал. *zmysliti si* ‘выдумать, придумать’ (ЭССЯ 9, 50). Ср. близкое в плане мотивации (отчасти также и в этимологическом отношении – слав. **mysl-* : иран. **mana-*) ср.-перс. *apēgumān* ‘не имеющий сомнений’, ‘не сомневающийся’, где *apē-* – преф., указывающий на отсутствие какого-либо признака или качества (как рус. *без-*), *gu-* – непродуктивная приставка (как рус. *с-*), а корень *-mān* (в составе *gumān* ‘мнение’, ‘сомнение’) соотносителен с graes. *mēn* ‘думать’, ‘мыслить’ (Расторгуева 36, 83) ~ перс. *gumān* ‘(со)мнение’, ‘вера’, ‘убеждение’ (Cheung 263: **man-*).

Псл. *pravomyslъ ~ др.-перс. *Ardumaniš*

Пол. *Prawomyśl* – известное назв. местности (р-н Бяловежи), произв. на *-jъ* от соответствующего антропонима. Архаичное антропонимическое сложение adj. *pravъ с *myslъ, букв. – *‘праведный в помыслах’, ‘справедливый в замыслах’. Псл. *pravomyslъ имеет близкий в типологическом и (частично) этимологическом отношении иран. аналог в виде др.-перс. *Ardumaniš* (в эламской передаче – [*artumanniš*], в вавилонской – *a-ar-di-ma-ni-iš*) – имя одного из союзников Дария против Гауматы, состоящее из *ardu-* ‘справедливый, верный’ и *maniš* ‘разум; мысль’ (Tolman 67). Принимая во внимание этимологическое тождество псл. *myslъ : иран. **mana-*, их одинаковую роль в составе антропонимов-композит и тесные славяно-иранские контакты древнейшей поры, имеет смысл говорить об одном из многих следов языкового взаимодействия (возможно, речь идет о кальке) двух этносов, представленном *pravo-myslъ : **ḡdu-mani-* (ср. подачу в ЭСИЯ 1, 206 др.-перс. *Ardu-mani* под **ḡdu-* – расширением корня **ar-* : **ḡ-*, легшего в основу иран. слов со знач. порядка, правильности, истины).

Псл. *vyšemyslъ ~ зап.-иран. Σμερδομένης (*Bṛdamaniš)

Полаб. *Vezemuiszl*, XI в. (пример взят из: Press 13: как **vyšemysl-*). Сложение **vyše* (срп. ~ **vysokъ* ‘высокий’) и **myslъ*, часто выступающего составной частью антропонимов-комполит. Псл. **vyšemyslъ* (= ‘[более] высокого образа мысли’) представляет собой один из следов славяно-иранского языкового взаимодействия в лексико-семантической сфере, сопровождавшегося выработкой суммы общих моделей номинации для двусоставных личных имен с обязательным этимологическим тождеством одного или обоих составляющих компонентов. Как иран. соответствие слав. форме может быть указано упомянутое у Геродота Σμερδομένης – имя сына Отаны, т. е. **Brdamaniš*, составленное из **brd-* – форма с «юго-западным» *d* к иран. **brz-* ‘высокий’, ‘возвышенный’, ‘великий’, т. е. ‘высокого образа мысли’ (Грантовский 273), и **man-* < и.-е. **men-* ‘думать’, которое в славянском осложнено суфф. *-sl-*. Предложенное соответствие псл. **vyšemyslъ* : зап.-иран. **Brdamaniš* – свидетельство контактов предков западных славян с иранскими народами;

в) остальные сложения:

псл. ***dobrotvorъ** ~ иран. *Uakirtu* (***Vahu-kṛta-**)

пол. *Dobrotwór* – совр. фамилия (SNP 2064), укр. стар. *Добротворъ* – имя (Демчук 44), произв. *Добротворъ* (в пол. документах *Dobrotwór*), XIX в. – назв. местности в бывш. Золочевском уезде (Галичина; Головацкий 102), представляющее собой j-овый посессив (с отвердевшим конечным *-p*).

Образование на базе **dobro tvoriti*, хотя не лишено вероятности также предположение о кальке с иран. имени типа **Vahu-kṛta-* (в аккадских фиксациях 714 г. до н. э. – *Uakirtu*, *Makirtu*), состоящего из **Vahu-*, которое в качестве первого члена иран. имен-комполит употреблялось преимущественно с религиозно-моральным знач. ‘благой’, ‘добрый’, и **kṛt-* ‘совершающий действие’, ‘деятельный, активный’, ‘дело’, ‘действие’, ‘деяние’, ср. авест. *kərət-* ‘делающий’, ‘активный (в чем-либо)’ (см. о нем: Грантовский 139, 241, 247). Оба эти толкования не являются взаимоисключающими: возникнув как продукт ирано-славянского взаимодействия в лексике нравственно-идеологической сферы и связанной с ней антропонимии, псл. **dobrotvorъ* было поддержано этической формулой **dobro tvoriti*, состоявшей из того же генетического материала и способствовавшей закреплению композита в группе личных имен, образованных от словосочетаний с нравственной семантикой.

Псл. ***potomirъ** ~ иран. ***Miθra-pāta-**

Слав. *Потомир*, XVII в. – имя сына гетмана Костина (МЭФ 86). Восстановленная форма интересна тем, что сохраняет и.-е. социальный термин **pot-s* ‘господин’, ‘глава (рода, селения, дома)’, который в славянском реализуется исключительно в составе нескольких сложений (ср. **gospodъ*, **potъbĕga*; ЭССЯ 7, 61–63). Эта структура, состоящая из **pot-* & **mirъ*, где второй компонент, согласно исследованию В. Н. Топорова, обозначал также мир как общину, имеет близкую аналогию в виде др.-инд. *mitra-pati-*, иран. **Miθra-pāta-* (приведены по: Топоров 2006, 94, где в качестве слав. соответствия

арийским формам указано **Voldi-mirь*) с тем же **pot-*, но уже инвертированным, ср. также структурно и семантически одноплановое др.-инд. *viśpāti-* ‘господин, глава общины’ < и.-е. **uoīk-pot-* ‘господин, глава селения’ (ЭССЯ 7, 62).

2. Вторую группу составили:

псл. **bьrdomirь* ~ ср.-перс. *Burz-mihr-*, бактр. *Borzomiiuro*, *Borzomioro*, *Borzomiro* (зап.-иран. **Brdā-miθra-*)

Др.-серб. *Брадимир* (*Franciscus Bradimir*, 1332 г.). Это имя, зафиксированное в Шибенике, В. Михайлович приводит среди производных от *Брад-* ~ *брáда* ‘борода, подбородок’, оставляя, однако, открытым вопрос о семантической мотивировке объединения *Брад-* с *-мир* в одном слове и отмечая отличие *Брадимир* от антропонимов типа *Жутобрад*, *Мркобрад* (Михајловић 95). Неуверенность сербского исследователя в определении функции препозитивного *Брад-* вполне понятна: если в последних двух фамилиях оно действительно тождественно названию бороды, которому предшествуют определения *жyт* ‘желтый’ и *мрж* ‘темный’, и структура слов видится абсолютно прозрачной (как в рус. *желтобородый*, *темнобородый*), то в *Bradimir* его наличие под сомнением как раз из-за неясности логики всего сложения. Обоснованно можно говорить только о том, что *Bradimir* это действительно сложная структура и что в нем выделяется препозитивный сегмент, внешне напоминающий схв. *брáда*, и постпозитивный, фонетически равный *мир*. Ситуация подсказывает, что, скорее всего, перед нами слово с переосмысленной морфологией, обычно встречающейся либо у реликтовых форм, либо у древних заимствований.

Предложенный выше прототип представляет славянское освоение иранского личного имени **Brdā-miθra-*, т.е. зап.-иран. формы к восстанавливаемому в литературе **Brdā-miθra-*, ср. такие его продолжения, как ср.-перс. (из сев.-зап.) *Burz-mihr-*, бактр. *Borzomiiuro*, *Borzomioro*, *Borzomiro* (ЭСИЯ 2, 118: **barž-* : **brž-* ‘быть высоким; поднимать(ся) кверху, возвышаться’, ‘увеличиваться в размере, в силе’), т.е. ‘Возвышенный Митрой’. В праславянские диалекты Балкан **Brdā-miθra-* проникло тем же путем (и, вероятно, в то же время – V в. н.э.), которым остальные, немногочисленные, западно-иранские лексемы попали в речь другого балканского народа – албанцев (см.: Орел 51: с замечанием, что вопрос о зап.-иран. элементах может быть поставлен и для ю.-слав. языков). Имеется в виду прямое заимствование из языка западно-иранских этнических групп, вторгшихся на Балканы в составе союза булгарских племен.

Дальнейшая судьба **bьrdomirь* напоминает развитие других имен, вырванных из их родной языковой среды: вторая часть адаптированного к слав. фонетике иран. имени, будучи исконно родственной и фонетически близкой псл. **mirь*, позднее так и воспринималась как *-mir*, первая же, видимо, из-за отсутствия сколько-нибудь устойчивых ассоциаций с схв. корнями,

сочетавшимися с *mir* в композитах, рано попала под влияние имен с сегментом *brad-*, ср., напр., **ob-rad-*, т. е. **Bъrdomirъ* > **Brdomir* > *Bradimir*.

Едва ли стоит видеть в *Bradimir* исконное **Ob-radi-mirъ* – при значительной популярности в схв. антропонимии сложения **ob-rad-* (ср., напр., имя выдающегося серб. просветителя XVIII в. Досифея *Обрадовича*) трудно предположить переразложение основы, которая поддерживалась тесным структурным соотношением с большой группой морфологически близких образований. Тогда пришлось бы говорить о единичном случае декомпозиции, странным образом не затронувшей остальные имена с этой основой³⁸.

К упомянутому выше иран. **Bz̄ā-miθra-* ср. личные имена с иным порядком компонентов (+ суфф.): парф. *mtrb(rzn)|Mihrbarzan* < **Miθra-bz̄āna-* ‘Возвышающий Митру (?)’, *Μιθραβαρζάνης*, в эламской передаче – *Mitraparzana* (Лившиц 2010, 110: как **Miθrabz̄āna-*).

Псл. **bogomanъ* (?) ~ иран. **Baga-mana-*, **Baga-manu-*

Ст.-рус. Тихом-р *Богаманов*, 1637 г. (Пам. ЮН 75). Кажущаяся прозрачность структуры антропонима, на первый взгляд, делимого на **bogъ* & **man-* (~ **maniti*, ср. др.-серб. *Manislav*, XIII, XIV вв.; ЭССЯ 17, 197), в действительности не дает ни малейшего намека, хотя бы, на общие контуры семантики сочетания подобных компонентов. Часто такая ситуация возникает при работе с заимствованиями, морфология которых была переосмыслена под давлением внешне сходных элементов заимствующего языка. Продолжая эту мысль, укажем вероятность того, что **bogomanъ* – это адаптация иран. **Baga-mana-*, где к обозначению бога присоединено **mana-* ~ и.-е. **men-* ‘думать’ (ср. далее слав. **bogomyslъ*, **božemyslъ*), или же **Baga-manu-* со второй частью **manu-* ‘муж, мужчина’ (‘муж перед Богом’, ‘божий человек’), не известной большинству иранских языков, но отмеченной в скифском и осетинском (см. Абаев 1965, 30). Такие имена могли существовать у скифов (отсутствие их в известных сегодня списках имен не может быть доказательством обратного из-за фрагментарности сведений о скифской антропонимии), и, если верна наша догадка, при заимствовании в славянский их постпозитивный элемент должен был оформиться как *-manъ*, а не *-monъ* (при ожидаемом о < иран. а) именно из-за отождествления его с корнем глаг. **maniti*, выступающим составной частью слав. имен-комполит.

Псл. **kъrtobogъ* (**kъrdobogъ*?) ~ иран. **Kṛta-baga-/Kṛda-baga-*

Др.-пол. *Cordebog*, 1418 г., *Cordbog*, 1424 г., *Cordebogk*, 1433 г., *Kord(e)bog*, *Kortbok*, *Kurdebok*, *Kordbok*, *Korc(z)bog*, *Korc(z)bok* – личные имена (SSNO III, 83, 85). Ранее др.-пол. *Kordbog*, *Kordebog*, наряду с антропонимом

³⁸ Из доступной сегодня южнославянской антропонимии с указанной основой декомпозиция *Об-рад* > *О-брад* и далее – *Брад* наблюдается лишь в одном болг. примере, ср. **Брад**, XV в. при **Обрад**, XIII в., серб. *Обрад*, *Обрадац*, *Обрадио*, *Обрадин* (приведены по: Васильев 218).

Kord, толковались как исконно славянские образования, содержащие посл. **kъrd-* ~ и.-е. *(s)ker- ‘гнуть’, ‘резать’ (Козлова 157), но при этом компонент *-bog*, равно как и весь характер сложения, остался в тени. Принять предложенную этимологию можно лишь удовлетворившись общим подобием отдельных графических вариантов др.-пол. имени предполагаемому прототипу, но далее предположений о чем-то связанном с понятием неровности или же о чем-то, что было укорочено, урезано, отделено, исследование генезиса этого антропонима не продвинется.

Прежде всего, нужно выяснить, какую из известных форм считать этимологически наиболее авторитетной, т. е. максимально приближенной к прототипу, и, соответственно, что это за прототип. Принятие в качестве основного варианта с *-d-* означает согласие с реконструкцией **kъrd-* и игнорирование остальных фиксаций. Семантика группы лексем, с той или иной степенью достоверности возводимых к **kъrd-* (Козлова 153–178), может быть обобщена в виде ‘ограда’, ‘кладь/копна сена, поленица’, ‘множество’, ‘изогнутый’, ‘изгибаться’, ‘короткий, низкорослый’, что также не способствует прояснению смысла всего композита с не вполне понятной второй частью. Если предположить за перебоем конечных *-g* : *-k* неточную запись *bok* ‘бок’, в перечисленных именах можно усматривать старое *Kardo-bok или вариантное *Karto-bok = *Кривобокуй*. Однако слав. лексика такого рода образовывалась не от **kъrd-/kъrt-*, а от основы **kъrn-* ‘обрезанный, поломанный’, ср. *kъrnodurъjъ, *kъrnolarъjъ, *kъrnopalъjъ, **kъrnorokъ(jъ)* и др. (ЭССЯ 13, 232–233), потому трактовка др.-пол. слов как *Kardo-bok или *Karto-bok выглядит сомнительной.

Делая ставку на фиксации с *-t-*, мы приходим к новому решению. Кажется, названные антропонимы могут быть непротиворечиво истолкованы как иранское заимствование праславянской эпохи, а именно – **Kъta-baga-* с первым компонентом, соотносительным со скиф. *karta*, авест. *karata* ‘меч, нож’ & иран. названием Бога, божества, букв. ‘[Кто] с мечем Бога’ или ‘Меч Бога’, ср. инвертированное иран. **Baga-karta-/Baga-kъta-*, возможно, отраженное в *Bagakart* – 1) имя царя персов (на монете с его изображением); 2) вероятно, имя его же внука (Justi 57: без объяснения). К примерам деривации иран. личных имен от **karta-/kъti-* ‘меч’ ср. скиф. *Carthasis* – брат скифского царя времени Александра Македонского = *kart-as* ‘меч асов’ (*as* – скифское племя) (Абаев 1979, 293). Варианты с *-d-* являются либо результатами деэтимологизации имени (тогда становится ясным и происхождение фиксаций *Korc(z)bog*, *Korc(z)bok*), свою роль в которой сыграла ассимиляция по звонкости *tb* > *db* после утраты *-o-*, либо продолжениями **Kъda-baga-* – вторичной к *Kъta-baga-* диал. формы, ср., напр., рефлексы **karta-/kъti-* с этим *-d-* в ЭСИЯ (4, 314–316). Собственно, неясность хронологии, причин озвончения зубного (ассимиляция на слав. почве – только одна из вероятных) и обусловили подачу *kъrdobogъ с вопросительным знаком. В завершение отметим: если предложенная этимология верна, то иран.

Kṛta-baga-* (Kṛda-baga-*?) может оказаться еще одним дополнением к списку слов, обозначенных О. Н. Трубачевым как Polono-Iranica.

Литература

Абаев 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. I.

Абаев 1965 – Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. – М. : Наука, 1965.

Абаев 1979 – Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 272–364.

Васильев – Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005.

Головацкий – Головацкий Я. Географический словарь западославянских и югославянских земель и прилежащих стран. – Вильна, 1884.

Грантовский – Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии: 2-е изд., испр. и доп. – М. : Вост. литература, 2007.

Демчук – Демчук М. О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV–XVII ст. – К. : Наук. думка, 1988.

Козлова – Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. – Гомель: БелГУТ, 1997.

Лившиц 2003 – Лившиц В. А. Согдийские документы из замка Чильхуджра // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Вост. литература, 2003. – С. 77–88.

Лившиц 2010 – Лившиц В. А. Парфянская ономастика. – СПб. : Петерб. лингвист. общество, 2010.

Майков – Майков А. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа. – М., 1857.

Михајловић – Михајловић В. Српски презименик. – Нови Сад : Аурора, 2002.

Морошкин – Морошкин М. Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб., 1867.

МЭФ – Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи 1671–1710. – Кишинев : Штиинца, 1992. – Т. VI.

Орел – Орел В. Э. Балканские этимологии // Балканско езикознание. – 1984. – Т. XXVII, № 4. – С. 49–54.

Пам. ЮН – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. – М. : Наука, 1993.

Расторгуева – Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык. – М. : Наука, 1966.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л. ; С.-Петербург : Наука, 1965–2006. – Вып. 1–40.

Стеблин-Каменский – Стеблин-Каменский И. М. Комментарий // Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, вступ. статьи, комментарии и приложения И. М. Стеблин-Каменского. – СПб., 2009.

Топоров 1995 – Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М.: Гнозис, 1995. – Т. 1: Первый век христианства на Руси.

Топоров 2006 – Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // Исследования по этимологии и семантике. – М. : Языки славян. культуры, 2006. – Т. 2, кн. 2. – С. 11–141.

Трубачев – Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования: 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003.

Шафарик – Шафарик П. Й. Славянские древности / Пер. с чеш. О. Бодянского. – М., 1848. – Т. II.

Шульгач – Шульгач В. П. Нариси з праслов'янської антропонімії. – К. : Довіра, 2008.

Эдельман – Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. – М. : Вост. литература, 2002.

ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. – М. : Вост. литература, 2000–2011. – Т. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд. – М. : Наука, 1974–2011. – Вып. 1–37.

Bartholomae – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg, 1904.

Cheung – Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. – Leiden; Boston, 2007.

Hinz – Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. – Wiesbaden, 1975.

Justi – Justi F. Iranisches Namenbuch. – Marburg, 1895.

Majtán – Majtán M. Chronologické a geografické rozvrstvenie zložených slovanských osobných mien // Slovenská reč. – 1986. – Roč. 51, č. 4. – S. 206–210.

Miklosich – Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. – Heidelberg : Carl Winter, 1927.

Press – Press J. Ian Aspects of the Phonology of the Slavonic Languages: The Vowel *y* and the Consonantal Correlation of Palatalization. – Amsterdam, 1986.

SNP – Słownik nazwisk używanych w Polsce na początku XXI wieku / [oprac. K. Rymut]. – Kraków: PAN, 2003 (электронная версия).

SP – Słownik prasłowiański. – Wrocław etc., 1974. – Т. I.

SSNO – Słownik staropolskich nazw osobowych. – Wrocław etc. : PAN, 1965–1985. – Т. I–VII.

Tolman – Tolman H. C. Ancient persian lexicon and the texts of the Achaemenidan inscriptions transliterated and translated with special reference to their recent re-examination. – New York etc., 1908.

**ЛИЧНАЯ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ В СВЕТЕ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ****(на материале гибридных русско-церковнославянских текстов XI–XVII вв.)**

В самых ранних памятниках письменности *нравственно-религиозного* содержания конца XI в. – переводных сборниках (Изборник 1076 года, Синайский патерик), ярко отражающих христианское *новозаветное* мировоззрение и, по свидетельству исследователей, фонетические, орфографические и грамматические особенности *русского* языка [Введение 1967: 8–9; Мушинская 2009: 32; Колесов 1999: 549], в сфере наименований **единичного взрослого лица** мужского пола (причем поразительно многочисленных, включающих разнообразные суффиксальные производные) практически отсутствует архаическая вариативность сингулярных форм именительного-винительного (И=В) и родительного-винительного (Р=В) падежей (количественный анализ см. [Ильченко 2011: 66–74]).

Русские редакторы самых ранних переводных сборников нравственно-религиозного содержания последовательно и упорно внедряют в сознание «новых людей» – *новых христиан* – моральные установки христианской этики. При переводе с греческого многие контексты ранних русских рукописей претерпели серьезное *идейное* и *художественное переосмысление* в соответствии с нуждами *восточного славянина*. Так, в Изборнике 1076 года вполне сознательно при передаче греческой *философской терминологии*, особенно лексики *стоицизма* и *неоплатонизма*, приводятся соответствующие *славянские* слова и понятия; встречаются перестановки или сокращения изречений [Колесов 1999: 549]. По мере того как рос объем греческих текстов, соотносимых с отдельными разделами Изборника 1076 года (в настоящее время 80 % славянского текста соотнесено с греческими источниками), становилось все очевиднее, что подбор греческих параллелей – лишь часть работы, которая необходима для понимания истории этого памятника. Обнаруживаемые почти в каждой главе значительные расхождения между славянским и греческим текстами являются, по мнению большинства исследователей, следствием переработок исходных славянских переводов [Мушинская 2009: 32], причем говорят о трех последовательных стадиях изменения текста и о восточнославянской принадлежности редактора общего протографа списков.

Обращает на себя внимание отсутствие вариативности в обозначениях лиц мужского пола и в других памятниках древнерусского литературного языка *религиозного содержания*. Так, при анализе древнейшего в языковом отношении списка «Хождения» игумена Даниила – Макарьевского I списка (Моск. Син. Б-

ки, № 181, XVI в.), более близкого к первоисточнику начала XII в., чем другие дошедшие до нас списки XV–XVI вв. [Измайлова 1966: 3–5], были обнаружены только формы Р=В ед. ч. (59 случаев) от одушевленных существительных м. р. с основой на *-о, обозначающих лиц мужского пола, причем независимо от наличия или отсутствия при них других имен в форме Р=В, например: **кнѣзь позва нгоумена** (Н. 142, Мак. I, В. 132, ПБ. III, С. 115, Ф. 84), **Петръ Апостолъ и Иоанъ Богослов хромца и слѣпца исцѣлста** (Н. 40, Мак. I, В. 32, ПБ. III, Ф. 40, Рум. 2) [там же: 8–9].

Вообще господство формы Р=В (почти 100%) у лично-одушевленных существительных *masculina singularia* является отличительной чертой памятников церковнославянского языка *восточнославянской редакции* (в южнославянских текстах архаическая вариативность форм И=В и Р=В представлена далеко не единичными случаями) – об этом свидетельствует и разительный контраст в отношении сохранения сингулярной формы И=В для обозначения лиц в *восточнославянской* (4 формы) и в *южнославянской* (74 формы) частях Успенского сборника XII–XIII вв., на который обратила внимание А. Болек [Болек 1977].

В обозначениях же **множества лиц** в текстах *религиозного* содержания (где форма Р=В ед. ч. для обозначения конкретного и единичного лица мужского пола является регулярной уже с XI в.), наоборот, довольно долго (вплоть до XVII в.) сохраняется архаическая форма В. п. мн. ч. (Геннадиевская Библия 1499 г., Великие Минеи-Четии XVI в. и др. – примеры см. в [Ильченко 2011: 120–124]), тогда как уже с XV в., как свидетельствуют наши источники [Ильченко 2011: 125–127] и материал грамот [Борковский 1949: 58], нормой *делового стиля* становится форма Р=В в обозначениях множества конкретных лиц. Для языка писателей-старообрядцев (четырёх расколоучителей – протопопа Аввакума Петровича Кондратьева, дьякона Федора Иванова, попа Лазаря Романовского и инока Епифания), которых называют «пустозерские сидельцы», также характерна невыраженность категории одушевленности во мн. ч.: *все люди с голоду поморил* [Кортава 2004: 186]. Причем это не потеряло актуальность и для новоцерковнославянского языка.

Различное падежное оформление имен существительных со значением **единичного лица** мужского пола (Р=В) и **множества лиц** (В. п.) в позиции прямого (по аналогии – и косвенного) дополнения, характерное для памятников церковнославянского языка *русского извода*, отражает, по нашему мнению, специфику конкретизации двух общих онтологических принципов *восточнохристианской антропологии*, суть которой подробно раскрывается в философских трудах С. С. Хоружего. Остановимся на ключевых аспектах антропологии в философских и религиозных концепциях (подробнее см. [Хоружий 1994]).

Цельная *антропологическая* концепция обязательно основывается на двух принципах, характеризующих *Dasein* ('здесьнее бытие'):

- 1) в аспекте бытийной *статики* как онтологически пребывающее;

2) в аспекте бытийной *динамики* как онтологически изменяющееся, подвижное. «Существование человека занято двояким делом: оно *держится* и *движется*» [Хоружий 1994: 263]. Различия философских направлений и религиозных традиций связаны с *различными трактовками* этих двух принципов.

Принцип *онтологического пребывания* применительно к здешнему бытию может раскрываться двумя путями. Сущее трактуется либо как *механическое* единство, либо как *органическое* единство (в православии).

При характеристике *онтологической динамики* здешнего бытия оперируют двумя главными видами связи двух образов бытия (=связи человека и Бога):

1) *по сущности* (от платонизма, в том числе христианского, неоплатонизма – к русской софиологии и метафизике всеединства);

2) *по энергии* (онтология православия – самый чистый образец данного типа, хотя неотрывность Богообщения от устремленности к Божией благодати как действию Св. Духа можно разглядеть в корнях многих учений, например у св. Бернарда Клервоского: *non substantiarum, sed voluntatum conjunction* «не сущностей, но воля сопряжение» [подробнее см.: там же: 264])

В православии, как отмечает С. С. Хоружий, образ существования **человека и общества** рассматривается как горизонт реальности, *статический аспект* которого характеризуется *органическим принципом*, а *динамический аспект* – *принципом энергийно-синергийного* соединения человека и Бога.

С одной стороны, в согласии с *органическим* принципом православной антропологии (онтологическая *статика*), здешнее бытие, и с ним **социум**, мыслится как обобщенный организм, т. е. такое единство множества, где части подчинены целому, и лишь в составе него, от него получают свой смысл и ценность. Представление о **множестве лиц** как *совокупном, собирательном, органическом целом* требует сохранения формы В. п. мн. ч. и соответствует таким типичным семантическим характеристикам объекта в аккумулятиве, как 'целостность', 'неподвижность', 'полнота охвата действием'.

С другой стороны, **личность** – признанное открытие христианства. Православие, несмотря на ключевую и центральную в антропологии категорию личности, принадлежащей горизонту не здешнего (тварного), а совершенного (Божественного) бытия и составляющей для человека задание, предмет стремления (**теоцентрический персонализм**), – это бескомпромиссное утверждение ценности и достоинства человеческой личности: «Соединение с Богом несет для человека развитие и утверждение личного начала в нем, утверждение его индивидуальности через уникальность его личных отношений с Богом» [Хоружий 1995: 81]. Христианское личностное видение человека предполагает размах человеческой свободы и усиление личной ответственности – лицетворение. В согласии с *синергийным* принципом православной антропологии (онтологическая *динамика*), человек, подвизаясь в стяжании благодати, в горизонте здешнего бытия выступает как всецело независимый,

суверенный деятель, ни с чем в сравнении не вторичный. Он обладает полнотой *свободы*, полнотой *ответственности* (самым важным из 14 семантических свойств агенса, по Дж. Лакоффу) и полнотой диапазона творческого, *преобразующего действия* в тварном мире. Такое представление об **отдельном человеке** требует формы $P=B$ и соответствует таким типичным семантическим характеристикам объекта в грамматикализованном аблативе, как ‘проявление самостоятельной активности’, не позволяющей действию субъекта перейти на объект без проявления активности (воли) со стороны последнего, что противоречит типичным семантическим характеристикам объекта в форме $I=B$.

Как и другие философские и религиозные доктрины, православие вынуждено было решать проблему «ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО» как проблему совмещения *органического* и *синергийного* принципов, находящихся в антиномическом отношении применительно к социальному бытию, так как оба принципа выдвигают на первый план различные его стороны.

Православие предполагает *свободу* и *ответственность* человека, однако в стяжании благодати непременно присутствует *соборный аспект* – православная мистика церковна. Хотя *социальное содержание* православного синергизма далеко не расшифровано до конца, однако в понятии **СОБОРНОСТИ** (путь к его раскрытию намечен в богословских набросках Хомякова и интуициях позднего Достоевского) вслед за С. С. Хоружим мы видим сопряжение двух фундаментальных принципов православной антропологии.

Таким образом, православие создало новую антропологическую реальность – концептуализация этой реальности в *восточнославянском религиозном дискурсе* отразилась в гибридных русско-церковнославянских текстах XI–XVII вв.: предпочтение той или иной падежной формы для обозначения **единичного лица** ($P=B < \text{Отл. п.}$) и **совокупности лиц** ($B. \text{п.}$) исходит из православных представлений восточнославянского книжника об отдельном человеке и обществе (множестве людей).

Литература

Болек А. Становление категории одушевленности (на материале Синайского патерика, Успенского сборника и Русской правды): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 207 с.

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: (Простое предложение). – Львов: Изд-е Львовского ун-та, 1949. – 392 с.

Введение // Синайский патерик / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина / Под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1967. – С. 5–9.

Измайлова Л. С. Именное склонение в «Хождении» игумена Даниила: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1966. – 25 с.

Ильченко О. С. История категории одушевленности в русском языке. – СПб: Нестор-История, 2011. – 224 с.

Колесов В. В. Из Изборника 1076 года // Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 2. XI–XII вв. – СПб: Наука, 1999. – С. 549–550.

Кортава Т. В. Особенности глагольного управления в сочинениях «пустозерских сидельцев» // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Казан. гос. ун-т им В. И. Ульянова-Ленина, 2004. – 364 с. – С. 186.

Мушинская М. С. Издание 1965 года и новый этап изучения памятника // Изборник 1076 года. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. I. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 744 с. – С. 32–33.

Хоружий С. С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С. 80–94.

Хоружий С. С. Проблема личности в православии: мистика исихазма и метафизика всеединства // С. С. Хоружий. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 263–275.

© Татьяна Александровна Исаченко
(Москва)

ПИФИКИ И БАНДЕРЛОГИ

(к истории одной неуцтенной цитаты Букваря Кариона Истомина)

1. «Прототекст» и культурный контекст.

1.1. Одним из наиболее известных детских букварей допетровской Руси является Лицевой Букварь Кариона Истомина (ЛицБКИ), преподнесенный царице Наталье Кирилловне в начале 90-х гг. XVII в. в качестве наглядного пособия для обучения царских детей Софии, Иоанна и Петра Алексеевичей. Рукописный вариант «Букваря» появился в 1693, а его печатная версия – в 1694 г. (переиздание – 1696 г.). Рукописный букварь 1693 года представлял собой высокохудожественное произведение, выполненное в красках и золоте (рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 92, 1693). Пособие является первым иллюстрированным букварем Московской Руси, общее количество его миниатюр и рисунков, размещенных на 38 листах издания, составляет 400³⁹. В

---

³⁹ Букварь Бурцова 1637 г. с гравированным фронтисписом воспроизводил лишь одну гравюру, восходящую к польским букварям нач. XVII в.: на переднем плане учитель сечет розгой ученика.

новом пособии Истомин использовал способ наглядного представления материала, заимствованный у чешского просветителя Яна Коменского⁴⁰.

Как видно из способа построения ЛицБКИ, его спецификой является синтез текстового и иллюстративного материала. Каждая буква БКИ занимает здесь отдельную страницу. В лицевых изображениях заглавных букв можно видеть представителей разных слоев общества и профессий: воинов, кузнецов (Ѓ), артистов (Ж, З), сокольничего (Ч); крестьян, горожан, жителей Немецкой Слободы, которых можно узнать по платью. Присутствуют изображения сцен: церковного причастия (Щ) и кулачного боя (Ѡ, ѡ), буква «зело» изображает воина, склонившегося к молитве. В рукописи (1693) и последующих печатных изданиях Букваря эти изображения варьируются.

В качестве иллюстративного материала Букваре представлены также великолепные образцы начертаний буквы в разных стилях от вязи до скорописи – по-славянски, но по-гречески и по-латыни. Рисунки людей, растений и животных, построек и предметов быта сопровождаются подписями. Тематически изображения делятся на толковые, обучающие, назидательные. Толкования сопровождают, как правило, предметы церковного быта, а также изображения редких животных и птиц: агкифа, аспид, алектор (петух), гамаюн, единорог, ехидна, исхинилат (горностай), иппокентавр, кит, натопырь (летучая мышь), хорт (собака), барб (тигр), выдра. Присутствует и познавательная (обучающая) составляющая в толкованиях изображений: «Азия», «Африка» и «Америка» сопровождаются подписями «часть 1-ая земли», «часть 2-я земли», «часть 3-я земли». Изображение виноградной лозы с подписью «виноград» дает представление об этой редкой и малоизвестной в Московии ягоде. Назидательная направленность просматривается в подписях, сопровождающих многие изображения. Например, жениха и жены (буква Ж): «Родяша чада, люди умножают/ На хвалу Богу землю населяют». Среди рисунков можно встретить лиц, принадлежащих той или иной профессий и роду занятий ("звездозаконник" со зрительной трубой, "историограф" с книгой и чернильницей в руках, «музыканты», играющие на смычковых, струнных, духовых инструментах, языческая богиня Юнона с подписью «богиня поганская») – все это многообразие сочетается со следующими виршами, например: «Из начала лет юн всем обучайся», «Из начала брань в мире обитает,/ юныя люди жити обучает», «Гулякам юным не сладка наука,/ за своеволю в веригах им мука».

---

⁴⁰ Komenský, Jan Amos (1592–1670). Joh. Amos Comenii Orbis sensualium pictus. Hoc est, Omnium fundamentalium in mundo rerum... pictura et nomenclatura... Editio tertia... auctior et emendatior... Die sichtbare Welt, Das ist: Aller vornehmsten Welt-Dinge, und Lebens-Verrichtungen, Vorbildung und Benamung. Drittenmahl aufgelegt... Noribergae [Nürnberg]: sumptibus Michaelis et Joannis Friderici Endteri, 1662, 1666, 1679, 1688.

«Звезда блистает в своей мере всяка,/ Звездозаконник смотрит в небе знака». Однако многие стихи представляются загадкой, современному читателю недоступной.

1.2. Коснемся одной из таких загадок Букваря Кариона Истомина, связанной с толкованием неучтенной СлРЯ XI–XVII вв. цитатой, расширяющей смысловое поле, связанное со словом *пифик* ‘обезьяна’. В иллюстративном ряду на соответствующем листе с буквой «Покой» присутствуют: *перстень*, *пуговица*, *потир* (‘кубок, чаша’), *перо* (заточено для письма), *палата* (изображено здание в виде ворот в город с несколькими входами, окнами, а справа видна *дымница* — печная труба, характерная для изб), *пояс*, *парус* (напоминающий занавес), *пицаль* (огнестрельное оружие), *праща́* (‘ремень для метания камня’, сложен петлей и имеет сетку или донце для камня), *плинфа* (разновидность кирпича), *пифик*. Под изображениями, ниже, в два столбца располагаются стихи, которые сгруппированы по рифмам:

Покой от труда/ всякому есть знати,
егда будеши/ и пером писати.
Парус желанный/ людем в добро пушай,
палату сердца/ в пост тело усушай.
Стреляй ко Богу /мислию твою,
Он опояшет/ силою своею.
Чистоту в любви /пугвица застегнет,
Аще плинф греха /кто свобод отбегнет
Пращею молитв /враги побеждати,
пифики бесы/ не имут стужати.

Первая вирша «Покой от труда...» дается пониманию легко. Вторая, повествующая про *парус желанный* и про *палату сердца*, в своей замысловатой аллегории уже понимается сегодня с трудом. Следующие две аллегории («Стреляй ко Богу /мислию твою» и «Чистоту в любви / пугвица застегнет») в принципе понятны современному читателю. Первая, приблизительно, означает: ‘Бог укрепляет человека по его молитвам’, второе же, во всей вероятности, ‘греховное искушение преодолевается целомудрием’. Однако смысл последней вирши семантически затемнен, употребленное автором выражение *плинф греха* также загадочен, как и окончание четвертой рифмы – «пифики беси/ не имут стужати».

1.3. Грамматическая конструкция фразы *пифики беси/ не имут стужати* представляет собой следующие друг за другом два существительных во множественном числе (*пифики* и *бесы*) плюс глагол *имати* в форме 3 л., мн. ч. с отрицанием «не» > *не имут*, дополненный архаичным глаголом *стужати*. Аналогичной древнерусской конструкцией с двумя именными формами,

соединенными глаголом *не имут*, является выражение *мертвые сраму не имут*, зафиксированное летописью⁴¹. Смысл фразы раскрывается через летописный контекст; слова произносит князь Святослав Игоревич, обращаясь к своим воинам перед битвой с византийцами (970 г.): Да не посраим земли русская, поляжем костями тут – мертвыи бо срама не имут. Последнее, следовательно, означает ‘павшим воинам отпускаются грехи’, поскольку *срам* в древнерусском языке означает в одном из значений одновременно и ‘позор’, и ‘грех’, павшие зачастую уходят из земной жизни без традиционного предсмертного покаяния.

Глагол *стужати* в церковнославянском языке означает ‘докучать, тревожить, беспокоить, стеснять’: Мнози изгоняюции мя и стужаюции ми (Пс.118,ст.157). В сочетании *стужение демоновъ* – всегда однозначно толкуется как ‘нападение демонов’. *Не имут стужати* означает ‘не подвержены нападению демонов’. Сложнее обстоит понять: кто на кого не может нападать: пифики на бесов или бесы на пификов?

Пифик является гапаксом греческого *πίθηκος*, обозначающего обезьяну. Слово, закрепившееся в современном узусе, является заимствованием из персидского "абuzинэ", но современникам Кариона Истомина оно известно не было. В литературных памятниках Древней Руси *пифик* фиксируется единичными употреблениями – большей частью обезьяна неизвестна древним русичам. Образ обезьяны как глупого, лицемерного и неосмотрительного существа представлен одной цитатой из «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, описывающего трагические события польско-литовской интервенции нач. XVII в.⁴² («безсловеснии пифицы соплетяхомся неразумием», что означает ‘мы сравнились глупостью и неразумием с бессловесными обезьянами’), и цитатой из Иоанна Дамаскина⁴³ («пифик не смеется сердцем, но точию образы: подражательно бо животно есть»). Но цитата Лиц БКИ древнерусскими словарями не учтена. В контексте *пифики беси/ не имут стужати* пифик предстает в образе осмотрительного, умного и хитрого существа, которому не может навредить диавол.

Можно предположить, что история появления этого образа в древнерусской литературе связана с притчей «О пифике и желве», которая восходит к индийскому эпосу. Образ мудрого пифика, спасающего свое сердце (душу), пришел на Русь вместе с циклом басен-притч, появившимися глубокой древности в Индии и получившего известность под названием «Панчатантра» («Пятикнижие»). В персидско-арабский версии переработанный цикл был известен под названием «Калила и Димна», с которого были сделаны европейские версии басенного цикла – латинская и греческая. В результате перевода с греческого на славянский, появившегося на Афоне в XIII–XIV вв.,

---

⁴¹ Преподобного Нестора Российский летописец. СПб. 1863.

⁴² Сл РЯ XI–XVII вв. Т.15.С.63. Ссылка на: Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951 (переизд.: СПб, 2004. С.70, 238. Прим.176).

⁴³ *То же*. Ссылка на : ВМЧ, декабрь, дни 1-5, стб.336.

возникло произведение со странным названием «Стефанит и Ихнилат», где именами собственными в русской повести стали греческие слова *στεφανίτης* и *ιχνελάτης* – результат тройного перевода и неверной этимологизации. Со временем славянский перевод «Стефанита и Ихнилата» потерял свою первоначальную связь с индийским эпосом. Популярность ее на Руси превзошла все ожидания⁴⁴. Выстроенное в форме бесед царя и философа, сочинение состоит из занимательных историй, преимущественно о животных, каждая из которых имеет свою мораль.

Притча об обезьяне (*пифике*) и черепахе (*желве*) повествует о том, как черепаха пыталась обмануть своего друга пифика и была обманута сама. Войдя в доверие, коварная черепаха просила своего друга обезьяну отдать ей свое сердце (душу), а умная обезьяна сумела обмануть «друга». Помогла уловка обезьяны, заявившей, что ее сердце осталось дома, вынудившая черепаху вернуться с середины моря на берег, чтобы забрать желаемое. В мировом фольклоре вместо черепахи часто выступает какое-либо морское животное: крокодил, черт, левиафан, змей, но место действия, как правило, неизменно – морская пучина, место обитания враждебных существ: « Сие море великое и пространное, тамо гади, имже несть числа, животная малая с великими, ...змий сей, егоже создал еси ругатися ему» (Псалом 103, 25, 26).

Ключ к пониманию притчи кроется в том, что сердце живого существа – его душа; всякая корысть, направленная против живого существа, вредит ему, его сердцу и душе. Словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует выражение *вередити сердце*: Он же <Мстислав>, не хотя вередити сердца брату своему (т.е. не желая огорчать брата) ... возвратися в Новгород. *Пифики беси/ не имут стужати* косвенно отсылает к христианской морали: мир животных похож на мир людей, а мир людей далек от идеалов. Притча дает однозначную и простую установку, что человек должен делать, а что нет. Какая хитрость приемлема и во имя чего. Хитрость обезьяны и хитрость черепахи различны. Одна – во спасение, другая – на погибель. Персонаж басенного цикла, имя которого вынесено в заглавие (Ихнилат) закрепился в литературе как образ обманщика и лицемера. «Ихнилатово лукавство» вспоминается в исторических реалиях XVII в. в связи с деятельностью римского легата Антонио Поссевино; аллюзии узнаваемы в текстах Азбуковников. Так Азбуковник 1596 г. сопровождается записью «Книжка Ихнилат учит, как беречись лукавых человек и прочия баснословия».

---

⁴⁴ [Булгаков Ф.И.] О происхождении и литературной истории старинной повести русской "Стефанит и Ихнилат": Сост. по поручению Лит. отд. "О-ва любителей древ. письменности" / [Соч.] Ф. И. Булгакова. Санкт-Петербург: тип. В. С. Балашева, 1877; Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV- XVII вв./ Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. с греч. Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969; "Библиотека литературы древней Руси Т. 8. XIV - первая половина XVI века", 2003.

Как и «Маугли» Дж. Р. Киплинга, «Стефанит и Ихнилат» является переработанной версией индийского эпоса, место действия которого – джунгли, населенные племенем обезьян (Bandar-log)⁴⁵, шакалами, питонами, волками, вступающими между собой в непростые отношения, полные лукавства и предательства. Латинские версии упомянутого «Пятикнижия» получили широкое распространение в Европе под названием «Наставление человеческой жизни», произведения, имеющего много общего со знаменитым «Романом о Лисе», также представляющего собой индо-арабско-греческий цикл басен о животных⁴⁶. Каждый в этих баснях говорит за себя и имеет собственную логику. Правильные слова звучат из уст грешников и лицемеров. Греческое слово ὄθως (шакал) славянский переводчик перевести не смог, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось воспользоваться словом «звѣрь» или словосочетанием «некие звѣри», подбирая обозначения для диковинного мира живой природы Индии.

2. Пифики против Пуу

15 декабря 2011 г. председатель правительства России, выступая, одновременно, как кандидат в президенты, в прямом эфире телеканалов «Россия 1», «Россия 24» и «РТР–Планета» и нескольких радиостанций сказал следующее: *Есть, конечно, люди, которые имеют паспорт гражданина Российской Федерации, но действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги. С ними тоже будем стараться наладить контакт. Часто это бесполезно или невозможно. Что можно сказать в этом случае? Можно знает что сказать? Можно сказать в конце: «Идите ко мне, бандерлоги». С детства люблю Киплинга.* (Программа «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». Стенограмма на сайте Правительства Российской Федерации <<http://premier.gov.ru/events/news/17409>>. Произнесенная В. В. Путиным цитата пересекается с темой «оппозиционного творчества», материалами протестных плакатов митингов оппозиции в декабре-феврале предвыборного года⁴⁷. Цитата оказалась развернута и обращена к

---

⁴⁵ Слово *бандерлоги* восходит к «Книге джунглей» Дж. Р. Киплинга и означает племя обезьян (*Bandar-Log*; в наиболее известных в XX–XXI вв. русских переводах Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. Л. Дарузес — *Бандар-логи* (собирательное *Бандар-лог* и *Бандар-Лог*). Мотив текстов, встречавшихся на самодельных плакатах участников митинга «За честные выборы» 24 декабря 2011 г. был связан с прецедентным текстом.

⁴⁶ Панчатантра (пер. с санскрита). М., 1958. То же, 1962 ; Калила и Димна (пер. с арабского). М., 1957.

⁴⁷ *Ахметова Мария*. ...И бандерлоги пришли: высказывание В.В. Путина и «народный плакат» // Антропологический форум. 2012. №16 Online . С.193–207 (Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online>).

ассоциативному ряду, вызываемому ключевыми для данного случая понятиями «змея» и «обезьяна».

Мотив разворачивается за счет обращения к разновременным и разнокультурным контекстам, вступая во взаимодействие с общественно-политическими топосами, актуальными в социальной среде XXI века.

19 декабря на портале F5 медиагруппы «Живи» был размещено стихотворение Д. Л. Быкова «Свежий закон джунглей» в исполнении М. О. Ефремова⁴⁸. Быковские аллюзии сводятся к тому, что удав Пуу держит в страхе всех зверей, кроме бандерлогов; последние игнорируют его гипноз и в конечном итоге превращаются в Маугли — людей, перед которыми удав бессилён.

Змея на плакатах оппозиционных партий 24.12.11 метафорически изображала власть — удав обвивал обезьяну, создавая, так или иначе, реконструкцию кипплинговского мотива: *«Идите ко мне, бандерлоги»*. Иногда плакаты изображали удава с мордой мультипликационного Каа, иногда — быковского Пуу. Встречались плакаты, изображавшие змею, обвивающую очертания России (подпись: «Хватит душить страну !»). Как видим, литературный образ обезьян как агрессивных, неумных существ, соответствующий восприятию оппозиции российским премьером, с привкусом призыва-угрозы («Идите ко мне, бандерлоги!») не соответствует ни русской, ни индийской традиции восприятия обезьяны — пифика, который исторически выступает как умное, осторожное существо, хранящее сердце свое вне тела⁴⁹ и умеющее сохранить его.

Небольшая часть плакатов напрямую выражала несогласие с высказыванием премьера: *«Мы не бандерлоги!»* или *«Я - сетевой бандерлог»* (рисунок с изображением обезьяны в академической шапочке с дипломом МГУ). Ряд плакатов представлял прямые «ответы» Путину, именуемому Каа (Пуу), от лица «бандерлогов»: *Ну, бойся, бандерлоги пришли!; Ты нас звал, Великий Пу? Мы пришли; Бандерлоги за отмену Закона Джунглей; Мы пришли к тебе Пуу!; Бандерлоги пришли. Каа, вытолзай!* Согласно аналитическим выводам антропологов, «митинг представлялся как ответ на «призыв», а многотысячная толпа — как массы «бандерлогов...»⁵⁰.

Философский контекст

Вплоть до настоящего времени проблема бытования и восприятия в социуме текста букварей и грамматик, имеющая ключевое значение для

---

⁴⁸ Гражданин поэт/Стихи Дмитрия Быкова читает Михаил Ефремов. № 41. 19–25.12. 2011. (Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=6GcOYh-FvR4>)

⁴⁹ Уловка обезьяны из басни про пифика связана с мотивом широко распространенным в мировой литературе: сказочные существа прячут свою жизнь вне тела (например, Кашеева смерть в русских сказках), В нашем случае обезьяна заявляет, что сердце ее осталось дома.

⁵⁰ Антропологический форум. 2012. №16 Online. С.193 (Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online>).

определения языковых (просветительских) и общественных (воспитательных) норм в социуме, оставалась малоизученной проблемой⁵¹. Благодаря последним исследованиям⁵², воссоздана модель процесса «строительства грамматики» в России в кон. XVI –пер. пол. XVIII в.: выявление механизмов восприятия грамматик и букварей церковнославянского языка в России, определение характера их бытования во многом связано с пониманием как предшествующих, так и синхронных по времени создания славянских филологических сочинений, в которых филология смыкается с богословием.

Сегодня круг источников так называемого «старого языка» Московской Руси XV–XVII вв. (по Соболевскому) расширился цитатами, связанными с науками, в процессе овладения которыми, по мысли Максима Грека, Отцы Церкви обретали способность *понимать Слово* и переводить написанное с одного языка на другой: *ѡще ктò недовольнѣ и совершённѣ наѡчѣлзса*

боудеть ѡже грамматикѣи и пѣитикѣи и риторикѣи, и самыа философѣи, не можетъ прам ѡ и совершённѣ, ниже разѡмѣти писоѡемаа, ниже преложѣти ѡ на ѣнѣ ѡзыкѣ. Этот блок цитат можно было бы назвать *пропедевтическим* (от др.-греч. προπαιδείω ‘предварительно обучаю’), ибо исповедание христианской веры, еще в древних времен, отмечал справедливо Ф. И. Буслаев, предполагало знание грамоты, так что в древнейшие времена слово букварь употреблялось для перевода греч.

γραμματεῖς граматей (в текстах ему соответствовало *кѣнижникѣ*). Особое место среди источников Словаря русского языка XI–XVII в. занимают значительные по своему объему статьи, восходящие к «философской» «Книге святого Иоанна Дамаскина», включенной митрополитом Макарием в его Великие Минем Четии (ВМЧ, декабрь, дни 1–5, слб. 303–304). В этих статьях впервые намечена связь между философским знанием и грамматическим учением, связь, которая не была очевидной на Руси, но, благодаря авторитету источника, утвердившаяся в сознании великороссов: «Философия есть начало всякой хытрости. По иным же хытрость есть, еже рукама дѣлаемое, художество ж – всяка словесна хытрость: грамматикѣа, риторика и сицевая». Центральное место в философии Иоанна Дамаскина отведено учению о спасении (христологии), средоточием которого является ипостасное единство природ во Христе (учение халкидонской школы). С этим учением связано осмысление догмата о Святой

---

⁵¹ Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Литература и искусства в системе культуры. – М., 1988. С. 208–224 (переизд.: Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М.: «Гнозис», 1994. С. 7–25).

⁵² Кузьминова Е. А. Грамматика церковнославянского языка в культурно-языковом пространстве России XVI–XVIII вв. // Автореферат докторской диссертации. Специальность 10.02.01 – русский язык. М., 2012.

Троице, который излагается Дамаскиным согласно учению каппадокийцев. Другим подобным источником, расширяющим знания о философии как о соединении видимого и невидимого миров (божественного и человеческого) стал "Источник знания" Иоанна Дамаскина. Благодаря его авторитету учебные грамматики получили вхождение в социум, а русские книжники познакомились с науками, вызвавшими в XVI–XVII вв. большой интерес в Московской Руси – логикой и философией.

С конца XV в., после принятия русской Церковью автокефалии, сама концепция языковой правильности начинает отождествляться с концепцией православия. Если для великорусских книжников грамматики оказываются принципиально новым культурным феноменом, привнесенным извне и вступающим в противоречие с прежней лингвистической идеологией (ранее бытовавшее представление о церковнославянском языке как о «словесной иконе» не допускало создание системы абстрактных правил, объясняющих Текст⁵³), то в середине XVII века «грамматической премудрость» в глазах великорусских книжников приобретает степень императивности, утверждается новый, «грамматический» подход к книжному языку. В результате статус букварей и грамматик возрастает. Обучение грамоте становится не только делом богоугодным, но и делом вневременным. Обучаться стало возможно всем и всегда: «блажен человек, обретающий мудрость», сказано в предисловии к Алфавитарю 1701 года, приписываемого братьям Лихудам. По утвердившейся к концу XVII века аксиоме, отечественное просвещение неразрывно связано со знанием Божественного Закона, древних пророчеств и неотделимо от них: *«Ведующий Писание так же не похож на неведующего, как конь обузданный на необузданного и как живой на мертвого, ибо грамота позволяет знать Закон и читать Пророков, читающий же быстрее находит дорогу к добру, отбегая зла»* (И во вѣдѣй Писанія от неведѣщаго толико разнствѣтъ, елико конь обузданный отнеобузданаго. Или яко живыи от мертваго, яко же рече некто мѣдрѣхъ къ вопрошающему его. Вѣсть во Законъ и Пророки, читая исполнати, благо избирая, злобѣ отбегати (БАН, Арханг. собр., С.211, л. 3).

Интересно отметить, что филологически воззрения чудовских иноков Евфимия и Феодора (Поликарпова), представляющих разные поколения филологов XVII в., характеризуются разным пониманием «философии языка». Чудовской инок Евфимий в 80–90-х гг. XVII в. провозглашает «еллинословенское» единство двух «преискренных» друг другу «диалектов» –

---

⁵³ Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Литература и искусства в системе культуры. – М., 1988. С.208–224 (переизд.: Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М.: «Гнозис», 1994. С. 7–25).

славянского и греческого – единство в начертаниях, в грамматике, лексике и, как следствие – в передаче смысла⁵⁴.

Между тем, в Предисловии к Лексикону трезычному 1704 г. Федор Поликарпов, опираясь на логику Дамаскина, формулирует свои философские и общефилологические позиции, постулируя *триединство* языков с приоритетным предпочтением греческого: «Вы же, о трудолюбивые единого латинского языка рачитилие, сущия во Христа веры питомцы, - пишет он, - еже единым токмо сосцем латинския мудрости питаетесь, примииите и вторый, паче первый, нашей православной <восточной Церкви > греческой мудрости диалект к воспитанию разума стяжати. Не таится вас греческаго языка древность, не крыется, еже в нем пространство и мудрость. Явно всем правоверным – в нем веры законов и догматов сохранство. Ясно премудрым в науках свободных на разных языцех от сего речений взаимность...» (л. 4).

Догмат о Святой Троице, лежащий в основе лингвистического осмысления идеи идеального языка, соединяющего представление о языке – первообразе в его «трехипостасности»: еврейский = греческий = латинский, **«тайна понстинна сокровенна въ семь трезычии, ибо еврейскій языкъ есть языкъ святъ. Греческій языкъ есть языкъ премудрости. Латинскій языкъ есть языкъ единоначалствія»**, как пишет в своем предисловии к Лексикону трезычному иеромонах Чудова монастыря Феодор Поликарпов (Лексикон трезычный. М., 1704, л.2). Буквари и лексиконы к. XVII – нач. XVIII в. (прежде всего, созданные учениками Лихудов) отражают эту идею: титло

---

⁵⁴ Трактат Евфимия Чудовского «Учитися ли намъ полезнее грамматики, риторики... или, не учая симъ хитростемъ, въ простоте Богу угождати... и котораго языка учитися намъ, славяномъ, потребнее и полезнее — латинскаго или греческаго» помещен в рукописи Спб. Дух. Ак. (Софийской библиотеки под № 423 ; опубл. *Сменцовский М.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1899., прил., с.Х); «О исправлении в преждепечатных книгах Минеях (Чудовское собрание № 286(84), 1692; издан Н.Никольским: ПДП. Вып. СХV. СПб., 1896). Согласно учению Максима Исповедника – воплощение Божие было явлено в двух естествах, но в одном лице. Ср. строки из древней службы преподобному: «18. Троицу единосущную проповедал еси, единую в воле и действии, Бога же воплотившегося – в двух естествах, двух волях, двух действиях. Отцов наших. Боже, благословен еси. 23. Не двух воль, разделяемых разумом, противоречие проповедал, отче, но качество Единого, разнящегося в естествах». Как можно видеть, философские рассуждения инока Евфимия базируются на учении Максима Исповедника, посрамившего ересь монофилитства (см. Служба преп. Максиму Исповеднику по новгородским минеям к. XI – нач. XII в. (перевод Н. Н. Лисового) // *Мурьянов М. Ф.* «Гимнография Киевской Руси». М., изд-во «Наука», 2003. С.250—252).

(надписание) на Кресте Спасителя, сделанное на трех указанных языках, прообразовало этими языками «Единого от Троицы» (Лексикон треязычный, там же).

В Предисловии к своему Букварю-Алфавитарию 1701 г. Федор Поликарпов подчеркивает истинное назначение учебной литературы: 1) «книгами, подобно щитами, Церковь ограждает свою защиту» (л.3), 2) подобными книгами «Бог прославляется, вера святая греческая умножается, учение процветает» (там же). Согласно составителю, «букварь – дар Богодаровитый детскому воскоподобному уму» (л.3); он – «яко крин белый от всякия иноверных краски чист»; материал его предназначен – «к познанию греколатинского языка, к поощрению бесед и на вышшего к наукам возшествию» (л.5об)⁵⁵.

Предлагая перечень текстов для людей, постигающих грамоту, Федор Поликарпов проводит грань между источниками цитат: «не Есопа фригийского zde смехоторные узрите басни..., законы не от Солона и Ликурга преданные, ...не стихи Овидиевы, ниже Вергилиевы», но «лествицу, возводящую нас в горний Сион, подобно бесплотным ангелам» (л.4об-5об). Графической иллюстрацией языковых воззрений чудовской школы отчасти явился и Лицевой Букварь чудовского инока Кариона Истомина, создававшийся в 90-е гг. XVII в.: прописи заглавных славянских и греческих букв свидетельствуют об их подобии и согласии, рядом стоящие буквы латинского алфавита дополняют этот общий образ священного письма идеей «единоначальствия».

Кариону Истомину было дано современниками имя «пестрый», подразумевавшее шаткость его позиций на первом этапе творчества: значительное число стихотворных текстов букваря Кариона Истомина заимствовано из букваря его учителя Симеона Полоцкого, одного из первых преподавателей Греко-славяно-латинской Академии, знатока латинского языка, иезуита⁵⁶. Иными словами, Букварь Кариона Истомина выбивается из рула представлений о едином «еллинославенском» языке в двух разновидностях – греческом и «славенском», но он согласуется с теорией Поликарпова о языковом триединстве. Иеромонах Карион Истомин хорошо знал греческий, латинский и польский языки, преподавал в Типографской школе, был справщиком на Московском печатном дворе, а после выхода своего знаменитого Букваря короткое время был директором Московской типографии. После 1700 г. он, по приглашению митрополита Иова (+1716) участвовал в

---

⁵⁵ [Алфавитарь рекше Букварь славеногреколатинский] [М.] : [Печатный двор], июнь 7209 [1701].

⁵⁶ Лабынцев Ю. А., 1980 – Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. // Советское славяноведение. № 6. С.74–78.

организации новгородского греческого училища, позднее преобразованного в семинарию.

Сегодня Лицевой Букварь Кариона Истомина включен в число источников Сл РЯ XI–XVII вв. по рукописному списку 1693 г. (ГИМ) и двум изданиям Букваря (1694, 1696; а также переизданиям 1916 и 1981 гг.). Представлены цитатами и другие произведения этого автора: *Полис* (1694), *Едем* (1693), *Екклезия* (1693), а также панегирики (1694). Не только графический образ письма отражает филологические и философские воззрения автора. Не только выявленный нами социологический топос заложен в предпочтении поведенческих схем, присутствующих в лучшем детском Букваре начала петровской эпохи. Букварь, с одной стороны, соединяет текстовой и графический материал, отражающий философские воззрения автора и соединяющий повторяющийся мотив мировой литературы. С другой, «цитатное поле» Букваря Истомина таково, что отдельные цитаты, в силу своей противоречивости, не поддаются привычным толкованиям. Подходить к их пониманию приходится, зачастую игнорируя традиционно привычное толкование слова понимание с закрепленным за ним семантическим полем. Примером такой цитаты, расширяющей смысловое замысловатого слова *нифик* ‘обезьяна’ и является лучший иллюстрированный букварь допетровской эпохи – Букварь Кариона Истомина.

© Ольга Петрівна Карпенко
(Київ)

З ЕТИМОЛОГІЧНИХ СПОСТЕРЕЖЕНЬ НАД УКРАЇНСЬКОЮ ЛЕКСИКОЮ

У лінгвістиці традиційним залишається інтерес до етимології слова, що й зумовлює появу значної кількості етимологічних словників. Цього року вийшов друком уже шостий том “Етимологічного словника української мови” за ред. О. С. Мельничука. Оскільки наступний сьомий том – довідковий, то фактично реєстр словника вичерпано. У порівнянні зі словниками інших слов’янських мов український вирізняється багатством діалектних лексем. Для значної частини словникових статей автори запропонували аргументовані пояснення, проте окремі лексеми залишилися неясними. На деяких із них зупинимося детальніше. У першу чергу це стосується слів, які зазнали змін (порушень) анлаута.

Лексема *ічвина* ‘частина гринджол, що має вигляд двох «каблучок» проти двох передніх копилів’ засвідчена Д. І. Яворницьким на півдні України. Спроба пов’язати її з семантично близьким блр. *іцвіна* ‘один з двох дротяних тяжів, що з’єднують передню частину саней з передніми копилами’ при безперечно спільному походженні не прояснила структуру слова.

Видається, що білоруське діал. *іцвіна*, *іцвіна* ‘зв’язка в головках полозів’, ‘те, що поєднує головку санок із копиллом’ не можна відокремлювати від рос. діал. *ітвіна* ‘прут, тонка палочка’, *ітвіна* ‘поперечний брус, що поєднує вгорі полози санок’, *ітвіна* = *ітвіа* ‘верба’, ‘вербова вітка, прут’, ‘гнучка вітка, прут’, а також від рос. діал. *вітвіна* та *вітвіна* ‘стебло, лист коренеплідних рослин (картоплі, брюкви, моркви і т.д.)’, *вітвіна* ‘стебла гороха, картоплі та ін.’, *вітвіна* ‘прут, тонка палочка’, ‘велика вітка’ – суфіксального похідного від *вітвіа* [укр. *вітвіа* (бот.) ‘верба прутувидна, лоза, *Salix viminalis* L.’, рос. діал. *вітвіа* ‘бадилля картоплі’, пол. *witwa* ‘*Salix viminalis* L.’, слвн. *vítva* ‘лозина для плетіння корзин’ та ін.] із псл. **vitva* (: **viti*). Отже, блр. діал. *іцвіна*, рос. діал. *ітвіна* – форми, які засвідчують втрату етимологічного приголосного *в*- в анлауті.

Українське діал. *ічвіна* так само слід розглядати як слово зі зміною анлаута, із **вичвіна* < **вичва*, що може продовжувати семантику дієслова [пор., наприклад, рос. діал. *вічить* ‘зв’язувати у загорожі кілки або щось інше прутами, тільки-но зламаними з живого дерева’, *вічить*, *вічать* ‘заплітати, зв’язувати, зав’язувати, закріплювати прутами’]. Дієслово *вічить* споріднене з іменником *вича*, пор. ст.-рос. (XVII ст.) *вича*, *вичь* ‘гнучка вітка; прут, різка’, рос. діал. *віча*, *вичá*, *вичь* ‘гнучкий прут, вітка, хворостина’, ‘скручена хворостина, скрутки для зв’язування плотів’, *вичá* ‘пруткова зв’язка сохи, яка зкріплює частини її оглоблями’ (сюди ж аналогічне за семантикою рос. діал. *вица* – форма з нерозрізненням звуків *ч* і *ц*) з псл. **vičь*, **viča*.

Таким чином, укр. діал. *ічвіна* < **вичвіна* доцільно віднести до побутових реалій, частини яких скріплюються, зв’язуються за допомогою ‘скруток, дерев’яних блочків, прутів тощо’.

Різного роду змін в анлауті слова зазнало й чимало інших діалектних лексем, унаслідок цього етимологію багатьох із них було визнано затемненою. Зупинимося на прикладі фонетичного діалектного заступлення початкового приголосного *в* на *ф*.

Автори ‘ЕСУМ’ вважають укр. (бойк.) лексему *фірий* ‘косоокий’ неясною. Якщо врахувати зміну *в* > *ф*, тоді її небезпідставно співвідносити з укр. діал. *верий* ‘вигнутий, зігнутий, скрючений, скоцюрблений’, *уверий* ‘кривий (про дерево)’, ‘впертий (про людину)’, що побутує в західному регіоні України. Відомий він чехам, пор. (моравське) *uvíry*, *uvěry* ‘покороблений, викривлений’; у словацькій мові функціонує дієслово *uverit*, сюди ж слн. *svréti* ‘зморщуватися, збиратися, збиратися в складки. Щодо походження прикметника *верий* існують певні розходження, проте, здається, його виправдано розглядати в етимологічному гнізді з коренем **vbr-*, що сягає і.-с. **uer-* ‘вертіти, згинати’.

ДОЛЯ ЛЕКСИЧНИХ БАЛКАНІЗМІВ В БЕССАРАБСЬКИХ БОЛГАРСЬКИХ ГОВІРКАХ

Лексика балканських мов включає широке коло лексем, які є загальнобалканськими, що постали внаслідок культурного симбіозу етносів на Балканах. Незважаючи на походження – грецьке, тюркське, балкано-латинське, слов'янське і навіть субстратне, такі лексеми кваліфікують як балканізми. Х.Сандфельд, описуючи в 1930 р. вплив однієї балканської мови на іншу, виділив близько 150 лексичних балканізмів, більшість яких становлять запозичення з турецької мови періоду османського панування.

Сьогодні найповніший список балканізмів подає В.Будзішевська у книзі *Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej* (Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1983). Майже половину з балканізмів словника В.Будзішевської зафіксовано і в болгарських переселенських говірках України. Багато з них уживається і в літературній болгарській мові: *джибри*, *джоб*, *дувар*, *зюмбюл*, *магаре*, *шамар*, *юмрук* та багато інших. Але більшість лексем належить до рідковживаних, часто – застарілих.

У записаних нами текстах у десятку найбільш вживаних входять такі лексичні балканізми: *хора* ‘люди’, *хубав* ‘гарний’, *ракия* ‘болгарська горілка’, *хоро* ‘болгарський народний танець’, *сабахл’ан* ‘рано вранці’, *седе*, *сад’ал* ‘тільки’, *кумишійа* ‘сусід’, *пишкыр* ‘рушник’, *ирг’ен* ‘парубок’, *ката* ‘кожен’. Майже однакову частотність мають у текстах балканізми: *манджа*, *бъклица*, *пари*, *суфра*, *маса*, *гиран*, *типер*, *патладж’ан*, *чеиз*, *курбан*, *калесвам*, *вапцям* ‘фарбувати (яйця)’ та деякі інші, які відтворюють специфіку болгарського етносу на тлі інших слов’янських мов.

Частина балканізмів зафіксована тільки у складі усталених словосполучень: *Гледаш му хатър’а* ‘Догоджаєш йому’; *Атърра ми са устани*; *кескин ракийа* ‘міцна горілка’; *Н’ама акъл в главата*; *без акъл* ‘Нема розуму’; *Халис тый* ‘Дійсно так’, *идин бил’ук* ‘багато’.

В досліджуваних говірках фіксуємо ряд балканізмів, відсутніх у словнику В.Будзішевської: *лингера*, *кауш*, *плак’ета*, *писм’ед’а*, *джандра*, *гутъ*, *кават*, *каплама*, *синджоф*, *мангър* та інші.

Лексичні балканізми зменшують валентність, втрачають словотвірний потенціал і, як правило, мають субститути – відповідні російські (рідше українські) лексеми. Так, замість лексеми *кавардисам* все частіше вживається російське *жар’а*, замість *вапцям*, *бойадисам* – *крас’а*, замість *хагъл*, *агъл*, *дам*, *сайа*, *котурка* – *сарай*, замість *копеле* – *байструк*, замість *чеиз* – *придану*, *имиши* – *сладусти*, *калесват* – *приглашават* і т.п.

Лексичні балканізми виходять з ужитку разом з реалією, з якою жорстко пов'язані. Тобто, у сферах номінації, пов'язаної з традиційною культурою, зміни зумовлені насамперед позамовними чинниками, лежать у площині номінативних реалій. Це не зміни власне внутрішньомовні, як спостерігаємо на граматичному рівні, а зміни, в основі яких лежить динаміка позначуваної позамовної дійсності.

© Ирина Евгеньевна Колесова
(Вологда)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОРНЕМ *LEI- В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Метеорологическая и географическая лексика, тесно связанная с повседневной жизнью человека, занимает важное место, как в литературном русском языке, так и в диалектах. Следует отметить, что эта лексика достаточно разнородна по своему происхождению и семантической структуре. В рамках данной статьи объектом нашего внимания стал лишь небольшой фрагмент этой терминологической системы, мы рассматриваем процессы формирования в русском языке метеорологической и географической лексики, восходящей к этимологическому корню **lei-* и входящей в соответствующее историческое корневое гнездо (ИКГ). Нами установлено, что в рамках рассматриваемого ИКГ данная лексика образует две лексико-семантические зоны: «Дождь» и «Физико-географические объекты».

Указанные лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда с этимологическим корнем **lei-*, начинают формироваться еще в праславянский период в рамках частных словообразовательных гнезд с вершинами *liti 'заставлять течь жидкость' и *liti 'идти (о дожде)'

В праславянский период ЛСЗ «Дождь» включает в себя 16 лексем, а ЛСЗ «Физико-географические объекты» — 12. В «Этимологическом словаре славянских языков» зафиксировано только 17 из них: *liti (ЭССЯ, 15: 159–160), *lijati (ЭССЯ, 15: 103–104), *lěvati (ЭССЯ, 15: 27), *lějati (ЭССЯ, 14: 88) — 'идти (о дожде)'; *lija (ЭССЯ, 15: 102), *lěva (ЭССЯ, 15: 26), *lěja (ЭССЯ, 14: 187), *lějava (ЭССЯ, 14: 189), *lityba (ЭССЯ, 15: 159–160), *litva (ЭССЯ, 15: 159–160), *livьnikъ (ЭССЯ, 15: 161) — 'ливень'; *livъ 'пологий, сточный' (ЭССЯ, 15: 161); *livьnъ 'проливной' (ЭССЯ, 15: 161); *liva 'ветер, несущий дождь' (ЭССЯ, 15: 160); *nalожь 'вода поверх льда' (ЭССЯ, 22: 177); *obloжь 'обледеневшая поверхность снега' (ЭССЯ, 27: 19) и *oblivъ 'место, заливаемое в половодье' (ЭССЯ, 27: 13).

Рассматриваемые ЛСЗ формируются главным образом на базе глагола *liti в значении 'идти (о дожде)'. Исключение составляют три лексемы,

семантической базой которых становится глагол **liti* в значении ‘заставлять течь жидкость’. Эти лексемы замыкают следующие словообразовательные цепочки: **liti* → **na/liti* ‘покрыть жидкостью некую поверхность’ (ЭССЯ, 22: 170) → **naloj* ‘вода поверх льда’ (ЭССЯ, 22: 177); **liti* → *obliti* ‘покрыть водой’ (ЭССЯ, 27: 12–13) → **oblojъ* ‘обледеневшая поверхность снега’ (ЭССЯ, 27: 19) и **liti* → *obliti* ‘покрыть водой’ (ЭССЯ, 27: 12–13) → *oblivati* ‘покрывать водой’ (ЭССЯ, 27: 12–13) → **oblivъ* ‘место, заливаемое в половодье’ (ЭССЯ, 27: 13).

Кроме того, проведенные нами исследования доказывают необходимость восстановления для праславянского периода еще 11 лексем, не зафиксированных в опубликованных выпусках «Этимологического словаря славянских языков».

Во-первых, это группа лексем с корнями **-loj-/ *-laj-: *lojna, *otъlojъ, *perlojъ, *polojъ, *zalajъ, *zalojъ, *zaloina*, для восстановления которых в данном ИКГ существует целый ряд оснований:

– Все эти лексемы содержат праславянские корневые морфемы. Алломорф [**-loj-*] опирается на праславянское чередование [*-i/-oj-*], типичное для образования глагольного аблаута и дальнейшего именного словообразования, которое утрачивает свою продуктивность на восточнославянской почве уже в древнерусский период (Бернштейн 1974, 284–285). Алломорф [**-laj-*], по мнению О. Н. Трубочева и Ж. Ж. Варбот образуется на базе основы настоящего времени с долгим вокализмом праславянского глагола **lъjati, *lějō* (Варбот 1974, 46; ЭССЯ, 22).

– Употребление многих из этих лексем зафиксировано в исторических словарях в древнерусский и старорусский периоды. Например, *залай* ‘низменность, затопленное водой место’ (СлРЯ XI–XVII в., 5: 235), *залой* ‘пойма, низкое место’ (СлРЯ XI–XVII в., 5: 235), *отлой* ‘низкое место вблизи реки, заливаемое во время разлива’ (СлРЯ XI–XVII в., 13: 262), *полой* ‘глубокая приречная ложбина’ (СлРЯ XI–XVII в., 16: 240). Все эти лексемы фиксируются современными диалектными словарями в архаичных севернорусских говорах: *залоина* ‘низкое место’ (пошехон., яросл.) (СРНГ, 10: 218), *залой* ‘низкое затопляемое место’ (яросл.) (СРНГ, 10: 218) ‘небольшой речной залив’ (волог., арх., новг., вят.) (СРНГ, 10: 218), *лоина* ‘продолговатая долина между возвышенностями’ (новг., твер.) (СРНГ, 17: 112), *перелой* ‘узкая длинная сопка среди болота’ (Мерк.: 109), *полой* ‘низкое место, пойма’ (перм.) (СРНГ, 29: 107). Некоторые из этих лексем сохранились в других славянских языках, например, сербское *полој, полоја* ‘мелкое место на реке; пойма’ (СРС, 404).

Во-вторых, диалектными словарями в севернорусских говорах отмечается целая группа лексем, семантически связанных с глаголом *лить*: *уливать* ‘идти (о дожде)’ (карг., пск., новг., арх.) (СРГК, 6: 603; КСРНГ); *улевать* ‘обливать, обливаться со всех сторон’ (сев. двина) (КСРНГ); *улевный, уливный* и *уливной* ‘проливной (о дожде)’ (карг., череп., пск.) (СРГК, 6: 604; КСРНГ); *улив* ‘поток’ (арх.), (СРГК, 6: 603; КСРНГ). Все эти лексемы образованы по существовавшим уже в праславянский период моделям, с использованием древнего префикса **и-*. Ряд из них содержит праславянский

алломорф [**-lě-*], опирающийся на основу настоящего времени глагола **lǫjati*, **lějo*. Все это позволяет нам восстановить для праславянского периода и включить в исследуемое ИКГ следующие лексемы: **ulěvati* ‘обильно идти (о дожде)’, **ulivъ* ‘мощный поток’, **ulěvъnъ* и **ulivъnъ* ‘сильно обливающий, проливной’.

Большая часть лексем, входящих в ЛСЗ «Дождь» (14 из 16 слов), объединяется в три синонимических ряда. Лексемы со значением ‘дождь’ — **lĭja* (ЭССЯ, 15: 102), **lěva* (ЭССЯ, 15: 26), **lěja* (ЭССЯ, 14: 187), **lějava* (ЭССЯ, 14: 189), **lĭtьba* и **lĭtva* (ЭССЯ, 15: 159–160), **lĭvъnikъ* (ЭССЯ, 15: 161). Лексемы со значением ‘проливной’ — **lĭvъnъ* (ЭССЯ, 15: 161), **ulivъnъ*, **ulěvъnъ*. Лексемы со значением ‘идти (о дожде)’ — **liti* (ЭССЯ, 15: 159–160), **lĭjati* (ЭССЯ, 15: 103), **lěvati* (ЭССЯ, 15: 27), **lějati* (ЭССЯ, 14: 88).

В праславянский период все лексемы, входящие в ЛСЗ «Дождь», связаны словообразовательными отношениями, образуя частное словообразовательное гнездо с вершиной **liti* ‘идти (о дожде)’. ЛСЗ «Физико-географические объекты», формируется в частном словообразовательном гнезде с вершиной **liti* ‘заставлять течь жидкость’. Большинство лексем данной ЛСЗ образуются на второй ступени словообразования, например, **liti* → **za/liti* → **zalaĭ* ‘низменность между пригорками, затопленное водой место’; **liti* → **ob/liti* → **obloĭъ* ‘обледеневшая поверхность снега’ (ЭССЯ, 27: 19); **liti* → **pere/liti* ‘переместить жидкость’ → **perloĭъ* ‘узкая длинная сопка среди болота’; **liti* → **po/liti* ‘полить, затопить’ → **poloĭъ* ‘приречная ложбина’; при этом все производящие глаголы входят в ЛСЗ «Действия с жидкостями».

В древнерусский и старорусский периоды объем данных лексико-семантических групп постепенно увеличивается. Объясняется это как внутрилингвистическими причинами, например, дальнейшим развитием словообразовательной системы и сохранением всех праславянских алломорфов рассматриваемого корня, так и большой значимостью явлений и объектов природы в жизни человека. В связи с этим у целого ряда префиксальных глаголов, производных от глагола *лѣти* в значении ‘заставлять течь жидкость’, развиваются дополнительные значения, связанные с действиями, субъектом и внутренним объектом которых является дождь или какие-либо природные водные объекты (река, озеро, море). Например, *возливатися* ‘подниматься, приливать (о воде)’ (СлРЯ XI–XVII вв., 2: 292), *сливатися* ‘соединяться (о реках)’ (СлРЯ XI–XVII вв., 25: 85), *отливатися* ‘отступать (о воде)’ (СлРЯ XI–XVII вв., 13: 258). Кроме того, возникает ряд синонимов, имеющих различную локализацию или называющих незначительно различающиеся явления, например, различные типы низких, заливаемых водой мест *залевъ*, *заливь* (СлРЯ XI–XVII вв., 5: 232;), *залой* (СлРЯ XI–XVII вв., 5: 235), *отлой* (СлРЯ XI–XVII вв., 13: 262).

В XVIII в. слова, входящие в ЛСЗ «Дождь», в большинстве своем продолжают функционировать в обиходно-разговорной речи, а внутри ЛСЗ «Физико-географические объекты» начинается функционально-стилистическое

расслоение. Часть входящих в нее лексем, сохраняя свое обиходное значение, в то же время закрепляются в книжной, научной речи в качестве научных терминов.

Изменив уклад жизни в России, петровские реформы дали толчок к развитию многих сфер человеческой деятельности, в том числе и науки. В ряду прочих наук начинает развиваться и география, появляются как переводные труды, так и записки русских путешественников, изучавших различные регионы мира. В течение XVIII в. стремительное развитие географической науки привело не только к уточнению научных понятий, но и к выработке точных терминов для их обозначения. При этом в научный обиход в качестве терминов входили не только заимствования, но и народно-разговорные слова, существовавшие ранее как обиходные названия явлений природы. По мере закрепления этих слов в терминологической системе они становятся стилистически нейтральными, у них устанавливаются новые системные связи с другими терминами, конкретизируется значение, сужается семантический объем (Лукичева 1979, 57, 64).

Процесс становления лексем, восходящих к этимологическому корню **-lei-* (*залив, пролив, отлив и прилив*) как географических терминов уже неоднократно становился предметом рассмотрения исследователей, поэтому мы лишь кратко остановимся на результатах этого процесса.

Слова *пролив* и *залив* издавна употреблялись в живой речи мореплавателей и землепроходцев, в начале XVIII века оба они входили в обширные синонимические ряды для обозначения соответствующих частей океана. Для обозначения понятия 'морской пролив' в книгах начала XVIII века использовались такие синонимы как *горло, проливъ, протока, пролива, канал* и др. (Лукичева 1979, 57). Сибирь и Дальний Восток пользовались для обозначения географического понятия *пролив* местными терминами *переливъ, перелива, перелевъ* (Кутина 1964, 166). Слово *пролива* функционирует как географическое обозначение с XVI века. В XVII – начале XVIII вв. понятие 'морской пролив' было лишь одним из его значений, помимо того *проливой* называли и речной проток, и канал, и даже бухту. Параллельно с размежеванием и уточнением научных понятий шло и изменение семантической структуры этого слова (Лукичева 1979, 58). К сороковым годам XVIII века термин *проливъ* уже занял главное, опорное место в географической терминологии, к этому же времени возобладала в языке и форма мужского рода (Кутина 1964, 168).

Географический термин *залив* по происхождению является севернорусским, по памятникам письменности это слово известно в значениях 'разлив реки', 'заводь' с XVI века, его семантика была тесно связана с семантикой глагола *заливать*. Параллельно с лексемой *залив* для обозначения этого же природного объекта в начале XVIII века активно использовались такие слова как *пучина, море, пазуха, залива, синус, голфо, губа, отнога* и др. Утверждение слова *залив* в системе научных географических терминов связано со стабилизацией в нем значения 'часть моря, вдающаяся в сушу', с

противопоставлением его другим терминологическим обозначениям. Это происходило одновременно с уточнением научных понятий и закреплением в языке формы мужского рода. В трудах конца XVIII в. терминологическое значение этого слова уже твердо определено и закреплено (Лукичева 1979, 63).

Современные названия *прилив* и *отлив* как научные термины сложились, судя по памятникам письменности, в конце двадцатых годов XVIII века в академической среде, хотя наряду с этими терминами сначала использовались однокоренные термины *прилитие* и *отлитие* моря. Уже к тридцатым – сороковым годам слова *прилив* и *отлив* вполне утвердились в географической терминологии (Кутина 1964, 187–188).

В современном литературном языке объем метеорологической и географической лексики, восходящей к этимологическому корню **-lei-*, ограничено. По лексикографическим данным речь идет всего о девяти лексемах, причем все они употребляются не только в обиходно-разговорном значении, но и в составе научной и технической терминологии: *залив* ‘вдающаяся в сушу часть водоема’ (БАС, 4: 611; СТСР: 206), *заливный* ‘имеющий отношение к заливу’ (БАС, 4: 616), *отлив* ‘периодическое понижение уровня моря’ (СТСР: 475), *отливный* ‘имеющий отношение к отливу’ (БАС, 8: 1448), *прилив* ‘периодическое повышение уровня моря’ (БАС, 11: 559), *приливный* ‘имеющий отношение к приливу’ (БАС, 11: 561; СТСР: 613), *пролив* ‘узкое водное пространство, разделяющее участки суши’ (СТСР: 636; БАС, 11: 1188), *проливной* ‘имеющий отношение к проливу’ (БАС, 11: 1186), *проливной* ‘(о дожде) очень сильный’ (БАС, 11: 1188). Однако в диалектной сфере эта лексическая группа очень многочисленна, она включает в себя более 70 слов, например, *залёва* ‘низкое место, затопляемое в половодье’ (СРНГ, 10: 195), *залай* ‘низменность между двумя пригорками’ (СРНГ, 10: 192), *лойна* ‘продолговатая долина между возвышенностями’ (СРНГ, 17: 112), *ливный* ‘проливной’ (СРНГ, 17: 42), *литва* ‘сильный дождь’ (СРНГ, 17: 71), и другие.

Именно в диалектах сохраняется целый ряд слов, корни которых восходят к праславянским алломорфам: [**-loj-*], например, *лой/н/а* ‘продолговатая долина между возвышенностями’ (СРНГ, 17: 112), *на/лой* ‘вода поверх льда’, ‘илистое место у реки’ (СРНГ, 20: 23); [**-laj-*], например, *за/лай* ‘низменность между двумя пригорками’ (череп.) (СРНГ, 10: 192) и *у/лай* ‘овраг’ (моск.) (Варбот 1974: 46-47); [**-lě-*], например, *лѣ/в*, *лѣ/в/а* ‘поток’ (СРНГ, 16: 305), *за/лѣ/в/а* ‘низкое место, затопляемое в половодье’ (СРНГ, 10: 195). Большинство лексем с данным корнем имеют ограниченную сферу употребления. Называя различные природные явления и формы рельефа, они продолжают употребляться только в диалектах, что в сочетании с утратой словообразовательных связей ведет к фразеологизации семантики данных лексем и формированию в диалектной сфере целого ряда основ неполной степени членимости и морфемно связанных корней [*-лой-*], [*-лай-*] и [*-лѣ-*].

Таким образом, исследование показывает, что группа метеорологической и географической лексики, восходящей к этимологическому корню **-lei-*, занимает

важное место в структуре русской географической терминологии и играет значительную роль в диалектной системе русского языка.

Библиография:

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования и именные основы. – М., Наука, 1974. – С. 284–285.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // Этимология 1972. – М., 1974. – С. 42–59.

Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. – М.-Л., 1964. – 219 с.

Лукичева Э. В. Формирование научной географической терминологии // Вопросы формирования русского национального языка. – Вологда, 1979. – С. 54–65.

Словари:

БАС – Словарь современного русского литературного языка. – Т.1 – 17. – М.– Л., 1948–1965.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».

Мерк. — Меркулов И.С. Живая речь Кольских поморов. — Мурманск, 1979.

СлРЯ XI–XVII вв – Словарь русского языка XI–XVII вв./ Гл. ред. С. Г. Бархударов. Т. 1 – 26. – М., 1975–2002.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып.1–6. – СПб, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (Т.1 – 21); Ф. П. Сороколетов (Т. 22–38). – Л., СПб, 1965–2004.

СРС — Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. — М., 1976.

СТСР – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб, 2002.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып.1–30. – М., 1974–2003.

▣

© Олеся Николаевна Лазаренко
(Киев)

ТОЛКОВАНИЕ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В «СЛОВАРЕ» САМУИЛА БОГУМИЛА ЛИНДЕ

Изданный в Варшаве в 1807–1814 гг. (переработанное издание вышло во Львове в 1854–1860 гг.) шеститомный «Słownik języka polskiego» С. Б. Линде считается вершиной старопольской лексикографии, «необходимым лексическим пособием для польских ученых и писателей» (Т. Лер-Сплавинский, «Польский

язык»). Этот труд и поныне не утратил своей ценности и является важным источником для исследования польского языка XVI–XVIII вв., а также польско-инославянских языковых контактов. Как отмечает сам лексикограф во вступлении к словарю, иллюстративный материал он черпал из произведений многих польских писателей и ученых, религиозных деятелей «разного направления, разного образования, разного стиля» («Wstęp do Słownika polskiego»), начиная с Н. Рея и Я. Кохановского. Составляя словарную статью, Линде обязательно приводил примеры лексических параллелей из различных славянских и других языков, развивая таким образом основы сравнительной славянской лексикологии. Особенно интересными и познавательными являются сведения о культуре различных народов, об их обычаях и верованиях, записи о исторических событиях. Любой исследователь – филолог, историк, этнограф, культуролог – найдет в «Словаре» Линде обширный материал для своих гуманитарных студий.

Обращаясь к теме Северного Причерноморья, мы попытались установить наличие и способ представления в упомянутом выше лексикографическом труде названий племен и народов, населявших этот уникальный в культурном и историческом плане регион. *Аланы, болгары, готы, гунны, киммерийцы, негры, скифы, сарматы, тавры* – эти и многие другие названия дошли до наших времен благодаря сочинениям древнегреческих географов и историков. Историк Б. А. Рыбаков пишет: «из Геродота черпали как имена племен, так и некоторые кажущиеся ясными географические ориентиры» («Геродотова Скифия»), а украинский ученый А. С. Стрижак уточняет: «Греки оставили нам первый местный этникон (список народов) и топонимикон (список географических названий) Северного Причерноморья» («Про що розповідають географічні назви»). Со временем эти названия были представлены в различных европейских, в том числе и польских, хрониках. В «Словаре» С. Б. Линде также отражены и зафиксированы некоторые названия древних севернопричерноморских народов. Вот некоторые из них.

Этноним *сармат (Sarmata)* включен в словарную статью о Сарматии – «Сарматия (*Sarmacya*) – двоякая Сарматия: одна татарская или азиатская на восточном берегу Дона и Волги, где живут заволжские татары; вторая – европейская, где [живут] поляки, русины, литовцы, мазуры, пруссы, поморцы, инфлянтцы, московиты, готы, аланы, волохи и татары на этом берегу Дона». Ссылается автор «Словаря» на хроники А. Гваньини, М. Бельского и М. Кромера. Далее следует прилагательное *сарматский (sarmacki)*, а само название представителя сарматского племени – *сармат (Sarmata)* – метафорически переосмысливается как *поляк-шляхтич* (Речь Посполитая также отождествляется в поэтическом смысле с Сарматией). В польской историографии XVI–XIX вв. бытовал миф о сарматском происхождении польской шляхты, что подчеркивало древность нации, историческое величие и богатство ее культуры. Далее Линде расширяет семантику лексемы *сармат* и пишет, что это «человек грубых

обычаев, неотесанный, невоспитанный головорез», а производное *сарматизм* (*sarmatyzm*) фиксирует как «неотесанность обычаев, грубиянство, бахвальство».

Этноним гот представлен в статье: «*Гот (Got)* – готы, грубый народ, который уничтожил Римское государство». Прилагательное *gotski* (*готский*) связано с существительными *строение* и *шрифт* (в последнем случае как синоним к «немецкий»), производное *gotyzm* толкуется как «готский дух» (*duch Gotski*), т. е. «все готское (обычаи и т.д.)». Не зафиксированы как самостоятельные такие лексемы, как *аланы* (*Alanowie*), *гунны* (*Hunnowie*), *киммерийцы* (*Sutyryjczusy*), *хазары* (*Chazarowie*), *скифы* (*Scytowie*) и другие, хотя, например, название *татарин* обозначено в «Словаре» как «*скифский народ*», *аланы* представлены при описании Сарматии.

Подвергся семантическому изменению этноним *тавр* (*Tauryk*, *Tauryczanin*), что прослеживается в статье, посвященной *Таврии* (*Tauryka*): «Chersonesus Taurika, Крым; Таврия, история этого края; *тавр* – крымский татарин; *таврический* (*taurycki*) – от Таврии, крымский». Иллюстрацией служат примеры из «Географического лексикона» 1782 г. («*Dukcyjoniusz Geograficzny*»), исторических сочинений А. Нарушевича и бароккового стихотворения М. Кулиговского «Христианский Гераклит» 1694 г. («*Heraklit chrześcijański*»). Название *грек* (*Greki*, *Greczyn*) толкуется как «урожденный Греции» («*z Grecyi rodowity*»), а лексемы *болгарин* (*Bułgarczyk*) – «урожденный Болгарии» («*z Bułgaryi rodowity*»), *Болгария* (*Болгарская земля*) – «турецкий край в Европе» не соотносятся с тюркским племенем болгаров и причерноморской территорией.

В конце XVIII – в начале XIX вв., как об этом свидетельствует лексикографический труд С. Б. Линде, семантика названий некоторых племен, населявших когда-то территорию Северного Причерноморья, изменилась в старопольском языке, а именно дополнилась новыми значениями, что было, по нашему мнению, обусловлено особенностями социально-культурного развития Речи Посполитой. К примеру, сарматский миф на протяжении многих веков был основой культуры польской знати, служил ей национальной идеей, что нашло свое отражение в «Словаре» Линде.

© Юрий Миронович Могаричёв
(Симферополь)

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ИОСИФА ГИМНОГРАФА В КРЫМУ

Иосиф Гимнограф (Песнописец) (810–883 или 812/818–886 гг.) составитель богослужбных песнопений, в частности канонов, некоторый период своей жизни провел Херсоне, где находился в ссылке.

Здесь он, вероятно, написал богослужебный канон св. Клименту в честь обретения мощей римского папы. Данный канон представляет биографию папы с позиции, известной нам по поздней житийной традиции и место его мучений и смерти отождествляется с Херсонесом. Скорее всего, Иосиф был непосредственным свидетелем обнаружения Константином Философом мощей папы. И, возможно Анастасий Библиотекарь имел в виду и его, когда говорил что Митрофан Смирнский «проживал недалеко от Херсона, сосланный туда вместе с другими от Фотия».

Очевидно, проживая в Херсоне, Иосиф составил и Службы свв. Херсонским епископам. Можно предполагать, что данное сочинение, явилось заключительным этапом процесса их канонизации

Со времен В. В. Латышева время его пребывания в Крыму датируется вторым периодом иконоборчества. Эта гипотеза основана на позднем, «Иоанновом», варианте Жития Иосифа Гимнографа. Там желая возвеличить подвиги святого и показать того как пострадавшего иконопочитателя, указывалось, что он был сослан в Херсон в период правления иконоборца Феофила (829–842 гг.). Эта версия нашла отражение в синаксарях и у ряда, в том числе и современных, авторов. Однако в древнейшем Житии Иосифа, составленном в 898–899 гг. учеником и преемником святого Феофаном, отмечалось, что Писнописец пострадал уже после смерти Феофила и обидчиком его был Варда. В столицу Иосиф вернулся только в патриаршество Игнатия (867–877). Авторы статьи об Иосифе Гимнографе в византийском Оксфордском синаксаре, отмечают, что тот, как сторонник Игнатия, был сослан в Херсон Фотием.

Если принять во внимание сведения Жития, что Иосиф был репрессирован Вардой, то произойти это могло между 856 г. (когда в результате дворцового переворота дядя императора Михаила III Варда сделался фактическим правителем Византии), а скорее всего 858 г. (когда патриархом стал Фотий) и 21 апреля 865 г. (когда кесарь был убит). Таким образом, время ссылки Иосифа Гимнографа в Херсон можно определить в пределах между 856–858 гг. и концом 60-х IX в. Должно было пройти какое-то время, чтобы Игнатий принял решение о возвращении Иосифа, приказ дошел в Херсон, и святой вернулся в Константинополь.

© Валерий Лукьянович Павлов,
© Марина Юрьевна Савельева
(Киев)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ
М. В. ЛОМОНОСОВА⁵⁷**

Историческая ценность позиции Ломоносова по вопросу вероятного происхождения славянских народов (мера её объективности и научной достоверности) весьма скромна и потому неоднократно пересматривалась и критически корректировалась, хотя никогда до конца не опровергалась по причине невозможности полной реставрации исторического процесса. Ломоносов, как известно, был сторонником так называемой «скифо-сарматской» версии происхождения славянского этноса. Впервые упомянутая в Баварской хронике XIII в., эта версия стала довольно популярной в учёных кругах Западной Европы XIV–XVIII вв.⁵⁸ и не осталась незамеченной в просвещённой России. Но если в отечественной истории конца XIX — первой половины XX в. она постепенно сошла на нет, то в отечественном языкознании она до сих пор вызывает интерес. В частности, акад. А. И. Соболевский⁵⁹ и проф. А. А.

---

⁵⁷ Текст подготовлен в рамках проекта НАНУ–РГНФ «Генезис и пути развития русской и украинской философской мысли» (постановление Президиума НАНУ № 100 от 30.03.2011 г.)

⁵⁸ Показательно, впрочем, что «популярность» не всегда является критерием «основательности» и «научности». Профессиональные историки отнеслись к этой теории с величайшей осторожностью; на ум приходит лишь имя Э. Гиббона. А вот дилетанты в области истории, напротив, восприняли её с большим энтузиазмом. На ум приходит точка зрения такого неавторитетного в области истории гения, как Лейбниц. Занимаясь историей славян по просьбе Петра I, он в одном из своих писем в 1708 г. писал: «Под сарматами я разумею все славянские племена, которых древние называли сарматами, прежде чем стало известным название славян или славов» (*Лейбниц Г. В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. И. Герье. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. — С. 211).

⁵⁹ См.: *Соболевский А. И.* Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии // *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии* / Соч. А. И. Соболевского, заслуж. проф. Имп. Акад. наук, академика Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1910. — [2], IV, 287 с.; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // *Известия отделения русского языка и словесности АН (ИОРЯС)*. — Пг., 1923. — Т. 26; *Соболевский А. И.* Славяно-скифские этюды. — ИОРЯС. — Л., 1928. — № 1, кн. 2; Л., 1929. — № 2, кн. 1; *Соболевский А. И.* Археологическія замѣтки // *Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца*. — К., 1892. — Кн. VI. — Отд. II. — С. 2–10.

Зализняк⁶⁰ проверяли её основательность с точки зрения отражённых в ней закономерностей становления славянских языков. С осторожным пониманием отнёсся к этой теории и акад. О. Н. Трубачёв: «...на... просторах земли к северу от Чёрного моря, которые в старину звались южнорусскими степями, кипела жизнь, складывались формы межплеменного общения и свои традиции наименований. Ещё эти степи называют скифскими или сарматскими. Но их этническое прошлое было богаче. В VI в. на этих берегах упоминается народ *рос*, а также *росомоны*, с которыми (а также с роксоланами) пытался связать нашу Русь не кто иной, как Ломоносов»⁶¹. Впрочем, развёрнутого анализа позиции Ломоносова в трудах Трубачёва мы не находим.

Среди сторонников скифо-сарматской теории в отечественной истории второй половины XX — начала XXI вв. наиболее заметен М. Ю. Брайчевский⁶².

Подробности исторических изысканий Ломоносова достаточно хорошо исследованы в соответствующей литературе⁶³ и оценка их не является

---

⁶⁰ См.: *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. — № 6. — М., 1962. — С. 28–45.

⁶¹ *Трубачёв О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. — М.: Наука, 1999. — С. 123. См. также: *Трубачёв О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // *Трубачёв О. Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. — Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 25–102.

⁶² См.: *Брайчевський М. Ю.* Дослідження М. В. Ломоносовим історії древньоруської держави (До 250-річчя з дня народження М. В. Ломоносова) // Український історичний журнал. — № 6. — К., 1961. — С. 94–99; *Брайчевский М. Ю.* По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. — Т. XVII — М.–Л., 1960. — С. 144–154; *Брайчевский М. Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология): Сб. науч. тр. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 19–30.

⁶³ См.: *Антипин Л. Н.* Ломоносов: у истоков отечественной исторической науки. — М.: Моск. гос. текстильный ун-т им. А. Н. Косыгина, 2009. — 229 с.; *Артемьева Т. В.* Идея истории в России XVIII века // «Философский Век». Альманах. — Вып. 4. — СПб.: Санкт-Петербург. Центр истории идей, 1998. — 267 с.; *Вьюнов Ю. А.* Вклад М. В. Ломоносова в развитие отечественной научно-исторической мысли // М. В. Ломоносов и современная филология: науч. чтения / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. — М., 2008. — С. 43–53; *Милюков П.* Главные течения русской исторической мысли. — 3 изд. — СПб.: Изд-во М. В. Аверьянова, 1913. — С. 16–127; *Каменский А. Б.* Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: сб. ст. и материалов / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники; отв. ред. Э. П. Карпеев. — СПб., 1991. — Т. 9. — С. 39–48; *Карпеев Э. П.* Антиномизм Ломоносова // Русская культура и Ломоносов / Э. П. Карпеев. — СПб., 2005. — С. 131–133; *Лобанов Н. А.* М. В. Ломоносов о происхождении и сущности древнерусского государства // //Правоведение. — 1961. — № 4. — С. 136–139; *Фокин В. В.* Ломоносов: гений русской истории. — М.: «Русская панорама», 2006. — 488 с.; *Формозов А. А.* Классики русской литературы и историческая наука. — М.: Радикс, 1995. — 157 с.; *Шанский Д. Н.* Запальчивая полемика: Герард Фридрих Миллер, Готлиб Зигфрид Байер и Михаил Васильевич Ломоносов // Историки России: XVII — начало XX века: Сб. / Отв. ред. А. Н. Сахаров;

специальным предметом данной статьи. Гораздо более интересным видится анализ *практической, социокультурной* направленности его исторических идей и той роли, которую играл в их становлении совокупный идеологический процесс просвещенческой России. Соответственно, нынешняя актуальность исторической позиции Ломоносова обусловлена возможностью проанализировать обратное влияние исторической мысли на особенности становления и содержание российской просвещенческой идеологии. Иными словами, *важно не только то, насколько выводы Ломоносова в сфере отечественной истории отвечали объективному положению вещей, но и причины, по которым учёный избрал именно эту, а не иную исследовательскую позицию.*

Проблема происхождения славян заинтересовала Ломоносова не случайно; весь ход его исследовательской деятельности показывает, что рано или поздно он осознал бы необходимость заняться рассмотрением этого вопроса. Всю жизнь отстаивая позицию исторического предназначения России быть прогрессивной, он неизбежно должен был начать поиски исторических начал судьбы своего народа и государства. Но повод для этого, как это часто бывает, оказался совершенно случайным. Как известно, Ломоносова возмутила концепция «диссертации» Г.-Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» (1749), в которой последний разделял точку зрения немецкого филолога и историка Г. З. Байера, положившую начало так называемому «норманнскому» или «варяжскому» вопросу происхождения славян⁶⁴.

При внимательном изучении произведений Байера, Миллера и Ломоносова хорошо видно, насколько избранные русским и немецкими учёными методы исследования разнятся между собой. Байер видел подтверждение этнических характеристик первых славянских правителей в их собственных именах, которые запечатлела «Повесть временных лет»: «Посмотримъ на имена перьвыхъ Царей из Варягов бывшихъ. Имѣемъ мы со всѣхъ перьваго Рурика. Сіе имя какого есть народа, как не Скандинавскаго, или Датскаго? О Рурике Датскомъ Королѣ Пятою и десятою Саксон Сіаланденскій объявляетъ, оный у Эрика Короля, или Королевскаго монаха, въ Исторіи Датской Рорикъ называется. Въ расписаніи же Рунскомъ Королей Датскихъ от Олая Вормія изданномъ, Рорекъ. У Норвежцовъ знатный есть Грорекуръ или

Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М., 1996. — С. 28–38; **Шолохов А. Б.** Ломоносов о целостности и многомерности истории // Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения: Сб. ст. / Рук. авт. коллектива В. И. Голдин. — М., 2010. — С. 156–179; **Шулепова О. Б.** Феномен несогласия в историческом учении М. В. Ломоносова // Вопр. гуманитар. наук. — 2007. — № 1. — С. 39–43.

⁶⁴ См.: **Байер Г. З.** Сочиненіе о варягахъ автора Феофила Сигефра Беэра, бывшаго профессора восточной истории, и восточныхъ языковъ, при Имп. Академіи наукъ / Переводилъ с латинскаго языка Кириакъ Кондратовичъ. 1747 года, в генваре. — Санктпетербургъ: При Имп. Акад. наукъ, 1767. — [11], 56 с.

Рорекуръ... Уповательно, что тожь имя, которое у германцовъ (:немцовъ) было Ругерикъ и Рогерикъ брату Рурикову Тревуръ, Трубаръ, Тровуръ имя было, как Русскія исторіи объявляютъ у Саксона грамматика. <...> Остались имена Скандинавскія также и в потомстве, и в доме Руриковомъ. Примѣромъ есть сынъ Игорьъ, как имя его Россіяне выговариваютъ: ибо у Константина Порфиророднаго есть *Iγγορ* Ингоръ...»⁶⁵ Как видно, Байер весьма непоследовательно подходил к решению проблемы. На основании исследования старинных рукописей он изучал исторический контекст, при этом не слишком вдавался в подробности лингвистической формы подачи исторических сюжетов. Его интересовала мера адекватности отражения событий прошлого в памяти народа, но он никак не связывал это с историей языка. Таким образом, смыслом его исследований стало рациональное прочтение (=критика) мифических сюжетов, при этом, он совершенно логично *трактовал язык только как явление, производное от образа жизни, и потому рассматривал имена собственные как вторичные по отношению к этническому происхождению народа; имена собственные — символические признаки племенной принадлежности, исключая случайность фонетических и орфографических совпадений.* Поэтому сходные условия жизни, по его мнению, порождали сходство в языках и собственных именах, а это приводило к абсолютизации объективного фактора и дальнейшим ошибкам в определении критериев происхождения народа. Так, Байер вполне естественно допускал, что «Какъ Влодимиръ Славенское имя есть, такъ Валдемаръ Нормандское и Нѣмецкое»⁶⁶. Однако следующий вывод был совершенно нерациональным: на основании этого он произвольно *выводил корни собственных имён из корней имён нарицательных*, в которых запечатлелись некие общие представления, отражавшие устойчивые, схожие и важные события в жизни совершенно различных народов. В результате получалось, что имена «Владимир», «Вольдемар», «Валгалла» и подобные им произошли от единого старинного немецкого корня *Wal* (поле битвы) и имеют скандинавскую природу⁶⁷. Следуя логике Байера, князь Владимир должен был иметь скандинавские корни.

Эту же методологическую позицию разделял Г. Ф. Миллер. В «Возражениях» на его пресловутую диссертацию Ломоносов указывал, что «Отвергает господин Миллер мнение учёных людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать: 1) как имя *роксолане* переменялось на имя *россияне*, 2) как роксоланы

---

⁶⁵ *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ... — С. 11–13.

⁶⁶ *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ... — С. 17.

⁶⁷ См.: *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ... — С. 17–19.

перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили»⁶⁸. Что и говорить, весьма неоднозначное замечание. С одной стороны, упрёк Ломоносова кажется вполне заслуженным: Миллер опасался мыслить широко и принимал лишь очевидные вещи. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что *Миллер не желал реконструировать реальную историю народа, ограничиваясь историей языка, в которой реальность легко могла быть подменённой субъективными соображениями.*

Совершенно иным был исследовательский подход Ломоносова. Приступив к изучению вопроса, как и немцы, с сопоставления старинных источников, он, однако, *совершенно иначе понимал роль языка в историческом становлении народа.* Оттого и результаты исследования получались совсем другими.

Отношение к языку в России всегда было иным, нежели в Западной Европе. Исторически складывалось так, что сакрализованные языки европейского Средневековья и Нового Времени — латынь и древнегреческий — были языками мёртвых культур; языки живых культур, напротив, считались профанными, годными лишь для повседневного общения, в лучшем случае для создания художественных «фикций». В России старославянский язык долгое время был единым для письменного и устного пользования⁶⁹. Его постепенная трансформация в церковнославянский и консервация в этом виде пришлись на XIV–XVII вв., когда ранее единый народ уже не был единым. Тогда же на основании местных диалектов параллельно стали формироваться языки повседневности, ставшие потом национальными. Но всё равно они сохраняли близкие родственные связи, и общее отношение к писаному слову оставалось благоговейным.

После утверждения Петром I новой упрощённой азбуки образовалось, фактически, два самостоятельных языка, один из которых в неизменном виде существовал в старинных и современных религиозных текстах и православном богослужении, другой черпал из быта и других языков различные новшества и постоянно менялся. Но отношение к этому *новому* языку оставалось *старым*, то есть возвышенно серьёзным и искажавшим его настоящий смысл: новый язык

---

⁶⁸ *Ломоносов М. В.* Возражения на диссертацию Миллера // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 25–26.

⁶⁹ Ломоносов видел в этом преимущество родного языка, недостаток же латыни полагал в оторванности от повседневной жизни: «...как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своём языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим» (*Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 7. Труды по филологии. — М.; Л., 1952. — С. 588).

отличался новым величием, представляясь признаком нового жизненного уклада, нового национально-этнического состава народа, новых мировоззренческих приоритетов. Словом, новый язык означал новую жизнь. И если это происходило сейчас, значит, происходило всегда. Если Пётр смог утвердить новую азбуку, значит, Ломоносову, получившему начальное образование на церковнославянском, под силу было утвердить обратное — увидеть общее между «старым» и «новым» и показать пользу «старого» как *механической и абсолютной* причины «нового» — как возможность сочетания слов из различных языков. Отсюда и неизбежность создания «теории трёх штилей» с целью доказать нетленность древнего языка, незаменимость и присутствие его в веках как свидетеля истории.

Таким образом, язык для Ломоносова был непосредственным отражением всех, бывших когда-либо и будущих событий, к тому же, наиболее надёжным способом их сохранения. Даже радикально трансформировавшись на протяжении столетий, слово никогда полностью не отрывается от первоначальных корней; нужно лишь обладать способностью расшифровывать их смысл.

Иными словами, если немецкие учёные рассматривали язык как главное следствие образа жизни, то для Ломоносова он являлся уже не просто главным, а *единственным* критерием этнической принадлежности народа и основанием возможности ассимиляции с другими народами в будущем. В этом смысле учёный мыслил в соответствии с церковно-славянской традицией, где отождествлялись термины «народ» и «язык»⁷⁰. Вот почему, не найдя в современном ему русском языке скандинавских элементов, Ломоносов сделал вывод о ложности норманнской теории происхождения славян. А вот иранские и балтские корни в нём присутствуют, и это стало одной из причин, заставивших его поддержать скифо-сарматскую теорию и предположить, что «варяжские» пришельцы были прусского происхождения. Эта методология также побудила Ломоносова признать достоверность упоминания о славянах или схожих с ними племенах в античных и византийских исторических хрониках.

***

Подобные взгляды отражали основные особенности *просветительской* общественной установки на практическую направленность всех без исключения наук, среди которых предпочтение отдавалось прикладным сферам. История в таком понимании была эмпирическим, чувственным видом знания, формирующим теоретические выводы всецело на основе собирания и

---

⁷⁰ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. — Т. 4. — М.: Прогресс, 1987. — С. 550–551; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. — 3 изд., стереотип. — Т. 2. — М.: Русский язык, 1999. — С. 467–468.

систематизации фактов. Поэтому историки стремились по возможности избегать привлечения каких-либо других теорий, предоставляя на суд читателя, так сказать, «априорное аналитическое пространство» — «голое известие о бытности»⁷¹. При этом скромно умалчивалось, каким образом будет достигаться непосредственность восприятия «бытности», давно канувшей в Лету. По сути, *история превращалась в историографию, писаную историю, заслонявшую собой прошедшее настоящее. Это означает, что происходила неосознанная взаимная подмена логических и исторических связей, которая является критерием мифологического отношения к миру. В частности, достоверность и правдоподобие подаваемых в летописях событий выступала под видом их истинности. Иными словами, для рационального осмысления историю должно было превратить в противоположность — миф*⁷².

Мифологизм был всеобщим основанием, определявшим характер мышления Ломоносова, Байера, Миллера и др., однако в силу вышеуказанных обстоятельств проявлялся по-разному. Можно сказать, что все они строили свои идеи на едином основании, но по содержанию как будто двигались от противного навстречу друг другу.

В понимании немцев *история была насыщена объективными законами* в виде неких предметных, но не очевидных ныне обстоятельств далёкого прошлого, которые, однажды отразившись в языке, раз и навсегда задали вектор существования и развития народа. Тем самым, Байер и Миллер, чрезмерно доверяя силам собственного разума, мифологизировали его возможности, то есть наделили его несвойственными ему функциями. В результате *ограниченные во времени и пространстве объективные обстоятельства прошлого преподносились как основания языка, который является бесконечно осуществляющимся событием. Это и был опыт рациональности как опыт выстраивания «мифа рациональности».*

Ломоносов же полагал, что *история народа сама по себе законов не имела* и обеспечивалась устойчивым, бесконечным, почти что вечным фактором — развитием языка, и благодаря ему в любой момент могла свернуть куда угодно. Подтверждением тому был неожиданный рывок реформ Петра и стремительное вхождение России в европейское пространство. Иными словами, для Ломоносова *язык был бесконечным основанием ограниченных временем исторических этапов.* Вот почему в своих исследованиях он размышлял вопреки формальной логике — брал за основу древние сказания и пытался

---

⁷¹ См.: *Теплов Г. Н.* Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. — СПб.: При Имп. Академии наук, 1751. — С. 67.

⁷² Важно понимать, что в данном противопоставлении история не должна ассоциироваться с «правдой», а миф — с «ложью» или «иллюзией». Оба они являются формами проявления бытия. Разница лишь в способах его восприятия. История есть бытие, воспринимаемое рационально, аргументировано и понятно; миф — бытие, воспринимаемое чувственно, безоговорочно и мгновенно.

реконструировать их содержание, сравнивая структуру древнерусского языка с состоянием современного ему русского языка. Таким образом, он как будто выстраивал пространство рациональности «внутри» легендарной, мифической формы, отыскивая в мифе рациональное зерно и создавая новый мир новой рациональности — *«рациональности мифа»*, в которой форма и содержание то и дело менялись местами в зависимости от поставленной цели.

То есть, немцы исходили из объективности (факта случайности) событий прошлого и на их основании выводили особенности языка как способа описания этого прошлого. Ломоносов, напротив, интересовался не тем, *что* происходило когда-то, а тем, *как это отражалось в языке*. Он полагал, что события могут лгать, а язык — нет. Форма подачи события есть критерий его истинности.

Доверие Ломоносова языку как форме в сравнении с конкретными его воплощениями в древних письменных свидетельствах привело к отождествлению или подмене имени народа и его исторического носителя, в результате чего язык стал представляться **абсолютным** критерием этнической самоидентичности: «Перемена имени роксолане на россияне весьма невелика и много меньше разницы имеет, нежели Киев и Кенугардия, которые господин Миллер за одно почитает (стран. 31). Литеру σ переменяют иногда аттики на ξ, то недивно, что из речения *россолане* сделалось у греков *роξолане*, а слово *россолане* не больше разнится от *россиане*, как только окончанием по разности языков. С роксоланами соединяются у Плиния аланы в один народ сарматский. И Христофор Целларий примечает, что сие слово может быть составлено из двух — *россы* и *аланы*, о чём и Киевского Синописа автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый *россы*. А как слово *росс* переменялось на *русс* или *русь*, то всяк ясно видит, кто знает, что поляки *о* в выговоре произносят нередко как *у*, напр. бог, буг; мой, муй; король, круль; ров, рув; конь, кунь; толстый, тлустый, и проч. Сие имя иностранные писатели девятого века и позже услышав от поляков, стали *россов* называть *руссами*»⁷³. Ломоносов почти везде говорил о «происхождении имени и народа российского», не разделяя эти два понятия, и, соответственно, не делая различия между феноменами: *народ российский суций есть, только обладая соответствующим именем*. А это уже не только терминологическая, но и общая гносеологическая подмена, в которой представления сливаются с объективной реальностью, и объект исследования становится внутренне неопределённым, либо же слишком абстрактным, почти безграничным по смыслу: как мы помним, Ломоносов, увлечшись поисками сходства языковых корней, отождествлял «вагров» с «варягами», «вендов» и

---

⁷³ Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера. — С. 26. Если же Ломоносов где и ссылался на древние источники, где предки россиян именовались как-то иначе — к примеру, «вагрь», как у Адама Бременского, то трактовать это следовало так, что иноземцам попросту не было известно их настоящее имя. В отличие от него, Байер ранее не был столь доверчив (См.: Байер Г. З. Сочинение о варягахъ... — С. 7–8).

«волжских аланов» со «славянами» и проч.⁷⁴ В этом проявлялся важнейший признак мифологического мышления.

Ещё одним, не менее важным, признаком мифологизма является *неопределённость субъекта исследования*. Действительно, среди причин, определивших мифологический характер мышления, немаловажными были индивидуальные условия жизни и творчества учёных, которые на фоне объективных исторических закономерностей развития российского общества представляли собой примеры «абсолютной случайности», «недоразумения» или даже «чуда». Именно самовольная политика Петра и его последователей привела к тому, что новая история российская с самого начала *творилась руками россиян, но под руководством иноземцев*. Парадокс в том, что первые заказы на исторические исследования препоручались иностранцам, которые охотно брались за дело, толком не понимая, кто они в этой миссии. В свою очередь, отечественные летописцы, имея чрезвычайное рвение, по разным причинам не справлялись с поставленными задачами. Так, индивидуальные особенности мышления Татищева, Тредиаковского и Ломоносова состояли в причудливом соединении самородного ума и педантично усвоенного заграничного образования; но именно это стало основанием мифологической *подмены исторических методов исследования идеологическими и конкретно-научными*, а в отдельных случаях — основанием *субъективного, произвольного выстраивания причинно-следственных зависимостей* между социально-политическими и экономическими обстоятельствами и этническими характеристиками древних предков славян.

Поэтому неудивительно, что в логике исследовательской деятельности Ломоносова случайное преобладало над необходимым, в результате чего необходимые связи и закономерности исторического становления славянского этноса представляли в его интерпретации как случайные, а случайные связи господствовали под видом необходимых. Это приводило к тому, что реальность и кажимость почти не различались. Так, Ломоносов отстаивал объективно правильное допущение о том, что история любого народа не имеет однозначной отправной точки в виде какого-то «прасобытия». А значит, никакое «прасобытие» не может быть основанием имени народа, поскольку имя отражает в себе гораздо больше, нежели предметные ситуации. В частности, он полагал, что началом отечественной истории никак не мог быть 862 г., когда, согласно Нестору, новгородцы «призвали варягов». Ломоносов совершенно естественно усматривал не только историческое, но и формально-логическое противоречие в этом свидетельстве: если таково «начало», тогда как быть с уже жившими к тому времени новгородцами (=носителями имени), которые, к тому же, были

---

⁷⁴ См.: *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история... — С. 209, 210. Тогда же, следуя логике самого Ломоносова, можно предположить, что если имя определяет народ, то, называя славян по-другому, иноземцы могли воспринимать их как «других», и от этого они, вправду, становились «другими».

настолько цивилизованы, что осознавали необходимость единой централизованной власти? В таком понимании история, боясь начаться «ниоткуда», искусственно сама себя ограничивала. Одним из надёжных аргументов в пользу своего утверждения Ломоносов полагал факт существования письменности у северных племён Новгородско-Псковско-Балтийского региона задолго до формирования церковнославянской грамоты. Тем самым, церковно-славянский перевод Библии не мог быть основанием древнерусского литературного языка, а лишь одной из его составляющих наравне со старославянским. Это, по мнению Ломоносова, могло также служить пояснением, почему в русском языке до сих пор встречаются корни древнейших языков Запада и Востока.

Однако Ломоносов не мог найти для своей концепции надёжные методы исследования и потому, наряду с анализом вынужден был апеллировать к авторитетам. Не имея надёжных критериев распознавания достоверных источников, он вынужден был отдавать предпочтение количеству перед качеством. Наряду с непосредственными и авторитетными свидетельствами ему приходилось зачастую использовать и очень косвенные, не имевшие отношения к истории славян источники, и даже откровенно мифологические предания, доверяя их древности и популярности. В этом смысле его роль как субъекта исследования то и дело становится под вопрос.

Всё это приводило к тому, что взаимная неоднозначность субъекта и объекта исторического исследования трансформировалась в *тождество, точнее, в невозможность их автономного определения*. Это, в частности, подтверждалось многочисленными суждениями о Ломоносове как о поэте по преимуществу, нежели учёном, как о поверхностном «ура-патриоте», который по одной лишь причине национальной принадлежности «стал доказывать, что шведы, с которыми мы воевали, не могут быть предками наших князей»⁷⁵.

Конечно, в патриотизме Ломоносову нельзя отказать, но любовь к Родине — чувство самородное и очень личное, само по себе недостаточное не то что для построения, но даже для сознательной поддержки какой-либо теории; поэтому оно обязательно должно было трансформироваться под воздействием полученного в Европе рационалистического, регулярного образования в объективное и последовательное (в рамках своего времени, конечно) отношение к отечественным историческим истокам. Оппоненты Ломоносова постоянно пеняли ему в том, что *в истинном отношении к делу не должно быть места личным интересам*. Однако *личная раздражённость и гнев Ломоносова против диссертации Миллера совпадали с общей направленностью его исторических и логических аргументов*: «Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть

---

⁷⁵ *Бестужев Рюмин К. Н.* Русская история. — Т. 1. — СПб: Изд-во Д. Е. Кожанчикова, 1872. — С. 211.

Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе, чего ему учинить отнюд было не должно...»⁷⁶

Наконец, последний признак мифологизма, который в большей мере проявился у Ломоносова, нежели его оппонентов, — *принцип тождества временных этапов, отсутствие представления о ценностной иерархии прошлого, настоящего и будущего, и об одинаковом воспитательном воздействии времён*. Этой особенностью определялись основная цель и смысл любого его исследования, не только исторического: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгого времени разделила»⁷⁷. Иными словами, *историческое время определялось*, по замыслу Ломоносова, *типичностью протекания времени социального*, в центре которого находятся не всякие, а лишь наиболее важные, судьбоносные события. Поэтому, отдавая дань авторитету древнерусских летописей, Ломоносов стремился опираться не только на них, но и на писания древнегреческих и латинских авторов в поисках наиболее известных и общих сведений о жизни наших предков. И потому вёл историю российскую «от времён, глубокою древностию сокровенных»⁷⁸.

* * *

Поскольку миф является лишь формой мышления (способом его подачи), а не содержанием, он неизбежно несёт на себе отпечатки эпох, в которых проявляется. Просвещенческий миф — не исключение. Он есть «мужество пользоваться собственным умом» (И. Кант), и потому понятно, отчего именно в это время происходил настоящий бум на исторические исследования. В какой-то момент в обществе начинают осознавать неудовлетворённость разума исследованиями настоящего времени и обращаются, будто бы за советами, к прошлому. А чтобы обращение к прошлому не выглядело искусственным, история должна стать «*философией истории*», наполниться авторской мыслью, стать современной в личном переживании и прилежно усвоенной, как школьный урок. Она должна стать «ипостасью» самого исследователя, обучать, направлять и совершенствовать, что, конечно же, миф, ведь обучение, направление и совершенствование исходит не от событий, а от преподающих их субъектов. Так просвещенческий миф манипулировал умами, став исторически первой формой *идеологии*.

В связи с этим понятно, почему Ломоносов никак не мог принять норманнскую теорию происхождения славянского народа: она противоречила и

---

⁷⁶ Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера. — С. 30.

⁷⁷ Ломоносов М. В. Древняя Российская история... — С. 171.

⁷⁸ Ломоносов М. В. Древняя Российская история... — С. 169.

просвещенческому, и мифологическому критериям его мышления. Во-первых, она освещала славянский этнос как неполноценный в плане внутренней политики. И сразу напрашивался вопрос: как могло произойти такое стремительное возвышение Руси при князе Владимире и Иване Грозном? Во-вторых, она разрушала миф о миссии Петра и России как «европейской державе» и пресекала возможность подниматься из низов талантливым одиночкам, вроде самого Ломоносова.

Рассуждая об исторических заслугах того или иного народа, награждающих его вечной жизнью, мыслитель полагал, что это, прежде всего творения ума и рук. Но поскольку далеко не всё, созданное мастерами глубокой древности, способно устоять против варваров, остаётся ещё один способ не затеряться во времени — добыть себе бессмертие справедливым и мудрым жизненным укладом, который другими народами может быть в пример взят. По мнению учёного, мало что из искусств и наук славянской древности сохранилось, но государственный опыт был настолько велик, что известны были предки славян древним историкам — Птолемию, Страбону, Плинию, Прокопию Кесарийскому и более поздним христианским историкам — в частности, Преторию. «Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с гетами или готами. Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское... Хотя ж россаны по большей части в полуночные страны уклонились и со сродными себе аланами, как по вышеписанному видно, у берегов Балтийского моря поселились, однако оттуда с готами в Италию ходили и назывались от историков аланами, сциррами и ругиянами.

Радегаст, славянин именем, родом ружанин, нашествием своим с великим войском произвел несказанный страх в Италии и в самом Риме внутренний бунт между христианами и неверными. Аларик, Рима победитель, почитается от Претория за ружанина, затем что Прокопий одного острова жителей готами именует и что готы к избранию ружанских князей в свои короли склонны были. В пример служат, кроме Радегаста и Аларика, готские короли из Ругии — Губа, Гумулх, Иллибалд, Видомир, также Одоацер, который с турцилингами, сциррами и герулами напал на Италию, Августула кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась. Всего геройства в Италии южных варягов описывать пространно не позволяет место, и разные их проименования скрывают точно принадлежащую им военную славу, которая в Греции была больше ведома.

Константин Порфирогенит, царь греческий, в Администрации пишет, что россы издревле даже до Египта ездили морем»⁷⁹.

---

⁷⁹ *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочинённая Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской

Если оставить в стороне стилистические и исторические гиперболы, мысль Ломоносова была достаточно здрава и вполне рациональна: *истоки того или иного народа лежат в бесконечности и потому неопределённые, ведь каждый народ предшествованием своим имеет множество других народов, оставивших в его культуре многочисленные следы, расшифровать которые можно лишь с помощью языка.*

Но если историческое начало есть «условная остановка в бесконечном времени», тогда кажется, что история как сводная память народа не имеет смысла: «что нам Гекуба?», как сказано было столетием ранее Ломоносова. Потому и имя «Русь» теряет со временем свой первоначальный смысл.

Учёный рискнул предположить, что доказать исторический факт древности народа возможно не только с помощью археологических находок и надёжных письменных источников, но и логическими (точнее сказать, идеологическими) средствами: *не древность истории является причиной надёжности государственного устройства, а, напротив, тот или иной тип государственного устройства определяет длительность истории народа.* А иначе чем ещё, кроме как мудростью государственной политики, можно пояснить предпочтение князем Владимиром христианства, и освобождение Московского княжества от трёхсотлетнего татарского ига, и, наконец, стремительное вхождение России в Европу при Петре, да и его, Михайлы Ломоносова, судьбу? Без преувеличения, эта мысль звучала почти по-гегелевски: «всё действительное разумно, всё разумное — действительно». К этому глобальному допущению Ломоносов пришёл на основании собственного жизненного опыта: именно благодаря мудрой политике Петра Великого безвестный поморский мужик смог стать государственной фигурой. Такие установки, конечно же, следует принимать с осторожностью, так как между подобными событиями есть связь, но основание её неявно и поэтому может быть трактовано совершенно произвольно.

Впрочем, Ломоносов, конечно, не Гегель, его суждения отличала сильная мифологическая окраска. Согласно логике Ломоносова, коль мы связываем начало нашей истории с какими-то событиями («кто в Киеве нача первее княжити»), события эти, в силу своей единичности и предметной сосредоточенности, достаточно условны. Но поскольку они предметны, то кажутся ясными, понятными и значимыми, и потому их почти всегда избирают для удобства отечественного летописания. Но есть ещё иные свидетельства исторических начал: имя как основание истории народа отражает в себе не память о некоем «прасобытии», а специфику политических отношений, тайну власти, указывая, тем самым, на важность государственности в его жизни. Языческие имена великих князей древности — тому подтверждения: Святослав, Владимир. Ярослав, Ярополк, Святополк, Мстислав, Всеволод, Твердислав...

императорской и королевской Шведской Академии наук // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 6. — С. 212–213.

Христианские имена лишь отчасти воплощали эту жизненную прагматику, поскольку она не сочеталась с доктриной христианского смирения. Впрочем, и здесь случайное было проявлением необходимого: царь Пётр именем своим воплощавший абсолютное единство христианской идеи и жизни, мощью своей утвердил новую, молодую Россию.

Этот миф зависимости судеб народа и индивида от государства призван был стать одним из идеологических средств доказательства авторитетности прошлого и современного государственных устройств России: «Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унижить тех, которые по долгом времени приняли начало своей славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение даёт происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобным, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских»⁸⁰.

А потому правильная формулировка вопроса, *кто же* стоял у истоков возникновения славянского этноса — варяги или скифы, имела принципиальное методологическое значение *с точки зрения просвещённого разума*. Позиция Ломоносова достаточно ясна: оба эти народы были чужды славянам, но один из них всё же дал начало славянской истории. Это скифы. Во-первых, они считались несравненно более древним народом, нежели норманнские племена; корни скифских легенд пропадали где-то в глубине Античного мира. Во-вторых, (и это для нас гораздо важнее) этническая принадлежность скифов гораздо менее определена, в отличие от славян, чья этническая сплочённость не вызывала сомнений. А всё потому, что скифы — народ кочевой и потому открытый для ассимиляции. Иными словами, скифы, в понимании Ломоносова, обладали слабой культурной самоопределённостью, и потому, воспринимая в какой-то мере чужие традиции, сами вливались в процесс формирования многих более поздних культур. Это, по мнению Ломоносова, могло отчасти пояснять нынешнюю восприимчивость россиян к европейской культуре. Чего нельзя

---

⁸⁰ *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история... — С. 170–171.

сказать о норманнах, культурная направленность которых изначально была узко экспансивной и осталась такой до последних времён.

Следуя логике Ломоносова, можно сделать вывод, что «неудача» исторической перспективы варягов состояла в том, что они, будучи оседлым народом, вели себя как кочевники и мало занимались совершенствованием отношений внутри своих государств. Поэтому однажды (то есть в 1721 г.) их потомки были раз и навсегда побеждены. Скифы же, напротив, будучи кочевниками, не были агрессивны. И потому вбирали в себя чужие культуры, не вредя им.

Но если славяне происходили от скифов, Ломоносов должен был как-то объяснить цель пребывания варягов на славянских землях. Он не мог опровергнуть факта присутствия варягов и в целом соглашался с тем, что их однажды «призвали». При этом он стремился понять преимущества этого народа, за которые его представителей славяне почтили таким доверием и в дальнейшем даже стали почитать как своих предков. Вывод Ломоносова научном плане был довольно неожиданным и, видимо, не вполне соответствовавшим действительности, но по-своему оригинальным и продуктивным для дальнейшей разработки: *варягов нельзя считать предками славян, поскольку они являлись не этносом, а социальной группой или даже общественной прослойкой*⁸¹. Этим, видимо, отчасти поясняется выделение им племён варягов-россов и варягов-скандинавов: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем. <...> Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам. Не токмо шведы, норвежцы, исландцы и славяне, но и греки тоже одно слово употребляют в исторических книгах. И Перинскиольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-исландски, варингами, или по-латине северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством королей шведских, именовал бы их хотя в одном месте шведами, чего, однако, нигде не видно»⁸².

Таким образом, опираясь на аргументы из области исторического и сравнительного языкознания, Ломоносов довольно убедительно доказывал, что

---

⁸¹ Смелая манера ломоносовской интерпретации соблазняет делать ещё более смелые предположения: возможно, варяги и были этносом, как то старались доказать немцы, но для славян это в тот момент не имел никакого значения; им нужно было решить задачи совсем другого рода. Тем самым, роль варягов становилась, так сказать, «технической».

⁸² *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история... — С. 203–204. Намёки на это можно встретить уже у Байера: «Какое жь было имя Варягамъ? где они жили, то никто такъ совершенно не изъяснилъ...» (*Байер Г. З.* Сочинение о варягах... — С. 2).

никаких «шведов» в период формирования древнеславянского этноса не было и быть не могло. Тем самым он показывал, во-первых, несостоятельность выдвинутых против него обвинений в том, что он, дескать, «таил злобу на шведов». Во-вторых, пояснял, что если факт «призвания» варягов новгородцами всё-таки имел место, то никак не в подтверждение признания превосходства одного народа над другим. Варяги в такой интерпретации Ломоносова выступали *наёмниками*, а это указывало, как раз, на их собственную культурно-этническую и государственную неполноценность и дипломатическую дальновидность славян, которые проявили настолько великую мудрость, что противоречия внутренней политики сумели разрешить, заручившись силой иноземной дружины⁸³.

Однако если преобладание идеологического аспекта над историческим и этнографическим в целом прогрессивно влияло на развитие *историко-филологических экспериментов* Ломоносова, то в области *теоретической филологии* не могло не приводить к научным натяжкам, а иногда и прямым искажениям. Так, акад. О. Н. Трубачёв отмечал искусственность употребления Ломоносовым (и не только им) термина «*российский*» в тех случаях, когда уместнее было бы использовать «*русский*»⁸⁴. В то же время, нельзя не признать, что тому также были политические основания: Ломоносов отстаивал приоритеты монархического централизованного государства и потому рассматривал *национальный* аспект сущности народа (который он иногда отождествлял с *этническим*) как *производный* от аспекта *государственного*. Соответственно, *этническая характеристика «русский» отождествлялась им с государственно-правовой характеристикой «российский» и постепенно вытеснялась последней*.

***

Таким образом, занимая, подобно Петру, космополитическую позицию «ради пользы Отечества», Ломоносов в то же время безоговорочно считал *русских* главной силой, объединяющей вокруг себя остальные народы Империи. В этом смысле сферы «*российской* грамматики» или «*российского* стихотворства» выполняли не столько функцию развития общественной духовности (были картинами развития *русского* языка и поэзии), сколько функцию идеологическую (выступали универсальными предписаниями, образцами «штилей» изъяснения для всех «народов *российских*»). В результате

---

⁸³ Рискнём утверждать, что подобный опыт в истории проявлялся не раз. Так, подразделения Швейцарской гвардии с XVI в. и по сей день охраняют Ватикан. Однако никому никогда не приходило в голову трактовать это как культурную или политическую экспансию.

⁸⁴ См.: *Трубачёв О. Н.* Русский — российский: История, динамика, идеология двух атрибутов науки // *Трубачёв О. Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — 3 изд., доп. — М.: Наука, 2005. — С. 230, 231.

бесчисленные народы, населявшие бескрайние просторы русской земли, становились россиянами, оставаясь этнически самими собой, то есть непосредственно включались в государственный механизм, запущенный русскими.

© **Нина Никифоровна Парфёнова,**
© **Валентина Владимировна Савиных**
(Сургут)

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ ЗАУРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Исследование прозвищной лексики актуально для исторической лексикографии и диалектографии. Мотивирующие апеллятивы, особенно субъективно-оценочного характера, не представлены в исторических словарях, отсутствуют в деловой письменности.

Источниковой базой послужили памятники письменности конца XVI–XVIII вв. из архивных фондов РГАДА (Российский государственный архив древних актов, фонд Сибирского приказа), ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Территориальные истоки возникновения прозвищной лексики устанавливались по данным исторических и диалектных словарей.

Зауральские прозвища закрепили *диалектизмы*. Ср.: *агибало* (*огибало*) – урал. ‘льстивый’; *охмор* – вят. ‘обморок’; *бакалда* – вост. ‘залив, колдобина’; *болезный* – вост. ‘милый, сердечный’; *бармолить* – арх. ‘говорить невнятно’; *бекирь* – перм. ‘пескарь’; *бовыка* – ‘медлительный’; *брыла* – урал. ‘толстая губа у человека’; *будало* – урал. ‘бодливый’; *бузун* – влгд. ‘буян, драчун’; *булыч* – влгд., вят. ‘наглый’; *бухало* – заурал., урал. ‘человек, говорящий невпопад, врун’; *бухвост* – ‘сплетник’; *бушман* (*бушма*) – влгд. ‘гостуха’; *вакора* – арх. ‘коряга’; *вандыш* – сев., урал. ‘снеток, мелкая рыба’; *варакса* – ‘болтун, пустомеля’; *ваула* – прм. ‘заика’; *векша* – ‘белка’; *верещага* – ‘болтун’; *волосник* – нвг. ярс. ‘женский головной убор’; *додон* – влд. ‘нескладный, несуразный человек’, сиб. ‘малорослый и неказистый’; *жабррей* – урал., заурал. ‘сорная трава с длинным корнем’; *жигаль* – урал. ‘рабочий-углежог’; *жужга* – прм., вят. ‘хлебный червь’; *заварза* – ‘неряха, грязнуля’; *загвазда* – олон., вят., влд. ‘грязнуля’; *зобня* – сев., вост. ‘кошель, лукошко лубочное или берестяное’; *каренга* – урал., заурал. ‘кривое дерево’, ‘злая, сварливая женщина’; *кокора* – сев., урал., заурал. ‘кривое дерево, принесённое течением реки’; *коморник* – прм., вят. ‘сторож при мирской избе’; *кондюра* – ‘хитрый’; *копос* – ‘мелочный, придирчивый’; *костюря* – ‘сквернослов’; *кремль* – урал., заурал. ‘твёрдый, трудный для обработки участок ствола дерева’; *лабута* – арх., пск. ‘неуклюжий, бестолковый человек’; *мотора* – волог., нижег. ‘болтливый человек’, влад. ‘барышник’; *мымра* – ‘зевака’; *няша* –

сиб., прм. ‘болотная топь’; *ослоп* – урал., заурал. ‘рослый, здоровый, физически развитый человек’; *падера* – сиб., новг., арх., прм. ‘буря’; *паренка* – вят., прм. ‘пареная репа’; *пареница* – волог. ‘пареная репа’; *пархач* – ‘шелудивый’; *поздыш* – урал., заур. ‘последний ребёнок’; *потема* – сиб. ‘скрытный человек’; *потка* – влгд., вят. ‘пташка’; *розгаило* – вят. ‘крикун, сорванец’; *суворый* – сиб., прм., олон. – ‘суровый’, ‘сердитый’, ‘безобразный’; *халемый (халеный)* – ол. ‘алчный, жадный’; *хахаль* – вост. ‘волокита’, ‘щёголь’; *хрушкой* – арх., кстр., прм., сиб. ‘крупный’; *чебыка (чебак)* – влгд., прм., арх., сиб. ‘ меховая шапка’; *чермной* – ‘рыжий’; *шабала* – прм., кстр. ‘всякая щепенная посуда’; *шабур* – влгд., вят., прм., сиб. ‘зипун, балахон’; *шаллага* – сев., сиб. ‘простофиля’.

Возникшие от прозвищных основ, зауральские фамилии восходят к диалектизмам, распространённым на территории севернорусских, среднерусских и уральских говоров.

© Михаил Николаевич Саенко
(Ростов-на-Дону)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРАСЛАВ. *BĚĽЬ

Чисто фонетически праслав. *běĽь может восходить как к *bēlos, так и к *boilos. Как в первом, так и во втором случае данная лексема возводится к п.-и.-е. **b^heh^ti* «блестит, сияет» (сохранившемся в праслав. *bajati se «тлеть» [ЭССЯ, 1: 139–140]), которое, в свою очередь, продолжает праиндоевропейское *beha с тем же значением [Dolgopolsky: 249–250]. Однако во втором случае это делается с допущением уникальной метатезы -VlJV- > -VilV- (*boljos > *boilos), поэтому первый вариант, несомненно, предпочтительнее.

Очевидно, что **b^hehlos* образовано при помощи форманта *-lo-*, служащего для образования особых 1-вых причастий в праславянском, армянском и тохарских и 3-го лица претерита в лидийском [Рорко, 1999:146], но в остаточном виде сохраняющегося также и в других индоевропейских языках. По мнению М. Войтылы-Свежовской, основной функцией данного форманта в праиндоевропейском языке было образование отглагольных прилагательных [Wojtyła-Świerzowska, 1974: 118]. Параллельно ему были образованы **b^hohlos* > праслав. *bala (> *balъka «балка» [ЭССЯ, 1: 149–150]), **b^hhlos* > греч. φαλός «белый» (гlossa Гесихия), п.-балт. *balas «бледный, белёсый» и **b^hohnos* > п.-кельт. **bāno-* «белый, блестящий» [Matasović, 2009: 55], санскр. *bhānam* «свет, знание», что хорошо укладывается в описанную Э. Бенвенистом систему чередования формантов *l/n* [Бенвенист, 2004: 69].

От слова **b^hehlos*/**b^hohlos* был образован деноминатив **b^hohlti*, сохранившийся в литовском *bálti* «белеть, становиться белым, бледнеть». От

глагола **b^hohltei* были образованы причастия **b^hhlto*s > праслав. **bolto* со сдвигом значения «белое» > «болото» [ЭССЯ, 2: 179–182], [SP, 1: 311–312], иллир. **balta* «болото» [Pokorný, 1959: 119], алб. *baltë* «болото» [Orel, 1998: 15], п.-балт. **baltas* «белый» [Smoczyński, 2007: 44], и **b^hhlnos* > праслав. **bolna*/**bolno* «плёнка, нарост, луг» [ЭССЯ, 2: 175–176], [SP, 1: 307–308], п.-балт. **balnas* «белый, седой» [Smoczyński, 2007: 43].

Несомненно, в значении «белый» **bēl̥* вытеснило континуант п.-и.-е. **arg'us*/**arg'os* (хеттск. *harkis*, греч. ἀργής, санскр. *árjunaḥ*, тох. А. *ārki*, тох. Б. *ārkwī*). В таком случае, каково было первоначальное значение слова **b^hehlos* > **bēl̥*?

Польские этимологи реконструируют значение праформы этого слова в первую очередь как «сверкающий, блестящий» [SP, 1: 238; Boryś, 2005: 26]. И хотя такой семантический сдвиг довольно распространён типологически (ср. греч. λευκός, прагерм **xwītaz*, алб. *bardhë*), следует отметить, что данное значение у родственных ему слов представлено слабо, фактически, оно засвидетельствовано лишь у санскр. *bhālam* «блеск» и гипотетически допускается у ирл. *beltene*, *belltaine* «праздник Бельтейн» (возможно, дословно «сияющий огонь» [MacBain, 1911: 32]). Остальные значений континуантов **b^hehlos*/**b^hohlos*/**b^hhlos* в различных языках (за исключением балтийских) таковы:

1) «пламя» (др.-исл. *bál* и др.-англ. *b l* < **bēlan* [Orel, 2003: 44]); 2) «белый, бледный» (греч. φαλός (гlossa Гесихия) и производные от него φᾱλακρός и φᾱλανθος «плешивый, лысый» [Frisk, 1960: 989]; лтш. *bāls* «бледный»; лит. *bālas* «белый, белёсый, бледный»); 3) «туман» (арм. *bal*, но также диал. «белое пятно» [Martirosyan, 2009: 162–163]); 4) «белое пятно на лбу у животного», «животное с белым пятном на лбу» (лат. *fulica*, *fulix* < **b^hol-ik-ā*, **b^hol-ik-s* «лысуха» [Walde-Hofmann, 1: 559–560] (однако в данном случае необычен вокализм); греч. φᾱλᾱρίς «лысуха», производное от φαλός; греч. φαλιός «светлый» (о коне Велизария, тёмного цвета, но с белой мордой, в передаче Прокопия Кесарийского); греч. βᾱλιός «пятнистый, пегий» – по-видимому, заимствование [Frisk, 1960: 214]; готск. **bala-* (о коне Велизария, тёмного цвета, но с белой мордой, в передаче Прокопия Кесарийского) [Lehmann, 1986: 59]; д.-в.-н. *belihha* «лысуха» < **balixōn* [Orel, 2003: 34] (так же, как и в латинском слове настаживает вокализм); англ. диал. *ball* (возможно, заимствовано из кельтских языков) [English Dialect Dictionary, 1: 143]; алб. *bal* «собака с белым пятном на лбу» < **bala* [Orel, 1998: 15]; алб. *balë* «барсук» [Orel, 1998: 15]; ирл. *ball*, бретонск., уэльск. *bal*, «белое пятно на лбу животного, лошади» < **balo-*, **balno-*, **baljo-* [MacBain, 1911:28], [Henry, 1900: 24]); 5) «лоб» (санскр. *bhālam* «лоб»; алб. *ballë* «лоб» < **balā* [Orel, 1998: 16]; прусск. *ballo* «лоб» – конъектурное чтение из *batto* [Топоров, 1: 187], конъектура

Мажюлиса *sasto не выглядит убедительно [Mažiulis, 1: 134–135]; 6) «болото, балка» (лит. *balà* «болото»; лигур. *bolā «болото», п.-сл. *balъka).

Некоторые учёные реконструируют исходный корень без «ларингала» (**b^hel-*), тогда объяснение получает краткость в корне лат. *fulica*, д.-в.-н. *belihha* и кельтских форм, но остаются необъяснимыми греческие и славянские. Введение же «вторичной долготы» [ЭССЯ, 2: 80] в славянских формах выглядит искусственным. Как нам кажется, нельзя исключать, что в данном случае мы имеем дело с достаточно древним влиянием на кельтские, латинскую и древневерхненемецкие формы другого индоевропейского корня со значением «сверкать» – **b^hleg-/b^helg-*, т. е. *fulica* по аналогии с *fulgur*.

Как нам кажется, все значения связаны между собой. Значения «лоб» и «белый» являются, скорее всего, вторичными по отношению к «белое пятно на лбу» (расширение значения). В свою очередь, деривация прилагательного со значением «с белым пятном на лбу» от глагола «блестеть» находит параллель в п.-и.-е. **leuk'-* > праслав. *lyszъ [ЭССЯ, 17: 45–50], п.-и.-е. **leuk-* > лит. *laiūkas*, лтш. *lāuks* «с белым пятном на лбу» [Smoczyński, 2007: 339] и п.-и.-е. **g^hwoi-* > лтш. *zvaigala* «корова с белым звездообразным пятном на лбу» [Фасмер, 2: 85].

Животные с белым пятном на лбу обладали большой культовой значимостью у многих народов [ЭССЯ, 17: 49]. Характерны украинские загадки «Лисий віл через ворота дивиться» и «Лисий кінь у ворота заглядає» (месяц) [Шалімова, 2009: 187]. Вероятно, исконным значением слова **b^hehlos* было «с божественным белым пятном на голове», а позже в праславянском оно пережило расширение значения до «белый».

Библиография

- 1) Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- 2) Dolgopolsky A. Nostratic Dictionary. Режим доступа: <http://www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512>
- 3) Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. В двух томах. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1960.
- 4) Henry V. Lexique étymologique du breton moderne. – Rennes: J. Plihon et L. Hervé, 1900.
- 5) Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. – Leiden: Brill, 1986.
- 6) MacBain A. Etymological dictionary of the gaelic language. – Strirling: Enneas MacKay, 1911.
- 7) Martirosyan H.K. Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon. – Leiden: Brill 2009.
- 8) Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. – Leiden – Boston: Brill, 2009.
- 9) Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas,

- 10) Orel V. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden – Boston – Köln: Brill, 1998.
- 11) Orel V. *A Handbook of Germanic Etymology*. – Leiden – Boston: Brill, 2003.
- 12) Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. – Bern – München: A. Francke AG Verlag, 1959.
- 13) *Słownik Prasłowiański*. // Pod red. F. Sławskiego. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolinskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974-1979 (тома 1–3, издание продолжается).
- 14) Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. – Wilno: Printer Polyglot, 2007.
- 15) *The English Dialect Dictionary*. Volume I. A-C. – London – Oxford – New York: Henry Frowde, Amen Corner, Oxford University Press, G.P. Putnam's sons, 1898.
- 16) Walde A., Hofmann J.B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. В двух томах. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1938–1954.
- 17) Wojtyła-Świerzowska M. *Prasłowiańskie nomina agentis*. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974.
- 18) Бенвенист Э. *Индоевропейское именное словообразование*. – М.: УРСС, 2004.
- 19) Топоров В.Н. *Прусский язык*. – М.: Наука, 1975–1990.
- 20) Шалімова Ю. *Українські народні загадки*. – К.: Факт. – 2009.
- 21) *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Выпуски 1–33 // Под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974–2007 (издание продолжается).

© Ольга Сергеевна Северцева
(Москва)

СООБЩЕНИЕ О ВЫХОДЕ КНИГИ

Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура: документы, письма, воспоминания: в 2 кн. / [сост. О. С. Северцева]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 775 с.: илл. – (Российские Пропилеи).

Составление тома, археографическая работа, комментарии О. С. Северцева. Руководитель проекта, вступительная статья, очерки к разделам В. И. Мильдон. Научный редактор Е. В. Романова, ответственный редактор М. И. Чернышева. Серийное оформление П. П. Ефремов.

Книга содержит разнообразные и по большей части впервые опубликованные сведения о жизни А. Г. Габричевского (1891–1968) – выдающегося русского ученого ренессансного склада, оставившего заметный след в философии искусства, эстетике, теории архитектуры, итальянистике и германистике. Перед читателем предстанет не только интеллектуальный облик Габричевского, но и его частная жизнь, выраженная в обширной переписке с родными, друзьями и выдающимися деятелями искусства и культуры – М. А. Волошиным, М. А. Кузминым, Г. Г. Нейгаузом, М. В. Юдиной, Н. Саррот. Масштаб личности и деятельности А. Г. Габричевского, круг его знакомств, родственные связи – всё это позволит читателю представить духовную и культурную жизнь русского общества с конца XIX в. до 60-х годов XX в. Большинство документов и писем публикуется впервые.

▣

© Елена Вячеславовна Сердюкова
(Ростов-на-Дону)

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ФИТОНИМЫ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Этимология любого слова всегда требует не только учета всех закономерных фонетических явлений, словообразовательных моделей, но и моделей номинации, которые иногда могут быть очень важным доказательством объективности этимологического анализа. В семантической мотивации наименований явлений действительности прослеживаются следы языкового творчества народов, специфика их мировидения и мировосприятия. В данном докладе на материале праславянских фитонимов мы попытаемся привести доводы в пользу объективности тех или иных предложенных в разных источниках этимологий, опираясь на анализ закономерных моделей номинации, характерных для названий деревьев. Основными мотивами для номинации названий деревьев являлись характер стебля или ствола, цвет, место произрастания и др. Объектом исследования стали названия ивы, вяза, сосны, дуба в русском и других славянских языках.

Слово *ильм* относится к роду *Ulmus*, а виды ильмовых известны под названиями *вяз*, *берест*, *карагач*. Хотя в современном русском языке для родового понятия используется слово *ильм*, но более распространенным является слово *вяз*. Нужно также отметить, что в украинском языке родовым наоборот считается *вяз*, да и в разных источниках, которые были использованы, нет единообразия между словом и видом ильмовых. Один и тот же вид может называться разными словами, и фактически все эти слова часто используются как синонимы. Видимо, в давние времена наши предки не различали разные виды деревьев, что очень часто находит отражение и в современных славянских

языках и диалектах. О. Н. Трубачев восстанавливает для слова *ильм* праславянскую форму **jьlьmъ* и трактует его как производное с суффиксом *-m-* от корня **jьl-* ‘рвать, драть’. Русское диалектное *вильма* требует реконструкции **vьlьm / *vьlьmъ < vmo-*, что позволяет толковать наличие следующих корней: **uel-* / **jьl-* / **ul-* ‘рвать, драть’. Этот корень дал названия шерсти, волны в и.-е. языках. Слово также родственно лат. *ulmus* ‘вяз’. Германские формы этого названия своими перегласовками напоминают славянские (др.-в.-нем. *ilme*, *ilmbout*, *ulmbout* и др.). Такая этимология весьма перспективна, так как деревья семейства ильмовых имеют гибкое лыко, годное для вязки. Подобную мотивацию можно встретить и в слове-синониме *вяз* (от глагола *вязать*). В основу номинации в обоих случаях лег один и тот же признак – гибкое лыко, годное для вязки. При номинации деревьев очень часто на первый план выдвигается признак, связанный с практическим применением растения. То, что один и тот же признак передается с помощью разных корней – распространенное явление при номинации растений. Существовала попытка объяснить слав. **jьlьmъ*, нем. *Ulme* и лат. *ulmus* из и.-е. корня **el-/ *ol-* ‘серожелтый’ (‘желтобурый’). В докладе Илоны Янышковой на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна (г. Москва, 2011 г.), упоминается синонимичное *льмъ*, зафиксированное в чеш.-цслав. В современных славянских языках и диалектах встречаются аналогичные образования (ср. русск. диал. *лем*, *лим*, *лимок*). Авторы этимологического словаря старославянского языка (издается в Праге с 1989 г.) предполагают наряду с формой **jьl(ь)mъ* вариант **lьmъ* [Янышкова 2011, с. 254]. В русских говорах слово *лем* обозначает *Ulmus effusa*, зафиксированное в СРНГ. Судя по источникам, на которые ссылаются составители словаря, слово имело очень узкий локальный характер. В СРНГ [вып. 16, с.346] указано, что слово *лем* ‘растение *Ulmus effusa*’ относится к семейству вязовых. Анненков называет это слово без указания места, а Добровольский отмечает это слово в смоленских говорах у переселенцев из Витебской губернии. Кроме того называются слово *лемок* ‘молодой вяз, ильм’ и *лемочек*, являющееся уменьш.-ласк. к *лемок*. Слово *лемъ* можно, действительно, рассматривать как вариант слова *илемъ* без начального гласного, что сделает слово более понятным (наличие чеш.-цслав. *льмъ* является важным для этого доказательством), но для решения этого вопроса необходимы какие-то дополнительные сведения. Если предположить, что слово с корнем **lem-* не связано с *ильмъ* по происхождению, то, возможно, оно восходит к праславянскому диалектизму гл. **lemiti*, засвидетельствованному лишь в в.-луж. языке, но первичному по корневному вокализму (ср. **lěmati*, **lomati*, **lamati*). О.Н. Трубачев возводит этот глагол к и.-е. **lem-* ‘ломать, сломанный, мягкий, нежный’, имеет соответствия в лит. *lìmti* ‘ломать’, др.-прусск. *limtweit* ‘ломать’ и др. [ЭССЯ, вып.14, с.113]. Сюда же можно отнести белорус. диал. *лёмніца* ‘что-либо длинное, гибкое и тяжелое, чем можно ударить’ (ветка и т.п.), образованное также от глагола **lemiti* с суф. *-ьница* или с суф. *-ica* от прилаг. **lетьнь (jь)* и является старым образованием. Тогда для слов

лем (лемок) можно предположить следующую модель номинации: дерево, которое легко ломается или дерево с ломкими ветками. Но это лишь гипотеза, требующая дополнительного материала.

Праславянское *veǝzъ встречается во всех славянских языках, родственно лит. *vin̄k̄na*, лтш. *vīksna* ‘вяз’. Слово *вяз* связано этимологически с глаголом *вязать*, поскольку лыко этого дерева было гибким и могло применяться в этом процессе. Данное слово имеет соответствия не только в балтийских языках, но и в германских, албанском, иранских языках: алб. *vith*, курд. *viz* ‘вяз’, др.-англ. *wice* (англ. *wych-elm*), нижн.-нем. *wike* ‘вяз’. Исходной основой считается **ueǝk̄-*, **uin̄k̄-*. В основу номинации в обоих случаях лег один и тот же признак – гибкое лыко, годное для вязки. При номинации деревьев очень часто на первый план выдвигается признак, связанный с практическим применением растения. То, что один и тот же признак передается с помощью разных корней (используются слова-синонимы), распространенное явление при номинации растений (ср. подобное явление в названиях ивы).

Слово *берест* имеет тот же корень, что и слово *береза*, которое бесспорно произведено от и.-е. основы со значением ‘блеск, свет, белый цвет’. Праславянское *berstǝ дало рус. *берест* ‘вяз’, в сербохорв. встречается *bresten* ‘вязовый’, польск. *brzesta* ‘кора вяза’ (ср.: рус. *береста* ‘верхний слой березовой коры’). У некоторых видов ильмовых кора напоминала кору березы, отсюда перенос названия с одного растения на другое по сходству. Такой перенос названия с одного дерева на другое при сходстве каких-то внешних признаков – явление, известное в и.-е. языках.

Слово *карагач* широко распространено в южных областях России. В. И. Даль отмечает это слово в тамбовских и пензенских говорах, слова с этим корнем встречаются во многих украинских говорах. Слово известно в белорусском и болгарском языках. В донских русских говорах известны формы *карагич*, *караич*. В САР в значении *Ulmus pumilata* зафиксирована форма *карагучь*. Фасмер [т.2, с. 191] указывает на заимствование из тур. *kara ağaç* ‘вяз’, в дословном переводе обозначает ‘черное дерево’. Слово имеет заимствованный характер, более позднее происхождение, поэтому не представляет такого интереса, как остальные слова.

Цветовая характеристика составляет внутреннюю форму и праславянского *sosna, которое восходит к и.-е. корню *kasnos ‘серый’. Семантический сдвиг ‘цвет’ → ‘название растения’ – распространенная модель номинации растений (ср. береза, берест, рябина, слива, черемуха, ольха). Для слова *сосна* существуют и другие этимологии, но они неубедительны, поэтому ограничимся только констатацией наиболее распространенной этимологии для данного слова.

Праславянское *dǝbъ ‘дуб’ представляет интерес среди названий деревьев. Являясь праславянским, оно не связано с названиями дуба в других индоевропейских языках. Правда, существовали попытки найти “древесную” индоевропейскую этимологию. Например, А. Брюкнер, В. Махек пытались

связать это слово с др.-в.-нем. *tanna* 'ель', но положительного результата не достигли. Праслав. **dǫbъ* (*Quercus*) явилось новообразованием и заменило предшествующее название этого дерева. В отличие от слова *дуб* слово **želǫdbъ* (название плода) имеет индоевропейские соответствия и хорошо сохранилось. Замена одного названия другим связана, по-видимому, с древними религиозными представлениями и магией слова, побуждающей к речевым запретам, табу. В индоевропейской и славянской мифологии неоднократно указывалось на связь дуба с верованиями в бога грома. Не случайно уже давно высказывалось предположение, что православ. **dǫbъ* пришло на смену более древнему **perkъ* > и.-е. **perk^u-os* (ср. лат. *quercus*), косвенно сохранившемуся в праславянском **perunъ* [Иванов Вяч. Всев., Топоров]. В. В. Иванов и В. Н. Топоров указывают, что Бог грозы связан, во-первых, с деревом (особенно с дубом), дубравой, лесом, во-вторых, с горой [Иванов Вяч. Всев., Топоров, с. 12]. Самым распространенным сюжетом является повествование о том, что в дуб ударяет молния, так как под дубом прячется противник Бога грозы (грома). В грамоте Галицкого князя Льва Даниловича 1302 года прямо упоминается *Перунов дуб*. При этом отмечена и связь с горой: *А отъ той гора до Перунова дуба горъ склонь* [Иванов Вяч. Всев., Топоров, с. 14]. Отмечается такое же сочетание (*дуб Перкунаса*) и в балтийских источниках. Связь Перуна с горами и дубовыми рощами восходит к индоевропейскому периоду, что неоднократно отмечалось исследователями. Первоначальное название *дуба* (*Перун*) вытесняется словами, связанными с деревом, горой, лесом (атрибуты бога грозы). О том, что слово *дуб* появляется как табу, по-видимому, свидетельствуют и его значения, зафиксированные в первых памятниках письменности. 1. 'дерево'; 2. 'дуб'. Такой же характер, по всей видимости, имеют названия *дуба*, встречающиеся в южнославянских языках. Это слова *горун* 'большой дуб', *горняк*, *горнево древо* в болгарском языке. Они образованы от корня *гор-*. В болг. *гора* 1. 'возвышенность'; 2. 'лес'. Следовательно слова с этими корнями первоначально обозначали 'дерево, растущее на возвышенности', а затем 'дуб.' Серб.-хорв., болг. диал. *храст* 'дуб', восходящее к праслав. **xvorstъ*, имеет в других славянских языках диалектное значение 'куст' (болг.), 'мелкий лес' (полесск.) и подобные. В болг. и в серб.-хорв. названия также связаны с атрибутами Бога грозы (грома).

Такая традиция в переименовании названий дуба позволяет более точно судить и об этимологии слова *дуб*. Значение 'дуб' (*Quercus*) не было для него первоначальным, скорее для слова *дуб* более ранним было значение 'дерево.' Фасмер связывал это слово с греческим *δέμω* 'строю', т.е. в начале значение 'материал', а затем 'дерево.' Убедительной и обоснованной в семантическом плане, на наш взгляд, является точка зрения О. Н. Трубочева [ЭССЯ], который вслед за О. К. Фальком связывает его с и.-е. корнем **dheubh-* 'глубокий', 'углубление', а далее восстанавливает значение 'низинный'. Связь названия растения, особенно дерева, с терминами рельефа (значения 'верх' или 'низ') – факт известный, он уже неоднократно описывался в лингвистической литературе

в связи с другими словами. Семантические изменения в слове *дуб* происходили следующим образом: 'низменность' → 'растение, растущее в низине, в том числе и дерево' → 'дуб, растущий в низине' → 'дуб'. В слове *дуб* встречается одна из древнейших моделей номинации, известная во многих индоевропейских языках: низменность (рельеф) – дерево, растущее в данном месте – дуб, т.е. дерево конкретной породы, растущее в данном месте, а далее 'дуб' (без указания места произрастания).

Древнейшее инд.-евр. название дуба, восходящее к двум вариантам основ **p^herk^hu-*/**p^heru-* в общеславянском было заменено новообразованием *дуб*, но сохранилось в названии бога грома в ряде языков, в том числе и славянских. Кроме того, общеиндоевропейское название дерева, восходящее к основе **t'e/oru-* / **t're/oru-*, (хет. *taru*, др.-инд. *dāru*, ст.-сл. *дръво*, рус. *дерево* и др.) имело в некоторых диалектах значение 'дуб'. В славянских языках это слово сохранило только значение 'дерево', 'древесина', но древнейшую связь между названиями 'дерева' и 'дуба' можно наблюдать в семантике слова *дуб* в древнерусском языке.

Слово *ива* восходит к и.-е. **uī-* / **uej-* 'вить' [ЭССЯ]. Это представляется весьма убедительным в семантическом отношении, так как для ивы прежде всего характерна гибкость ветвей, ее использовали для плетения корзин и других предметов. Этот мотивационный признак нашел отражение в большинстве названий ивы. Общеиндоевропейское название ивы было зафиксировано в итало-кельтском, германском и греческом (лат. *Salix*, нем. *Weide* 'ива', греч. ἰτέα и др.). В других же диалектах было заменено описательными образованиями типа 'дерево с ветками для витья'. Но и в тех диалектах, где сохранилось древнейшее и.-е. название ивы, параллельно возникают новообразования от корня со значением 'вить' (греч. ἰτέα 'ива', лат. *uītis* 'лоза' и др.). Рус. *ива* 'ива', др.-чеш. *jíva*, лит. *ievà, jievà* 'черемуха', прус. *iuwis*, др.-ирл. *eo* 'тис' и др. восходят к и.-е. корню **eǵ-/*oǵ-*, ослабленному **-uo-*. Этот корень бесспорно объясняется из и.-е. **uī-* / **uej-* 'вить'. Считается, что начальное *u-* в глаголе сохранилось ввиду более выгодных условий и очень рано устранено по диссимиляции в и.-е. именной основе. Слово *верба* также имеет соответствия в других индоевропейских языках: лит. *višbas* 'прут, стебель', лат. *verbēna* 'листья и побеги лавра' и др. Слав. **vьrba* восходит к и.-е. корню **uer-* 'вертеть', расширенному формантом *-b-*, а **uer-* входит в этимологическое гнездо с корнем **uei-*. А. С. Мельничук в своем докладе на VIII Международном съезде славистов (1978 г.) указывал, что и.-е. **uej-* / **uī-* обнаруживает следующий ряд значений: 'гнуть, крутить, вить, путать, вязать, плести, ткать, шить'. При этом неслоговой **j* в корне **uej-* является распространителем, что делает правомерным признание других распространителей и поиск вариантов данного корня. В основу слов *ива* и *верба* было положено приблизительно одно и то же свойство ивовых деревьев и кустарников – гибкость ветвей. Оба слова встречаются практически во всех славянских языках. Западный ареал характеризуется более употребительным здесь словом *верба*, а восточный и юго-

восточный – *ива*. Там, где слово *ива* не употребляется как родовое название, а является видовым, там, как правило, родовым является слово *верба*. Слово *верба* в значении ‘*Salix*’ не зафиксировано в остальных индоевропейских языках, кроме славянских. Отсюда можно предположить, что в праславянском языке первоначально это слово имело значения ‘прут, стебель’, например, в старославянском встречалось собирательное от этого слова со значением ‘прутья’. Позже слово *верба* приобрело значение ‘ива’, так как прутья ивы были особенно гибкими и широко использовались. В современном русском и украинском языках родовым является слово *ива*, а слово *верба* обозначает некоторые виды этого растения. В значении ‘ива’ использовалось также слово *лоза*. Этимологически *лоза* связано с глаголами *лазить*, *лезу*, первоначально слово имело значение ‘прут, побег’, а затем происходит перенос с части растения на целое, то есть этим словом начинают обозначать различные растения, кустарники, которые имеют гибкие ветви – лозы. Чаще всего отмечается перенос на виноград и иву. Здесь та же мотивация для названия растения ива, что и в словах *ива*, *верба*. В русском и украинском языках встречается слово *ветла* ‘разновидность ивы’, которое этимологи связывают со словами *ветвь*, *вить*, что семантически вполне оправдано. В русских и украинских говорах по этой же модели появились новообразования с прозрачной этимологией: *вязинник*, *корзиночник*, *плетёночник*, *кузавица*. В этих названиях ивы и ее разновидностей прямое указание на гибкость ветвей, из которых плетут в первую очередь корзины. Как видно из данных языковых фактов, основной мотив номинации для названий ивы и ее разновидностей – это гибкость ветвей, которые легко скручиваются, сгибаются и т. п. Слово *ракита* (*рокита*) восходит к праславянскому **orkyta/orkytь*, сближается с балтийскими и греческими названиями можжевельника (ветви ивы и можжевельника одинаково служат для плетения), а далее восходит к и.-е. **arku-* ‘изогнутое’ [ЭССЯ]. В этом слове повторяется тот же мотив номинации, который нашел отражение в большинстве названий *Salix*. Все эти языковые факты не оставляют никаких сомнений в обоснованности этимологии слова *ива*, представленной в ЭССЯ. Другие этимологии для слова *ива* и их необоснованность уже рассматривались нами в докладе на V-ых чтениях в 2008 г., поэтому нет необходимости сейчас останавливаться на этом подробно.

Литература

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–37. М., 1974–2011.

Янышкова 2011 – Янышкова И. К семантической мотивации названий деревьев в славянских языках: ‘*Ulmus*’ // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 253–254.

Иванов Вяч. Всев. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. – Вып.3. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 101–111.

Иванов Вяч. Всев., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.

© Елена Леонидовна Смаль
(Киев)

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ ГОРОДА КИЕВА

Правобережная часть Киева уже добросовестно исследована и сегодня продолжает изучаться историками, языковедами, киевоведом, географами и другими специалистами, а левобережная – еще для многих специалистов остается загадкой. Это связано с тем, что до 1923 г. левобережье Днепра в районе нынешнего Киева принадлежало Черниговской губернии, однако это вовсе не означает, что «мать городов русских» никогда не владела им ранее. В «Географическом описании Киева и Киевского наместничества», составленном в последней четверти XVIII в., сообщается, что припойменную территорию Днепра по его левому берегу, в современных границах Киева, контролировал именно Киевский уезд. Сейчас левый берег Днепра принадлежит Киеву и на его территории строятся новые районы, но названия многих урочищ, рек, озер встречаются еще в древних памятниках письменности, напр.: *Городец*, *Осокорки* (XI в.), *Золоча*, *Долобское* (*Долбичка*, *Довгушка*), *Радосынь*, *Черторой* (XII в.), *Вигуровщина* (*Милославичи*), с. (XV в.) и др. Некоторые из них имеют прозрачную этимологию, а другие и сейчас вызывают споры среди специалистов. Рассмотрим кратко некоторые из них.

Долобское, ур. (*Дълъбьскъ*, ур; *Дълъбьскок*, *ЛѠбѣискок*, *ДоуѠбьскок*, *Ловьскок*, *Доловьскок*, оз.). Упоминается это наименование в летописях в 1103 г.: ... и *Володимеръ снастася дѠмати на Доловьскѣ* [ПСРЛ, I, 277; ПСРЛ, XXV, 24]. На планах и картах Киева первыми были зафиксированы оз. *Долобское* (*ДѠлѣбьскок*) и о. *Долобск* (XII в.), а потом – пролив *Долбичка* (*Довбичка*), оз., р., рук.; пролив и о. *Долобецкий*. На современной карте Киева локализуется о. *Долобецкий* и пристань *Долбичка* (*Довбичка*).

У исследователей существует несколько версий о происхождении этого наименования, напр.: от апеллятивов *долина* (*дол*), *лоб*, от этнонима *дулебы*, от глагольной основы *долб-* (*довб-*) и др. Связь микропонима с гл. основой является более вероятной; ср. этимологию гл. **dylbiti* (**dylbti*) в славянских языках: *долбить* [Фасмер, I, 523–524]; **dylbati* [ЭССЯ, 5, 206–

207], а также и *dolba/*dolbъ [ЭССЯ, 5, 59–60]; укр. *довбати* «1) Долбить. 2) Ковырять»; *довбатиця* «1) Ковыряться. 2) Копаться, рыться» [Грінченко, I, 401]. В говорах укр. языка *довбня* «яма» (Чрг-См Полесье); *довбша* «місце, де добувають глину, пісок» (Волинь); *довбанка* «штучно вирита яма»; *довбня* 1. «штучно вирита яма»; 2. «вибоїна, яма на дорозі» (Крв обл.).

В гидрооснове этого названия преобладает синонимический ряд значений: *долбать, делать (пробивать) отверстие, углубление в чем-н.* Они могут быть связаны с характером гидрообъекта. Вариативность гласного *o/u* в основе *дълб-* можно объяснить как влияние др. славянских языков и их диалектов, в которых *-ьl-* в основе **ьlt-* на территории восточных славян – мог реализоваться не только в *-ол-*, но и в *-ул-* (хотя этот тип проявлялся редко). В нашем случае такие написания могли быть и обычными описками, поскольку в одном документе встречаются обе формы. Отметим, что наименование ур. **Дълъвьскъ** является начальным: названия с этим суффиксом – это первичные краткие формы прилагательных. Возможно, полная форма названия озера не была вторичной, и оба микропонима (ур. **Дълъвьскъ**, оз. **Дълъвьскоє**) возникли параллельно. Название *Долбичка* (*Довбычка*, пристань, оз., пролив), вероятно, связано с формами на *-к(а)* и гидронимной моделью на *-иц(а)*, хотя вар. *Долобка, *Долобца, *Долбца и подобные в исторических памятниках не зафиксированы, однако гидронимы на *-ичк(а)* самостоятельного значения не имеют [Трубачев, 1968, 130].

Радосынь, ур., р. (вар.: *Радостнь*, *Родосынь* (*Родосынь*), *Радунь* (*Родунь*, *Родунья*), *Радонка*, *Радунка*) за доступными нам источниками впервые встречается в документах XII в.: 1111 г., ...тѣ бо бѣше **Володимеръ в радосыни...** [ПСРЛ, 2, 268]; 1151 г., **и поиде Гюрги къ Киквѣ и стаща в Родоуни** ... [ПСРЛ, 2, 423]. Сегодня гидроним *Радосынь* (оз. *Радунка*) локализуется в левобережной части днепровской заводи; существует в городе и *Радунская* улица.

На территории Славии представлена многочисленная группа топонимов и антропонимов с корнем *рад-*, *род-*. Точное происхождение наименования *Радосынь* и его вариантов не определено. Существуют несколько народных этимологий, но нет соответствующего материала на подтверждение этих версий: *Радосынь* происходит от весеннего праздника язычников *Радоницы* (некоторые исследователи тоже считают, что топонимы *Радонеж*, *Радонец*, г., *Радовица*, оз., *Радуница*, ур. связаны с праздником *Радуница*); ассоциируется еще с культом бога *Рода* и др. Языковеды утверждают, «маловероятным отождествление словообразующей основы субстантивированного possessiva с теонимом *Родъ*: подавляющее количество древнерусских названий городов возникла в результате субстантивации possessiva от личного имени владельца или основателя, ни в одном достоверно не прослеживается происхождение от имени божества» [Мароевич, 1997, 164]. С. Роспонт не дает объяснения корня этого названия, а только выделяет формант *-нь* как характерный для укр. топонимов и проводит

параллель с образованиями на *-unia* (польск. *Gdynia* и под.) [Роспонд, 1972, 30]. Н. В. Подольская утверждает, что «основа *rad-* широко представлена и в антропонимии, и в топонимии... в старорусск. топонимии только топоним *Радуницы* словообразовательно связан с апеллятивом *радуница* “поминальный день”. Ономастическое словообразование здесь представлено как совершенно самостоятельное по отношению к апеллятивному с данной основой и имеющее широкий ассортимент формантов...» [Подольская, 1983, 144]. И. М. Железняк считает, что более достоверным представляется объяснение антропонимов на *-sin* как композитов [Железняк, 1976, 5].

Если вариант *Радосынь* (назв. киевск. ур. или р.) древнее, то нужно признать, что это наименование отантропонимного происхождения и обозначает поселение (или ур. возле реки), которое основал человек с этим именем или его наследники. Относительно совр. назв. оз. *Радунки*, то здесь можно выделить аффикс *-унк(a)*: возможно, суффикс *-к-* с дополнительным элементом указывает на объективную деминутивность (т. е. со временем уменьшились размеры реки, она стала озером). Этот факт подтверждают и исторические данные.

Черторой, р., рук., пролив, залив, ур., плотина. В летописях упоминается с XII в.: **и переѣзродисѧ черезъ Днѣпръ, и ста на Черторе...** [ПСРЛ, I, XX, 109]. Это историческое название местности и реки сохранилось на карте современного Киева. Аналогичные топонимы также встречаются и на восточнославянских территориях. В основе названий лежит географический термин **черторой** “овраг, глубокая яма”, “быстрина”, [Мурзаев, СНГТ, 1984, 614]. Подобные географические названия были предметом внимания многих исследователей, ср.: словообразовательная параллель как **kr̥toryja*, **svinoryje*, где в первом компоненте представлен субъект, указывает на то, что **čьrtoryja* образовано не от **čьrta*, как думал М. Фасмер [ЭСРЯ, IV, 349], но представляет собой сложение **čьrtь* и **ryti*, восходящее к фразе **čьrtь ryje* – “черт роет” [ЭССЯ, 4, 164]. О. Н. Трубачев рассматривает подобные названия, как топонимы западнославянской ориентации, что соединяются общей словообразовательной моделью и единственной второй составляющей частью композита *-ryja* [Трубачев, 1971, № 6, 12], а первую часть композита он связывает с **čьrtь* “черт, дьявол” и отмечает, что этот давний апеллятив широко представлен у западных и восточных славян [Трубачев, 1968, 195, 268]. А. П. Корепанова также констатирует, что этот апеллятив в своем составе имеет «композит: д.-р. ***чьрт** – (**čьrtь*) “чорт, диявол” + *-ryja* від **ryti*. Як **čьrtoryja* з **kr̥to-ryja* (д.-р. **кр̥торыа** “кріт”), “злий дух, що риеється в землі, ніби кріт”; лит. *kertūkas* “землерийка”... **Чьрторыа** – “ручай, що рие землю» [ЕСЛГНПР, 1985, 175]. И. М. Железняк утверждает, что гидроним *Чьрторыа* полностью дублирует композитный географический термин (*чорторій* “течія на місці глибокої ями в річці, де крутиться вода”) [Железняк, 1997, 18–19].

**К ИСТОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ГНЕЗДА С КОРНЕМ *ВИД-*
(О КОГНИТИВНЫХ ТЕРМИНАХ В ТРАКТАТЕ ПСЕВДО-
ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА «О БОЖЕСТВЕННЫХ ИМЕНАХ»)**

Лингвистические эксперименты в области разработки когнитивной терминологии в Средние века реализовывались в связи с важнейшей для христианской гносеологии проблемой имени Бога. Эта проблема решалась в контексте обоснования двух разновидностей богословия – *апофатического* и *катафатического*.

Одним из наиболее важных для становления апофатической традиции текстов является трактат Псевдо-Дионисия Ареопагита «О Божественных именах» (к. V – нач. VI в.). Полагая, что даже такие имена, как *Слово*, *дух*, *сущность*, *свет* не достаточны для того, чтобы должным образом описать Первобожество, а отрицательные атрибуты Бога полнее отражают его природу, чем положительные, Псевдо-Дионисий создает лексические инновации, а также активно использует традиционные конструкции с *α-privativum*: *agnōsia* ‘неведение’, *alogia* ‘бессловесность’, *aóratos* ‘невидимый’, *apeiros* ‘беспредельный’ и др.

Особый интерес вызывают случаи переосмысления Ареопагитом традиционных элементов древнегреческого апофатического лексикона, которые, как правило, приспосабливаются к лингвофилософской программе трактата, а в семантический объем понятий добавляются «теологические обертоны» (Е. М. Верещагин). К числу таких понятий относится прилагательное *aneídeos* (*невидовьный*) ‘безвидный, то, что не имеет вида’.

Хорошо разработанная история лексического гнезда с праславянским корнем **vid-* позволяет проследить общую тенденцию древнего сознания воспринимать зрение как наиболее достоверный канал получения информации и связывать с ним когнитивную деятельность-*gnōsis*. Эта деятельность совмещает познание и «рассматривание», что находит свое отражение как в языке, так и в культуре.

В греческом языке практически все глаголы познания (*eidō*, *gignōscō*, *oráō*) амбивалентны: познанию всегда сопутствует видение, созерцание. Такое «зрительное» основание гносиса, которое обуславливало вполне естественное совмещение процессов зрительной перцепции и интеллектуального освоения объекта, объясняет факты смешения лексем *вѣдѣти* – *видѣти* со значением ‘знать’ и ‘видеть’ в старославянских текстах.

Следовательно, развитие терминологического значения у не представленной в старославянских памятниках узкого канона лексемы

невидовными – *aneideos* от исходного ‘бесформенный’ (у Плутарха и Аристотеля) к ‘безвидный, то, что не имеет вида’ у Псевдо-Дионисия необходимо рассматривать в контексте эволюции когнитивных структур, характерных для религиозно-философских течений Античности и Средневековья, а также в связи с этимологической памятью слов данной тематической группы.

© Татьяна Дмитриевна Суходуб
(Киев)

КРЫМ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ С. Н. БУЛГАКОВА

Традиционно мысль философа, поэта, учёного рассматривается в контексте доминирующих в определённую эпоху идей, социально-исторических обстоятельств, традиций, инновационных установок культуры. Меньше внимания уделяется связи мысли и *места* её рождения. Однако эту закономерность недопустимо упускать из контекста анализа творчества выдающихся личностей, если исходить из принципов современной культурологии, всё более вбирающей в свою категориальную сетку терминологию других научных дисциплин. Речь, в частности, идёт о том, что ценностное значение для «философии культуры» приобретает понятие ландшафта [см.: 1], выходящее за границы собственно географического или художественно-образного толкования и соединяющее в одно целое в своём содержании «местность» и слово; мысль и авторское «место памяти», личность, её жизненные смыслы, призвание, чувственные переживания.

Традиционно «ландшафт» (от нем. *Landschaft*) трактуется в нескольких значениях: общий вид местности; изображение местности, пейзаж в изобразительном искусстве. Отдельно существует понятие «географический ландшафт» – область, характеризующаяся суммой типичных признаков, в которых разные элементы (рельеф грунта, климатические особенности) соединяются в одно целое, взаимно действуя друг на друга. Отсюда группы смежных ландшафтов создают зоны (тундра, тайга, степь и т.д.). В культурно-ценностном же значении предлагаю использовать понятие «духовный ландшафт», рабочее определение которого может быть следующим – термин культурологии, теоретически воссоздающий смыслы интеллектуально-эстетического переживания мыслителем «места», «местности» как источника философских идей и художественно-образного творчества, как герменевтически интерпретируемой ценности. Думается, что благодаря такому толкованию ландшафта можно не только увидеть связь «мысли» и «места», но и попробовать осознать особого порядка взаимозависимость в духовном мире мыслителя

феноменов памяти, фактов биографии, особенностей его личностного «Я», эстетических впечатлений от мест пребывания, связанных с ними размышлений.

Пожалуй, впервые в европейской культурной традиции на закономерность связи «места», «времени» и мысли интеллектуала как философскую проблему указывает М. Хайдеггер, рассматривая поэзию не как деятельность, но как «учреждение бытия», его «свободное дарение». Поэзия представляется вариантом онтологии, причём «бытийственность» её тесно увязывается философом, анализирующим творчество Гёльдерлина, с поиском «дома», с желанием «возврата» к прошлому, связанному с родными местами, с трудным возвращением на родину. «Стихотворение «Возвращение на родину», – пишет Хайдеггер, – могло бы быть поэмой о весёлой поездке к родным местам. Однако последняя строфа, настроенная на слово «забота», отнюдь не изображает весёлости того, кто беззаботно пребывает на родину» [2, с. 23]. Смещение, смятение чувств, являющееся проявлением несоответствия по крайней мере двух душевных состояний – ожидаемого и реального, связанных с одним и тем же (важным для поэтического героя) «местом на земле», демонстрирует, на наш взгляд, одно из возможных содержаний понятия «духовный ландшафт». Из ценности переживания родного места рождается целая поэма о человеке, его многомерном (в чувственном и интеллектуальном аспектах) способе бытия на земле, важности для духовного роста пребывания в определённой точке, дорогой сердцу.

Введение в методологический аппарат культурологического анализа понятия «духовный ландшафт», позволит, на наш взгляд, переосмыслить трактовки памяти, духовности. В этом отношении память, по законам которой поколения людей соединяются в традиции, восстанавливается связь времён, сознание подключается не только к модусам прошлого и настоящего, но и к вечности = *всевременному*, по точно найденному М. И. Цветаевой образу, выказывает, как правило, интерес к инаковому, Другому. Тем самым формируется «пространство» уже нашего (нынешних поколений) мышления, где оказываются слитыми воедино духовные миры ушедших личностей, их экзистенциальные состояния, ментальность, традиции. Но в этот «пространственный» контекст не могут не входить и определённые «места на земле», которые становятся дорогами, чувственно небезразличными, то есть, наполненными эстетическими переживаниями и ныне живущих, значит отчасти «принадлежащими» и им. В этом отношении Ясная Поляна – толстовская, Коктебель – волошинский, но эти «места на земле» и людей, с ними духовно связанных. Для истории культуры такие «связки» мест, времён, личностей весьма значимы. Дело в том, что пребывание человека на земле фиксируется творимым им текстом, в том числе и созданным или близким ему «ландшафтным» миром. Созданный в определённых обстоятельствах, времени и месте текст, конечно, несёт в себе *следы* присутствия автора, тем не менее в своём синтаксическом, семантическом, прагматическом измерении всегда оказывается за авторскими пределами. Отсюда прочтение текста именно в

контексте «места» его создания как бы «возвращает» нас к автору; *места* его жизни и творчества, волновавшие когда-то его духовное «я», невольно становятся дорогими и нам (как будто нашими...). Именно поэтому музейное дело как непосредственный источник памяти и её «живое» дело всегда будет востребовано.

Духовный ландшафт добавляет существенные нюансы и в понимание духовности. Ведь то, что принято понимать под духовностью (*качества* личностного бытия; устремлённости человека к сфере *идеалов*; опосредствующего звена между инстинктом и интеллектом; *целереализации* выбора человека и т.д.), осуществляется не только в контексте «смыслостроительства внутреннего мира человека» (С. Б. Крымский), но и проецируется на *внешние* обстоятельства его бытия. Последнее связано с самыми разными способами «укоренения» человека в жизнь, в мир близких и дальних людей, в природный мир, окружающую социальную действительность, мир «университетский», «городской», «сельский». Духовное «я» человека проявляется в определённой настроенности именно на *эту* местность и в слове, сказанном прежде всего для *этих* людей, т.е. живущих «здесь» и «теперь», в определённых социально-политических обстоятельствах. Именно в этом контексте хочется думать над текстами С. Н. Булгакова, опубликованными крымскими газетами во время гражданской войны (1919–1920 гг.) [см.: 3, с. 68–92]. В них присутствует духовное «я» автора, связывающее в (значимое и для всех *других*) единство этическое, эстетическое, религиозное *миропереживание*, апеллируя по сути к духовно-ценностному миру всевременной человеческой культуры, традиционно противостоящей любым варварским проявлениям человека. Думается, что такая позиция философа может служить определённой праформой нравственного императива деятельности учёного-интеллекта в любые времена.

Таким образом, приметы времени, впечатления, накопленные в определённой местности, там, где жил, дружил, был влюблён, счастлив, где страдал, разочаровывался, становятся не только собственно человеком накопленным *опытом*, научающим его искусству жить, но и тем особым «*ценностным миром*», который приобретает универсальное культурное значение, так как из него проистекают философские идеи, поэтические строки, художественные образы. В рассмотренном контексте попытаемся представить Крым как «духовный ландшафт», место памяти о С.Н. Булгакове.

Жизнь С. Н. Булгакова, выдающегося философа, богослова, экономиста, православного священника, вошедшего в историю философии и русской культуры талантливым мыслителем, неординарной личностью, человеком с высочайшим чувством ответственности и нравственности, была тесно связана с Крымом, хотя философ родился (16/29.06.1871 г.) и вырос в г. Ливны Орловской губернии. Учился Сергей Николаевич в Московском университете, два года пребывал в заграничной командировке (Германия, Англия, Франция), жил и работал в Киеве, Москве, тем не менее, именно Крым и Ливны стали для него

самыми дорогими «местами на земле». В вынужденной эмиграции, спустя десятилетия, С. Н. Булгаков вспоминал родной город. Он так проникновенно написал о нём, что светлая булгаковская память, тоска по родным местам не могут не передаваться и не трогать своей душевной искренностью, болью расставания с малой родиной и теперь. «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, – вспоминал Сергей Николаевич, – небольшой город Орловской губернии, – кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его...» [4, с. 10]. По словам философа, в жилах которого текла «левитская кровь шести поколений», вырос он «... у храма Преп. Сергия, благодатно обвеянный его молитвой и звоном» [там же, с. 65]. Обратим внимание на то, что в этих словах воспоминания мы наблюдаем не просто описание биографических фактов, а чувствуем не прописанную в тексте явно, но присутствующую, связь «места» рождения, взросления будущего мыслителя и его судьбы, призвания, предначертанного жизненного пути. Позже Сергей Николаевич признавался, что не сразу осознал и выбрал дорогу, по сути предзаданную *историей* его *семьи* и *местом* его взросления. Известно, что окончив Ливенское духовное училище и поступив в Орловскую духовную семинарию, вскоре он уходит из неё в светское учебное заведение – Елецкую гимназию, испытывая глубокие сомнения в религиозной вере. Несмотря на это обстоятельство, тем не менее, думаю, можно утверждать, что именно Ливны, духовный ландшафт города, представленный замечательными памятниками, культовыми сооружениями православной культуры, повлияли на последующий зрелый выбор мыслителем священнического служения. Память философа навсегда вместила в себя благостные «запахи» детства, проведенного под сенью Сергиевской церкви с её проходящим через судьбу колокольным звоном.

Крым вошёл в жизнь С.Н. Булгакова со времени женитьбы на Е. И. Токмаковой (14.01.1898 г.), семье которой принадлежало имение Олеиз (станция Кореиз). Этот крымский дом стал для мыслителя не только местом летнего отдыха, семейного счастья, но и в послереволюционные времена «местом боли» за судьбу семьи и Отечества, местом жизненных испытаний (вплоть до ареста и высылки в декабре 1922 года). Трагичность этого последнего события, связь его с крымской землёй, чей ландшафт стал для Булгакова прощальным образом Родины, подмечает и пронзительно точно, высвечивая прежде всего фактическую сторону дела, описывает С.Б. Филимонов: «Так уж случилось, – пишет современный крымский историк, – что последним местом пребывания на Родине крупнейшего русского религиозного мыслителя, священника Сергея Булгакова (1871–1944) стал Крым» [3, с. 64]. Именно рельеф севастопольской бухты, образно говоря, очертил для него контуры прощальной «живой» картины отечества. Представляется, что на полотне этом доминировал «цвет», преимущественно красный, а «запах» ощущался – тревоги, боли, связанный с ещё не остывшим и не отболевшим в душах кровавым противостоянием. 14 (27).12.1922 г. С. Н. Булгаков с семьёй покидает Крым на пароходе «Жан», выходящем из Севастополя в Константинополь [см.: 3, с. 66]. Крымский пейзаж

оказался т.о. для русского мыслителя трагическим, парадоксально соединяющим этически безобразное, в гражданском и человеческом смыслах по отношению к нему несправедливое и эстетически образное, прекрасное, каким всегда одаривает людей мир природы.

Известно, что философ хотел обрести именно в крымской земле свой вечный приют. Теперь и это последнее человеческое желание становилось иллюзией: жестокие превратности судьбы в «эпоху перемен» не оставляют возможности в принципе чего-либо желать. Об этом, спустя годы, в условиях вынужденной эмиграции, С. Н. Булгаков, вспоминая крымский край, а также трагические события, перенесённые на этой земле, писал: «У меня нет никакого пожелания относительно места погребения, после изгнания из родины, где я преждевременно избрал себе место около могилы сына на Кореизском кладбище» [4, с. 414].

Однако Крым, что нельзя не отметить, одаривал философа и другими чувствами и впечатлениями. Этот, образно говоря, «остров» был для С. Н. Булгакова и местом духовно-творческого *восхождения*. Именно здесь, на крымской земле, были написаны такие важные для интеллектуальной биографии философа книги как «Трагедия философии», «Философия имени». Поразительно, но даже в годы гражданской войны его творческая работа не прекращалась. Интеллектуальная жизнь мыслителя была, как обычно, активна. Он выполнял весьма важные для сохранения уровня «цивилизованности» общества, для поддержки науки, культуры в условиях гражданского противостояния задачи: «Булгаков был профессором Таврического университета (он руководил кафедрой истории экономических и социальных учений, преподавал политическую экономию, читал лекции по кафедре богословия), преподавателем Симферопольской духовной семинарии, членом Таврической ученой архивной комиссии, Религиозно-философских обществ в Симферополе и Ялте, Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете, служил в церквях Кореиза, Симферополя, Гаспры и Ялты» [3, с. 64]. Понятно, что эта внешняя канва, очерчивающая жизнь философа, требует проникновения и в те внутренние мотивы, переживания, нравственные основания принятия тех или иных решений, выбора тем и проблем для публичного дискурса, что возможно лишь при обращении к булгаковским текстам и главным образом – к его дневниковым записям.

Итак, в 1918 г. С.Н. Булгаков переезжает из Москвы в Крым, к семье. Согласно мнению одного из первых биографов и исследователей творчества Булгакова Л.А. Зандера, этот крымский период становится для философа временем (несмотря на все трудности), которое можно считать «одним из самых удивительных в жизни отца Сергия: первые вдохновения священства соединялись в нём с ежечасной опасностью за жизнь...; учёная работа <...> протекала на фоне обысков, арестов, расстрелов. И всё это – в рамке дивной крымской природы» [5, с. 48]. Образно говоря, развитие крымской «флоры» и «фауны» характеризовалось явно выраженным диссонансом, неслиянной

символической напряжённостью между жизнью и смертью, определяющих мироощущение крымчан в тот период. По записям в Дневнике С. Н. Булгакова мы можем увидеть, как меняется его внутренний духовный настрой, оценка им складывающейся в стране ситуации, как меркнет надежда на приемлемое разрешение затяжного российского политического кризиса.

С новым ожесточением разгорающаяся гражданская война способствует тому, что постепенно «Надежды на Москву блекнут...»; «Москва всё больше уходила из поля зрения»; «Я думаю о Москве как какой-то глухой стене или Голгофе»; «Из Москвы вести тяжёлые. ... казни, гонения на патриарха и церковная смута под давлением советского синода» [4, с. 78, 98-99, 105]. Но и Крым в это время, ставший для философа местом испытаний, тревог, жизненных тягот, завершившихся, в конце концов, безысходностью ареста и высылки, – не менее тяжёлый предмет размышлений. Бездна надежды и боль сменяются робкой надеждой и вновь – констатацией трагического положения дел. Так, С. Н. Булгаков пишет: «Здесь, в Оленино, атмосфера становилась всё тяжелее. И вдруг – получил предложение занять место в Ялт[инском] соборе, чем сразу разрешаются многие трудности: я остаюсь здесь, вблизи своих, получаю храм, амвон и даже кафедру...»; «Вот я и в Ялте, служу в Новом соборе, живу около храма, под звон, как благодатное дитя Божие»; «Живу в Ялте. Анабиоз. Тишина захолустья. Одиночество. Ежедневная служба и молитва, наподобие монастыря, но нет близких по духу, нет друга, нет общины» [4, с. 78, 79]. Сообщительность с людьми и при этом глухое одиночество, как можно понять, – теперь удел Булгакова. Его жизнь отмечена пребыванием, активной деятельностью во многих местах Крыма: в Симферополе он читает лекции в Университете и Духовной семинарии, выступает с докладами на заседаниях Религиозно-философских обществ Симферополя, Ялты, Севастополя [см.: 3, с. 49–59, 64–95]; служит в ялтинском Александро-Невском соборе, а также в церквях Кореиза, Симферополя, Гаспры... Но при этом испытывает глубочайшее чувство одиночества.

Крым становится для философа и внутренней духовной проблемой. Булгаков размышляет, пытается разгадать, почему судьбинно послан ему в этот сложный для России исторический период именно Крым, в чём заключается смысл его «крымского» этапа жизни: «Не могу распознать, что означает моё поселение здесь, есть ли это временный искушение и испытание или же медленно надвигающаяся смерть» [4, с. 81]. Иногда в размышлениях философа присутствует и некое воодушевление, которое следовало бы обозначить парадоксально – как трагический оптимизм: «А собор наш – всё-таки сказка, и сказка, хотя и трагическая, о жизни всех этих душ, которые раскрываются на исповеди: какие судьбы, какие чистые и прекрасные есть души и теперь, в этой советской содомии. Это поистине чудесно» [4, с. 95]. Но рядом в записях присутствует и ощущение обречённости – своей и общей, устойчивая оценка себя как «заложника», которому уже не дано распоряжаться собой: «Переезд в Москву ... теперь отходит за пределы досягаемости <...> я ..., вероятно, буду

немедленно изъят, почему Ялта фактически превращается для меня в место заточения. Но с благодатной природой!» [4, с. 112]. Сергей Николаевич предчувствовал такой ход событий, что можно увидеть по более ранним записям в его «Ялтинском дневнике», но жизненная сила быть вопреки..., жить мужественно и достойно, верить в ненужность своих усилий – настрой, дававший ему опору и в этих сложнейших условиях: «Будущее сулит голод и холод, б.м., сверх того и политические злоключения, – записывал он. – Нахожусь в параличе и обречён на ненужность, и всё-таки «слышу, как сердце цветёт». Что делать глупому парню, уродившемуся вечным недорослем? Или это драгоценный дар Божий – всё снова и снова припадать к кубку жизни и жадными глотками впивать искромётное её вино... Одно несомненно даёт возраст: научает ценить жизнь как высший дар Бога Жизнодавца» [4, с. 77].

Как философ Сергей Николаевич пытается понять сложившиеся в стране новые политические обстоятельства, объяснить хотя бы для самого себя их природу и суть. Объективность служит ему в этом нормой познания, не позволяющей даже при неприятии политического радикализма, революционного способа разрешения социальных противоречий, учитывать их реальное *основание*, приведшее, в конечном счете, к доминированию в российской истории конкретной политической силы. В дневнике он запишет: «Читал больш[евистский] журнал: по-своему и в своём они правы, правы и о западной буржуазности, которой они сами последнее слово. Их нельзя опровергать в *их* плоскости, п.ч. всякое такое опровержение будет на самом деле компромиссное «соглашательство», их можно только *презвзойти*, преодолеть из *новой* жизни: кто во Христе, тот новая тварь» [4, с. 85]. Но статья *другим* – серьёзное испытание для человека. Это рождение по сути новой нравственности, человека с иным духовным стержнем, прежде всего преодолевающим свой эгоцентризм, сосредоточенность исключительно на своих и своих близких проблемах. Это особенно остро чувствуется в период жесточайших испытаний, выпадающих на долю людей в периоды гражданских конфликтов, следствием чего закономерно становится физическое выживание, отсутствие нормальных бытовых условий, голод, холод, репрессии, смерти.

Для Сергея Николаевича жизнь в условиях *борьбы за жизнь* трудна не столь физически, сколь нравственно. Его личностное бытие становится поэтому особого порядка испытанием: «Но по-человечески, – записывает он в дневнике, – не могу не скорбеть, видя, как дети теряют лучшие годы, а, м.б., и дичают в этой нужде, в этой борьбе за существование...» [4, с.85]. Особенно его мучает невозможность найти ответы на многочисленные его вопрошания, вытекающие по сути из, условно говоря, «претензий» к эпохе «великих перемен»: «Да и не имеешь ответа, – горько констатирует философ безнадежность поиска вариантов преодоления смертельной поступи истории, – п. ч. и сам не знаешь, зачем, за что и почему умирают все эти люди. Но знаешь *свою* собственную низость, своё себялюбие» [4, с. 95]. Булгаков остро переживает своё (пожалуй, так можно сказать) историческое бессилие, недейственность публичного слова, которое

мало что изменяет и мало кого останавливает, невозможность помочь всем нуждающимся как *личную* вину. Так, в феврале 1922 г. он пишет: «Основное моё чувство жизни личное – это бессилие и поражение перед голодом. Как тяжело и постыдно чувствовать себя жадным и трусливым себялюбом, прячущимся и запирающимся в свой угол с своим куском для себя и семьи, под стук и стоны голодных» [4, с. 91].

Биография С. Н. Булгакова позволяет зримо увидеть обусловленность жизни личности судьбой Родины. Можно сказать, что Крым соединил в его бытии время личностное и историческое как разновидности социального времени. Последнее традиционно в истории философии измерялось прежде всего историческими эпохами, с которыми неизменно связывалось определённое мироощущение, формирующееся в тот или иной период и проявляющееся в поведении людей, их сознании, идеях, нравственных оценках, ритме жизни, в отношениях к основным институтам социума и т.д. Безусловно, каждый человек по-своему переживает и оценивает «своё» социальное время, а, следовательно, по-своему действует в типичных, определяемых эпохой, обстоятельствах, может тем самым в разной степени влиять как на ход истории, так и на общую оценку определённого периода. Есть, однако, мнения и позиции, которые, возможно, и не являлись в своё время принимаемыми большинством, тем не менее, именно они в последующие времена оценивались как наиболее достоверные, объективные, справедливые. В этом ряду свидетельств времени и, в частности, крымских обстоятельств гражданской войны в России, достойное место занимают и дневниковые размышления философа Булгакова, в которых описание самых страшных испытаний почти всегда сопровождалось, пусть и робкой, но надеждой на возрождение: «Для России этот год был год умирания, бедствий, голода, рабства. Да будет это умирание перед воскресением» [4, с. 90]; «И как больно, как обидно за человека! Уже не за Россию, не за русского – перед голодом все равны этим странным равенством, но за человека» [4, с. 93]. Булгаков говорит об отвратительности человеческого унижения, которое проявляется прежде всего в отсутствии чистоты – в прямом и духовно-нравственном смысле: «вши, нечистота, вонь, живые и мертвые трупы... Этого нельзя, не должно забыть. Это мертвит душу навсегда (если не легкомыслие), это подрезывает навсегда крылья. Если мы и выйдем отсюда живыми телом, то мёртвыми душой. <...> Вероятно, смерть всегда такова. Но когда вся жизнь становится смертью, умиранием, тогда и такая смерть есть отрава жизни» [там же]. Ещё год назад Булгаков в свой 50-й день рождения расставлял иные акценты в понимании жизни: «После 49, – писал он, – жизнь уже определённо катится под гору, чем дальше, тем быстрее. А вместе с тем такая лёгкость, такая свежесть и юность в душе! И это теперь, когда обстоятельства так зловещи и грозны» [4, с. 77]. Теперь же оценка им возможностей «возрождения» жизни иная. «Не то новое рождение, не то агонию», говоря словами философа, закладывает в *выживших* приобретённый военным лихолетьем опыт – не собственно смерть, но *умирание*, принятие бытия с «отравленными чувствами».

Конечно, это вовсе не отказ и тем более – не констатация невозможности человеческих усилий к «новому» бытию, но честное описание реальности, в которой разрушение преобладает над созиданием.

Таким образом, Крым вошёл в биографию талантливого мыслителя русского Серебряного века местом личного счастья, глубокой отцовской боли, жизненных испытаний и великого служения отечеству, человечности, культуре. Представить Крым как место памяти о С.Н. Булгакове мы попытались на основе методологического использования понятия «духовный ландшафт». Такой подход, на наш взгляд, позволил показать, что для философа (как, впрочем, и для писателя, поэта, мыслителя) общественно-исторические и духовно-интеллектуальные трансформации времени всегда оказываются существенно связанными в их мировоззренческом сознании с определёнными «местами» на земле. Пребывание в этих местах отражает как духовную биографию интеллектуала, так и смыслы эпохи, в которую ему пришлось жить и мыслить, страдать и действовать.

Использованная литература

1) Тоталогічні образи ландшафту: Матеріали VI Міжнародної методологічної конференції “Філософія і географія. Проблеми постнекласичних методологій в природничо-географічних науках” / Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. Випуск 3. – К.: ДАКККіМ, 2006. – 151 с.

2) Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / Перевод с нем. Г.Б. Ноткина. – СПб.: Академический проект, 2003. – 320 с.

3) Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2006. – 232 с.

4) Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи / Предисловие Н.А. Струве. Составление, подготовка текста, подбор иллюстраций А. П. Олейниковой, Н. А. Струве. – Орёл: Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1998. – 476 с.

5) Зандер Л. А. Бог и мир (Мирозозерцание отца Сергия Булгакова). Том I. – Париж: YMCA-PRESS, 1948. – 479 с.

ТЕКСТОЛОГИЯ ИМЕНИ: KORČULA – KOYPKPA – КЪРЧЕВЪ В ЭТНОТОПОНИМИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ РОСОВ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ

Происхождение имени Керчи продолжает оставаться дискуссионным. Исследователи, ориентированные на список городов Северного Причерноморья у Иордана (Get. 32), склонны считать упомянутое в нем между Феодосией и Мирмекием имя Кареон (Cageon) античным прообразом позднейшей версии К-р-ц, отмеченной в еврейско-хазарской переписке X в. (Коковцов, 102), как и древнерусского имени Кърчевъ, сохранившегося в надписи на Тмутараканском камне 1068 г., и как соответствие греческого имени Воспорос в переводах Житий Феодора Студита в Выгодксинском сборнике XII в. и Стефана Сурожского по списку XIV в. Более внимательное сопоставление перечня Иордана (VI в.) с перечнем «Космографии» Равеннского анонима (VII в.) позволяет, однако, заметить, что имя Кареон у Равенната упоминается наряду с именем Пантуаас (Panthuas), соответствующим Пантикапею (Cosm. IV, 3), и не может рассматриваться как его античный аналог, а, следовательно, новое по звучанию имя этой морской крепости могло появиться, потеснив в негреческих источниках устойчивое для разноэтнической Византии имя Воспорос, скорее всего лишь в X–XI вв.

Поскольку речь идет о городе-порте, контролирующем один из основных проливов всей средиземноморской и черноморской ойкумены, то о перемене его имени речь могла бы идти лишь при значительном изменении этноязыкового состава того мореходного сообщества, которое в новых условиях стало доминировать в проливе и регионе в целом. В этом смысле далекие от мореходства хазары никак не могли бы повлиять на имя морского города. Поэтому более вероятным представляется появление нового имени у Пантикапея-Воспороса в контексте миграционных процессов связанных с мореходной активностью в X–XI вв. трех засвидетельствованных восточными источниками групп русов-славян (днепровской, балтийской и адриатической). В отмеченном аспекте наиболее аутентичным представляется на сегодня, предложенное еще А.И. Соболевским и поддержанное О.Н. Трубачевым выведение имени Кърчевъ из слав. *kъrkъ – шея и русск., схв. кркъ – горло, споставимого с общеславянским *kъrčaga, – сосуд, кувшин и в т. ч. укр. корчів, корчуля, коршов, коршоля с соответствующими мореходными коннотациями.

В виду несомненно весьма значительной, хотя и недостаточно изученной миграции русов-славян на Боспор Киммерийский в конце X–XI вв., в период одновременный почти полному вытеснению венецианцами иллирийской группы (н)арентан с ключевых островов Далмации, подчиненных до конца X в. Аренте (Narrenta, al-Arthanija), а именно, с упомянутых в Const. Porph. De adm. 36

островов – Корчула (ἡ Κοῦρκρα, Korčula), Фарос, Млет и Брач, вероятно не следует исключать, что славянское имя одного из ключевых на Адриатике острова нарентан («нарцев» ПВЛ) могло переместиться на Боспор Киммерийский вместе с этой группой знаменитых славянских мореходов древности.

Ключевые слова Керчь, Кръчевъ, Korčula, Κοῦρκρα, Ρωσία.

Высказанное еще Т. Моммзенем в комментарии к изданию Иордана, а затем поддержанное Ю.А. Кулаковским, А.А. Васильевым, А.В. Подосиновым и др. предположение о том, что город крепость Пантикапей, известный в средние века под именем Воспорос, в VI в обозначался на картах и как «Кареон», о чем будто бы свидетельствует упоминание топонима Кареон между Мирмекием и Феодосией у Иордана (Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et Trapezunta)⁸⁵, можна объяснить лишь вероятным отсутствием в то время у исследователей возможности внимательно сопоставить перечисление топонимов региона у Иордана с аналогичным перечислением у Равеннского Анонима в VII в., где Кареон назван в

---

⁸⁵Jordanis Getica (Monumenta Historiae Germaniae. A. A. Vol. 1. Berolini, 1882. P. 62. Согласно Т. Моммзену; и вслед за ним В. Томашеку и Р. Ребьюффа, Кассиодор в греческом источнике просто неправильно прочитал вместо ПАНТИКАΠΑΙΟΝ – CAREON; Кулаковский Ю. А. К вопросу об имени города Керчи. // ХΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. М., 1896. С. 195–197; Tomaschek W. Careon // RE. Bd. VI. Stuttgart, 1899. Sp. 1588, 1589; Васильев А. А. Готы в Крыму. М., 1979. С.340, 341; Rebuffat R. Le Bouclier de Doura // Syria. 1986. P. 96; Подосинов А. В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир и Византия. Харьков, 1997. С. 158–159. А. В. Подосинов, указав на графические и фонетические трудности выведения имени Кареон из имени Пантикапей, вслед за Ю. А. Кулаковским предположил что источником Кассиодора могла быть латинская карта с именем Careon (или его вариантом Carcon) которое и «дало позже название Керчь»; Cf. Jordanis De origine actibusque Getarum / A cura di Fr. Guinta, A. Grillone. Roma, 1991.; О происхождении и деяниях гетов / Вступ. ст. пер. комм. Е. И. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997. С. 67: «С той своей стороны котрой Скифия достигает понтийского побережья она небезызвестными городами Борисфенида, Ольвия, Коллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмекий и Трапезунта» (Get. 32). Относительно последнего из упомянутых городов А.В. Подосинов отметил, что «скорее всего речь идет о южнопонтийском городе Трапезунте который в результате аберрации на карте Марка Агриппы неоднократно фиксировался в Северном Причерноморье в произведениях римских географов и картографов» ДРЗИ. Т. I. С. 270. Кроме того, поскольку перечисление идет у Иордана по большому кругу полуострова, то здесь мог быть упомянут и город Каркина в Каркинитском заливе (Pomp. II, 4), и мыс Корак западнее Феодосии по побережью (Ptol. III, 6).

аналогичном перечислении (Cosm. IV, 3) наряду с Panthuas (Пантикапеем).⁸⁶ Поскольку довольно распространенное до сих пор представление о том, что имя Кареон (Careon) у Иордана является достаточным основанием для признания «дохазарского происхождения имени Керчь, так как оно в форме Кареон стояло уже на той карте, которой пользовался Иордан»⁸⁷, приведем здесь соответствующее перечисление у Равеннского Анонима полностью: « Я же перечислил по именам ниже упомянутые города страны Босфорнии, следуя вышеупомянутому Ливанию. Мы читали, что в этой стране Босфорнии было много городов, мы же хотим перечислить лишь некоторые из них, а именно: [Г]ермонасса / Этеобротон Суппатос / Фритиорес / Дина / Ихигин / Эрмоган / Теагинем / Акра / Санабатин / Асанди / Кита / Нимфа / Абританы / Махара / Татирита / Аумон / Малоросса / Махаре / Химерион / Пантуас / Ратира / Мурмикон / Кабало / Салониме / Бористенида / Ольбиаболис / Каполис / Дори / Херсона / Теосиополис / Кареон / Трапезус»⁸⁸

В дальнейшем, и в IX в., например, в послании Фотия к Антонию, архиепископу Восфороса⁸⁹, и в *De administrando imperio* Константина Багрянородного, т. е., в сер. X в., как и позднее в греческих источниках речь устойчиво идет о городе и порте Воспоросе⁹⁰, что является отражением не

---

⁸⁶ *Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographia* / Ed. M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860. Cosm. IV.3; Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, пер., коммент. М., 2002. С. 175-204. Несомненно знакомый с источником, но очевидно увлеченный аргументацией в пользу отождествления Кареона и Пантикапея-Керчи А.В. Подосинов в статье 1997 г. приводит лишь конец списка «из 33 городов Босфорнии, куда входят, в частности, Гермонасса, Акра, Китей, Нимфей, Киммерий, Мирмекий, Калослимен. Список заканчивается следующим перечнем: Doristenida, Olbiapolis, Capolis (ср. у Иордана: Callipolida), Dori, Chersona, Theosiopolis (ср. у Иордана: Theodosia), Careon, Trapezus (IV, 3)». – Подосинов А. В. Еще раз... С. 158.

⁸⁷ См., например, Иваненко П. И., Иванина О. А. Керчь: история имени. Этимологический очерк. Керчь, 1996. С. 9

⁸⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. Античные источники. Составитель А. В. Подосинов. М., 2009. С. 278. Хотя и в комментарии 2009 г. А. В. Подосинов по-прежнему допускает, что у Иордана под именем Кареон, возможно, «следует понимать Керчь (Пантикапей), не упомянутый в общем списке», но от предположения, что и у Равенната Керчь и Кареон могут быть идентичны уже воздерживается.

⁸⁹ Photius, Ep. 97 Ἀντωνίῳ ἀρχιεπισκόπῳ Βοσφόρου. Laurdas B. Westerink L.G. *Photii Patriarchae Epistulas et Amphilochia*. Т. 1. Leipzig, 1983.

⁹⁰ *Constatinus Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Grek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl.transl. by R..J.H. Jenkins. Washington, 1967, Vol. 1; Константин

только неизменности греческой географической топонимике региона, но и непрерывности этнотопонимического самообозначения населения этого города мореходов. Устойчивость и преемственность имени Воспорос не только в греческой, но и в итальянской мореходной топонимике подтверждают и итальянские карты XIV в. с узнаваемой на них транскрипцией этого же имени в виде Воспро или Восперо.

Что касается ссылки Ю. А. Кулаковского на имя Карх у Ибн-Даста, (который впоследствии оказался, как известно, Ибн-Русте), как на обозначение «одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх»⁹¹, где «мадьяры» торговали славянскими невольниками, то таких пристаней в X в. в пределах «Румской» морской ойкумены могло быть несколько, в том числе, например, знаменитый остров Керкира в Ионийском море, острова Крк и Корчула на Адриатике, но эти пристани, разумеется, не имели отношения к Боспору Киммерийскому. Кроме того, в то время, когда Ибн Русте составлял в начале X века (до 925 г.) свое энциклопедическое сочинение «Книга дорогих ценностей»⁹², пролив находился под контролем не Византии, а Хазарии, и упомянутые «мадьяры», т. е. те «угры», которые, согласно ПВЛ, «шли мимо Киева горою», в начале X в. уже могли находиться не в Крыму, а в Паннонии. Соответственно, и имя ар-Рум у Ибн-Русте могло бы в данном случае означать не Византию, а Италию, как и у Ибн-Хордадбеха⁹³, а побережье, по которому мадьяры вели поработанных славян на торг могло быть скорее не Киммерийским, а Адриатическим.

Таким образом, выдвинутая в свое время Ю. А. Кулаковским и А. А. Васильевым гипотеза о дохазарском, тем более «румском» происхождении имени Керчь, будто бы принятым грекоязычным населением города наряду или даже вместо византийского имени Воспорос в IX и начале X вв., при

Багрянородный Об управлении империей. / Под общей редакцией Г.

Г. Литаврина и А. В. Новосельцева. М., 1981 Здесь и далее ссылка на главы и строки: Const. Porph. De adm. 11. 2; 37. 49; 42. 8, 72, 85; 53. 27, 44, 177, 293, 294;

⁹¹ Кулаковский Ю. А. К вопросу об имени города Керчи // *Χαριστήρια*. Сб. ст. в честь Ф.К. Корше. М., 1896. С. 192. Под именем Ибн Даста фрагменты Ибн Русте (BGA. Т. VII) были изданы в пер. Д. А. Хвольсона. См.: Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста... по рукоиси Британского музея в первый раз издал перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869.

⁹² *Kitab alA lâk an nafisa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh...* / M. J. de Goje. Lugduni Batavorum, 1892. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI IX вв. ДГ, 1998 г. М., 2000. С.294, 295, 303, 304.

⁹³ См. о значении ар-Рум как Византии или Италии в комментарии Т.М. Калининой к фрагменту Ибн Хордадбеха в: Древняя Русь в зарубежных источниках Т. III. Восточные источники. С. 25.

сопоставлении с источниками не выглядит на сегодня подтвержденной и аутентичной. Предложенный А. В. Подосиновым новейший вариант этой гипотезы как возможности переосмысления в Керчь, (отождествленной им с Кареоном), названия Кесария (Caesarea, Caesareon, ΚΑΙΣΑΡΕΑ), возникшего в результате временного переименования Пантикапея в честь Августа (Кесаря) Боспорской царицей Динамией (до 14 г. до н. э.)⁹⁴ лишь подтверждает ее текстологическую удаленность от этноисторических контекстов IX–XI вв.

Еще менее аутентичным могло бы выглядеть предположение о принятии преимущественно мореходным населением Боспора Киммерийского под давлением обстоятельств наряду с привычным Воспоросом нового еврейско-хазарского (К-р-ц), тюркского или какого-нибудь гипотетического аланокасожского имени, навязанного городу народностями, далекими от восходящих к милетцам древних традиций европейского мореходства на Боспоре Киммерийском. Единственным этнолингвистически конкурентноспособным по отношению к грековизантийскому самообозначению господствующего над проливом города мог выступить лишь славянский эквивалент, перенесенный на его берега переместившимися сюда в X–XII вв. русами Поднепровья, Балтики или Адриатики, соответственно трем группам/центрам/видам русов/росов (Куюба, Славия и Артания), известным по сообщениям, сохранившимся у ал-Истахри и Ибн Хаукаля и более поздних восточных авторов.⁹⁵

---

⁹⁴ Подосинов А. В. Еще раз о происхождении... С. 160–164.

⁹⁵ Издания текстов: *Opus geographicorum auctore Ibn Haukal (Abû'l-Kâsim ibn Haukal al-Nasîbî)... «Liber imagine terrae» / Collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis* J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1038–1939. P. 397; *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishâk al-Farisî al-Istakhrî / M. De Goeje*. Leiden, 1870 (BGA. T. 1); Русск пер. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 411–413; *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. Т. 3. Восточные источники. Сост. Ч. I. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, Ч. П. В. Я. Петрухин. М., 2009. Русск пер. фрагментов Калининой Т. М. С. 85–86 (ал-Истахри), С. 94 (Ибн Хаукаль), С. 126 (ал-Бакри). Относительно передачи названия третьей группы росов, которое Т. Левицкий передает как *Arthânija* (Lewicki T. *Znajomość krajów i ludów u pisarzy arabskich IX–X w. // Slavia Antiqua*. Warszawa, Poznań, 1961. T. 8. S. 103), а А. П. Новосельцев и Т. М. Калинина как «Арсания», было отмечено, что речь идет собственно о передаче арабского глухого межзубного согласного (отвечает англ. th), отсутствующего в славянских языках, а потому «не в меньшей степени, соответственно, было бы оправдано «старейшее» и традиционное чтение «Артания». Трубочев О. Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 29; Склярченко В. Г. Русь и варяги. Историко-этимологическое исследование. К., 2006. С. 39;

Поэтому наиболее близкими к этноисторической карте региона в аспекте происхождения и этимологии нового имени пришедшего на смену Воспоросу в X–XII вв. не могли не оказаться те исследователи, которые указывали на старославянские истоки и этимологию имени Кърчевъ, засвидетельствованного с XI в. в надписи на Тмутараканском камне и с XII в. по рукописи Выголексинского сборника (РГБ, ф. 178, № 1832) в древнейшем русском списке перевода греческого Жития Феодора Студита как славянское соответствие исходного имени Воспорос⁹⁶.

Вместе с тем, следует отметить, что, исходя из представления об античных, а не славянских истоках имени Кърчевъ (Керчь), но признавая при этом значительное влияние русов на Боспоре Киммерийском в XI–XII вв., Ю. А. Кулаковский высказал на XI Археологическом съезде предположение, что росским соответствием древнего имени Воспорос в указанный период является не Кърчевъ, а упомянутый арабским историком XII в. ал-Идриси недалеко от города Матрахи (русской Тмутаракани) город Русия, который может быть отождествлен с топонимом Росия (Ῥωσία) византийских источников того времени. Поскольку это гипотетическое отождествление Воспороса-Керчи с городом Русия, упомянутым ал-Идриси, получило заметное распространение в византиноросике, и было положено впоследствии в основу ряда далеко идущих выводов не только по истории Росии (Руси), но и Византии, и в частности, о портах Росии и Матрахи и локализации «внешней» и «внутренней» Росии, по-видимому, следует прояснить какое же на самом деле мог иметь упомянутый ал-Идриси город к известному по византийским и славянорусским источникам Воспоросу и Кърчеву.

Сопоставление не только византийских и славянорусских, но также латинских и арабских источников в аспекте древнейших сообщений о русах позволяет при отказе от ставшего традиционным доминирования более поздних версий над более ранними не исключать, что до походов на Константинополь киевских князей в X ст. под этнонимом οἱ Ῥῶς греки, как и арабы, могли понимать не только и не столько поднепровских росов-полян-киян, сколько этнически родственные им две другие группы росов мореходов Адриатики (οἱ Ῥοῦσίοι, οἱ Ραοῦσίοι) и Балтики (Rhos).⁹⁷ Об этой общности греческого и

---

⁹⁶ Выголексинский сборник. М., 1977. С. 7–10, 65–69. Выголексинский сборник сохранил форму **кърчевьскыи** лл. 65 об. 14; 69. 7; Указ. соч. С. 205, 198; Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. II (XII). // Записки Отдела рукописей. Вып. 27. М., 1965. С. 136–137; Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1977.

⁹⁷ О восприятии имени «Русийа» в арабской графике и фонетике делает примечание автор XIII в. Абу `л Фида: «Огласовка названия «ра» без точки, «вав», «син» без точек затем «йа» с двумя точками внизу и «алиф» в конце».

арабского этнонимов, в частности, для «росов-руссов» Далмации и Черногории и «росов-руссов» Поднепровья, очевидно, имел представление Константин Багрянородный, который в гл. 9 De adm. писал о киевских росах в том смысле, что они (οἱ Ῥῶς) приходят в Константинополь «из внешней России» (ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας)⁹⁸, что предполагало в соответствии с таким географическим определением императора также существование некоторой «внутренней России», как лексического и логического дополнения «России внешней». Соотнесение этого довольно обсуждаемого обозначения⁹⁹ с аналогичным контекстом De adm. позволило комментаторам заметить, что подобная географическая формула была использована автором также в главе 24, посвященной Испании, где речь идет о той части этой страны, которая до некоторого времени находилась за пределами территорий, подчиненных империи, в отличие от другой части, которая понималась им, как «внутренняя Испания», то есть та, которая находилась в границах и подчинении империи¹⁰⁰.

Пер. И. Г. Коноваловой по изданию: Geographie d'Abulfeda. / Texte arabe, publié d'après les manuscrits de Paris et de Leide aux frais de la Société Asiatique par M. Renaud. Paris, 1840. P. 223; ДРЗИ. Т. 3. С. 160.

⁹⁸ Const. Porph. De adm. 9;

⁹⁹ Среди существующих объяснений на сегодня можно определить два основных направления: в соответствии с первым, под «внешней Россией» следует понимать Новгородскую и близлежащие к ней северные земли, откуда к Киеву приходят моносилы, предназначенные для общего похода на Константинополь, а под «внутренней Россией», – соответственно, Киев: Poppe A. Phosia // Słownik Starożytności Słowiańskich. Wrocław, 1972. Т. 4. С. 2. S. 496–497. De adm. Vol. 2. P. 350, 351 (Комментарий Д. Д. Оболенского). Это объяснение не выглядит бесспорным, поскольку в тексте Константина Багрянородного говорится, что моносилы, идущие из Немогарда, Минилиски и др. местностей, собираются в Киеве, но приходят к Константинополю «из Киева» (De adm. 9. Tit.), а значит «внешней Россией» здесь выступает именно Киевская земля. В соответствии со вторым объяснением, – греческие слова ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας предлагается читать, как «из отдаленной России», антонимом которой выступает уже не «внутренняя», а некая «ближняя Россия», то есть, «росские поселения в Тавриде»: Soloviev A.H. *Ἐξω Ῥωσία // Byz., 1938, Vol. 13. P. 233. Такое объяснение, однако, допускает весьма произвольный перевод слова ἔξω. См. детальнее библиографический обзор в De adm. 9; Об упр. С. 38–39.

¹⁰⁰ См.: De adm. 24. 4, 5: ἐν Ἰσπανία τῇ μικρᾷ τῇ ἔξω; а также в Об упр., комментарий 5 к гл. 9 В.Я. Петрухина, обратившего внимание на то, что Константин Багрянородный следовал античному принципу «выделения внутренней и внешней части описываемого региона (по отношению к описываемому), а не собственно древнерусской традиции» (С. 309–310). В таком же смысле, в частности у арабских авторов, по отношению к византийской

Очевидно, что о той же «внутренней Росии», которую Константин Багрянородный отличал в свое время от «внешней Росии», упомянутой в гл. 9 *De adm.*, речь шла позднее и в хрисовуле Мануила Комнина 1169 г. (подтвержденном в 1192 году Исааком II Ангелом), согласно которому в условиях все большего осложнения отношений с Венецией и, видимо, в противоположность ей генуэзским кораблям предоставлялось право пользоваться морскими портами всех областей империи, «кроме Росии и Матрахи»

(ἐν πάσαις ταῖς ἀπουδήποτε χώραις τῆς βασιλείας μου ἀνευ τῆς Ῥωσίας καὶ τῶν Ματράχων)¹⁰¹. Хотя со времен Ю. А. Кулаковского это упоминание о Росии принято гипотетически отождествлять с Боспором Киммерийским, т. е. Керчью на том основании, что арабским географом ал-Идриси в XII ст. был указан топоним *Rusia* в 27 милях от Матрахи (Тмутаракани), а Керчь находится от Тамани через пролив приблизительно на таком же расстоянии¹⁰², нельзя,

---

империи употреблялось определение «внутренняя Болгария» в отличие от «внешней, (т.е. Волжской) Болгарии» (ал-Идриси), различие «внутренней» и «внешней Арминии» (Ибн Хаукаль), а у славян восходящее к римскому и ранневизантийскому взгляду различие «внутренней» («Малой Скифии» или *Scythia Minor* к югу от устья Дуная) от «внешней», т. е. «Большой Скифии» («Великая скуфь» ПВЛ и Изборника 1073). Имперский аспект такого противопоставления «внутренних» и «внешних» территорий у Константина Багрянородного подтверждает и использование в *De adm.* определения «внутренняя Персия, называемая Хорасан», как первого по значению эмирата в отличие от входивших или невходивших в эту восточную империю на разных этапах ее существования остальных 12 эмиратов (Африки, Египта и др.). См.: *De adm.* 22. 63,64; 25. 67 sqq.

¹⁰¹ Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi, sacra et profana*. Vindobonae, 1865. Vol. III. P. 35. 30–34.

¹⁰² Кулаковский Ю.А. К истории Боспора (Керчи) в XI–XII вв. // Труды XI Археологического съезда в Киеве, Т. 2. М., 1902. Протоколы С. 133; Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос» // *Античная древность и средние в.* Свердловск, 1973. Сб. 10. С. 229–234; Коновалова И. Г. Город Росия / Русийа в XII в. // *Византийские очерки. Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византинистов*. СПб., 2001. С. 128–140; Коновалова И. Г. Город Русийа в арабской географии XII–XIV вв // *Древнейшие государства Восточной Европы*, 2003 г. М., 2005. С. 102–106; Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарии («Древнейшие источники по истории Восточной Европы»). М., 2006; Одну из последних ссылок на предложенную Ю. А. Кулаковским идентификацию Керчи с «Русией» ал-Идриси, (развиваемую в работах И. Г. Коноваловой) и одновременно с «Росией» хрисовула Мануила Комнина 1169, (без упоминания о Ю. А. Кулаковском) см.: Karpov Sergei P. *Main Changes in the Black Sea Trade and Navigation in 12th – 15th centuries* // *Proceedings of*

однако, не обратить внимание на то, что, у императора речь идет о двух «хорах» (Матрахе и Росии), а не о двух городах, и на то, что у ал-Идриси об «ар-Русийи», как о «земле» или «стране», подобно Константину Багрянородному, говорится как об «ар-Русийи внешней» соответствующей описываемому «виду русов», тогда как другой «вид русов» согласно этому арабскому автору живет по соседству с Венгрией (Ункарийа) и Македонией (Макдуния), где, вероятно, и находится предполагаемая, хоть и не названная, «ар-Русийа внутренняя». При этом ал-Идриси использует термин «Русийа» не в одном, а в трех смыслах (страны/земли, реки и города), сопоставление которых с приложенной к сочинению картой оснований для однозначного отождествления упомянутой Русийи с Керчью не дает¹⁰³. Вместе с тем, топонимы с похожим звучанием Ῥώσσα (De adm. 29. 92: τὸ κάστρον τῶν Ῥώσσαν) и Ραούσιον (De adm. 29. 50,51,

---

the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia. 22 – 27 august 2011. Sofia, 2011. T. I. Papers. P. 417–418.

¹⁰³ См. русск. пер. и прим. к избранным фрагментам ал-Идриси И. Г. Коноваловой в ДРЗИ. Восточные источники. Т. III. С. 127–137. По изданию: Al-Idrisi. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant». / A. Bombaci et al. Neapoli, Romae, 1970–1984. P. 904–916. Fasc. I – IX; Ср. франц. пер.: Geographie d'Edrisi, traduite de l'arabe en francais d'après deux manuscrits de la Bibliotheque du Roi et accompagnée de notes par P.A. Jaubert. Paris, 1836–1840. T. I. P. 400 sqq.; La Geographie d'Idrisi, un atlas du monde au XII-me siècle: CD ROM Bibliotheque Nationale de France, Montparnasse multimedia avec le trad. francaise de P.A. Jaubert; В книге ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь землю» речь идет о «Русийа» 1) как о хорониме («что касается земли ар-Русийа, то это большая страна», 6-й климат, 4-я секция, см.: С. 129, 132, 135, 137 русского перевода; 2) как о гидрониме, «реке», отождествляемой у ал-Идриси с Керченским проливом (6-й климат, 5-я секция) С. 130; 3) как о городе (6-й климат, 6-я секция) С. 135. Там, где речь идет об устье «реки», т. е. о входе в Керченский пролив со стороны Черного моря, сказано, что от него до г. Матраха 20 миль, а там, где речь идет о г. Русийа, сказано, что от г. Матраха до г. Русийа 27 миль (С. 135), но не сказано, в каком направлении следует отсчитывать это расстояние, как и не сказано, что г. Русия стоит на реке Руси, поэтому нельзя исключать, что речь могла бы идти о городе, расположенном ближе к устью р. Кубани (Cyphis). Если вспомнить, что и патриарх Фотий, и Константин Багрянородный традиционно для греков называли нынешний город Керчь (античный Пантикапей) Боспором, в еврейско-хазарской переписке X в. этот город предположительно соответствует написанию К-р-ц (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. Издание и русск. пер. С. 102), а в русском переводе «Жития Феодора Студита» в XII в. Боспор Киммерийский уже обозначен как «Кърчевъ», то отождествление упомянутого ал-Идриси города Русийа с Керчью не выглядит ни географически, ни исторически убедительным.

93, 99,100,217: τὸ κάστρον τοῦ Ῥαουσίου τὸ Ῥαούσιον; Theoph.Cont. 53. 10: Ἀπὸ τῶν τοῦ Ἦλου ἔθνος μετρόπολιν ἢ Ῥαούσιον), Ῥωστότηα (De adm. 30. 106–107) известны и среди подконтрольных Византии территорий и портов Адриатики¹⁰⁴. Подобная топонимика позволяет не исключать, что обозначенная византийским императором «хора» могла иметь отношение скорее к восточной Адриатике, чем к Боспору Киммерийскому, и на упомянутом этапе отношений между Византией, Венецией и Генуей данное ограничение относительно России касалось портов Южной Далмации и Которского залива в Черногории, на которые в этот период распространялось влияние Венеции, в то время уже почти безраздельно господствовавшей на Адриатике. Кроме того, в случае отождествления «России» хрисовула с Боспором (Керчью) остается вопрос о причинах отказа византийцев от привычного грекам издавна имени «Боспор» (в прошлом – Пантикапей) в пользу топонима Ρωσία; и если «внутренняя Россия» все же имела определенное топонимическое соответствие в границах восточной ромейской империи во времена Константина Багрянородного (сер. X ст.), то этим топонимическим соответствием не могли быть ни Боспор Киммерийский, ни Тмутаракань, поскольку подконтрольными, то есть «внутренними», для Византии они тогда не были. Вместе с тем, отнесение «России», упомянутой в хрисовуле XII ст., к Адриатическому побережью, а не к Керчи не исключает существования в это же время какого-то топонима «г. Русия» невдалеке от г. Матрахи, как и совсем необязательно связанного с Тмутараканью топонима «Россия» – на двух печатях Феофано Музалониссы, где она названа «архонтиссой России/Русии» (Эрмитаж; Берл. муз.)¹⁰⁵. Все это позволяет предположить, что

---

¹⁰⁴ В современной топонимике территории, очерченной в свое время Константином Багрянородным, как территория Аренты с островами, сохранились такие названия, как Rastovaca, Rastoka, Gornje Rasčane, Dolnie Rasčane, Raško Polje, Rasno, Rasoha (на о. Хвар), Rasovatica (на о. Корчула). В целом в Далмации и далее по северо–восточному побережью Адриатики: Rasa, Rasaj Zaliev, Raška Draga, Rasopasno, Rosini, Rastevic, Rasinja, Rusanj, Rasohe, Raslina, Raspor. Во времена Мануила I Комнина и Исаака II Ангела речь могла идти, разумеется, лишь о той части побережья, которая находилась с сер. XII в. в границах империи.

¹⁰⁵ См. первое изд.: Schlumberger G. Description de cinq sceaux de l'époque Byzantine. Recherches Numismatique, 3–me serie. T. 1. Paris, 1883, P. 447–458, Pl. X, 3 (Ныне сохраняется в Эрмитаже, ОНГЕ, № 12); Библ. в: Янин В.Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1969. С. 89–90. Увеличенное фото обеих печатей на С. 77). Приведенный титул Феофано Музалониссы не противоречит известной гипотезе Хр. Лопарева о ее браке с Олегом Святославовичем, но не опровергает и аргументацию о возможном происхождении печатей из других регионов Византии. Среди таких регионов наиболее вероятным представляется «Роса» Которского залива и нарентанское побережье Далмации. Ср. также: Чхаидзе В. Н. Феофано Музалон – архонтисса

«внутренняя ‘Ρωσία» времен Константина Багрянородного (X ст.) и ‘Ρωσία «моего царства» времен Мануила Комнина (XII ст.) являются топонимическими соответствиями одной и той же «хоры» в границах византийской империи, а именно Адриатического побережья Иллирика (Далмации и Черногории) с его вышеупомянутыми славянскими архонтиями и морскими портами-крепостями с корнем рос/рас: прежде всего с Росой Которского залива – ‘Ρώσα, ‘Ρώσσα (Rose), – упомянутой в тогдашних документах обеих империй¹⁰⁶, хорошо известной крепостью Раусий (Raguza) и с не менее известной впоследствии жупанией побережья Растоцей (Рашкой).

Можно предположить, что к адриатической Росии побережья Далмации и Черногории относятся и упомянутые Иоанном Скилицей в описании царствования Михаила Пафлагона под 1036 годом, но не поддающиеся до сих пор идентификации в рамках киевоцентрического подхода ко всем упоминаниям в источниках о росах, архонты росов Несислав и Иерослав, после кончины которых началось правление над росами Зинислава (ἐτελεύτησαν δὲ καὶ οἱ τῶν ‘Ρῶς ἄρχοντες, Νεσισθλάβος καὶ Ἱεροσθλάβος καὶ ἄρχειν προέκράθη τῶν ‘Ρῶς συγγενῆς τῶν τελευτεσάντων Ζινόςθλαβος. Καὶ ἡ Σερβία ‘Ρωμαίων ἀφηνιέσασα μετὰ θάνατον ‘Ρωμανοῦ τοῦ βασιλέως αὐτοῖς ἔ

России (к вопросу об идентификации) // Византийский временник. 2007. Т. 66 (9).

¹⁰⁶ В географической номенклатуре папских булл об освящении епископов, удостоверенной по крайней мере с 743 г., Роса на протяжении VIII–XII ст. неизменно отождествлялась с Котором: «Rosa seu Catharochitas»; «ciuitati namque Catariensi, seu Rose, atque Buduanensi...»), «Rosa seu Cathorum civitas»... Современные исследователи отождествляют топоним ‘Ρώσα, упомянутый в De adm. с населенным пунктом Rose, расположенным в Которском заливе, хотя у пап топоним Rose употреблялся очевидно в более широком значении всего побережья залива с Котором и Росой включительно. См.: Codex Diplomaticus Regni Croatiae Dalmatiae et Slavoniae. Monumenta Historica Slavorum Meridionalium. Povjestni Spomenici Juznih Slavenah. Izdaje Ivan Kukuljevic Saksinski, Kn. II. U Zagrebu, 1874. P. 35 (LI, anno 743); Kn. III. U Zagrebu, 1875. P. 2, 23, 24 (anno 1121); P. 33 (anno 1143); P. 47, 59 (anno 1153); Cf.: Пушић И. О населъу Россе в среднем вијеку // Историјски записи. Белград, 1977. Књ. 34. Св. 3–4. В этой связи обращают на себя внимание династические имена последних (после установления с кон. X ст. гегемонии Венеции над побережьем) нарентанских властителей Далмации – Rusinus Morsticus (Rusin Morstič) и Rusellus (Rusello), удостоверенные дарственной грамотой 1070–1074 гг. (по рукописи XII ст.) о передаче земель монастырю св. Петра: Codex Diplomaticus Regni Croatiae Dalmatiae et Slavoniae. Povjestni Spomenici Juznih Slavenah. Izdaje Ivan Kukuljevic Saksinski. Kn. II. P. 148: «Breuem recordationem facio ego Rusinus, qui et Morsticus de terries que sunt in Tristenico, pars que mihi contigit, volo et iubeo ut sint in monasterio Sancti Petri, pro remedio anime... et Rusello filio souine...».

σπεύσαστο...) ¹⁰⁷. Упоминание о Сербии сразу после сообщения об архонтах росов может косвенно свидетельствовать в пользу гипотезы о локализации этих, упомянутых Скилицей росов, в соседних в Сербией приморских архонтиях, населенных согласно Константину Багрянородному этнически родственными сербам, но исторически обособившимися в отдельные архонтии группами приморских славян.

На связь топонима «внутренняя Росия» с арентанами (*Theoph.Cont. oreuntavos*) и адриатическим побережьем Иллирика, возможно, указывает и присутствие этнонима *Reuteni* в переписке Конрада III с Иоанном II в 1142 году, где Конрад III просит Иоанна поступить надлежащим образом с теми *Reuteni*, которые, оскорбив его державу убили его людей и присвоили себе их деньги. Отвечая на это обращение, Иоанн пишет относительно даного происшествия, случившегося в *Rossia* (транслитерация Оттона Фрейзингенского, который цитирует переписку), что он «поступил так, как подобает его державности». Судя по контексту и по времени (обсуждаются итальянские дела и обстановка в регионе), речь не могла идти ни о Боспоре Киммерийском, ни тем более о «внешней России» на Днепре, а касалась Адриатики и пиратских действий «внутренних росов», арентан ¹⁰⁸

Согласно представляемой в данной статье гипотезе именно значительная часть третьей «группы русов», локализуемой в иллирийской Далмации, (где они были известны под именем (н)арентан/паган), под натиском венецианцев, установивших к концу X в. почти полный контроль над принадлежавшими нарентанам (*De adm.* 36) островами восточной Адриатики (Корчула, Млет, Фарос и Брач) уже к началу XI в. переместилась на Боспор Киммерийский. Особое место среди названных нарентанских островов Далмации занимал ключевой в то время для мореплавания в регионе остров Корчула с одноименным на нём городом (*Korčula*; *ἡ ἴσος μεγάλη ἢ Κούρκρα* *De adm.* 36. 16; *lat. Cursula*), заслуживающий, как и остров Крк, особого внимания в аспекте вероятной этнотопонимической миграции славян-мореходов Адриатики и прежде всего (н)арентан-паган на побережье Таврии и Боспора Киммерийского в конце X – начале XI вв. Островное происхождение имени города на Боспоре возможно объясняет понимание и в последующих транскрипциях Керчи в

---

¹⁰⁷ Scyl. 399. 13–16. В отличие от упоминаемого в латиноязычных источниках ок. 1017/1019 г., как приютившего изгнанных из Англии сыновей Эдмунда Железнобокого, короля «*terra rugorum*» *Malescklodus`a*, которого стали нередко по хронологии отождествлять с тогда еще живым Ярославом Мудрым, Иерослава, умершего, по сведениям Скилицы, в 1036, пытаться отождествлять с созвучным ему Ярославом было бы откровенной натяжкой. Возможно, именно об этих же «внутренних» росах Скилица упоминает при описании событий в крепости Перкрин ок 1033/1034 г. (*Scyl.* 389. 46).

¹⁰⁸ *Otonis et Rahewin Gesta Friderici I imperatoris* / G. Waitz, B. de Simson. Ed. 2. Hannover, 1912. (MGH Script. rer. Germ. T. 46.) P. 37–44.

женском роде, как это было характерно для греческих и латинских, а по их образцу и некоторых славянских названий островов на Адриатике¹⁰⁹.

С точки зрения древнеславянского происхождения (скорее всего, – югославянского, если судить по графике написания имени на тмутараканском камне¹¹⁰) наиболее аутентичным по сравнению с предложенными весьма далекими от мореходства славянскими этимологиями: *kъrĉiti – корчевать (Б. Убенгауна и М. Фасмера), или *kърчий* – кузнец (В. И. Абаева), очевидно, неслучайно выглядит предложенное А.И. Соболевским и поддержанное О. Н. Трубачевым выведение имени Кърчевъ из слав. *kъrkъ – «шея» и русск., схв. *кѣкъ* – «горло», предполагающее что древняя Керчь-Кърчевъ «получила название от своего местоположения на берегу пролива»¹¹¹. Вместе с тем, изначально речь могла идти о древнеславянских топонимах, этимологически соответствующих островам и проливам восточной Адриатики, откуда одна из господствовавших в IX–X вв. у берегов иллирийской Далмации групп мореходов-русов после побед Святослава Киевского над хазарами вероятно и переместилась на Боспор Киммерийский вместе со своей узнаваемой югославянской островной топонимикой.

© Елена Ивановна Съянова
(Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Функционирующие на территории Воронежского края две основные группы диалектной речи (группа с южновеликорусской основой и группа говоров с украинской исторической основой) ставят в центр внимания современных исследований языковые взаимодействия на различных уровнях, обуславливающие инновационные процессы. В центре исследования – язык украинских переселенцев, обосновавшихся на территории современной Воронежской области более трех веков назад.

---

¹⁰⁹ Кърчевъ в м. р. мог выступать, как было замечено, производным от прилагательного, указывающего на принадлежность города (полу)острову – Кърчевъ-град. Иваненко П. И., Иванина О. А. Указ. соч. С. 11–12.

¹¹⁰ Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979. С.32–40.

¹¹¹ Трубачев О. Н. Славянские этимологии 29–39. Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II. М., 1962. С.39.

1. Для исследуемых говоров характерным является высокий уровень сохранения языковой системы материнского языка. Старшее поколение сохраняет языковые традиции, что служит организующим социальным стержнем.

В частности, фонетическая основа языка жителей украинских сел остается в большей степени до настоящего времени украинской: наличие фарингального [h]: *хы'ла, хэт', хы'кнулас', хабэлю'ка паха'на, би'нты*; наличие аффрикат *дз, д'з', дж, д'ж'* (в соответствии с глухими *ц, ч*): *Д'з'инька, бд'ж'олка; дзвин*; отсутствие ассимиляции по глухости \ звонкости согласных в слабой позиции: *швы'дко, видми'д', коло'диз'*; отсутствие смягчения согласных звуков (кроме шипящих и аффрикат) перед гласными переднего ряда: *вэлы'ка, бэрэ'за, зэлэ'ный*; твердый [ч]: *учы'тэл', вычыры'ны, очэрэ'т*; вариантом фонемы <ц> является [ц']': *цюлюва'т', кинэ'ц', ми'сяц', молоды'ця*; мягкие губные в положении перед *a* выступают в сочетании с *j*: *м'ја'со, н'јат'*; в этом положении перед *a* *j* подвергается полной ассимиляции по отношению к предшествующим согласным, кроме губных и *p*, результатом чего является появление двойных согласных: *мозһува'н'ня, давле'н'ня, пла'т'тя* и др.; отсутствие редукции: *вода', молоко', швы'дко, волосожа'р, ходы'т', роска'зуват'*; наличие чередований гласных в зависимости от закрытости \ открытости слога (на месте исконных *о, э* в закрытых слогах сформировался *и*): *печи – пич', ночи – нич', боци – бик, воза – виз, коня – кин', стола – стил*; наличие вторичного *в* в словах с начальным *о*, изменившимся в *и*: *викно', вивця'*; утрата начального *и* перед согласным на месте древнего *и*, развившегося из сочетания *јь*: *хо'лка, храт', хра*; последовательное отсутствие перехода *э* в *о* перед твердым согласным: *бэрэза, тэмный, вэсэлый, зэлэный* и др.

К основным морфологическим особенностям говоров с украинской основой относятся: наличие особой звательной формы: *до'ч'ко, Ни'ну, Ва'н'ку, ди'ду*; форма им.п. ед.ч. существительного мать – *ма'тэ*; сохранение древних форм п. п. ед. ч. м. р., а также д. п. и п. п. ж. р. как результата II смягчения заднеязычных: *ноһа – на нози, дорога – на дорози, рука – руци, бока – боци, Алабухи – в Алабуси, муха – на муси*; форма им.п. мн.ч. существительного брат с ударным окончанием -ы: *браты'*; стяженные формы имен прилагательных в результате утраты интервокального *j*: *соло'дкый – солод'ка – соло'дкэ – соло'дки; зэлэ'ный – зэлэ'на – зэлэ'нэ – зэлэ'ни* и др. В качестве основных синтаксических особенностей назовем следующие: наличие двойных предлогов *по-над, по-под, по-на*: *По-над полем туман пидня'ўся*; употребление формы р.п. существительных с предлогом *з*: *Вы'пысалы нас з Ла'бухоў; Пры'їхаў з Борисоўли'бску; Прышо'ў з а'рмиш*; употребление дательного принадлежности: *Ес'т' хозя'ин своём до'му* и др.

2. В настоящее время широко представлены звуковые явления, свидетельствующие об активном влиянии фонетической системы южнорусских говоров и русского литературного языка, под воздействием которых в анализируемых говорах (прежде всего в речи молодого и среднего поколения)

получает широкое развитие такое фонетическое явление, как неразличение в безударных слогах гласных неверхнего подъёма, совпадение их в одном звуке (*аканье*). Различия в области согласных звуков русских и украинских говоров связано в первую очередь с противопоставлением по мягкости/твёрдости. Попытки согласовать "свое" произношение с русской системой согласных фонем выражаются в вариативности произношения одного и того же звука как разными информантами, так и одним: *вычыры'ны* – *вычирь'ны*, *очэрэ'т* – *очирэ'т*. Под воздействием русских говоров и литературного языка наблюдается оглушение звонких согласных в слабой позиции: *видми'д'* – *видми'т'* и др.

В соответствии с русскими моделями происходит структурная перестройка формы выражения уже существующих морфологических категорий, имеет место и заимствование русских морфологических показателей. Постепенно происходит утрата специфических украинских форм. В частности, широко представлено замещение украинских окончаний флексиями из русской падежной системы. На основе сравнения формы слова украинского говора с формальными моделями русского языка происходит процесс подведения под одну из них (категоризация формы слова). Украинский вариант сосуществует в микросоциуме с русской формой, покажем это на примере ономастической лексики: лес *Жива'* – *Жива'я*, озеро *Малэ' Мо'крэ* – *Ма'лое Мо'крое*; уличные фамилии *Сапани'в* – *Сапанёв*, *Хонци'в* – *Хонцо'в*.

Интенсивное влияние русского литературного языка и южнорусских говоров можно наблюдать несомненно на лексическом уровне. В речи старшего поколения доминантным оказывается «материнский язык», можно встретить архаические лексемы, неизвестные сегодня среднему и молодому поколениям: *Je' Осы'ково, цэ там ростэ' осы'ка; В той рик собыра'лыся. Но тых бакти'стиу розоһна'лы.* (П. Ерёменко, 98 лет, образование 2 класса; село Власовка Грибановского района). В то же время в результате взаимодействия со смежными южнорусскими говорами и русским литературным языком в украинских говорах, функционирующих на исследуемой территории, активно закрепились лексические русизмы. Это способствовало развитию синонимической системы. Многие из лексических единиц оказались дублетами украинских вариантов.

3. Диалектоносители указывают на свою способность общаться и на русском языке, и на «хахляцком»: *Сва'д'бы оны' та'кжэ' ура'ют', ти'кы у ји'х ни'с'ни спива'ют' на ру'ском языке'* (о русских из соседних сел), *а у на'с на ру'ском и на хахла'цком, а у ји'х нэ получа'ит'ця по-хахля'цком* (с. Макашевка Борисоглебского района). Использование той или иной языковой системы связано прежде всего с коммуникативной ситуацией: «материнский» говор, как правило, используется в ситуации «свой – свой» («хохол – хохол»), русский язык – в ситуации «свой – чужой» («хохол – русский»), при общении с незнакомыми или с людьми, не владеющими украинским говором, вся сфера письменной коммуникации обслуживается русским языком и др. Переход с одной системы на другую требует адекватного переключения кодов, что

обуславливает интерференционные процессы. В то же время формируется возрастной континуум компетенции – стратификация языкового сообщества по уровню владения языком, тесно связанная с возрастом.

4. Языковая интерференция обуславливает проблему этнического определения и самоопределения жителей украинских сел: не образуя самостоятельного этноса, они в одинаковой степени могут претендовать на статус как русского, так и украинского субэтноса (Б. Н. Проценко). Информанты осознают особенность языкового континуума; называют себя, как правило, «хохлами» (в отличие от русских, т.е. «москалей»): *Скризь оны хохлы' роскы'дани. Як жылы, но мы цёно нэ ба'чили.* (с. Власовка Грибановского района). В то же время диалектоносители исследуемых говоров указывают на свое отличие от украинцев: *Шо'кало, шо'кал, дет Шо'кало. Ну, он украинец был и, наве'рна, и'с'тинный, так сказать, бли'жэ Украине. Мы ужэ хахлы', так сказать, смес' русских с украинцами, а то, ви'дима, он бо'л'ше.* (с. Власовка Грибановского района).

Таким образом, в системе украинских говоров, представленных на территории Воронежской области, сохраняются многие архаичные признаки, присущие украинским диалектам, и появляется ряд инноваций, связанных с влиянием русского литературного языка и южнорусского диалектного окружения. Языковой континуум обозначенного локуса есть уникальная языковая система взаимовлияний и взаимопроникновения, обусловленная интенсивным процессом интерференции.

© Людмила Владимировна Табаченко
(Ростов-на-Дону)

МУТАЦИОННЫЕ ПРИСТАВОЧНЫЕ ПОЗИЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПОЛУЧИТЬ, ПРИОБРЕСТИ' В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование истории формирования мутационных словообразовательных типов (далее СТ) актуально не только для исторического словообразования русского языка, но и в когнитивном аспекте: «кристаллизация» тех или иных когнитивных структур и оформление их в качестве словообразовательных типов несут важную информацию об особенностях национальной языковой картины мира.

Особый интерес вызывает история приставочных дериватов стальных позиционных глаголов (*стоять, сидеть, лежать*), т.к. у них нет «естественной» предельности и результативности и они имеют большой потенциал для появления «незапланированных» результативности и объектности, источником

которых являются ситуации, сопутствующие ситуации, маркированной глагольной основой.

Предлагаемая статья выполнена на материале памятников письменности и данных различных словарей – исторических, диалектных, современного русского языка – и посвящена анализу мутационных приставочных дериватов позиционных глаголов со значением ‘получить, приобрести’, что еще не становилось объектом диахронического исследования.

В истории русского языка следует выделять два слоя приставочных позиционных глаголов. Во-первых, это реликты древних словообразовательных типов с пространственными приставками – глаголы-исключения несовершенного вида: *отстоять от города, восседать, возлежать на чем-л.*, а также вышедшие из употребления *обстояти, обшдѣти, облежати что-л.; пристояти, причдѣти, прилежати чему-л.* и др. Многие из них сохранились только в производных значениях, разившихся на основе исходного пространственного, – *обстоять, надлежать, предстоять* и др.

Во-вторых, это приставочные глаголы совершенного вида, образованные по относительно новым модификационным и мутационным словообразовательным типам: *отстоять (идеалы; вахту; ноги; воду), простоять (до утра), отлежать (бок), належать (пролежни)* и т.п. Модификационные типы деривации, связанные со способами глагольного действия, детально описаны и в синхронии, и в диахронии, а изучение мутационной деривации только начинается.

Результативность омонимичных пространственным мутационных дериватов, как правило, связана с семантическим усложнением субъекта и формированием полиситуативного комплекса, в котором источник объектности и результативности находится в смежной ситуации (*отсидеть ногу, мухи засидели зеркало* и др.) (о полиситуативности глагольной семантики см. [Лебедева 2010]). При мутации приставочный глагол в качестве ядерной называет совершенно иную глагольную ситуацию, связанную не с исходной основой (маркированной ситуацией), а с другим классом глагольных номинаций, например, «получить», «пропустить», «растратить» и др. В результате словообразовательной мутации «создается сложная номинация, не только называющая новую ситуацию, но и выражающая связь между ней и исходным действием, которое в большинстве случаев выступает либо ее причиной (*проспать остановку, выслужить повышение*), либо способом достижения...» [Петрухина 2000, с. 118–119].

Одной из таких номинаций является номинация получения, приобретения, реализующаяся в нескольких группах приставочных дериватов позиционных глаголов.

1. Дериваты с приставкой *вы-*

Эта номинация непосредственно основана на понятиях цели и результата исходной деятельности. Одним из основных СТ, выражающих эту номинацию, является СТ с префиксом *вы-* «добыть, получить, найти что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом» [Русская грамматика 1980, т. 1,

с. 359] (подробно о формировании этого СТ см. [Табаченко 2005]). Этот СТ сформировался на основе СТ «удалить(ся), выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом» [Русская грамматика 1980, т. 1, с. 358].

Основным механизмом трансформации в мутационные дериватов с пространственным экзоцентрическим значением явились наличие субъектного целеполагания и актуализация контекстом семы 'получить'. Многие каузативные глаголы движения и физического действия с приставкой *вы-*, функционировавшие уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности (*выволочити, выводити / вывести, вывозити вывезти, выгрести, выдрати, вымати / вынимати / выняти, выкльвати, выносити / вынести* и др. – см. СлДРЯ XI–XIV вв., т. 2; СлРЯ XI–XVII вв., вып. 3), могли в определенных контекстах реализовывать значение 'получить', если физическое действие с объектом или каузация его движения были направлены на извлечение объекта для дальнейшего владения им субъектом (например, глагол *выдрати*, имеющий общее значение экзоцентрического каузативного действия 'с силой вырвать', в определенных контекстах, реализующих результативно-целевую перспективу субъекта, это делающего (вырвать, чтобы забрать), мог иметь значение 'получить воровством, выкрасть' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 3). С другой стороны, глагол *выкрасти* ситуацию добывания, получения объекта мог обозначать уже и без опоры на контекст, непосредственно основой, обозначающей действия по изъятию откуда-то объектов и, что важно, присвоение их субъектом. Именно в таких приставочных глаголах происходило семантическое «заражение» приставки от основы, и она начинала обозначать не только извлечение, но и добывание, получение во владение. По-видимому, этот глагол был одним из первых глаголов-образцов нового СТ, в котором номинация получения становилась основной, а не сопутствующей экзоцентрическому каузативному действию.

В древнерусских памятниках письменности отмечены и отвлеченные глаголы этого СТ: *выкупити* 'получить за плату, выкупить', *выискывати* 'добиваться чего-л.', *вымолити* 'вымолить, выпросить', *вильстити* 'получить обманом, хитростью' (ср. др.-р. *льстити* 'хитрить, обманывать, лгать'). Если в первых трех глаголах именно основы содержат определенное указание на целевую перспективу владения объектом (*купить* – 'получить во владение за деньги', др.-р. *искати* 'стремиться к чему-л., взыскивать, домогаться', др.-р. *молити* – 'просить что-л., умолять о чем-л.') и сообщают это значение всему приставочному образованию, то в семантике основы последнего глагола (*вильстити*) эта целевая перспектива (хитрить, обманывать, чтобы что-то получить) менее явна, значение получения имеет не основа, а приставка. К этому типу можно отнести и древнерусские глаголы *выс^ѣдѣ^{ти}* в специализированном значении 'вывести (птенцов), сидя на яйцах' и *выстояти* – тоже в специализированном значении 'освободить, отстоять кого-л.' (см. ниже).

В старорусский период указанный СТ продолжает пополняться глаголами конкретного действия, в которых приставка *вы-*, сохраняя пространственное значение направления изнутри наружу, в сочетании с каузативными основами приобретала значение 'получение': *вымывати* 'добывать промывкой (медь)'; *выварити* 'добыть, изготовить посредством варки, кипячения'; *выбить* 'отбить, отнять силой'; *вывеивати* 'получать вывеиванием' и др. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 3). В семантической структуре этих глаголов совмещаются семы 'извлечение' и 'получение'. Хотя первичным у приставки этих глаголов является экзоцентрическое значение, но, по-видимому, из-за специфики обозначаемых действий в этом общем значении без актуализации семы 'получить', они не употреблялись.

Появляется также целый ряд отвлеченных глаголов этого СТ: а) 'выпросить' (*выбожити, выпросити*); б) 'добыть хитростью' (*выбаламутити, вылгати/вылыгати, выманивати*); в) 'получить в результате насилия' (*вымучити*); г) 'заработать' (*выработати*); д) 'приобрести в результате какой-л. деятельности' (*выиграти*). Появление этих приставочных дериватов, в которых приставка уже не имеет значения 'извлечение', свидетельствует о том, что в старорусский период завершается формирование мутационного СТ глаголов с приставкой *вы-* «добыть, получить, найти что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом», который на первом этапе развивался в рамках СТ «удалить(ся), выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом» в результате включения в глагольную номинацию результативно-целевой перспективы, ориентированной на субъект действия.

Этот словообразовательный тип продолжал пополняться и в XVIII в.: *выбалагурить* простореч. 'балагуря, выманить что-л.', *выбарышничать* 'торгуясь, добиться уступки; выторговать', *выбѣзати* 'беганием или бегом на лошади получить, приобрести что-л.', *выговорить* 'оговорить что-л. в свою пользу при договоре, сделке', *выгадать* 'получить, приобрести путем расчета' и др. (см. СлРЯ XVIII в., вып. 4–5). Этот словообразовательный тип проявляет продуктивность и в современном русском языке, о чем свидетельствуют окказионализмы: *Это рысьи глаза твои, Азия, Что-то высмотрели во мне, Что-то выдразнили подспудное* (Ахм.); *Дай выстрадать стихотворенье! Дай вышагать его!* (Самойл.) (анализ этих окказионализмов Самойлова см.: [Кронгауз 1998, с. 20–22]); *выношенная, выболенная душой и разумом концепция* (Нагиб.) [Русская грамматика 1980, т. 1, с. 359].

Что касается дериватов позиционных глаголов, то первую фиксацию глагола *выстояти* – в Ипатьевской летописи (ок. 1425 г.) в специализированном значении 'освободить, отстоять кого-л.' можно рассматривать как одну из ранних реализаций номинации «добыть, получить»: (1160): *Рогъволодъ же стоя около города • ѡ • не(д)ль. и створи миръ с Ростиславомъ. по своей воли. и выстоя Володию ис поруба. а Брячислава. изъ желѣзъ.* Ипат. лет., 181. Ок. 1425 г.; (1177): *Повелѣ усадити ихъ [Романа, Глеба и др.] в порубь...||...Глѣбъ мртвъ.*

бы(с) июня. въ • ѡ • а Романа сѣа его одва выстояша. Там же, 213 об.–214; (1196): *Абы не стряпа всѣлѣ на коня. а быхомъ снемьшеся. гдѣ любо помьстилѣ обиду и сорома своего. и снѣця своего быхомъ выстояли.* Там же, 239. В первом примере это результат «стояния», т.е. осады, во втором и третьем в качестве производящего использован ЛСВ ‘заступаться, защищать’. В значении ‘настоять на своем, защитить свое мнение’ *выстоять* употребляется в русских народных говорах: *Сколь не рядилась, а хозяин выстоял на своем. Выстоял-таки, вышло по его.* Вят., 1907. (СРНГ, вып. 6, с. 33), что объясняется большей вариативностью префиксов в диалектах и мутационным значением ‘получить, добыть’ приставки *вы-*.

Это самое древнее мутационное значение данного приставочного глагола, другие значения появляются позже: ‘добиться сдачи путем длительной осады (стояния)’ (результативный перфектив глагола *стояти* в значении ‘осаждать’) – со второй половины XVI в. (с этим значением связано и отглагольное существительное *выстояние* ‘долгое стояние возле осажденного пункта, осада’). В общем значении ‘получить’ *выстоять*, как и *вылежать*, фиксируется только в XIX в.: *выстоять* ‘долгим стоянием добыть’: *Нищий выстоял у церкви полтину.* (Слов. Акад. 1847, т. 1, с. 230, 231).

На наш взгляд, у глагола *выстоять* это значение в качестве потенциального сохраняется и в современном русском языке: *выстоять зарплату, мысль, решение*, хотя СРЯ это значение не фиксирует, а в ССРЛЯ ЛСВ ‘добиваться чего, зарабатывать что-л. упорным стояньем’ отмечается как просторечный.

Первая фиксация глагола *высидеть* (*высѣдѣти*) относится к XIV в. с неясным значением (как отмечается в СлДРЯ XI–XIV вв.), скорее всего, ‘вывести (птенцов), сидя на яйцах’: *алконостъ яйца своя въ глубину кладесть. сама верху воды насѣдитъ... сапларь со птенци пса высѣдѣвъ по днѣхъ изъ ѣсть. ехидну ча(д) умаряють.* МПр XIV, 32–32 об. СлДРЯ XI–XIV вв., т. 2, 258. Таким образом, глагол *высѣдѣти* тоже был одним из первых, образованных в рамках мутационного СТ «добыть, получить, найти что-л. посредством действия, названного мотивирующим глаголом». В отличие от глаголов *насидеть, засидеть* (*яйца*), объект глагола *высидеть* – не яйца, а птенцы. Результативность приставки у этого глагола (как и у глагола *вывести*) на когнитивном уровне связана с семантическим усложнением субъекта (включением его физиологической стороны и целевого аспекта на уровне инстинкта: птица сидит на яйцах, чтобы вывести птенцов), в объект трансформируется элемент каузируемой сидением на яйцах ситуации, причем, поскольку «объект не существует до действия, а вычленяется из него в результате этого действия (объект-результатив)» [Лебедева 2010, с. 173], его можно отнести к включенным объектам.

В XVII в. глагол *высидѣти* имел также значение ‘приготовить посредством перегонки вино; выкурить’ как результативный перфектив глагола *сидеть* в значении ‘изготавливать путем перегонки и отстаивания (вино, водку,

масло и т. п.)’, этот ЛСВ тоже можно считать спецификацией мутационного СТ «получить, найти, добыть что-л. посредством действия, названного мотивирующим словом». (Добавим здесь, что значение ‘приготовить посредством перегонки’ мог иметь и глагол *изсидѣти*: *Да пожалуи гѣдрь изволь прислатъ к нам в мѣстръ анисцу вотки изсидѣти ради твоего гѣдрь к нам приѣзду*. А. Ивер. м., Гр. старца архимандриту 1682–1692 гг. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 307). В Слов. Акад. 1847 *изсидѣти* стар. ‘высидеть, добыть сидкою’ (Слов. Акад. 1847, т. 2, с. 123) отмечается как архаизм, в словаре Даля фиксируется *изсиживать/изсидеть* (вина, дегтю) ‘высиживать, выкуривать’. (Даль, т. 2, с. 35). Хотя по семантике он приближается к мутационным дериватам номинации «добыть, получить» (*высидеть, насидеть*), но приставка *из-* в процессе дальнейшего развития не участвовала в образовании мутационных глагольных дериватов.)

Общее значение ‘добывать сидением что-л.’ у глагола *высидѣть* отмечается с XIX в.: *Долго сидѣлъ, да мало (да ничего) не высидѣлъ*. (Даль, т. 1, с. 313). *высидеть* (прост., шутол.) ‘путем долгой усидчивой работы, долгих размышлений, занятий написать, сочинить что-л., прийти к чему-л.’: *Помещик, очевидно, говорил свою собственную мысль, --- которую он высидел в своем деревенском уединении*. Л. Толстой, Анна Каренина. (СРЯ, т. 1, с. 279). На наш взгляд, в современном русском языке значение глагола *высидеть* шире: не только ‘написать, сочинить что-л.’, а в целом – ‘получить что-л. путем «сидения»’, на что указывает, например, Н. Б. Лебедева, приводя пример *Иван высидел разрешение* в ряду подобных – *выстрадал поэму, диссертацию, свою любовь, выплакал мороженое* и др.

Глагол *вылежать* в значении ‘добывать что леж или лежкой, ничего не делая’ (*Онъ вылежалъ на боку награду*. (Слов. Акад. 1847, т. 1, с. 209); *Лежалъ въ засадѣ, да ничего не вылежалъ*. (Даль, т. 1, с. 297)) фиксируется в XIX в.. Хотя словари современного русского языка соответствующее значение глагола *вылежать* не дают, на наш взгляд, оно в качестве потенциального сохраняется и в современном русском языке (*вылежал награду, мысль, решение*).

Мотивирующие глаголы для дериватов *выстоять (решение)*, *высидеть (диссертацию)*, *вылежать (мысль)* Н. Б. Лебедева относит к группе глаголов внутреннего объекта, в качестве которого выступает косвенный, вторичный объект действия (объект-адресат), становящийся дополнением производного префиксального глагола: *сидеть над сочинением* → *высидеть сочинение*, *стоять в очереди за ковром* → *выстоять ковер* [Лебедева 2010, с. 173]. Это связано с тем, что одушевленный субъект всегда потенциально активен и задействован «в одновременных (параллельных) событиях, оказываясь участником нескольких ситуаций в **социальном** пространстве: субъект стоит/сидит/лежит/спит/мечтает/молчит и т. д. и в то же время ждет поезда, учится в школе и, следовательно, должен быть на занятиях, участвует в конкурсе на лучшего “решателя кроссвордов” и т. д. <...> **ВЫСТОЯТЬ, ВЫСИДЕТЬ разрешение (СТОЯТЬ/СИДЕТЬ, тем самым ДОБИВАЯСЬ разрешения)**,

ВЫСИДЕТЬ диссертацию (СИДЕТЬ и ПИСАТЬ диссертацию)» [Там же, с. 174]. При когнитивном анализе ситуатемы, обозначаемой этими глаголами, Н. Б. Лебедева указывает, что «субъектно целеполагающей и реализованной пропозицией в этой структуре выступает дополнительная, немаркированная пропозиция – *добиваться чего-то*, – имеющая объектный компонент, а основная, маркированная пропозиция – *сидеть, страдать, плакать* – является потенциальной и не-СЦ (субъектно целеполагающей. – Л. Т.), безобъектной, но она втягивается в целевой компонент дополнительной пропозиции в качестве средства, способа. Две пропозиции связаны отношениями цели (=чтобы)» [Там же, с. 54].

Таким образом, в рамках мутационного СТ «добыть, получить, найти что-л. посредством действия, названного мотивирующим глаголом» у позиционных глаголов с приставкой *вы-* реализуются соответствующие значения, в частности у глагола *высидеть*, кроме общего значения ‘добывать сидением что-л.’, имелись более частные ‘сидя на яйцах, вывести птенцов’, ‘приготовить посредством перегонки вино; выкурить’.

2. Дериваты с приставкой *до-*

К номинации «добыть, получить» можно отнести и *досѣдѣти, достояти*, которые обычно рассматривают как общерезультативные, поскольку приставка *до-* в древнерусском языке широко употреблялась в качестве результативной в составе многих дериватов, например: *добыти, добити (челом), дождьдати, домыслити* ‘представить себе’, *договорити* ‘прийти к соглашению’ [Сигалов 1975, с. 35–37], а также в глаголах *дозрѣти* ‘увидеть, обнаружить’, *доискати* ‘добыть’, *докладати* ‘извещать’, *доконьчати* ‘закончить, завершить’, *доличити* ‘уличить’, *допитати* ‘вырастить, воспитать’, *дорасти* ‘достичь зрелого возраста’, *доскърбляти* ‘оскорблять, обижать’, *дослати* ‘послать к кому-л.’, *досъмотрити* ‘рассмотреть, рассудить, разобрать’, *досътворити* ‘совершить, исполнить, сделать’, *дочитати* ‘прочитать’ и др. глаголы (см. СлДРЯ XI–XIV вв., т. 3). Чисторезультативное значение у приставки *до-* со временем исчезает, сохраняясь только при деэтимологизации: *добыть, досмотреть (багаж), докладывать/доложить* ‘официально сообщить о чем-л.’.

В сочетании с основами позиционных глаголов результативная приставка *до-* имела семантический оттенок ‘добыть, получить’: (1151): *И поча... молвити: Се, брат<ь>е, стоимы сде. Чего стоимы сде? Но ловимъ у них того, како бы ни взяти бродъ Зарубьскыи и переити на ону сторону.* Ипат. лет., 425. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 339). Здесь в приставке *до-* совмещаются общая идея «достижимости» (на это указывает форма родительного беспредложного со значением объекта достижения) и результативность (в контексте – «антирезультативность»: риторический вопрос указывает на большую вероятность неполучения в этом месте нужного результата). На первый план выступает результат действия, а не его конец, завершение, поэтому можно говорить об отсутствии в этом примере временного (завершительно-ограничительного) компонента в значении приставки.

Глагол *досѣдѣти* в памятниках древнерусского языка зафиксирован один раз в Лаврентьевской летописи в результативном значении ‘добиться чего-л. ожиданием, высидеть’ с формой прямого объекта в винительном беспредложном падеже: (946): *И стоя Ольга лѣто (и) не можаше взяти града и умысли сице. посла ко граду глѣци. что хочете досѣдѣти а вси гради ваши предашася мнѣ*. Лавр. лет., 16 об. 1377 г. (в переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, однако, использован конфиксальный глагол *досидеться* ‘сидением (в осаде) доводить себя до каких-л. последствий’: «До чего хотите досидеться?»).

В анализируемых глаголах результативность слита с достигательным генетико-прототипическим значением, событие, ограничивающее процесс стояния (временной предел), мыслится и как результат: «Непереходные, т. е. безобъектные, глаголы, не имея эксплицитной, грамматической, направленности на объект, имеют имплицитную направленность на какую-то часть субъекта – психологическую, ментальную, физиологическую, социальную – или же на комплекс этих компонентов, становящихся пациенсом процесса, совершаемого самим субъектом» [Лебедева 2010, с. 167]. Результатом мыслятся ожидания, цели субъекта, которые он добывает, получает, поэтому эти глаголы можно отнести и к соответствующей номинации. Позже эта семантика ляжет в основу значения другого СТ – с конфиксом *до-...-ся*: «добиться чего-л., достигнуть какой-л. цели в результате интенсивного или длительного действия, названного мотивирующим словом (*добудиться, додуматься, дождаться*)».

3. Дериваты с приставкой *за-*

В русских народных говорах отмечен приставочный дериват *застоять* ‘заработать, сдавая квартиру постояльцам’, образованный в результате словообразовательной мутации по СТ «добыть, получить что-л. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *Двести тридцать рублей я с них застояла, платили мне, жили* (о трактористах). Ряз., 1969. (СРНГ, вып. 11, с. 65). В отличие от других мутационных дериватов номинации «добыть, получить, приобрести, заработать», где действие, с помощью которого это осуществляется, относится к субъекту (*выстоять что-л., изсидеть водки, заработать, заслужить*), основа анализируемого глагола *застоять* обозначает действие («стояние», постой), с помощью которого получают деньги, которое относится к объекту («стоят», т. е. находятся на постое одни (объект), а деньги за это получает субъект).

4. Дериваты с приставкой *на-*

Мутационные значения позиционных глаголов с приставкой *на-* развились на базе результативного и реализуются в рамках результативно-накопительного СТ (подробнее о формировании этого СТ см. [Табаченко 2012]). Этот СТ мы считаем мутационным, поскольку он обозначает новую ситуацию («приобрести», «получить»), связанную, например, со «стоянием» отношениями цели (причины) и следствия или способа и результата. Если субъект обладает признаком одушевленности, в нем актуализируются признаки живого (в субъекте-лице – ментального и социального, с целевой установкой), то его

деятельность имеет определенные последствия, а результатом становится объект из смежной с «сидением» и «стоянием» ситуации.

4.1. С XVI в. в деловых памятниках письменности начинает употребляться глагол *настояти* со значением ‘находясь на государственной военной службе по найму общины, выслужить какую-то сумму наемных денег (которая является долгом общины по отношению к нанятому лицу)’: *Язь сотникъ... взялъ есми розрубъ... въ боярские розходы... да и въ перестой ратныхъ казаковъ, что настояли у морской у пристани.* АХУ Ш (Лодом.), 104. 1584 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 274). Это мутационное значение ‘выслужить какую-то сумму денег’ фиксируется и словарем Даля: *Поденицики настояли или ими настояно 170 дней, за столько дней им следует плата.* (Даль, т. 2, с. 474).

В XIX в. в рамках СТ «накопить(ся) в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» у глагола *настаивать/настоять* появляется новое мутационное значение ‘выстаивать, стоять до каких-л. последствий’ (*настоять комаров* стоять до приманки их; *Настояли противного вѣтру*, о суднѣ, которое долго дождалось чего, стояло). (Даль, т. 2, с. 474).

4.2. Мутационные значения глагола *насидѣти*, появившиеся в старорусский период, также развились в рамках СТ «накопить(ся) в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». В XVII в. развиваются ЛСВ ‘сидением в тюрьме, в оковах довести до какого-л. размера сумму, подлежащую уплате в качестве пошлины судебным властям’ и ‘наготовить перегонкой, сбраживанием’: *Вина насидѣли ѿ ведръ.* Переп. частн. лиц, 231. XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 244). В этих значениях *насидѣти* является переходным и перфективным. В XVIII в. у *насидѣть*, кроме значения ‘сидеть на яйцах, высиживать птенцов’, сохраняется результативное значение ‘наготовить перегонкой, сбраживанием’. В XIX в., кроме этих значений, у *насиживать/насидѣть* развиваются новые мутационные значения в рамках накопительного СТ – ‘получать расстройство в теле, или повреждать здоровье от долговременного сиденья’: *Многие, сидя пристально и долго за работою, насиживают болѣзненные припадки.* (Слов. Акад. 1847, т. 2, с. 403); *насидѣть геморой.* (Даль, т. 2, с. 468). Как реализацию этого же словообразовательного типа можно рассматривать и значения ‘приобретать, наживать, сидя на месте, сиденьем’, ‘нажить долги, убыток’ (например, сидя в кабаке, целовальником).

В современном русском языке у глагола *насиживать/насидеть* сохранилось два мутационных значения с общей семантикой получения, приобретения: ‘сидя на одном месте, живя дома, приобрести, нажить что-л.’ – просторечное; ‘изготовить какое-л. количество чего-н. посредством перегонки’ – областное, только перфективная форма. (ССРЛЯ, т. 7, с. 490). Во всех значениях *насиживать/насидеть* является переходным.

В «Словаре русских народных говоров» *насиживать/наседеть* отмечается также в значении ‘растрачивать, терять и т. п. казенные или общественные деньги, имущество’: *Говорят, Нюрка-то насидела, топерича судить будут.* Волог. Сев.-Двин. *Старостá насиживают – кой двести (рублей), кой триста.* Моск. (Там же). Однако мы считаем, что этот мутационный дериват реализует не номинацию «растратить», а номинацию «получить, приобрести», в данном случае обманным путем, воровством, что приводит к растрате казенных или общественных денег.

4.3. Глагол *належать* в текстах XVIII в. фиксируется в новом значении ‘от долгого лежания отлежать какую-л. часть тела, получить пролежни’: *Пролежни себѣ належать.* Ад. I 134. (СлРЯ XVIII в., вып. 13, с. 227), причем СлРЯ XVIII в. дает его как омоним глаголу *належать*¹ в пространственном и связанных с ним производных значениях. Этот мутационный дериват – глагол перфективный и переходный в отличие от *належать*¹. Объектом являются или части тела (*належать бок*), или болезненные явления в частях тела (*належать пролежни*). Хотя все словари дают эти два случая в одном значении, мы считаем их разными реализациями мутационной деривации. В сочетании *належать пролежни* семантика глагола развивается в рамках накопительного СТ (номинация «приобрести, получить»), а в сочетании *належать бок* реализуется номинация изменения объекта в результате действия, называемого производящим глаголом. Появление этих мутационных дериватов связано с расщеплением субъекта на несколько сторон, в данном случае источником объектности является его физиологическая сторона.

В XIX в.: *Належалъ себѣ пролежни*, причем отмечается и имперфективная пара – *належивать. Належень м. пск. твр.* – ‘пролежень или опухоль от лежки’ (Даль, т. 2, с. 432). В современном русском языке глагол *належать* сохранился в мутационном значении ‘от долгого лежания получить (пролежни, красноту и т. п. на какой-л. части тела); отлежать себе какую-н. часть тела’, в котором он имеет разговорную стилистическую окраску. (ССРЛЯ, т. 7, с. 300).

Таким образом, в рамках результативно-накопительного СТ развиваются мутационные значения для обозначения новой ядерной ситуации («приобрести, получить»), связанной с «сидением» и «стоянием» отношениями цели, или причины и следствия, или способа и результата, что мы рассматриваем как мутационный тип деривации.

Условием появления новых мутационных значений была полиситуативность приставочных позиционных глаголов. Источником их переходности и результативности было наличие объекта и результата в смежных со «стоянием», «сидением», «лежанием» ситуациях из других планов. В этих случаях субъект обладает признаком одушевленности, в нем актуализируются признаки живого (в субъекте-лице – ментального и социального, с целевой установкой или причинно-следственными связями), его деятельность имеет определенные последствия.

Литература

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998.

Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I.

Сигалов П. С. История глаголов комплетивного способа действия в русском языке // Труды по русской и славянской филологии. XXV. – Тарту, 1975а. (Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т. Серия лингвистич. Вып. 375). – С. 22–40.

Табаченко Л. В. К истории формирования мутационных типов деривации // Язык как система и деятельность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию проф. Ю.А. Гвоздарева. – Ростов н/Д: ООО «Сигма», 2005. – С. 106–109.

Табаченко Л. В. *На-приставочные позиционные глаголы в мутационном значении ‘приобрести, получить’*: диахронический аспект // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы II Междунар. науч. конф. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 255–260.

Сокращения словарей

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I – IV. – М.: Русский язык, 1978.

СлДРЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 1–8. – М.: Русский язык, 1988–2008.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–29. – М.: Наука, 1975–2011.

СлРЯ XVIII вв. – Словарь русского языка XVIII вв. – Вып. 1–18. – СПб. (Л.): Наука, 1984–2011.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отдѣленіемъ императорской Академіи наукъ: В 3-х т. – СПб., 1847.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–43. – СПб. (Л.), 1965–2010.

СРЯ – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1–4. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

ССРЛЯ – Словарь совр. рус. лит. языка. – Т. 1–17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ПРАВЯЩИЙ ДОМ ФЕОДОРО В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕНЕАЛОГИЯ И ГЕРАЛЬДИКА.

Именно указание на родственную связь с представителями нескольких династий представляло собой весьма существенный аргумент в легитимации власти. Такое право давало родство по женской линии, поскольку «в Византии было принято брать в качестве патронима имя супруги или предка по матери» (Mallat P. Palaiologos family after 1453: the destiny of an imperial family // *The Genealogist*. – 1981. – N 2. – P. 151). Поэтому спрос на титулованных принцесс на закате Византии неудивителен. Отметим, что он распространялся и на мангупских княжон. У них были достойные женихи; можно назвать брак Марии, дочери ауфента Алексея, с трапезундским наследником престола Давидом Комнином в 1426 (или 1429) гг., брак Марии, сестры ауфента Исаака, со Стефаном III Великим в 1472 г. (причем Густынская летопись называет ее «второй сестрой» Софьи Палеолог, чей брак с Иваном III состоялся в том же году); наконец, готовившийся брак сына Ивана III с дочерью Исаака. Престижный патроним сохранялся по женской линии, тогда как супруг «госпожи», «княгини» называл себя просто по имени. Став практически независимыми владетелями, ауфентами, Гаврасы отказываются от употребления собственной фамилии, ограничиваясь эмблемой двуглавого орла. Именно это, на наш взгляд, объясняет отсутствие фамилии Гаврас на протяжении двухсотлетнего существования Феодоро. Представители дома, оказавшись за пределами своего княжества, вновь именуют себя прежней фамилией. Так Стефан Васильевич, «из Судака, Мангупа, да из Кафы», покинув родину, является к московскому двору под именем Ховра. Другой Гавра, Константин, сопровождавший Софью Палеолог в Москву в качестве ее родственника (то есть Палеолога), здесь вновь обретает родовое имя. Став подвижником и святым, он помнит, однако, о своем праве на двуглавца и оставляет эту высеченную в камне эмблему в стене церкви монастыря, где скончался. Есть и другие примеры, пока не привлекавшие внимания.

1. Краткий, но блестящий расцвет княжества Феодоро (Юго-западный горный Крым, окрестности Херсонеса-Херсона) приходится на XIV–XV вв. Несмотря на скудость фактов и артефактов его роль в восточноевропейской политике и духовной жизни того времени представляется весьма значительной. Преемственность с Византией прослеживается в геральдике и генеалогии, существенно дополняющей краткие сообщения генозских, турецких и русских источников. Княжество, претендовавшее на византийское наследие, участник антиосманской коалиции причерноморских держав, пало в 1475 году, после почти полугодовой турецкой осады, на 22 года позднее Константинополя.

2. О его месте в Восточной Европе свидетельствуют династические связи с Трапезундской империей, с Молдавией, Русью и др. Но особенно интригует исследователей появление на его строительных надписях в нач. XV века эмблемы двуглавого орла.ⁱ

3. Происхождение правящего дома князей Феодоро, именовавших себя αὐθέντου πόλεως Θεοδώρου καὶ παραθαλασσίας (владелец (ауфент) города Феодоро и Поморья) известно фрагментарно. Имеющиеся сведения образуют причудливую мозаику, в которой много лакун. Однако сведения прибавляются, и о них пойдет речь впереди.

4. Хотя для окончательного вывода материала недостаточно, уже с середины прошлого столетия не утихает острая дискуссия, суть которой сводится к вопросу: была ли это крымская ветвь армяно-византийского знатного семейства Гаврасов, или непосредственно отпрыски Комнинов и Палеологов? Первую точку зрения поддерживали Ф. А. Браун, А. А. Васильев, Н. В. Малицкий, Н. Банеску, А. Брайер, Х. Ф. Байер, А. Пиппиди, Р. М. Бартикян и др. В пользу второй высказывались румынские историки, прежде всего, Йорга, М. Банеску, в наши дни – С. Горovej, М. Шекели и др. В последнее время первая точка зрения подвергается особенно активным нападкам на основании отсутствия упоминаний фамилии Гаврас в письменных документах и эпиграфике Феодоро (Степаненко В. П.). При этом не принимаются во внимание доводы косвенного порядка, как и особенности менталитета эпохи в области геральдики и генеалогии. Уместно напомнить слова французского историка Мишеля Балара: «Небольшое княжество (сеньория) Феодоро-Мангуп, которое возникло во 2-й пол. XIV века в неприступном месте Готии, отличалось преданностью православию (ортодоксии) и императорской власти. Потомки несомненно византийского топарха, суверены Феодоро породнились с Палеологами и заключали брачные союзы с воеводами Молдавии»ⁱⁱ.

5. Представляется, что следует пока воздержаться от окончательного ответа на этот вопрос и уделить внимание новой информации, полученной историками и археологами. Это введенные румынскими историками факты, связанные с родословием Марии Асанины Палеологини, княжны Мангупской, ставшей женой господаря Молдавии Стефана Великого. Предметом тщательного анализа стали два артефакта с ее подписью – «Мария Асанина Палеологиня, господарыня Молдовлахии», – на иконе, подаренной монастырю Григориат на Афоне, и в виде монограмм и символов обеих византийских фамилий, вышитых на погребальном покрове, хранящемся в румынском монастыре Путнаⁱⁱⁱ. Далее, к этому добавились 1) Поминальная книга из монастыря Быстрица, где названы имена ее родителей и ближайших родственников; 2) их частичное подтверждение в ходе недавней расшифровки монограмм Херсонской плиты, найденной еще Палласом в конце 18 века, известной по рисунку Дюбуа де Монпере и отнесенной к памятникам феодоритской эпиграфики XV в.

За ее расшифровку принимались еще в 1930-е годы: назовем французского византиниста Милле и русского историка А. В. Соловьева,

которые предложили прочтение первой монограммы – Исаак, второй – Мануил, третье имя оставалось неясным. Его расшифровку дали в последнее время румынский византинист Стефан Горovej и почти одновременно – М. Чореф, в их прочтении это имя звучит как Мелхиседек.

В исследовании, посвященном происхождению Марии Мангупской, второй супруги Стефана Великого, господаря Молдавии, Стефан Горovej оспаривает гипотезу, согласно которой отцом Марии является Иоанн из Хазарии и что этот персонаж идентичен Олубею из Феодоро-Мангупа. В Поминальной книге молдавского монастыря Быстрица в разделе с примечанием: «Те, что из Мангупа» приведены следующие имена: Мануил и его госпожа Анна, Авраам, Анна, Исаак, Иаков, Мелхиседек и Давид. Следует отметить, что имена Иоанна и Марии – предполагаемых родителей княгини Марии Мангупской^{iv} – отсутствуют. Невозможно приписать этот пропуск составителям или переписчикам этого монументального труда, считает румынский историк. Далее он отмечает, что Мануил – единственный, кто вписан в Поминальник вместе с супругой Анной, титулуемой княгиня (госпожа – слав.), откуда следует, что и Мануил носил тот же титул суверена (господин). Отсутствие имен Иоанна и Марии и, напротив, наличие имен Мануила и Анны в Поминальнике Быстрицы склоняют к мысли, что эти последние и являются родителями Марии Мангупской. В этом случае в имени Олубей, возможно, следует видеть искаженное греческое Манол–бей.

На вышеупомянутой херсонской плите монограмма с именем Мануил расположена в центре, а монограмма с именами Исаак и Мелхиседек, соответственно, справа и слева. Все три упомянуты в Поминальнике. Исаак известен как правитель Феодоро с 1459 г., его монограмма стоит на центральном месте в надписи из Фуны 1459 г., следовательно, монограммы херсонской плиты относятся к предшествующему времени. Центральная монограмма должна принадлежать старшему правителю – ауфенту Феодоро, которым с 1446 по 1459 гг. был, по всей видимости, Олобей; в таком случае в монограмме отражено его христианское греческое имя^v. Стефан Горovej предложил читать монограммы как своего рода надпись: Мануил, отец Исаака и сын Мелхиседека.^{vi}

6. В качестве предварительной гипотезы выскажем следующее. В дипломатии Византии давно известна практика направлять в русло своей политики местных династов, выдавая за них византийских принцесс. Такой брак давал право на употребление двуглавого орла как указание на родство с императорским домом и вытекавшее отсюда право на византийское наследство. Напомним в связи с этим о византийском обычае – присоединять к своему родовому имени имена предшественников, выбирая наиболее престижные и отбрасывая менее почетные.

Именно указание на родственную связь с представителями нескольких династий представляло собой весьма существенный аргумент в легитимации власти. Такое право давало **родство по женской линии, поскольку «в Византии было принято брать в качестве патронима имя супруги или**

предка по матери»^{vii}. Поэтому спрос на титулованных принцесс на закате Византии неудивителен. Отметим, что он распространялся и на мангупских княжон. У них были достойные женихи; можно назвать брак Марии, дочери ауфента Алексея, с трапезундским наследником престола Давидом Комнином в 1426 (или 1429) гг., брак Марии, сестры ауфента Исаака, со Стефаном III Великим в 1472 г. (причем Густынская летопись называет ее «второй сестрой» Софьи Палеолог, чей брак с Иваном III состоялся в том же году); наконец, готовившийся брак сына Ивана III с дочерью Исаака.

Престижный патроним сохранялся по женской линии, тогда как супруг «госпожи», «княгини» называл себя просто по имени. Став практически независимыми владетелями, ауфентами, Гаврасы отказываются от употребления собственной фамилии, ограничиваясь эмблемой двуглавого орла. Именно это, на наш взгляд, объясняет отсутствие фамилии Гаврас на протяжении двухсотлетнего существования Феодоро. Представители дома, оказавшись за пределами своего княжества, вновь именуют себя прежней фамилией. Так Стефан Васильевич, «из Судака, Мангупа, да из Кафы», покинув родину, является к московскому двору под именем Ховра. Здесь помнят его сестру Анну Васильевну, «княжну Мангупскую», выданную замуж за князя Константина Васильевича Новгородского, бабушку Евдокии, супруги Дмитрия Донского.

В «Редакции Родословной Головиных Н. Ф. Иконникова» содержится следующее сообщение: «Анна Васильевна, отмеченная в летописях (Полное собрание русских летописей», IV, 350; VI, 104; VIII, 53) в 1391 как дочь Мангупского князя Василия»; скончалась около 1381 г. Замужем за удельным Суздальским князем Константином Васильевичем (Рюрикович), умер в 1355 г. Он был дед по матери (жены.-Авт.) вел. князя Дмитрия Донского, что объясняет причину возвышения Головиных в Москве^{viii}

Последнее замечание намекает на родственные связи князей мангупских, ведущих род от Гаврасов-Ховриных, в русских княжествах с XIV века.

Дворачек в польской «Генеалогии» подтверждает, что «князь Константин Суздальский женился на Анне, дочери Василия, князя греческого». Отсюда Стефан Горovej делает вывод, что Евдокия Суздальская (супруга Дмитрия Донского – Авт.) – внучка Анны, княжны Мангупской, и бабушка Марии Мангупской, супруги Стефана господаря Молдавии^{ix}.

Согласно представлениям того времени, борьба за византийское наследство и создание антиосманской коалиции нуждались в легитимации власти. Наглядным свидетельством была геральдическая и генеалогическая преемственность. Отсюда энергичный поиск византийских принцесс-невест, носительниц соответствующих патронимов. Выбор титула и патронима становится еще более произвольным. Характерно, что после брака с Марией Мангупской в титуле Стефана появляется слово «Царь» по славянски, поскольку жена его происходит из «царства» (уже не княжества). В так наз. Молдавско-немецкой хронике сказано: «в 6980 (1472) 14 сентября взял Стефан воевода жену, Марию из Мангупа, христианского царства за Перекопом»^x.

В 1932 г. румынский историк Илие Минеа обратил внимание на сообщение из Густынской летописи, согласно которой жена Ивана III, великого князя московского, знаменитая Зоя-София, дочь Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора, имела «вторую сестру», супругу Стефана господаря Молдавии^{xi}. Действительно, обе называли себя Палеологинями. Но что значит выражение «вторая сестра» – кузина, двоюродная сестра, по крови или по браку?

Здесь следует напомнить, что оба деспота Морей, братья погибшего императора и формально законные наследники престола, имели жен, чей патроним включал имя Асана по материнской линии. Круг родства достаточно ограничен, но именно к нему принадлежит и Мария Мангупская. И хотя все три находятся в родстве с знатным семейством Цамблакон, его патроним отвергнут. Однако одному из них – Иоанну Палеологу Цамблакону уготована крайне важная роль – дипломата и устроителя династических браков. В документах он назван «дядей» (cognate - брат жены, шурин) князя Стефана (в широком смысле родства по женской линии – через Марию) и «кузеном» деспотов Морей^{xii}. Судя по всему, вовсе не случаен тот факт, что Зоя-София Московская и Мария Мангупская вступили в брак почти одновременно, осенью 1472 г., причем первая везла из Рима в Москву в свите в качестве «родственника» (Палеолога по матери(?)) князя Константина Мангупского.

Оба династических брака явились внешним выражением усилий по созданию антиосманской коалиции. Но не только. После того, как Константинополь пал и надежды выживших на крестовый поход против османов таяли, их долгосрочной задачей стало создание «Византии после Византии» в странах, являвшимися ее провинциями, а ныне – очагами византийской культуры и османского сопротивления.*

* концевые сноски см. на с. 248.

© Вера Юрьевна Франчук
(Киев)

СЛЕДЫ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ СЛАВЯН В ДРЕВНЕРУССКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Передвижения древних народов, по мнению исследователей, могли оставить следы в местных названиях. А. И. Соболевский, например, обратил внимание на топоним Саковъ в Переяславском княжестве, зафиксированный древнерусскими летописями. Ученый предполагает, что корень слова можно объяснить из скифского языка, в котором слово сакъ имело значение «охотник»,

«гонщик» (Русско-скифские этюды). На взгляд А. С. Стрижака саками называли скифов персы (Етнoнiмiя Геродотової Скіфії).

Однако неясным остается главное: почему на Руси в XI–XII вв. функционирует название населенного пункта, в составе которого можно выделить древний корень и новый (славянский) суффикс.

Между тем контекст, в котором топоним Саковъ употреблен в «Повести временных лет» и Киевской летописи (всего два случая), свидетельствует о том, что здесь проживали кочевники-половцы, недавно появившиеся на этой территории. Так, под 1101 г.: «Томъ же лѣтъ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимерь, и Давыдь, и Олегъ, Ярославъ, брат ею, на Золотъчи. И прислаша половци слы от всѣх князий ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имь русскыи князи: «Да аще хочете мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день, и разидошася разнo».

Под 1146 г. название населения Сакова конкретизируется: «Изяславъ сѣде Киевѣ, и посла сына своего Мъстислава в Каневъ, веля ему оттолѣ Переяславля добыти. Мъстиславъ же послася на ону сторону к турпѣмъ и къ дружинѣ, веля имь ѣхати к собѣ. Ростиславъ же то слыша, посла къ отцю в Городокъ, прося у него помочи, Дюрги же посла к нему помочь Андрѣя, брата ему; Ростиславъ же остави брата в Переяславли, а самъ гна к Сакову и сгони турпѣ у Днѣпра, и поймавъ ѣ, переведе ѣ Переяславлю». Турпѣ, другие названия этого племени кочевников торки или печенеги, известны под общим названием Черный клобук. В отличие от других тюрко-язычных племен черные клобуки отличались склонностью к дружеским отношениям с соседями-русичами. Нередко они принимали участие в походах под руководством русских князей против воинственных соплеменников, которых летопись обычно именует половцами. Поэтому нет ничего удивительного, что в городе, принадлежавшем дружественным черным клобукам, происходили переговоры половецких предводителей с русскими князьями.

Под 1195 г. отмечен термин засаковци, производный от топонима Саковъ: «В се же лѣто приидоша половци к Гургеву, и стояша около его лѣто все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири я. Половци же приидоша за Рось, гюргевци же выбѣгоша и идоша Киеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, в свое имя нарекъ Святополчъ городъ, и повелѣ епископу Марину съ юргевци сѣсти ту, и засаковцемъ, и прочимъ от инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша половци тощѣ». Единственный пример не позволяет точно определить, о каком населении здесь идет речь.

Параллель со словом юргевци как будто свидетельствует в пользу городского населения, однако префикс за- позволяет предполагать, что в данном случае упоминаются не жители самого Сакова, а скорее население его окрестностей. Топоним Саковъ лежит также в основании прозвища известного киевского боярина Лазоря Саковского. На его неславянское происхождение указывает не только прозвище, но и то, что летопись отмечает участие этого

лица в походах черных клобуков совместно с русскими воинами в качестве их командира. Так, под 1142 г.: «Бьющимъ же ся имъ у Переяславля, и посла Всеволодъ Лазоря Саковьскаго с печенѣги и с вои Вячьслава в помочь».

Таким образом, можно предположить, что оформление названия населенного пункта Саковъ произошло поздно – после появления на территории Древней Руси тюрко-язычных кочевников.

© Андрей Геннадьевич Чередниченко
(Белгород – Коктебель)

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, «КУРГАННАЯ КУЛЬТУРА» И ВЕКТОР МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ В III–II ТЫС. ДО Н. Э.

Очевидно, что успешное развитие гуманитарных наук в эпоху постмодерна тесно связано с развитием диалога между исследователями, работающими в различных отраслях научного знания. Огромен вклад академика О.Н. Трубачева в налаживание такого диалога.

Не менее очевидно, что решение узловых проблем этнокультурной истории возможно только на основе сбалансированного комплексного подхода, при учете данных различных гуманитарных и естественных наук – сравнительно-исторического языкознания, истории, археологии, этнологии, антропологии, палеоботаники, палеозоологии и т.д. [Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. 1988; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984а; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984б; Герценберг Л. Г. 2010; Гимбутас М. 2003; Гимбутас М. 2004; Дьяконов И. М. 1982а; Дьяконов И. М. 1982б; Кузьмина Е. Е. 2002; Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. 1992; Лелеков Л. А. 1982; Сафронов В. А. 1989; Спиридонов Т. 1991; Трубачев О. Н. 1968; Трубачев О. Н. 1976; Трубачев О. Н. 1985; Трубачев О. Н. 1996; Трубачев О. Н. 1997; Трубачев О. Н. 1999; Трубачев О. Н. 2003; Шапошников А. К. 2003; Шапошников А. К. 2004; Шапошников А. К. 2005; Шапошников А. К. 2007а; Шапошников О. К. 2007б; Шапошников А. К. 2009а; Шапошников А. К. 2009б; Шапошников А. К. 2010б; Mallory J. P., Adams D. Q. 2006; West M. L. 2007]. Кроме того, изучение этногенетических процессов ныне немислимо без привлечения результатов изысканий генетиков по установлению ДНК-генеалогии человечества (генеалогии Y-хромосомы и митохондриальной ДНК-генеалогии) [Клѣсов А. А. 2011; Кузьменко Ю. К. 2011; Шапошников А. К. 2010а; Mallory J. P., Adams D. Q. 2006, p. 449–451].

Одной из главных проблем этнокультурной истории является проблема локализации прародины и определения древнейших путей миграций индоевропейцев. Под индоевропейцами подразумевается древний этнос (родоплеменная группа) носителей индоевропейского праязыка (языка) [Одри Ж. 1988]. Бытие индоевропейского этноса зиждилось на базовых семиотических

системах, к которым относятся народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, музыка, изобразительные искусства, орнамент, народная архитектура, прикладные искусства, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, обряды, игры, язык. Благодаря успехам сравнительно-исторического языкознания последних двух столетий, наиболее полно изучены индоевропейский праязык и его диалекты, давшие начало праязыкам групп индоевропейской семьи языков. На основе языковых данных реконструируется также картина мира древних индоевропейцев – ранних земледельцев, добывавших себе пропитание еще и охотой, рыболовством, собирательством и отгонным скотоводством. Для праиндоевропейского социума была характерна пуналуальная семья. А миграции происходили по типу совершения древними италиками ритуала *Ver Sacrum* [Йорданов Ст. 2009, с. 232–251].

Добавим также небольшую ремарку: результаты изучения палеоономастики Северной Европы и материалы археологических изысканий на севере Европейского континента позволяют исключить данный регион из ареала расселения древнейших индоевропейцев [Кабинина Н. В. 2011; Лебедев Г. С. 2005, с. 65–84; Матвеев А. К. 1993; Матвеев А. К. 2001; Матвеев А. К. 2004; Матвеев А. К. 2007]. Финно-угорские народности, не будучи аборигенными обитателями Северной Европы, освоили её намного раньше каких бы то ни было индоевропейцев.

Различные концепции исследователей-индоевропеистов сходятся в том, что пути расселения фил и фратрий носителей индоевропейских диалектов групп *centum* и *satəm* пролегали через Северное Причерноморье. Однако в западной индоевропеистике преобладает точка зрения, согласно которой степи и лесостепи Северного Причерноморья были западной окраиной праиндоевропейского мира, охватывавшего якобы степи и лесостепи Евразии от Приуралья и Поволжья до Причерноморья. Соответственно, с индоевропейцами связывается «курганная культура» (в отечественной науке чаще именуемая древнеямной культурно-исторической общностью), а вектор индоевропейских миграций в III – II тыс. до н.э. определяется осью «восток → запад». Наиболее ярко такое понимание «индоевропейской проблемы» представлено в работах М. Гимбутас и Дж. Мэллори [Гимбутас М. 2004, с. 41 – 65; Мэллори Дж. 1997; Mallory J. P. 1992; Mallory J. P. 2010; Mallory J. P., Adams D. Q. 2006; Witzel M. 2000].

Но исследователи-уралисты обычно включают Западную Сибирь, Приуралье и Прикамье в ареал прародины финно-угорских и самодийских народов [Напольских В. В. 1997, с. 105–198; Хайду П. 1985, с. 138–204]. В финно-угорском праязыке и живых финно-угорских языках имеются лексические заимствования и проникновения не из индоевропейского праязыка, а из оформившихся индоиранских диалектов, восходящих к одному из восточно-индоевропейских («сатэмных») диалектов – диалекту манавов («потомков Ману»), пользуясь древнеиндийской терминологией [Барроу Т. 1976, с. 27 – 33;

Напольских В. В. 2010; Шапошников А. К. 2003, с. 214–217; Шапошников А. К. 2007а, с. 272, 276–281]. Появление этих лексических заимствований и проникновений может быть датировано эпохой не ранее конца II тыс. до н. э., т. е. временем после гибели манафско-хурритского государства Митанни (XVII–XIV вв. до н.э.) на Ближнем Востоке [Вильхельм Г. 1992, с. 21–76; Шапошников А.К. 2003, с. 199–215; Шапошников А.К. 2005; Meyer G. 1976]. Приведём некоторые яркие примеры ранних заимствований в финно-угорские языки из индоарийских и восточноиранских (туранских) диалектов:

фин.-угор. *säptä ‘семь’ восходит к индоар. **sapta-* ‘семь’;

фин.-угор. **s’ata* ‘сто’ ближе к индоар. *çata-*, чем к общеиран. **sata-* ‘сто’;

манс. *sor*, удмурт. *sur* ‘пиво’ восходит к индоар. *suru ‘хмельной напиток’ (ср. др.-инд. *sūra* ‘сома, стекающая с пресса’);

фин.-угор. *mort ‘человек’ происходит из вост.-иран. *martya, **marta-* ‘смертный’;

финн-угор. *vurun ‘шерсть’ происходит из вост.-иран. **vərnə-* ‘шерсть’;

финн-угор. *zarni ‘золото’ происходит из вост.-иран. **zar(a)nya-* ‘золото, желтое’;

гидроним ‘Урал’ восходит к вост.-иран. **uru-[urva]-al* ‘широкая река’.

Но, если бы индоевропейская и финно-угорская прародинны занимали смежные территории, то в уральских языках можно было бы наблюдать лексические заимствования и проникновения из индоевропейского праязыка, а не из обособившихся индоиранских диалектов и языков.

Кроме того, К. Ренфрю, Дж. Мелларт, Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, И. М. Дьяконов справедливо указали, что ареал обитания этноса носителей индоевропейского праязыка следует локализовать не в степях Евразии между Уралом и Черным морем, а в одном из центров возникновения производящей экономики, т.е. в областях ближневосточного «Плодородного полумесяца», в Анатолии, на Армянском нагорье или на Балканах [Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1980; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1981; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984а; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984b; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984с; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1988; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1989; Дьяконов И. М. 1982а; Дьяконов И. М. 1982b; Mellaart J. 1981; Renfrew C. 1989]. Однако датировать эпоху существования индоевропейского праязыка и индоевропейского этноса VI–IV тыс. до н.э. бездоказательно. Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейского праязыка из первобытного языкового континуума (континуума “*banana languages*”, подобного новогвинейскому) до рубежа III–II тыс. до н. э. не обнаружено, хотя этот процесс мог начаться в конце IV – начале III тыс. до н. э. Только с XVIII в. до н. э. появляются письменные памятники индоевропейских языков: старохеттского (неситского) языка, лувийских диалектов в Малой Азии, языка линейного письма А на Крите.

Что касается палеоономастики Балкано-Дунайско-Карпатского региона и Северного Причерноморья, то она, в отличие от палеоономастики Приуралья, имеет преимущественно индоевропейский облик, о чем свидетельствуют данные лингвистической палеонтологии, представленные в т.ч. в трудах О. Н. Трубачева [Георгиев В. 1958; Гиндин Л. А. 1967; Гиндин Л. А. 1981; Дьяконов И. М. 1982а; Дьяконов И. М. 1982b; Напольских В. В. 1997; Топоров В. Н. 1973; Топоров В. Н. 1977; Трубачев О. Н. 1968; Трубачев О. Н. 1976; Трубачев О. Н. 1985; Трубачев О. Н. 1997; Трубачев О. Н. 1999; Трубачев О. Н. 2003; Шапошников А. К. 2003; Шапошников А. К. 2004; Шапошников А. К. 2005; Шапошников А. К. 2007а; Шапошников О. К. 2007b; Шапошников А. К. 2009а; Шапошников А. К. 2009b; Шапошников А. К. 2010b; Шапошников А. К. 2012; Шрамм Г. 1997]. Более того, в ономастике Балканского полуострова, Подунавья и Северного Причерноморья сохранились реликты как «кентумных», так и «сатэмных» индоевропейских диалектов. Данный факт также позволяет усомниться в справедливости гипотез М. Гимбутас и Дж. Мэллори.

Приведём некоторые примеры «кентумных» и «сатэмных» языковых реликтов Балкан и Причерноморья. Так, Стефан Византийский (527–565 гг.) и Евстафий Фессалоникийский (ок. 1110–1198 гг.) сохранили фрагменты «Вифиники» Луция Флавия Арриана (ок. 85–175 гг.), в которых была зафиксирована ранняя традиция о древнейших названиях Фракии – Πέρκη и Ἀρία (Eustath. Thessal. ad Dionys. Per. 322; Steph. Byz. s.v. Θράκη). Вероятно, данные хоронимы поначалу относились только к Эгейской Фракии, т.е. к землям в устье реки Гебр и долине реки Стримон, откуда, по данным Гомеровского эпоса, прибыли во время Троянской войны союзные троянцам фракийцы во главе с Акамантом и Пейросом Имбрасидом и царём Ресом (Apollod. I, 3, 4; Ep. 4, 4; Hom. II, II, 844–845; III, 519–520; X, 430–525).

Название Πέρκη [χώρα] этимологизируется как ‘дубовая [страна]’, или ‘страна [Героя] Перкониса’, и близко македонскому орониму пралатинского («кентумного») облика Κερκίνη ‘дубовые горы’, или ‘Перконовы (Перуновы) горы’, ср. лат. quercus, -us f. ‘дуб’, а также таврический топоним Κερκίτις [Гиндин Л. А. 1981, с. 83–90; Гиндин Л. А. 1993, с. 31–36; Detschew D. 1957, s. 241].

Хороним Ἀρία имеет соответствия в индоевропейских языках, которые восходят к индоевропейским диалектам, относящимся и к группе satəm, и к группе centum. В индоиранских языках – это др.-инд. *Āryāvarta* ‘местопребывание / жилище благородных / знатных / наилучших / ариев’, авест. *Airyānəm vaējah* (ср.-перс. *Ērān-vēj*) ‘арийский простор, арийское распространение’, санскр. *ārya-* ‘благородный, достойный, досточтимый; знатный; арий, представитель одной из трёх высших варн, господин’, санскр. *arya-* ‘благородный, верный, дружественный’, санскр. *ārya-* m. ‘представитель одной из трёх высших варн’, авест. *airya*, др.-перс. *ariya* ‘арийский; арий; благородный; господин’, в древнегреческом языке – ἄριστος ‘(наи)лучший, отличный, храбрейший, знатнейший’ (прев. ст. к прилаг. ἀγαθός) [Barrou T.

1976, с. 7–11; Грантовский Э. А. 1998, с. 125–140; Кочергина В. А. 1987, с. 72, 99–100; Оранский И. М. 1963, с. 20–23, 32–38; Chantraine P. 1968, p. 106, 109; Geiger W. 1879, s. 178; Monier-Williams M. 1960, p. 152]. Имеются также кельтские соответствия *Ario-*, *aire*, *airech* ‘свободный; благородный; представитель благородного сословия’ [Шкунаев С.В. 1989, с. 61 – 65; Pokorny J. 1959, s. 55–56]. Кроме того, в хеттском языке зафиксированы лексемы *ariya-*, *arai-* ‘вопрошать оракула’, *ariyasessar* (*ariya-* + *asessar* ‘место’) ‘оракул’, этимологически близкие лат. *orō* (< *ōrāyō*) ‘обращаться к богам’, лат. *ōrāculum*, - *i* n. ‘оракул; прорицание; прорицалище’ [Шапошников А.К. 2010b, с. 228–229; Weeks D. M. 1985, p. 243]. Следовательно, *’Αρία* – это либо ‘страна наилучших, благородных, свободных’, либо ‘страна оракулов’. В связи с возможной хетто-лувийской (точнее, прахетто-лувийской) этимологией названия *’Αρία* примечательно сообщение Геродота о знаменитом прорицалище Диониса, которое находилось в горах области фракийского племени сатров, т. е. в Родопах, где служили жрецы и жрицы из рода бессов (Herodot. VII, 111).

Как свидетельствуют данные лингвистической палеонтологии, палеономастика хетто-лувийского облика представлена и на Балканах, и в Северном Причерноморье [Гиндин Л. А. 1967; Гиндин Л. А. 1981; Шапошников А. К. 2010b]. Отделение носителей хетто-лувийского диалекта от носителей других диалектов праиндоевропейского языка и начало их симбиоза с малоазийскими хаттами следует отнести к рубежу III – II тыс. до н. э. Путь предков хетто-лувийцев с Балканского полуострова в исторические места обитания хеттов-неситов, лувийцев и палайцев в Анатолии пролегал, скорее всего, в т.ч. через Северное Причерноморье. Новые археологические изыскания на северо-востоке Малой Азии, в районе Трапезунда (Трабзона), Амиса (Самсуна), Амасии (Амасьи), Синопы (Синопа), а также в районе городища Машат-Хююк (хетт. *Tarigga*), смогут помочь решить проблему хетто-лувийского этногенеза [Максимова М. И. 1948; Alp S. 1991].

Что касается происхождения названия *’Αρία*, зафиксированного античной традицией, оно, по всей видимости, связано с эпохой, когда носители диалектов индоевропейского праязыка обитали на Балканах, а «сатэмная» общность полностью еще не отделилась от родоплеменных групп носителей «кентумных» диалектов. Кстати, к праиндоевропейской эпохе восходит также название македонской области *Περία* (*Περία*), в которой, согласно греко-римской традиции, жил легендарный фракийский жрец-музыкант Орфей (Apolloclod. I, 3, 2; Diod. Sic. IV, 25; V, 48–49; V, 77; Diogen. Laërt. I, Praefat. 5; Pausan. IX, 30, 2–5; Strab. VII, fr. 17–19). *Περία* [χώρα] – ‘плодородная, жирная, обильная [страна]’, ср. др.-греч. м.р. *πίων*, ж.р. *πίετρα*, др.-инд. *pīvarī* ‘жирный, -ая, обильный, -ая’, др.-ирл. *Ériu* ‘богиня-эпоним Ирландии (*Éire*)’ < **iveriū* (n-осн., gen. sing. *Érenn* < **iverionos*) < **piwerion-* ‘плодородная, жирная’ [Калыгин В. П. 2003, с. 229–232].

Говоря об эпохе позднего индоевропейского праязыка (конец III тыс. до н.э.), когда происходило отделение «сатэмной» общности от носителей

«кентумных» диалектов, следует признать, что своеобразным семиотическим маркером появления индоевропейцев в том или ином регионе являются курганные погребения. Исследования В. А. Сафронова, Н. Я. Мерперта, Л. Николовой и ряда других археологов показали, что возникновение курганного погребального обряда и формирование «ядра» древнейшей культурно-исторической общности (ДЯ КИО) на рубеже IV – III тыс. до н.э., скорее всего, следует связать не с Приуральем, а с Балкано-Дунайско-Карпатским регионом, т.е. с западной частью «Циркумпонтийского региона» [Кузьмина Е. Е. 1986; Мерперт Н. Я. 1978; Мерперт Н. Я. 1988; Николова Л. 1992; Панайотов И. 1989; Сафронов В. А. 1989, с. 190–205; Черных Е. Н. 1988]. К «ядру» ДЯ КИО относятся курганная земляная насыпь, яма с перекрытиями, положение погребённого на спине скорченно. Курганы ДЯ КИО в Северном Попрутье (конец IV тыс. до н.э.) продолжают традицию курганов Сарново и Баальберга археологической культуры воронковидных кубков (КВК), датируемых серединой – второй половиной IV тыс. до н.э. [Сафронов В. А. 1989, с. 191, 203]. Генезис ДЯ КИО эпохи бронзы был связан не только с КВК (Центральная Европа и юг Северной Европы, IV – начало III тыс. до н.э.), но и с энеолитическими культурами Лендъел (Центральная Европа, V – IV тыс. до н.э.), Кукутени-Триполье (Дунайско-Днепровское междуречье, VI – начало III тыс. до н.э.) и Средний Стог (Днепро-Донское междуречье, середина V – середина IV тыс. до н.э.) [Сафронов В. А. 1989, с. 93–135, 190–205; Телегин Д. Я. 1973; Энеолит СССР. 1982]. В ареале Среднепалеолитской культуры предположительно произошло одомашнивание лошади. Традиция же возведения курганных насыпей над могилами, судя по всему, появилась в Подунавье, на Балканах, в Причерноморье под влиянием «мегалитической культуры» Западной и Северной Европы V – III тыс. до н.э. [Клиндт-Йенсен О. 2003, с. 61 – 89; Николова Л. 1992; Пеев Д. 1974; Daniel G. 1938; O’Kelly C. 1990; Renfrew C. 1990, p. 36–37, 133–160, 235–271]. Что касается мегалитов Западного Кавказа и Таврики, они «моложе» большинства западноевропейских мегалитических сооружений и датируются второй половиной III – I тыс. до н.э. [Бондаренко М. Е. 2010, с. 18–21; Марковин В. И. 1985; Сафронов В. А. 1989, с. 205–241]. Возможно, создателями первых западнокавказских мегалитов были выходцы с Балканского полуострова [Марковин В. И. 1985].

Чтобы установить этническую принадлежность строителей мегалитов и строителей курганов, ныне можно использовать данные ДНК-генеалогии, проведя соответствующий анализ останков, обнаруженных в дольменных и курганных погребениях. Результаты изысканий в области ДНК-генеалогии, совместные с исследованиями антропологов, этнологов и археологов, указывают на тот факт, что представители индоевропейского этноса были носителями гаплотипа Y-хромосомы R1a, генезис которого происходил на Балканах [Веренич В. 2009; Веренич В., Чехонадская Н. 2009; Клёсов А. А. 2011; Урасин В. 2009; Шапошников А. К. 2010a; Atkinson Q. D., Gray R. D. 2006; Barac L., Perićić M., Klarić I. M., Rootsi S., etc. 2003; Bosch E., Calafell F., González-Neira

A., Flaiz C., etc. 2006; Cinnioğlu C., King R., Kivisild T., Kalfoglu E., etc. 2004; King R. J., Özcan S. S., Carter T., Kalfoglu E., etc. 2008; Mishmar D., Ruiz-Pesini E., Golik P., Macaulay V., etc. 2003; Scozzari R., Cruciani F., Pangrazio A., Santolamazza P., etc. 2001; Morelli L., Contu D., Santoni F., Whalen M. B., etc. 2010]. Подчеркнём, что речь идёт именно о представителях древнего этноса носителей индоевропейского праязыка. Дальнейшая история индоевропейских диалектов, а потом и языков, не тождественна истории гаплогруппы R1a. Но присутствие в генофонде той или иной этнической группы и общности гаплотипа Y-хромосомы R1a является своеобразным маркером участия древнейших индоевропейцев мужского пола в этногенезе данной группы или общности.

Таким образом, всё вышесказанное позволяет утверждать, что направление миграций древнейших индоевропейцев в Северном Причерноморье соответствовало вектору «запад → восток», т. е. с Балкан и из Подунавья, через Северное Причерноморье, в восточные и южные припонтийские области, на Ближний Восток и в глубины Евразии.

Литература

Барроу Т. 1976 – Барроу Т. Санскрит / Пер. с англ. Н. Лариной; Ред. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. – М.: Прогресс, 1976. – 411 с.

Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. 1988 – Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: Итоги, проблемы, задачи исследования // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Г. Ардзинба. – М.: Наука, 1988. – С. 58 – 111.

Бондаренко М. Е. 2010 – Бондаренко М. Е. Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н.э.). – М.: МАКС Пресс, 2010. – 128 с.

Веренич В. 2009 – Веренич В. К проблеме ирландских гаплотипов группы R1b1b2 (атлантического модального гаплотипа): опыт ДНК-генеалогического исследования. Часть 1 // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 4 – 16.

Веренич В., Чехонадская Н. 2009 – Веренич В., Чехонадская Н. К проблеме ирландских гаплотипов группы R1b1b2 (атлантического модального гаплотипа): опыт ДНК-генеалогического исследования. Часть 2 // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). – 2009. – Т. 1. – № 2. – С. 117 – 151.

Вильхельм Г. 1992 – Вильхельм Г. Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры / Пер. с нем. И.М. Дунаевской. Вступительная статья Н.Б. Янковской. – М.: Наука, 1992. – 157 с., ил.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1980 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-

историческим данным // Вестник древней истории (М.). – 1980. – № 3. – С. 3 – 27.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1981 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов – с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестник древней истории (М.). – 1981. – № 2. – С. 11 – 33.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984а – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Кн. 1. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – 428 с., ил.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984б – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Кн. 2. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – 440 – 1328 с., ил.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984с – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления: По поводу статей И.М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4 // Вестник древней истории (М.). – 1984. – № 2. – С. 107 – 122.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1988 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейцы: О реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры // Наука и жизнь (М.). – 1988. – № 5. – С. 120 – 128.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1989 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Первые индоевропейцы в истории: Предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории (М.). – 1989. – № 1. – С. 14 – 39.

Георгиев В. 1958 – Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 317 с.

Герценберг Л.Г. 2010 – Герценберг Л.Г. Краткое введение в индоевропеистику. – СПб.: Нестория-История, 2010. – 316 с.

Гимбутас М. 2003 – Гимбутас М. Славяне: Сыны Перуна / Пер. с англ. Ф.С. Капицы. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 216 с., ил.

Гимбутас М. 2004 – Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Федорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 223 с., ил.

Гиндин Л.А. 1967 – Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. – М.: Наука, 1967. – 199 с., карта.

Гиндин Л.А. 1981 – Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). – София: Издательство Болгарской академии наук, 1981. – 239 с.

Гиндин Л.А. 1993 – Гиндин Л.А. Население гомеровской Трои: Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. – М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 210 с.: карты.

Грантовский Э.А. 1998 – Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы. Вопросы хронологии. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 343 с.

Дьяконов И.М. 1982а – Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1 // Вестник древней истории (М.). – 1982. – № 3. – С. 3 – 30.

Дьяконов И.М. 1982б – Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2 // Вестник древней истории (М.). – 1982. – № 4. – С. 11 – 25.

Йорданов Ст. 2009 – Йорданов С. Проблеми на потестарно-политическата и историческата етнология: Библиография, историографско и проблемно-теоретично проучване. – Част първа. Въведение в проблематиката. – Велико Търново: Издателство «ИВИС», 2009. – 547 с.

Кабинина Н.В. 2011 – Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. – 342 с.: карта.

Калыгин В.П. 2003 – Калыгин В.П. Этнонимика и теонимика древних кельтов // Этимология, 2000 – 2002 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. – М.: Наука, 2003. – С. 222 – 233.

Клиндт-Йенсен О. 2003 – Клиндт-Йенсен О. Дания до викингов / Пер. с англ. А.П. Саниной. – СПб.: Евразия, 2003. – 288 с., ил.

Кочергина В.А. 1987 – Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: Около 30 000 слов / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1987. – 944 с.

Кузьменко Ю.К. 2011 – Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 266 с.

Кузьмина Е.Е. 1986 – Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. IV: Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока / Отв. ред. И.М. Дьяконов. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. – С. 169 – 228.

Кузьмина Е.Е. 2002 – Кузьмина Е.Е. Мифология и культура скифов и бактрийцев: Культурологические очерки. – М.: Российский институт культурологии, 2002. – 288 с., ил.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. 1992 – Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации: Ближний Восток и Мезоамерика / Пер. с англ. А.А. Пономаренко и И.С. Ключкова; Примеч. и послесл. Н.Я. Мерперта и В.И. Гуляева. – М.: Наука, 1992. – 366 с., ил.

Лебедев Г.С. 2005 – Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с., ил.

Лелеков Л.А. 1982 – Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории (М.). – 1982. – № 3. – С. 31 – 37.

Максимова М.И. 1948 – Максимова М.И. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря // Вестник древней истории (М.). – 1948. – № 4. – С. 24 – 34.

Марковин В.И. 1985 – Марковин В.И. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // *Thracia Pontica. II: Deuxième symposium international. Thème générale “Le littoral Thrace et son rôle dans le monde ancien”*. Sozopol, 4 – 7 octobre 1982 / Rédacteurs : M. Lazarov, V. Popov, C. Angelova. – Ямбол : ДП «Г. Димитров», 1985. – С. 164 – 178.

Матвеев А.К. 1993 – Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания (М.). – 1993. – № 3. – С. 86 – 95.

Матвеев А.К. 2001 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. – Ч. I. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 346 с., 7 карт.

Матвеев А.К. 2004 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. – Ч. II. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – 369 с., 32 карты.

Матвеев А.К. 2007 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2007. – 296 с., 8 карт.

Мерперт Н.Я. 1978 – Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология (М.). – 1978. – № 3. – С. 9 – 28.

Мерперт Н.Я. 1988 – Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV – III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. – М.: Наука, 1988. – С. 7 – 36.

Мэллори Дж. 1997 – Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории (М.). – 1997. – № 1. – С. 61 – 82.

Напольских В.В. 1997 – Напольских В.В. Введение в историческую уралоистуку. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 268 с.: с илл.

Напольских В.В. 2010 – Напольских В.В. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова) / Отв. ред. Е.В. Яровой. – М.: МГОУ, 2010. – С. 229 – 242.

Николова Л. 1992 – Николова Л. Поява и распространение на надгробните могили в Карпато-Балканския регион (ранна бронзовата епоха) // Археология (София). – 1992. – Кн. 3 (Год. XXXIV). – С. 1 – 10.

Одри Ж. 1988 – Одри Ж. Индоевропейский язык / Пер. с франц. Л.В. Иванова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В.В. Иванова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 24 – 121, 532 – 533.

Оранский И.М. 1963 – Оранский И.М. Иранские языки. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. – 203 с.

Панайотов И. 1989 – Панайотов И. Ямната култура в българските земи: С приложение – «Антропологични данни за погребаните в некрополи от североизточна България (Ранна бронзова епоха)» от д-р Й. Йорданов и д-р Б. Димитрова. – София: Изд-во на БАН, 1989. – 192 с., ил. – (Разкопки и проучвания. 21).

Пеев Д. 1974 – Пеев Д. Някои нови проучвания на долмените в Югоизточна България // Археология (София). – 1974. – Кн. 1. – С. 24 – 31.

Сафронов В.А. 1989 – Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 398 с., илл.

Спиридонов Т. 1991 – Спиридонов Т. Тракийският етнос: Проблеми на формирането и развитието. – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1991. – 184 с.

Телегин Д.Я. 1973 – Телегин Д.Я. Средньостоговська культура епохи міді. – К.: Наукова думка, 1973. – 171 с., іл.

Топоров В.Н. 1973 – Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание / Ред. коллегия: С.Б. Бернштейн, Г.П. Клепикова. – М.: Наука, 1973. – С. 30 – 63.

Топоров В.Н. 1977 – Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II // Балканский лингвистический сборник / Отв. ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1977. – С. 59 – 115.

Трубачев О.Н. 1968 – Трубачев О.Н. Название рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М.: Наука, 1968. – 289 с.: карт.

Трубачев О.Н. 1976 – Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания (М.). – 1976. – № 4. – С. 39 – 63.

Трубачев О.Н. 1985 – Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. V // Вопросы языкознания (М.). – 1985. – № 4. – С. 3 – 17.

Трубачев О.Н. 1996 – Трубачев О.Н. К прародине ариев (По поводу выхода книги: Ю.А. Шилов. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995) // Вопросы языкознания (М.). – 1996. – № 3. – С. 3 – 12.

Трубачев О.Н. 1997 – Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1997. – 284 с.

Трубачев О.Н. 1999 – Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. – М.: Наука, 1999. – 320 с.

Трубачев О.Н. 2003 – Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 489 с.

Урасин В. 2009 – Урасин В. Географическое отнесение некоторых ветвей филогенетического древа E1b1b1a2-V13 // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 17 – 22.

Хайду П. 1985 – Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е.А. Хелимского; Под ред. К.Е. Майтинской; Предисл. Б.А. Серебренникова. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.

Черных Е.Н. 1988 – Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. – М.: Наука, 1988. – С. 37 – 57.

Шапошников А.К. 2003 – Шапошников А.К. Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология, 2000 – 2002 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. – М.: Наука, 2003. – С. 199 – 221.

Шапошников А.К. 2004 – Шапошников А.К. Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенеалогических преданиях славянских народов // Slavica Slovaca (Bratislava). – 2004. – R. 39. – Č. 2. – S. 97 – 106.

Шапошников А.К. 2005 – Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания (М.). – 2005. – № 5. – С. 30 – 67.

Шапошников А.К. 2007а – Шапошников А.К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология, 2003 – 2005 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 255 – 322.

Шапошников О.К. 2007б – Шапошников О.К. Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. – Вип. 354 – 355. Слов'янська філологія. – Чернівці: Рута, 2007. – С. 74 – 83.

Шапошников А.К. 2009а – Шапошников А.К. Дионис – *DIUO-NUSOS Диева сноха // Studia Slavica. – Выпуск 10: Ономастика. Топоніміка: зб. наук. пр. / Упоряд. і відп. ред.: С. Пахомова, Я. Джоганик. – Ужгород: Видавництво Олександри Гаркуші, 2009. – С. 193 – 199.

Шапошников А.К. 2009б – Шапошников А.К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // Studia etymologica Brunensia. 6 / Editorky: I. Janůšková, H. Karlíková. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2009. – S. 303 – 311.

Шапошников А.К. 2010а – Шапошников А. К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова) / Отв. ред. Е.В. Яровой. – М.: МГОУ, 2010. – С. 251 – 262.

Шапошников А.К. 2010б – Шапошников А.К. Языковые реликты хеттского вида в Северном Причерноморье // Этимология, 2006 – 2008 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2010. – С. 227 – 252.

Шапошников А. К. 2012 – Шапошников А.К. Финейды и восточноиндоевропейское языковое состояние // Международна научна конференция на тема «Езикът и културата в съвременния свят» (Бургас, 22 – 23 юни 2012 г.) /

Университет «Проф. д-р Асен Златаров»; Състав.: М. Парзулова, К. Цанков. – Бургас – Велико Търново: ИК «Знак'94», 2012. – С. 546 – 552.

Шкунаев С. В. 1989 – Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов. – М.: Наука, 1989. – 192 с.

Шрамм Г. 1997 – Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / Пер. с нем. А.В. Назаренко. – М.: Изд-во “Eastern Communications”, 1997. – 155 с., карты, схемы.

Энеолит СССР. 1982 – Энеолит СССР / Отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1982. – 359 с., ил. – (Археология СССР).

Alp S. 1991 – Alp S. Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1991. – XV, 465 s., abb., taf.

Atkinson Q.D., Gray R.D. 2006 – Atkinson Q.D., Gray R.D. How old is the Indo-European language family? Illumination or more moths to the flame? // *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*. – Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 2006. – P. 91 – 109.

Barać L., Peričić M., Klarić I.M., Rootsi S., etc. 2003 – Barać L., Peričić M., Klarić I.M., Rootsi S., Janičijević B., Kivisild T., Parik J., Rudan I., Villemis R., Rudan P. Y chromosomal heritage of Croatian population and its island isolates // *European Journal of Human Genetics* (Leiden – London). – 2003. – № 11. – P. 535 – 542.

Bosch E., Calafell F., González-Neira A., Flaiz C., etc. 2006 – Bosch E., Calafell F., González-Neira A., Flaiz C., Mateu E., Scheil H.-G., Huckenbeck W., Efremovska L., Mikerezi I., Xirotiris N., Grasa C., Schmidt H., Comas D. Paternal and maternal lineages in the Balkans show a homogeneous landscape over linguistic barriers, except for the isolated Aromuns // *Annals of Human Genetics* (London). – 2006. – Vol. 70. – P. 459 – 487.

Chantraine P. 1968 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. – T. 1. A – Δ. – Paris : Les Éditions Klincksieck, 1968. – 1-305 p.

Cinnioğlu C., King R., Kivisild T., Kalfoğlu E., etc. 2004 – Cinnioğlu C., King R., Kivisild T., Kalfoğlu E., Atasoy S., Cavalleri G.L., Lillie A.S., Roseman Ch.C., Lin A.A., Prince K., Oefner P.J., Shen P., Semino O., Cavalli-Sforza L.L., Underhill P.A. Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia // *Human Genetics* (Montreal – London). – 2004. – № 114. – P. 127 – 148.

Daniel G. 1938 – Daniel G. The Megalithic Tombs of Northern Europe // *Antiquity* (Oxford – Cambridge – York). – 1938. – Vol. 47. – P. 297 – 310.

Detschew D. 1957 – Detschew D. Die thrakischen Sprachreste / Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. – Wien: In Kommission bei Rudolf M. Rohrer, 1957. – VIII, 585 s.

Geiger W. 1879 – Geiger W. Avestasprache. Grammatik, Chrestomathie und Glossar. – Erlangen: Verlag von Andreas Deichert, 1879. – XII, 359 s.

King R.J., Özcan S.S., Carter T., Kalfoğlu E., etc. 2008 – King R.J., Özcan S.S., Carter T., Kalfoğlu E., Atasoy S., Triantaphyllidis C., Kouvatsi A., Lin A.A., Chow C.-E.T., Zhivotovsky L.A., Michalodimitrakis M., Underhill P.A. Differential

Y-chromosome Anatolian Influences on the Greek and Cretan Neolithic // *Annals of Human Genetics* (London). – 2008. – Vol. 72. – P. 205 – 214.

Mallory J.P. 1992 – Mallory J.P. *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth*. – London: Thames and Hudson, 1992. – 288 p. with ill.

Mallory J.P. 2010 – Mallory J.P. *The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda* // *Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова)* / Отв. ред. Е.В. Яровой. – М.: МГОУ, 2010. – С. 71 – 80.

Mallory J.P., Adams D.Q. 2006 – Mallory J.P., Adams D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – XXIV, 731 p., maps.

Mellaart J. 1981 – Mellaart J. *Anatolia and the Indo-Europeans* // *Journal of Indo-European Studies* (Washington). – 1981. – Vol. 9. – № 1-2. – P. 135 – 149.

Meyer G. 1976 – Meyer G.R. *Das Archiv von Tell el-Amarna eine wichtige historische Quelle* // *Тутанхамон и его время* / Отв. ред. И.Е. Данилова, И.С. Кацнельсон. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. – С. 96 – 106.

Mishmar D., Ruiz-Pesini E., Golik P., Macaulay V., etc. 2003 – Mishmar D., Ruiz-Pesini E., Golik P., Macaulay V., Clark A.G., Hosseini S., Brandon M., Easley K., Chen E., Brown M.D., Sukemik R.I., Olckers A., Wallace D.C. *Natural selection shaped regional mtDNA variation in humans* // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* (PNAS). – 2003. – Vol. 100. – № 1. – P. 171 – 176.

Monier-Williams M. 1960 – Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged, with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. – New Edition, Greatly Enlarged and Improved, with the Collaboration of E. Leumann, C. Cappeller and Other Scholars. – Oxford: The Oxford Clarendon Press, 1960. – XII, XXXVI, 1333 p.

O’Kelly C. 1990 – O’Kelly C. *Concise Guide to Newgrange*. – Cork: Houston Printers Ltd., 1990. – 27 p.

Pokopny J. 1959 – Pokopny J. *Indogermanisches etymologisches wörterbuch*. – Band I. – Bern, München, Wien: A. Francke AG Verlag, 1959. – 348 s.

Renfrew C. 1989 – Renfrew C. *The Origins of Indo-European Languages* // *Scientific American* (New York). – 1989. – № 10. – P. 82 – 90.

Renfrew C. 1990 – Renfrew C. *Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe*. – London: Penguin Books, 1990. – 320 p. with ill.

Scozzari R., Cruciani F., Pangrazio A., Santolamazza P., etc. 2001 – Scozzari R., Cruciani F., Pangrazio A., Santolamazza P., Vona G., Moral P., Latini V., Varesi L., Memmi M.M., Romano V., De Leo G., Gennarelli M., Jaruzelska J., Villems R., Parik J., Macaulay V., Torroni A. *Human Y-Chromosome Variation in the Western Mediterranean Area: Implications for the Peopling of the Region* // *Human Immunology / American Society for Histocompatibility and Immunogenetics*. – 2001. – Vol. 62. – P. 871 – 884.

Weeks D. M. 1985 – Weeks D.M. Hittite Vocabulary. – Los Angeles: University of California, 1985. – 256 p.

West M. L. 2007 – West M.L. Indo-European Poetry and Myth. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – XIII, 525 p.

Клёсов А. А. 2011 – Клёсов А. А. Происхождение славян и других народов. Очерки ДНК-генеалогии. – М., 2011. – 645 с. // Режим доступа: http://www.lulu.com/items/volume_69/10130000/10130570/1/print/10130570.pdf

Morelli L., Contu D., Santoni F., Whalen M.B., etc. 2010 – Morelli L., Contu D., Santoni F., Whalen M.B., Francalacci P., Cucca F. A Comparison of Y-Chromosome Variation in Sardinia and Anatolia Is More Consistent with Cultural Rather than Demic Diffusion of Agriculture // PLoS ONE. – 2010 (April) – Vol. 5. – Issue 4 / e10419. – P. 1 – 10 // Режим доступа: www.plosone.org

Witzel M. 2000 – Witzel M. [The Home of the Aryans](http://www.people.fas.harvard.edu/~witzel/AryanHome.pdf) // Anusantaty: Festschrift fuer Johanna Narten zum 70 Geburtstag / Verl. A. Hinze und E. Tichy (Muenchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beihefte NF 19). – Dettelbach: J.H. Roell, 2000. – S. 283 – 338 // Режим доступа: <http://www.people.fas.harvard.edu/~witzel/AryanHome.pdf>

▣

© Евгений Константинович Чернухин
(Киев)

О НЕКОТОРЫХ РОДИЛЬНЫХ ЗАГОВОРАХ И ВЕРОВАНИЯХ КРЫМСКИХ И ПРИАЗОВСКИХ ГРЕКОВ (по материалам рукописей первой половины XIX в.)

Рукописное наследие крымских и приазовских греков до недавнего времени мало привлекало внимание исследователей вследствие ряда особенностей письменной фиксации языковых дискурсов XVIII — первой половины XIX ст. Так, большая часть дошедших до нас подлинных записей греков Крыма и Приазовья (в первые десятилетия после переселения 1778–1780 гг.) составлена на тюркских наречиях с использованием греческого алфавита так называемым караманлийским письмом¹¹². Греческие же записи, в свою очередь, значительно отклоняются от литературной нормы как по своим лингвистическим характеристикам, так и по форме записи — не только орфографически

---

¹¹² Чернухин Е. Памятники караманлийского письма в Украине: к постановке проблемы и о перспективах исследования // Роль етнічних спільнот Донеччини в розбудові української державності. Матеріали I регіональної конференції. Донецьк. 15–16 грудня 2006 р. Донецьк, 2006. С. 205–227.

безграмотной, но зачастую бессмысленной вследствие накопленных при переписке ошибок¹¹³.

Исследования и публикации последнего десятилетия¹¹⁴ показали, что рассматриваемые материалы содержат ряд сведений, позволяющих восстановить некоторые особенности духовной жизни крымских христиан как в самом Крыму, так и после переселения в Приазовье.

В этой статье речь пойдет о нескольких греческих заговорах, имеющих отношение к беременности, моменту рождения ребенка и первым неделям ухода за ним. Первые два заговора находятся в тетради на 84 листах второй четверти XIX в. (собственно, 1828–1855 гг.), атрибутированной в конце того же века Дмитрием Кечеджи¹¹⁵ как «Записки» его прадеда — Семена Антоновича Кечеджи-Ени (1803–1865)¹¹⁶. Где находилась тетрадь впоследствии, не известно, но поступила она от дочери А.А. Белецкого (1911–1995) и Т.Н. Чернышевой (1928–1993) Марии Грековой в составе архива родителей, переданного в Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского в 2003 г.¹¹⁷ Источником нескольких других заговоров, о которых пойдет речь, является рукописный народный молитвенник начала XIX в. из Большой Каракубы, принадлежащий Р.С. Харабадот (Львов). Текст молитвенника в свое время рассматривался Е.Э. Гранстрем (1911–1991)¹¹⁸ и был полностью опубликован в 2005 и 2012 гг. с русским переводом и комментариями¹¹⁹.

---

¹¹³Чернухин Е. О грамотности, неграмотности и безграмотности мариупольских греков (замечания к рукописному наследию XVIII–XIX вв.) // Язык и культура. Вып. 8. Т. 5. Ч. 2. Национальные языки в их специфике и взаимодействии. К., 2005. С. 68–74.

¹¹⁴Наибольшее собрание караманлийских текстов из Приазовья опубликовано в кириллической транслитерации в книге: Гаркавец М. Гаркавец О. Уруми Надазов'я. Історія, мова, казки, прислів'я, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999. 624 с. См. также статьи: Чернухін Є. Проблеми репертуару та особливості перекладів грецьких богослужбових текстів тюркськими мовами (на матеріалах урумських рукописів XVIII – XIX ст.)// Мова та історія. К., 2009. Вип. 103. С. 7–34; Чернухин Е. Тюркские переводы греческих богослужебных текстов: запретительные молитвы св. Георгия и св. Киприана// КАЛОΦΩΝΙΑ. Науковий збірник з історії церковної монодії та гімнографії. Число 5. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2010. С. 294–326; Чернухін Є. Наказ св. Василя Великого священнослужителів: новогрецька та караманлійська редакції// Мова та історія. Вип. 172. К., 2011. С. 4–19.

¹¹⁵Д. И. Кечеджи, студент Харьковского университета, отмечен как консультант одного из составителей текстов — С.И. Маркова, в книге: Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892. С. 553.

¹¹⁶ Авторство «Записок» с большей степенью достоверности устанавливается по их тексту, чем по заглавию, оставленному Д. Кечеджи. Так, судя по записям составителя, он родился в 1801 (а не 1803) году, а его инициалами, проставленными в нескольких местах рукописи, были буквы «И.К».

¹¹⁷ Архив (ф. 364) не описан.

¹¹⁸Гранстрем Е.Э. К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (неизвестный сборник греческих врачевательных молитв)//Палестинский

Первый из названных источников принадлежал тюркоязычным грекам — урумам. Второй, скорее, грекоязычным, т.е. румеям. Впрочем, и в том и другом случае следует говорить о смешанном характере текстов рукописей и, как следствие, относительно билингвизме их владельцев и пользователей. Так, греческий в своей основе молитвенник содержит две молитвы по-тюркски и ряд тюркских заголовков и помет, а «Записки С. А. Кечеджи-Ени», содержат много записей на греческом, русском, украинском и итальянском языках. Таким образом, одной из посылок данного краткого исследования является предположение о смешанном, в языковом отношении, характере нецерковных, или неканонических, иначе — народных, молитв, а также заговоров, бытовавших среди греков Крыма и Надазовья.

Второй посылкой является предположение, что все рассматриваемые ниже заговоры действительно отражают состояние дел в этой сфере в Крыму и Приазовье в XVIII–XIX ст., т.е. действительно могли широко использоваться в соответствующих обрядах, а не являются эксклюзивным или случайным материалом, представленным в двух сохранившихся источниках. Это последнее замечание имеет смысл в случае предположения о не «крымском» или не «приазовском» происхождении того списка, с которого была сделана копия упомянутого молитвенника, а также в случае подобного же замечания относительно заимствованного или привнесенного характера молитв и заговоров в «Записках С.А. Кечеджи-Ени».

Рассмотрим вначале два заговора¹²⁰, предназначенные для облегчения самих родов. Записаны они на л. 13 об. рукописи «Записки С.А. Кечеджи-Ени» в контексте врачевательных рецептов и молитв на греческом и урумском языках.

У первого заговора три названия: итальянское, тюркское и греческое. Они различаются как по семантике, так и по синтаксическим конструкциям. Если по-итальянски, это глагольная конструкция, что-то типа придаточного времени — «когда будет рожать», то тюркский вариант — изафет второго типа, т.е. пара существительных, первое из которых (в именительном падеже) является определяющим, а второе (с аффиксом принадлежности) определяемым — «роженицы молитва». Правда, первое слово в нашем случае является по происхождению греческим, но такого рода заимствования обычное явление для

сборник. Вып. 27 (90). История и филология. Ленинград, 1981. С. 86–93; и под тем же названием в: *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Studia Codicologica*. Bd. 133. Berlin, 1987. S. 169–178.

¹¹⁹ Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы/Подготовка текста, перевод и историко-филологический комментарий Евгения Чернухина. Донецк: Норд-Пресс, 2005. 167 с.; Греческий народный молитвослов из Северного Причерноморья/Редакция, подготовка греческого текста, перевод, комментарий и вступительная статья Евгения Чернухина. Донецк, 2012. 290 с.

¹²⁰ Тексты этих двух заговоров с переводом и комментарием были переданы в начале 2012 г. на рассмотрение в редакцию журнала «Византийский временник» и в мае того же года приняты для публикации.

урумских говоров и караманлийских текстов религиозного содержания. Греческое название представляет собой формулу целевого предназначения текста — «для плохой роженицы». Вслед за этим трехязычным заглавием составитель записал рекомендации к употреблению заговора на греческом и урумском языках. Первая и, надо полагать, оригинальная запись, рекомендует использовать текст заговора как оберег, т. е., возложить записанное (собственно, переписанное на отдельном листе) на себя в том случае, если будущая мать, почувствовав схватки, имеет причины сомневаться в благополучном исходе. Тюркский текст гласит нечто совершенно обратное по своей функциональной направленности: «в доме роженицы стань справа от нее и читай эту молитву, пока не родит».

После таких заглавий и пояснений следует и сам заговор.

κβάντα παρτοριρα¹²¹
λουχουσα τουβασι¹²²

εις την κακό γένιτριαν — γινέκα να τό
βαστά απόνο | τις όταν έλθι ο κέρός τις
να γένισε κε φοβά | τε κακόν πράγμα
εβέλισι λοχούσανιν σαγ γιανινά τουρουπ
που τουβάγι | οκουσαν λοχούσα
τοχούρματα¹²³ | εύγα βρέφος σε κράζι
γίγι¹²⁴ εύγα βρέφος | σε κράζι το βάπτισμα
εύγα βρέφος σε κράζι ο | βαπτιστίς
ιωάννις εύγα βρεφος σε κράζι | ο χρίστος
εύγα βρεφος σε κράζι ει θεότόκος | οσπερ
κε τόν χρίστον εγενισεν

Когда будет родить

Молитва для роженицы

Для плохой роженицы. Пусть женщина держит это на себе, когда придет ей время рожать, а она боится беды. В доме роженицы справа от нее стань и эту молитву читай, пока не родит.

Выйди, дитя, вызывает к тебе Гигия.

Выйди, дитя, вызывает к тебе Крещение.

Выйди, дитя, вызывает к тебе

Креститель Иоанн. Выйди, дитя,

вызывает к тебе Христос. Выйди, дитя,

вызывает к тебе Богородица, та, что

Христа породила.

Как видим, сам текст заговора состоит из однотипных повторов обращения к ребенку с требованием выйти и ссылки на авторитет «зовущего». Простота и краткость заговора, как правило, указывают на его архаичность. Наличие в тексте христианских персонажей не должно в данном случае рассматриваться как свидетельство о его относительно недавнем происхождении. Здесь характернее наличие на первом месте призыва к Гигии, дочери Асклепия и единственной из его детей, вошедшей в число наиболее почитаемых божеств античности.

Исходя из языковых характеристик несложной формулы заговора,

¹²¹Ит.: Quanto partorirà.

¹²²Тур.: Lohusa duvasi.

¹²³Тур.: Evelisi lohusanın sağ yanına durup bu duvayı okusun lohusa doğurmadan.

¹²⁴Альтернативный вариант – Ὑγιεία как эпоним Афины, т.е. Афина Гигия. Толкование слова как Γαία (новогреч. η Γή) также возможно. Оба слова по своему фонетическому облику, учитывая возможные позднейшие искажения, приблизительно соответствуют употребленному в заговоре.

можно предположить, что основное его ядро могло образоваться еще в первом тысячелетии до Р.Х. Во времена поздней античности на первое место могло переместиться имя Гигии, а уже после торжества христианства были добавлены новые сакральные имена и явления. Однако характер и последовательность такого рода трансформаций должны быть подтверждены документально со ссылкой на источники.

Предположение о том, что в данном заговоре наблюдается рефлексия именно херсонесских культов Асклепия и Гигии¹²⁵, подвергшихся своего рода христианизации в период Средневековья, не лишено основания, но также нуждается в документальной проверке. К сожалению, письменные источники по истории греческих колоний в Тавриде довольно ограничены.

Особенно это касается периода раннего Средневековья. Нельзя отрицать и возможность случайности записи данного заговора в упомянутой тетради как текста привнесенного в Приазовье извне, т.е. из любого другого места проживания греков¹²⁶ или греческой диаспоры, например, из Италии, что, в таком случае, вполне объясняет и употребление итальянского названия, которое мог сообщить составителю записей неизвестный нам информатор.

Относительно различного подхода к употреблению заговора в греческой и тюркской среде можно высказать следующее предположение. На каком-то этапе существования заговора наличие в нем призыва к языческой или, что скорее всего, абсолютно непонятной силе под названием «Йийи» (это фонетический «смысл» слова) подверглось запрету со стороны более просвещенного духовенства. Однако заговор не исчез, он продолжил жизнь в письменной форме и тем сохранил для нас связь времен.

В тюркской же среде заговор на греческом языке был изначально непонятен и мог быть безнаказанно произносим как магические слова, о смысле которых не ведает никто из участников обряда или, в данном случае, процесса. Очевидно, что суггестивное воздействие заговора в этом случае сохраняло свою силу в большей степени, чем в случае использования его как оберега.

---

¹²⁵ Solomonik E. Neues zum Asklepioskult in Chersonessos // *Klio*. 1975. № 11. S. 433–442; Ильина О.М. Культ Асклепия в официальном пантеоне полисов северо-западного Понта в I в. до н. э. – III в. н. э. // Международная конференция «Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О.Н. Трубачева). Алушка, 25–30 сентября 2008 г. Материалы конференции. Киев; Москва, 2008. С. 52–57.

¹²⁶ Наиболее близким по составу к урумскому заговору является текст, опубликованный Д. Икономидисом по эфирской рукописи 1862 г. (Οικονομίδης Δ. Κ. Ἐξορκισμοὶ καὶ ιατροσόφια ἐξ Ἡλερωτικο χειρογράφου//Ἐπετηρίς λαογραφικο Ἀρχείου. Τ. 8. 1953–1954. Ἀθήναι, 1957. Σ. 29). Приведу интересное нас место: Ἐξέλθε βρέφος σ καὶ ν φῶς το κόσμου, κάλεσον τ βάπτισμα, κάλεσον γῆν, κάλεσον τ ἴδιον. Κάλεσον τη Ἅγια τ ε Θεοτόκου. Ὁ Ἰωάννης ο βαπτιστὸς κα μὴν βραδύνης. Как видим, в данном варианте заклинания прямо прописана «земля», или Гея, но, как и в случае урумского заговора, можно предположить вторичность этого образования от более раннего имени — «Гигия», десемантизированного и переосмысленного в новые времена.

Второй из родильных заговоров, помещенный в тех же «Записках» следом за первым, также несет итальянское заглавие, но какие-либо другие тюркские или греческие пояснения в начале текста отсутствуют. Вместе с тем внутри заговора содержится тюркская помета «говори(шь)» в виде указания на рекомендуемое в этом месте чтение известной христианской молитвы. В остальном язык заговора — литературное греческое койне богослужебных книг, подвергнутое значительным искажениям вплоть до полной неузнаваемости слов вследствие многократной переписки или устной передачи текста. Семантическим (и логическим) центром заговора несомненно является императивный призыв к ребенку: «выйди и ты, дитя». Для усиления призыва употреблена характерная для заговоров сравнительно-уподобительная конструкция «как ... , так и ты ... », подкрепленная ссылками на два известных библейских персонажа — Иону и Лазаря, по принципу «симпатических связей». Другие элементы заговора также вписываются в известные структуры подобных ему народных молитв и заклинаний. В качестве «молитвенного» зачина использована сакральная христианская формула «помяни, Господи», заимствованная из Псалтири, со ссылкой на сынов Едомовых, призывавших к разрушению Иерусалима. Причиной такого выбора могло послужить употребление слова «ἐκκεῖοῦτε» (в русском переводе «разрушайте»), имеющее в греческом языке «внутреннее» значение «освобождайте, опорожняйте». Стоит отметить и фонетическую запись слова «λεγόντων» («говорящих») как «λεχόντων», которое таким образом стало одним из немногих реально понятных слов для тюркоязычных пользователей заговора, поскольку оказалось созвучным греческому слову для обозначения роженицы «λεχῶνα, λεχοῖσα», заимствованному урумами. Затем следует уже отмеченная основная часть с призывом к ребенку выйти. Вслед за ней, судя по тюркской помете, следовало читать молитву ко Пресвятой Богородице «Радуйся, Благодатная», вне всякого сомнения имеющую отношение к нашей теме. Следующие строки, на первый взгляд, достаточно автономны и вполне могли бы находиться в любом другом «заговорном» контексте. Их значение и лексическое наполнение отражает тему песнопений пасхального круга — схождение Иисуса Христа в ад, поправление смерти и освобождение верующих от оков. Впрочем, слова «врата», «запор», «оковы» и тема «освобождения» являются достаточным основанием для рассмотрения и этой части заговора как специализированной в области акушерства. Эта предпоследняя часть заговора представляет собой дословную цитату из Книги Иова, за которой следуют синтаксически и морфологически измененные фрагменты из трех других библейских текстов: пророка Исаии, Евангелия от Матфея и Псалтири. Похоже, что преобразования текстов изначально носили творческий характер: произошла замена некоторых временных форм глаголов в соответствии с замыслом составителя и составлено «новое» предложение из словосочетаний, взятых из названных произведений.

Заканчивается заговор традиционным для христианских молитв окончанием, так как мы видим и обращение к высшим силам, и просьбу о

спасении с именем просителя, и заключительное «аминь». Таким образом, второй из представленных заговоров является характерной для средневековых традиций народной компиляцией, составленной отчасти по аналогии с каноническими молитвами, с использованием фрагментов богослужебных, главным образом литургических, текстов.

κβαντο παρτοριρα

μν[ή]στιτι κίριε τόν υόν εδόμ τιν γίμεραν | γιερούσαλίμ τόν λεχόντον - Έκκενούτε εος | τον θεμελιον - άφτις¹²⁷ ως έκσίλθεν | ω λαζαρος εκ του μνίου¹²⁸ - κέ ως γιονας | εκ τού κίτους¹²⁹ επζι Έκσίλθεν κε σί πέδιον | α[πὸ] τιν κιλίαν τίς μιτρός σου θεοτοκε | παρθενε χερε κεχαριτομενι¹³⁰ σογάρσιν¹³¹ | Μνίγισαν си κίριε φοβο πιλε θανάτου γι πιλορι δε аδου | γίδонτες σε επτικσαν¹³² πιлис γάρ χαλκας σινέτριψας | κέ μοχλους σιδιρους σινεπласας¹³³ κε εκσίγα | γεs γιμάs εν σκοτι κε σκιαs θανάτου¹³⁴ κε τους | δεσμους γιμόν διεφριξαν¹³⁵ δεспина προσδεκεce | τας δεγίσιs тиs δουλι[σ] σου κε λιτροσε тιν δουлин σου | μαριαs¹³⁶ = αμιν

---

¹²⁷ Пс 136: 7: μνήσθητι, Κύριε, τ ν υιόν Άδάμ τ ν ημέραν Ίερουσαλήμ, τ ν λεγόντων εκκενο τε, εκκενο τε, εως ο θεμέλιος εν αυτω.

¹²⁸ Ιο 11, 43-44.

¹²⁹ Ссылка на известный сюжет об Ионе, спасшемся из чрева кита (Книга пророка Ионы).

¹³⁰ Начало известной молитвы: Χαίρε, Κεχαριτωμένη... (Јлк 1, 28).

¹³¹ Typ. sōylersin.

¹³² Ιов 38,17: ανοίγονται δέ σοι φόβω πύλαι θανάτου, πυλωρο δ Άδου οδόντες σε επτηξαν.

¹³³ Ср. Исаия 45, 2: θύρας χαλκής συντρίψω κα μοχλο s σιδηρο s συγκλάσω.

¹³⁴ Ср. Мф 4,16: ο λαός ο καθήμενος εν σκότει φ s ειδεν μέγα, κα το s καθημένοιs εν χώρη ка σκιά θανάτου φ s ενέτειлен αυτο s.

¹³⁵ Ср. Пс 2, 3: διαρρήξωμεν το s δεσμο s αυт ν κα υπορρίψωμεν εφ ημ ν τ ν ζυγ ν αυт ν.

¹³⁶ Здесь типичное обращение к высшим силам с просьбой о помощи. Имя может указывать на реальную просительницу или же на имя последней женщины, которая использовала эту молитву до того, как текст был передан составителю тетради.

Когда будет рожать

"Помяни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: «разрушайте, разрушайте до основания его»". Как вышел Лазарь из могилы, а Иона из кита, так выйди и ты, дитя, из утробы матери своей. «Богородице Дево, радуйся благодатная». Читай. «Отворялись ли для тебя врата смерти и видел ли ты врата тени смертной?» Медные двери сокрушив и запоры железные сломав, вывел нас из тьмы и тени смерти, и оковы наши разбил. Владычица, прими молитвы рабы Твоей и спаси рабу Твою Марию. Аминь.

Оба рассмотренных нами текста порождены греческой народной средой (и фантазией), но, очевидно, в разное время. Так, в отношении первого текста следует допустить значительно более раннее время составления основных формул с подстановкой или заменой ряда персонажей в поздние — христианские, времена. Временем составления второго заговора скорее всего следует считать период после XIV в., предположительно XV–XVI века, когда, собственно, и отмечается появление большого количества рукописей, содержащих «неканонические» молитвы и заговоры.

Тюркские пометы в обоих заговорах являются позднейшими экстраполяциями, связанными со средой бытования. Вопрос о времени появления заговоров в Крыму остается открытым. Ничто не мешает нам предположить, что первый из них в определенном смысле отражает верования древнейших греческих колонистов, обосновавшихся в Тавриде в середине I тысячелетия до Р.Х., а позднее был «христианизирован». В равной степени небезосновательно утверждение, что второй из заговоров мог быть составлен на полуострове кем-либо из книжников или монахов, удовлетворяя нужды греческого населения. Для конкретных выводов о степени распространенности в греческом мире приведенных заговоров и их возможном происхождении необходимо изучение более широкого «общегреческого» контекста.

Если рассмотренные нами два заговора можно причислить ко вспомогательным средствам народного акушерства, то в Молитвослове из Большой Каракубы мы сталкиваемся с несколько иным аспектом охраны материнства. Семь текстов могут быть рассмотрены как варианты или фрагменты заговоров¹³⁷, известных в историографии как «молитва от (или против) Геллу». В общем количестве других молитв и заговоров, содержащихся в рукописи и направленных на избавление от иных духов или болезней, семь вариантов молитвы от Геллу несомненно свидетельствуют о популярности текстов и значении заговора в повседневной жизни.

Вера в демона, похищающего младенцев до или сразу после рождения, была распространена в Передней Азии, а позднее по всему Ближнему Востоку,

---

¹³⁷ Это заговоры 6, 27, 28, 29, 46, 47, 48 по счету, принятому в издании: Греческие молитвы...

по крайней мере с конца II тысячелетия до Р.Х.¹³⁸ В греческом контексте имя демона впервые отмечено у собирателя древних поговорок Зенобия (II в.) со ссылкой на стихотворения Сапфо¹³⁹. Вновь имя Геллу возникает в греческих письменных источниках довольно поздно — в раннем Средневековье у Иоанна Дамаскина (VIII в.) и позднее у Михаила Пселла (1018–1078)¹⁴⁰. Однако пик верований в Геллу приходится, очевидно, на XVII–XIX в., когда в греческих деревнях читают молитвы от Геллу и даже проводят специальные церковные службы¹⁴¹. Как правило, наиболее пространный заговор против Геллу состоит из двух неравнозначных частей, первая из которых представляет собой повествование житийно-сказочного характера о некой Мелитине и ее трех праведных братьях с именами на букву «С». Имя одного из братьев — Сисиний, достаточно известно в христианском мире¹⁴², а вот два других имени, являющиеся фонетическими вариациями первого, далеко не всегда имеют реальные аналогии среди имен европейских антропоминиконов (в каракубском списке: Сисиниан, Сидир и даже Тидор)¹⁴³. После победы братьев над демоном Геллу, похитившем очередного ребенка Мелитины, демон обязуется не только вернуть ребенка, но и обезопасить от себя в будущем всех рожениц. Для этого, по словам Геллу, женщинам следует держать при себе список ее имен, который тут же и перечисляется. Собственно, это последнее событие как объявление молитвы составляет как-бы вторую и главную часть заговора, зачастую функционирующую без сказочного вступления о Мелитине и ее братьях. В этом

---

¹³⁸Gaster M. 2000 years of charm against the child-stealing witch // *Folklore*. Vol. 11. London, 1900. P. 129-162; Gaster Th. The child-stealing witch among the Hittites? // *Studi e materiali de istoria delle religioni*. Vol. 23. Bologna, 1951–1952. P. 134–137.

¹³⁹*Corpus Paroemiographorum Graecorum* /Ernst von Leutsch, Friedrich Wilhelm Schneidewin. Vandenhoeck et Ruprecht, 1839. P. 58; Сапфо, Fr. 178 (*Poetarum Lesbiorum fragmenta*/Ed. by Edgar Lobel, Denys Page. Oxford, 1955. P. 101).

¹⁴⁰Psellos M. *Διηγήσεις περ Γελλο ς* // *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη* / Ed. C. Sathas. Vol. 5. Paris, 1876. P. 571-573; Psellos M. *Philosophica minora*. Vol. 1. *Opuscula Logica, Physica, Allegorica, Alia*. Leipzig, 1998. P. 164 (*Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana*); Nikephoros Kallistos Xanthopoulos. *Ecclesiasticae historiae*/PG. T. 147. Col. 345–348.

¹⁴¹Leo Allatius. *De templis graecorum ... nec non de Graecorum hodie quorundam opinationibus*. – Coloniae, 1645. P. 115–118, 126–129. Об авторе см.: Hartnup K. *On the Beliefs of the Greeks: Leo Allatius and Popular Orthodoxy (Medieval Mediterranean)*. – Leiden: Brill, 2004. – XIV, [2], 370 p. О вере в Геллу см.: Ήμελλος Σ. Δ. *Εξορκισμοί της Γελλούς εκ χειρογράφων εξ Αμοργού*//*Επετηρίς του Λαογραφικού Αρχείου*. Τ. 17. 1964. Αθήνα, 1965. Σ. 40-52.

¹⁴²Walter Chr. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. Ashgate Publishing, 2003. P. 241–242.

¹⁴³Peterson E. *Εις Θεός*. *Epigraphische formgeschichtliche und religionsgeschichtliche Untersuchungen*. Göttingen 1926. S. 108–109; Naveh J., Shaked S. *Amulets and magic bowls. Aramaic incantations from late antiquity*, Jerusalem 1998. P. 105–121; Schrire T. *Hebrew amulets. Their decipherment and interpretation*. London, 1966. P. 18.

случае для логического зачина заговора используется мотив встречи положительного персонажа с отрицательным. В заговорах позднего периода, как правило, в качестве первого выступает архангел Михаил, а отрицательным, понятное дело, является сама Геллу, которая после недолгого сопротивления называет свои имена и способ их использования.

Проблема происхождения заговора от Геллу, несмотря на ряд исследований, не принадлежит к числу окончательно решенных¹⁴⁴. Наиболее вероятными являются предположения о семитском начале как первой части заговора, восходящей к мифу о Лилит и трех ангелах господних, посланных для ее обуздания¹⁴⁵, так и второй, связанной с известной в еврейском фольклоре традицией записывать имена демона в качестве оберега для матери и младенца¹⁴⁶. Конкретные механизмы оформления сюжета или пути его проникновения в греческую среду остаются неизвестными. В других странах ближневосточного региона также существует вера в демона, похищающего младенцев, но нет заговоров, подобных греческим.

Варианты заговора, представленные в рукописи из Большой Каракубы, показывают, что в греческой народной среде вступительная часть заговора — повествование о Мелитине, скорее всего начала подвергаться редукции уже в древнейшие времена, как не самая «главная» в процессе заклятия злого духа и к тому же довольно громоздкая как для заговора. Так, в каракубской рукописи лишь хорошо подготовленный эллинист сможет распознать за отрывочными и искаженными фразами части упомянутого сюжета о Мелитине, буквально искромсанного на куски переписчиками.

Шесть текстов в каракубском списке были озаглавлены сходным образом, хотя один из них (л. 53—53 об.) на самом деле никакого отношения к роженицам и Геллу не имеет, поскольку под заглавием сохранились лишь начальные слова того заговора, который, возможно, соответствовал его названию: «Божьи святые шли по полю широкому...». Вслед за этим в рукописи следует совсем иной по тематике текст, составленный на характерном языке поздних заговоров и молитв, с начальной строкой из Псалтири (67, 1). В заговоре дважды использована ссылка на страждущего мужского рода, а в целом

---

¹⁴⁴Οικονομίδης Δ.В. Η Γελλώ εις την ελληνικήν και ρουμανικήν λαογραφία//Λαογραφία. Τ. 30. 1975-1976. Σ. 246-278, Greenfield R.P.H. Saint Sisinnios, the Archangel Michael and the Female Demon Gylou: the Typology of the Greek Literary Stories//Βυζαντινά. Τ. 15. 1989. Ρ. 83-142; Johnston S. Defining the dreadful: Remarks on the Greek child-killing demon // Ancient magic and Ritual Power. Leiden; New York; Köln, 1995 Ρ. 361-387 [Religions in the Graeco-Roman World; vol. 129].

¹⁴⁵Имена ангелов также начинаются на «С» – Snvi, Snsvi, Smnglof, см.: Lachs T. S. The Alphabet of Ben Sira// Gratz College Annual of Jewish Studies. Т.11. 1973. Ρ. 9-28.

¹⁴⁶Ohrt F. Namenverstech in zwei alten Sagensformeln // Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. 24. 1925. S. 38-43; Scurlock J. A. Baby-Snatching Demons, Restless Souls and the Dangers of Childbirth: Medico-Magical Means of Dealing with some of the Perils of Motherhood in Ancient Mesopotamia // Incognita. Т. 2. Leiden, 1991. Ρ. 137-185.

его можно назвать заклитием от нечистой силы пророка Даниила, поскольку именно к нему обращены последние призывы молящегося¹⁴⁷. Еще один заговор (л. 53 об. — 55) претерпел значительные изменения и теперь носит заглавие «Заклятие от Мигрени» — другого «демона», являющегося персонификацией известной болезни¹⁴⁸. Вместе с тем структура заговора, его лексическо-семантическое наполнение и фрагменты отдельных слов и выражений указывают скорее на принадлежность его к кругу заговоров от Геллу или, во всяком случае, к тем из них, которые сохранились в этой же рукописи. Особенно показательны крайне испорченные места текста, где среди непонятных слов угадываются характерные имена Геллу: «Каркона» и «Карухо».

Другие пять текстов рукописи (л. 5 об.—6, 16—20 об., 55 об.—57 об.), также изрядно подпорченные переписчиками, бесспорно являются вариантами одного заговора. Впрочем, в первом из них (л. 5 об. — 6) мы не находим ни легенды о Мелитине, ни даже многочисленных имен Геллу — осталось лишь описание ее внешности, факт встречи, причем с Авгаром (!), и обуздание демона¹⁴⁹. Начало заговора с описанием демона, несмотря на наличие заглавия, было утрачено. Вместе с тем именно этот, казалось бы, дефектный вариант заговора сохраняет редкие и, видимо, архаические черты неизвестных нам текстов с описанием внешности Геллу и способов ее усмирения. Лишена своих показательных имен Геллу и в следующем варианте заговора (л. 16—16 об.). Однако этот вариант следует признать «недописанным», поскольку оканчивается он после первого же ответа Геллу на вопрос архангела Михаила о том, куда она идет¹⁵⁰.

Если варианты этой первой части заговора различаются в греческих рукописях степенью полноты и разнообразием художественных деталей, то вторая часть породила множество вариаций в отношении самого главного — имен демона. Очевидно, что стержневой момент заговора — встреча и объявление имени, являются древнейшими частями и, возможно, что именно первое или первые из имен передают наиболее архаическую часть текста. Столь же архаичен и мотив обладание именем духа для его обуздания.

Перечисление имен демона сохранилось в трех вариантах заговора против Геллу в каракубском списке, которые можно считать относительно «полными» или скорее остатками полных текстов, включавших ранее и повествование о Мелитине, так как в них упомянуты имена двух братьев и самой Мелитины.

Имена Геллу в их искаженной временем и переписчиками форме плохо поддаются научной этимологизации. Обычно варианты одного из имен, находящихся в самом начале списка напоминают имя духа Авизут, известного

---

¹⁴⁷ Греческие молитвы... С. 129–130.

¹⁴⁸ Там же. С. 130–132.

¹⁴⁹ Там же. С. 66–68.

¹⁵⁰ Там же. С. 82–84.

нам по «Завещанию царя Соломона»¹⁵¹. Сравнение следующих за ним имен с таковыми, например, в еврейских заговорах, не дает сколько-нибудь заметных совпадений. Греческий же язык — напротив, при желании, позволяет «этимологизировать» почти все имена, в том числе варианты имени Авизут. Так, например, в заговоре на л. 17 об. рукописи из Большой Каракубы читаем: «Первое мое имя зовется Геллу, второе — Визу, третье — Морфу, четвертое — Патаксере, пятое — Селемито, шестое — Морфе, седьмое — Аргирия, восьмое — Хрисуса, девятое — Хахариста, десятое — Каталипуса, одиннадцатое — Аргирини, двенадцатое — Странга, детей уносящая — таковы 12 моих имен»¹⁵².

В другом варианте (л. 55 об. — 57 об.) те же 12 имен записаны таким образом: «Геллу, второе — Визу, третье — Пантаксереа, четвертое — Морфу, пятое — Селоми, шестое — Мермефе, седьмое — Аргияни, восьмое — Хероса, девятое — Хархаристра, десятое — Липуса, одиннадцатое — Евранита, двенадцатое — Стригла, детей уносящая»¹⁵³. Как видим, расхождения минимальны и вполне укладываются в рамки обычных «фонетических» ошибок переписчиков. Существенное различие касается лишь одного имени — Евранита, вместо которого поставлено «псевдодублетное» Аргирини.

Особенностью таких списков имен является их очевидный новогреческий характер и спорадическое употребление имен, образованных от одного корня (Аргирия — Аргирини, Морфу — Морфе, Мермефе и т.п.). При этом не совсем ясно, были ли они созданы уже на греческой основе или приобрели греческий вид после неоднократных искажений и вследствие народной этимологизации. Характерно, что имя древнего духа Авизут в греческих списках заговора часто приобретает эллинизированную форму — Авизу, Визу, Авизоту (ср. $\beta\upsilon\zeta\acute{\iota}\alpha$ — груди), то есть приобретает некое подобие греческих слов с общеизвестными корневыми морфемами, что тем самым позволяет как-то осмыслить его в пределах греческого узуса и семантизировать как «безгрудая, лишенная сосков» или напротив — «обильногрудая».

Количество имен Геллу в заговорах различно и порой насчитывает несколько десятков, как правило, с сакральными позициями в 12 (или 12 и 1/2), 24, 36, 40, 72 имени. Очевидно, что на каком-то этапе распространения заговора или же в отдельных регионах возникла мода на увеличение количества имен. При этом, естественно, сказалась нехватка фантазии у составителей. Отсюда запись в качестве имен не только неких отрицательных характеристик, но и произвольное и неоправданное повторение имен или включение в их число названий дней недели и т.п. Вот, к примеру, список из 40 имен демона в каракубском списке (л. 19 об. — 20): Пету, Амфилоту, Визоту, Морфоато, Параксиринето, Каломанито, Салоелето, Мартато, Атрофито, Аргокалесато, Манито, Арпасето, Петрогито, Каркиани, Маркалосато, Елинусто, Арганито,

---

¹⁵¹ Testamentum Salomonis// PG. T. 122. Col. 1315–1358.

¹⁵² Греческие молитвы... С. 84–86.

¹⁵³ Там же. С. 132–135.

Египтанито, Адетус, Манархасту, Авизоту, Каранихос, Селенитон, Авлепсату, Кар[ухо?], Маркалито, Аранитон, Авеза, Плетриато, Гадаросориато, Авфизоту, Врифо, Мариото, Адикто, Хаториато, Ахортаститу, Золато, Понирито, Стриглату, Морипатус¹⁵⁴.

Здесь очевидно стремление составителя использовать продуктивное в древности окончание для образования женских имен «ου», часто в его новогреческом (диалектном) варианте «ου», несколько расширенное за счет предыдущей словообразовательной морфемы «τ» или даже двух: «ν(...)τ». Вместе с тем, в двух случаях наблюдаем окончание «-ς», добавленное к самодостаточному, как уже было отмечено, «ου»: Адетус, Морипатус. В двух других примерах такое же дополнение проявляется в виде конечного «-ν»: Аранитон, Селенитон. Такие изменения можно отнести за счет влияния окончаний имен существительных всех трех родов в именительном падеже. Наконец, одно из имен как бы выпадает из общего списка, имея стандартное для греческого языка окончание именительного падежа после корневой морфемы: Каранихос. Примечательно, что в этом перечне отсутствует имя Геллу, а вариантов имени демона Авизут — несколько: Визу, Авеза, Авизоту, Афвизоту. Впрочем, все имена звучат для греческого уха достаточно «по-гречески». В этом отношении их можно сравнить с именами двенадцати Трясавиц в русских заговорах, связь которых с заговорами против Геллу давно отмечена в литературе¹⁵⁵. В русских заговорах имена также часто звучат «по-русски», хотя далеко не всегда понятны современному читателю¹⁵⁶.

В греческих заговорах «народное» значение имен Геллу наиболее прозрачно, с точки зрения современного языка, в случае композитов: Арго+калесато (αργώ «медлить» и καλώ «звать»), Гадаро+сориато (γάδαρος «осел» и ψόρα «парша»), Кало+манито (καλός «хороший» или καλώ «звать» и μάνα «мать»), Кара+нихос (тюрк. кара «черный» и νύχι «ноготь»), Ката+липуса (ката- «очень», и λύπη «печаль», λείπω «отсутствовать»), Ман+архасту (μάνα «мать» и αρχώ «властвовать»), Мар+калесато (μωρό «ребенок» и καλώ «звать»), Мори+патус (μωρό «ребенок» и πατώ «топтать»), Панта+ксереа (πάντα «все» и

---

¹⁵⁴Там же. С. 85–89.

¹⁵⁵Васильевский В. О Гилло//ЖМНП. Ч. 263. 1889. С. 369–371; Соколов М. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками// ЖМНП. Ч. 263. Москва, 1889. С. 339–368; Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России». Т. 1. СПб., 1863 (London 1973). С. 351–353; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. VI–X//ЗАК. Т. 45. 1883. Приложение. С. 40–53; Веселовский А.Н. Заметки к истории апокрифов//ЖМНП. Ч. 245. 1886. С. 288–293; Ryan W. F. The Bathhouse at Midnight: An Historical Survey of Magic and Divination in Russia. Penn State Press, 1999. P. 246-252.

¹⁵⁶Черепанова О.А. Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск: Изд. ПГУ, 1977. С. 44–57.

ξέρω «знать» или ξεραίνω «сушить»), Пара+ксирино (пара- «очень, сверх» и ξεραίνω «сушить»), Сало+елето (σάλιο «слиюна», σάλος «кутерьма», σαλός «блаженный», σέλας «сияние» и έλεος «милость») и т.д. Подобные имена, скорее всего, создавались уже в греческой среде, хотя не исключено, что один из компонентов мог быть добавлен к какому-либо обломку древнего и вовсе негреческого имени. В некомпозитах, как правило, также без дополнительных пояснений легко угадываются «греческие» корни: Авлеп- (α- «не», βλέπω «видеть»), Адет- (α- «не», δέω «связывать»), Адик- (αδικό «быть неправым»), Амфи- (άμφι- «двойной» или άμφια «ризы»), Арг- (αργυρός «серебряный»), Арпа- (αρπάζω «хватать»), Арт- (άρτος «хлеб»), Атроф- (α- «не», τροφή «пища»), Ахорт- (α- «не», χορταίνω «насыщать»), Виз- (βυζί «сосок груди»), Вриф- (βρέφος «младенец»), Египт- (Αίγυπτος «Египет»), Кар- (κάρα «голова»), Ман- (μάνα «мать»), Лип- (λύπη «печаль» или λείπω «отсутствовать»), Мар- (μαραίνω «увядать»), Март- (μαρτύριο «мучение»), Морф- (μορφή «форма»), Пет- (πέτω «бросать, летать»), Петр- (πέτρα «камень»), Плеть- (πλέκω «вязать, путать»), Понир- (πονηρός «хитрый»), Селен-/Селем- (Σελήνη «Селена», Луна), Странг- (στραγγάζω «душить»), Стригл- (Στρίγγλα «ведьма»), Харкар- (καρχαρίας «акула»), Хрис- (χρυσός «золотой»). В других случаях, вероятно, произошли внутриморфемные изменения, причины которых могут быть различными, при этом наиболее вероятно обыкновенная ошибка переписчика. В наших списках это имена: Авеза (<Авизу), Авфизоту (<Авизоту, Авизу), Аранитон/Евранита (<Уранитон? ουρανός «небо»), Елинусто (<Селенусто? Σελήνη «Селена»), Золато (<Зилато? ζήλος «ревность»), Каркиани (<Коракиани? κόραξ «ворон»), Хаториато (Ахортату?). В какой мере все эти «греческие» имена являются таковыми, а в какой, подобно имени Авизу, производными от древних негреческих слов и имен чужеземных демонов, эллинизированных в течение столетий, предстоит еще выяснить. Представленные в каракубском Молитвослове списки молитвы и перечни имен Геллу не могут быть прямо отождествлены с другими известными текстами молитвы. Впрочем, это не удивительно из-за распространенности заговора и обилия различных версий.

Молитвы против Геллу или, скорее, остатки связанных с нею суеверий, были достаточно широко распространены на Балканах и островах Эгейского и Ионического морей еще в середине XX в. В Приазовье никаких следов веры в Геллу за пределами названной рукописи из Большой Каракубы обнаружить не удалось. Причин может быть несколько, например, избыточная сказочность образа — что-то вроде русской Бабы-Яги, в существование которой в исторический период никто уже не верил. С другой стороны, сюжеты о Геллу, Мелитине и ее братьях оказались недостаточно интересными, а образы не столь активными, чтобы утвердиться среди румейских или урумских сказок, где издавна культивировались свои сюжеты, своя иерархия мотивов и свои исполнители. Можно предположить и относительно случайный характер заговора для крымских и приазовских греков, иными словами набор врачевательных молитв и заговоров каракубской рукописи или по крайней мере

некоторые из них могли быть следствием копирования по одной генетической линии какой-то неизвестной нам сегодня древней рукописи, не имевшей особой популярности среди греков Крыма, а позднее в Приазовьи.

Немаловажна здесь и языковая проблема, т.е., дистанция между языком заговоров — в целом литературным греческим языком богослужебных текстов, и местными румейскими субдиалектами. Для перехода нарратива заговоров или молитв в сферу реального языкового дискурса требовался ни много ни мало перевод с одного языка на другой. Но перевод в те времена был редкостью и для богослужебных текстов, а для заговоров тем более¹⁵⁷. Таким образом, даже если в какой-то период наиболее просвещенные из пользователей заговора могли составить некоторое представление о Мелитине и ее братьях как усмирителях Геллу, то это вовсе не означает, что они способны были передать эту информацию своим менее грамотным односельчанам. В XIX в. проблема языковой дифференциации не только между литературным греческим, но и балканскими и понтийскими новогреческими диалектами в их противопоставлении приазовским все более возрастала. Таким образом, у Геллу становилось все меньше шансов стать частью фольклора или народных верований приазовских греков. Что же касается тюркоговорящих урумов, то, вероятнее всего, этот сюжет остался им недоступен.

Определенное влияние на угасание образа Геллу могло оказать и наличие в румейских диалектах глагола «йелу», фонетически идентичного с именем злого духа и означающего «смеяться». Хотя здесь следует заметить, что греческий глагол «γελῶ» сам по себе древнее ссылки на демона, отмеченной у Сапфо, и форма имени Геллу во всех его древне-, средне- и новогреческих вариантах всегда могла при желании ассоциироваться с формой названного глагола, что, однако, не мешало им мирно сосуществовать в течение тысячелетий.

Не имея возможности отследить механизмы угасания заговоров, попробую высказать некоторые предположения о способах их создания. Наиболее простым и простонародным как по форме, так и по содержанию является, конечно же, первый из рассмотренных текстов. Его возникновение, очевидно, связано с использованием прямого и вполне функционально объяснимого императива по отношению к выходящему из лона ребенку. При этом ссылка на высшие (божественные) силы также является характерной эмфазой, так как на все «воля богов». Поскольку заговором часто становится регулярное повторение достаточно простых слов с целью достижения определенного эффекта, можно предположить, что вначале речь шла о довольно

---

¹⁵⁷ Впрочем, рассматриваемая рукопись содержит примеры перевода двух молитв с греческого на урумский, см.: Чернухин Е. Тюркские переводы греческих богослужебных текстов: запретительные молитвы св. Георгия и св. Киприана// ΚΑΛΟΦΩΝΙΑ. Науковий збірник з історії церковної монодії та гимнографії. Число 5. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2010. С. 294–326.

тривиальных словах, употребляемых повитухами, возможно, прежде всего для самонастройки и отвлечения внимания роженицы, поскольку суггестивная функция слова всегда имела место и, таким образом, повторяемые повитухой слова оказывали положительное влияние и на мать ребенка. Бытовое повторение одних и тех же слов часто делает их «расхожими» выражениями, которые могут впоследствии видоизменяться по законам самого языка и ритмического рисунка речи, порой принимать жесткую форму и тем самым консервировать на многие столетия древние образы или ритуальные действия.

Содержал ли изначально заговор именно пять призывов, которые мы видим в дошедшем до нас тексте, решить трудно. Во всяком случае количество их должно было превышать единицу, скорее всего число их было не меньше трех. Поэтому и возникает интересный вопрос: какие имена использовались в течение всей истории бытования заговора?

Механизмы возникновения двух других заговоров несколько иные. Характерно, однако, что в центре второго из заговоров, обращенных к ребенку, лежит тот же императив «выйди», осложненный на этот раз сравнительной конструкцией на основе симпатической связи. Все остальное: начальные строки из псалма, цитаты из Ветхого завета, использование образов и лексики Нового Завета, просительные и заключительные формулы — представляют собой тот набор декоративных элементов, которым пользовались составители такого рода продуктов. Выбор элементов, степень их творческой переработки, количество и, наконец, «красота» полученного таким способом творения находились в прямой зависимости от образованности и таланта составителя. Очевидно, что даже самые достойные образцы христианского слова были составлены, по-существу, таким же немудреным способом — компиляцией и перестановкой слов текстов более древних источников. Авторами заговоров (так же, как и создателями известных молитв) были священнослужители, чаще монашествующие.

Поскольку христианская церковь в целом не приветствует «императивные» обращения, если это не отлучительные молитвы, можно предположить, что главная идея заговора, выраженная словом «выйди», была заимствована из языческой практики. Таким образом, возможно, мы опять имеем дело с приспособлением древнего заговора к новым временам и древние сравнительные обороты были заменены новыми, к которым для пушей важности были добавлены цитаты из Св. Писания и христианские молитвенные формулы.

Третий из рассматриваемых заговоров со всеми его вариантами, несомненно, литературного происхождения. Несмотря на древность самих образов, его основные сюжеты складывались намного позднее, вряд ли раньше, чем подобные легенды появились в семитских источниках, а это, скорее всего, еврейские мидраши эпохи Средневековья. Можно предположить, что и местом создания заговора был Ближний Восток, где издавна смешивались различные культы, процветали магия и оккультизм. Вместе с тем, сама идея встречи героя со злом — очень древняя и, скорее, универсальная, или кросскультурная. Именно это обстоятельство способствовало распространению заговора за

пределами еврейских общин. Первоначально заговор мог быть составлен для удовлетворения нужд греческого населения Палестины или других районов Ближнего Востока, Египта, Малой Азии, где издавна наблюдалось влияние семитских верований. Таким образом, соседствующие и поддерживающие между собой отношения семьи, принадлежащие к разным конфессиональным общинам, могли пользоваться сходными оберегами для рожениц, что вполне естественно при известной культурно-психологической однородности населения. Впрочем, сходные у своих истоков заговоры позднее разошлись в соответствии с законами развития языков и каждой из культур. Эти последние причины зачастую влияют и на вопросы, связанные с исследованием заговоров. Так, несмотря на то, что тезис о близости заговоров от Геллу к семитским сказаниям был высказан очень давно — еще у Михаила Пселла, и достаточно убедительно повторен в конце XIX в.¹⁵⁸, более глубокое изучение темы требовало умения работать в греческом и семитском языковом и культурном контекстах, что довольно сложно. То же самое справедливо и в отношении «Записок Семена Антоновича Кечеджи-Ени» и некоторых других «греческих» материалов, для рассмотрения которых необходимы знания нескольких неродственных языков и истории различных по своему происхождению культур.

Особого исследования требует вопрос о степени использования подобных заговоров на практике, т.е. в повседневной жизни румеев и урумов Крыма и Приазовья. Маргинальность текстов заговоров по отношению к другим жанрам литературы и народного творчества, социальная изоляция знахарей и колдунов, определенное замалчивание случаев обращения к такого рода средствам со стороны населения — все это создает значительные препятствия для раскрытия темы бытования неканонических молитв и заговоров. На данный момент можно привести следующие доказательства того, что рассматриваемые нами явления не были случайностью или данью собирательства древних текстов. Так, в первые же годы после переселения в Приазовье мариупольский протопоп и эконом Трифиллий Карацоглу (1829 — нач. XIX в.) рассылает письмо всем благочинным с требованием не допускать в греческие села объявившегося в округе ногайского мага и знахаря, напоминая верующим о недопустимости разного рода гаданий и ворожбы, запрещенных церковными канонами¹⁵⁹. В «Записках Семена Антоновича Кечеджи-Ени» дважды идет речь о родах, благополучное завершение которых составитель прямо связывает с прочтением особой молитвы. В обоих случаях молитвы читали известные мариупольские священники: Ефрем Золотарев и Григорий Чернявский. Мы не знаем, какие это были молитвы, но, навряд ли можно утверждать, что кто-то в те времена в Приазовье мог четко провести грань между признанными и непризнанными церковью текстами. Особенно, если речь шла о жизни его детей.

---

¹⁵⁸ Περδικίδης Κ. Περί Λιθίθ και Μαρδούκ//Ο εν Κωνσταντινουπόλει φιλολογικός σύλλογος. Τ. 21. 1887/1888–1889/1890. Κωνσταντινούπολη, 1891. Σ. 161-167.

¹⁵⁹ ИР НБУВ. Ф. V. № 3681/2.

Для начала XX в. сохранилось интересное свидетельство Ивана Ильича Стрионова о посещении им в пятнадцатилетнем возрасте знахарки, которая успешно излечила его от изнуряющей слабости¹⁶⁰. Наконец, каракубский народный Молитвослов был, по всей видимости, достаточно функционален при жизни последней его «законной» хранительницы Анны Шельтык.

© Нурсулу Жамалбековна Шаймерденова
(Астана)

ТРАДИЦИИ О. Н. ТРУБАЧЕВА В КАЗАХСТАНСКОЙ РУСИСТИКЕ

Изменения, наблюдаемые на всем постсоветском пространстве в новых геополитических условиях, приводят к переосмыслению ключевых понятий и складыванию новой историографии лингвистической науки. Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались не только распадом Советского Союза, но и возникновением национальных школ и направлений со всеми позитивными и негативными процессами, характерными для столь сложного научного феномена.

Новая историография в области русистики призвана дать наиболее полное представление о множестве течений и направлений, возникающих в лингвистической науке; способах взаимодействия отечественной и зарубежной историографии; истоках возникновения национальной школы; традициях и новациях, дальнейших перспективах.

Русистика в Казахстане как область филологии, занимающаяся изучением русского языка, русской литературы и фольклора, представлена широко и опирается на традиции советского языкознания, в частности, российской лингвистики.

В своей статье, посвященной 50-летию кафедры «Русской филологии» КазНУ им. аль-Фраби, профессор Н. И. Гайнуллина подчеркнула: «...необходимо оглянуться в прошлое, в котором находятся истоки и корни, породившие плоды, которыми, как естественным достоянием, мы пользуемся в наши дни, с гордостью именуя эту часть научного пространства в нашем регионе словосочетанием казахстанское языкознание, включающее две мощные ветви – казахское языкознание и казахстанскую русистику» [1, с. 6].

Становление казахстанской русистики и многих представителей этого направления проходило под руководством выдающихся ученых конца прошлого века. Среди них ученые, разрабатывавшие актуальные до настоящего времени

---

¹⁶⁰Стрионов И.И. О некоторых событиях XX века / Якубова Л. Д. Історія повсякденності в її етнічному вимірі: спогади грека-комуніста. К., Інститут історії України. 2008. С. 98–99.

проблемы, которые волею судьбы оказались в Казахстане – И. И. Мещанинов, С. Е. Малов, В. И. Чернышев, Н. В. Юшманов, Е. С. Истрина и др. Кроме того, под руководством выдающихся лингвистов в рамках вверенных им институтов и кафедр проходили подготовку молодые специалисты из Казахстана.

Так, среди выпускников российских (советских) вузов сегодня наиболее ярко представлены ученые разных поколений, продолжающие традиции своих учителей. В Казахстане многие годы активно действует Казахстанская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (Президент – доктор филологических наук профессор Э. Д. Сулейменова).

В этом отношении показательным является библиографический справочник «Казахстанская русистика в лицах», опубликованный в 2009 г., где представлена вся информация о казахстанских лингвистах с указанием тем кандидатских и докторских диссертаций, а также их руководителей [2]. Это позволяет панорамно увидеть широту лингвистической тематики, выявить идеи, которые стали отправной точкой для дальнейших исследований.

Почетное место в казахстанской русистике отводится тем идеям, которые предлагал выдающийся ученый О. Н. Трубачев, сумевший отстоять свою теорию относительно иноевропейского этнолингвистического субстрата Северного Причерноморья. Именно в его творческом наследии представлены интереснейшие исследования по этнолингвистике, этимологии, истории русского языка. В этом направлении, продолжая традиции О. Н. Трубачева и основываясь на его лингвистических разысканиях, ведут свои исследования казахстанские ученые: Х. Х. Махмудов, М. М. Копыленко, Е. А. Седельников Н. И. Гайнуллина, Н. Ж. Шаймерденова, З. К. Сабитова, Л. Т. Килева, А. К. Каиржанов, М. А. Бурибаева и мн. др.

Высокую оценку казахстанской русистике дал доктор филологических наук профессор Института русского языка им. А.С. Пушкина В. И. Аннушкин, который отметил: «На меня, например, большое впечатление произвела ситуация с русским языком в Казахстане. Мы поражены силой казахстанской русистики (<http://gramota.ru>).

Основной интерес исследователей-русистов Казахстана сосредоточен на изучении древнейших тюркско-славянских контактов, сопоставительном описании русского и казахского, русского и татарского, русского и английского и проч. языков; исследовании культурно-этнографических и социолингвистических особенностей функционирования русского языка и др.

Большим достижением казахстанской русистики следует считать фундаментальные труды в области лингвистического источниковедения, истории русского языка, сравнительно-исторического языкознания, изучении усвоения второго языка и мн. др.

Следует отметить, что среди национальных школ всего постсоветского пространства казахстанская русистика заняла достойное место в ряду многочисленных работ российской лингвистической науки и зародилась в недрах советской лингвистической школы.

Интенсивному развитию казахстанской русистики способствовали, в первую очередь, работа с уникальными первоисточниками и исследованиями, проведенными такими выдающимися учеными, как, например, О. Н. Трубачев; во-вторых, тесное сотрудничество с зарубежными лингвистическими школами и активное участие во всех серьезных форумах, которые проходили на рубеже веков в Казахстане и за рубежом; в третьих, билингвальная ситуация в Казахстане и установка на полилингвизм, которые естественным образом значительно расширили горизонты исследовательских интересов и позволили казахстанским русистам выйти за пределы одного языка, изучив все аспекты контрастивного и компаративного языкознания и литературоведения.

Литература

1 «Творческий контекст» кафедры русской филологии: Юбилейный сборник к 50-летию кафедры. – Алматы: Казак университеті, 2012. – С. 6.

2 Казахстанская русистика в лицах. Библиографический сборник. – Астана: ИД «Сарыарка», 2009. – 250 с.

© Александр Константинович Шапошников
(Москва)

СЕВЕРНО-ПРИЧЕРНОМОРСКИЙ АРЕАЛ ПОЗДНЕГО ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОСТОЯНИЯ (I–V ВВ.)

В результате военных действий римлян (волохов) в Паннонии и Дакии произошли вынужденные миграции этносов, входивших в состав историко-культурной общности гетов, а затем и общности даков, в частности, агафирсов.

Последние античные упоминания агафирсов помещают их уже в Северном Причерноморье, в Побужье. Так, римский писатель Помпоний Мела (ок. 44 г. н. э.) в своём лаконичном перечне народов азиатской Сарматии упоминает агафирсов между буками, савроматами и амаксобиями (*scythae, arimasporae, essedones, buces, agathyrsi, sauromatae, amaxobioe*) (Mela II, 3). Он же добавляет, что агафирсы наносили татуировки на лица и другие части тела. Плиний Старший (до 79 г.) выражается несколько определеннее. По его мнению, вокруг Гипаниса на континенте обитали авхеты, невры, гелоны, фиссагеты, будины, базилиды, агафирсы, номады, антропофаги, савроматы, эсседоны (*auchetae, neuroe, geloni, thyssagetae, budini, basilidae, agathyrsi, nomades, anthropophagi, sauromates et essedones*). Из данного сообщения следует, что в I в. н. э. агафирсы оказались в окружении своих дальних родственников – паралатов в Побужье, а авхаты – кельтских невров в восточном Прикарпатье, к западу от долины Днестра.

Часть «непокорных даков» перешла через Днестр и вытеснила невров из их страны (Буковины), которые в результате миграции оказались в Литве, оставив там топонимы типа *Norowa*, *Narāvai*, *Nerāvai* (Охманский 1978, 112–113). На верхнем Днестре началось формирование нового позднего праславянского диалектного ареала. Возможно, именно тут берет начало славянская общность, известная через 800 лет под именем тиверцев, т. е. тюритов, жителей долины реки Тюрас (Днестр).

Этноним *Тиверцы* – очевидное праслав. словообразование с суф. *-ьсь* от заимствованной и фонетически адаптированной основы **tīver-* < **tīvr-* (ср. **svarog-* < **svarg-*). Здесь уместно напомнить, что античный гидроним *Τύρης*, *Τύρας*, *Tyras* наиболее убедительно толкуется на базе др.-инд. *tīvrá-* ‘быстрый, резкий’, инд. гидронима *Tīvrā*. От подобного гидронима и произведен славянский этноним **тиверьци**. При этом этноним отвлечен, вероятно, от уменьшительной формы гидронима **Тиверьць* к **Тиверь*, т. е. некий «малый» *Тиверь* (= Днестр). Ср. *Ингул – Ингулец*, *Дон – Донец*, *Каль – Калец*.

Праславянские племена за следующие 150 лет (100–250-е гг.) расселились в лесостепной зоне Русской равнины до долины Северского Донца. Вероятный ареал распространения предков славян примерно совпадает с ареалом распространения памятников черняховской археологической культуры (Черняховская культура 1993, 123–170, см. карту). Как известно, черняховская археологическая культура оставлена историко-культурной общностью готов, а на деле являлась продуктом синойкизма праславянских, прагерманских и сармато-аланских этносов (Гей 1993, 162–170).

Этот ареал праславянского языкового состояния очерчивается языковыми и культурными контактами с сарматотуранскими и синдомеотскими языковыми общностями, следы которых отчётливо проступают в теонимии, например:

праслав. **bogъ* ‘бог’ тяготеет к мидийскому словоупотреблению **baga-* в знач. ‘бог Ахура-Мазда, творец’, ср. праиран. **baga-* ‘доля, выделенная часть, удел, судьба’ и праслав. **nebogъ*, **qbogъ* ‘несчастный, обделенный судьбой, убогий, нищий’. С другой стороны, праслав. **bogъ* выводится некоторыми лингвистами из туранских диалектов Средней Азии с учётом туранского знач. ‘божество (реки, горы и т. п.), дух чего-л.’ сакско-гуннского периода (I в. до н. э. – VI в. н. э.), ср. бактр. *bogo-* ‘божество, бог (один из многих)’, парф. *bay ard vāχš* ‘божество реки Вахш’, кушан. *Ardoχšo vāχš-e hvarāsān vīmand* ‘Божество Вахш – дух хорасанской границы’ (Пьянков 1982, 52–53);

зап.-слав. **rarogъ*, в.-луж. *raroh* ‘балабан’, чеш. *raroh* ‘сокол, хищная птица’, польск. *raróg* ‘сарыч’, перен. ‘чудо, диво’ выводится из сармато-туранского **fra-rōg-* ‘сокол’, утрата *f-* в этой позиции характерна для сармато-аланского языкового состояния, ср. осет. *rog*, *ræwæg* ‘легкий, ловкий, быстрый, проворный’ (Трубачев 1967, 64 и сл.) – демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух, демон. Ророга отождествляли с богом Сварогом;

др.-рус. **Гамаюнъ** ‘вещая птица в раю’ является переоформлением слав. суф. *-унъ* заимствованной при сармато-аланском посредстве основы младо-

авестийского олицетворения проявления психического качества *Humāiyū-* ‘хитрый, лукавый, очаровательный, чарующий’;

др.-русск. **Симарьгъ** – результат переоформления и частичного переосмысления авест. *saena māvgho* ‘орёл-птица’, вещая птица Симург – божество в облике священного крылатого пса, пантерогрифона, вероятно, типологическое соответствие эллинскому Крону и римскому Сатурну;

др.-русск. **Хърсь** (ПВЛ Лавр. 25) – небесный конный всадник, Святovit, аналог античному Аресу Конному, наряду с германской этимологией **horsaz* ‘конь’, возможна этимология на основе осетинского *хорз* ‘хороший’;

Одна из заметных групп славянских божеств носит имена явного арийского (индоарийского) облика. Сюда я бы отнес такие теонимы:

Джива, *Дзива* или *Жива* (в латинизированной передаче *Siva*) – главная богиня полабских венетов, из синдо-меотского **dživa* ‘(как) живая’, ср. др.-инд. *jīva-* ‘душа, живое существо’;

Див (чеш. *divu muž*, др.-русск. **днвѣ** СПИ, ст.-русск. **дын** считают искажением слова **днвѣ**) – божество, заимствованное славянами у северо-причерноморских или дунайских сигиннов. *Дива*, *Диво* (праслав. **divo* ‘нечто дивное, необычное, невиданное прежде, чудо’) (ЭССЯ 5, 33–34, 35–36), но вполне возможно, что и эти формы ж. и ср. р. входит в ряд индоарийских заимствований;

Карна (др.-русск. **Карна** СПИ) толкуется однозначно из др.-инд. *karīna-* ‘жалкий, плачевный, грустный, печальный’ – олицетворение печали, оплакивания, заимствование из синдо-меотск. диал.;

Сварог (др.-русск. **Сварогъ**, **Соварогъ** ПВЛ Ипат. 104 и 104об), праслав. **svarogъ* выводится из индоарийск. *Svarga-* ‘идуший по небосклону, Солнце’ (старое заимствование из синдо-меотск. диалектов) – бог-кузнец Гефест, отождествляется также с титаном Гиперионом;

Сварожич (др.-русск. **Сварожичь**, прилаг. **Свароговъ** и **Сварожь** ПВЛ Ипат. 104об, зап.-слав. *Zuarasici*, *Zuarasiz*, словообразование регулярное славянское с суф. *-itъ* от *Svarogъ*);

Усень (вост.-слав. *Авсень*, *Овсень*, *Баусень*, *Таусень*, *Усень*) – искажение заимствованного арийского названия месяца дождей *āṣvīnā-* ‘относящийся к двум Ашвинам’, ср. др.-инд. *Aśvīnau: Uṣā u Pratyūṣā, aṣvīn* ‘два божества утренней и вечерней зори, сыновья бога Солнца’, *aṣvīnī* ‘божественная кобылица, мать Ашвинов’. Божество-покровитель коней, дух-хранитель кровельных коньков, управитель созвездия Близнецов (Диоскуров), приводящий новый год и весну. Сродни латышскому Усиньшу (лтш. диал. *Ūsinis, Ūsiņš, Jūsens*, нем. *Uhssinsch, Deving Usching* искажение заимствованного при вост.-слав. посредстве того же самого арийского теонима).

В результате пристального рассмотрения выяснилось, что, несмотря на свой очевидный фонетический индоарийский вид, эти теонимы обозначают синкретические божества, в мифологии и культуре которых явно проступает сармато-аланский, авестийский компонент. Такое слияние индоарийских и

иранских элементов мифологии и культа могло произойти в культуре как дунайских арийцев (сигиннов), так и северо-причерноморских арийцев (синдо-меотов) еще между 520 и 330 гг. до н. э.

Несколько примеров лексических заимствований восточно-иранского облика в праславянском языке отражают предполагаемые контакты праславянских племен с сарматским населением Северного Причерноморья:

*ajъse ‘яйцо’ ~ сарм. **ayik-*, ср. осет. *ajk, ajkæ*;

*atra ‘очаг, огонь’ < сарм. **ātr-*, ср. осет. *art* ‘огонь’;

*bogatyрь ‘богатырь’ < осет. *bægatyr* ‘богатырь’;

*dryнь (< **drūn-*) ‘дубина, кол, палка’ ~ осет. *ærdyn, ærdunæ* (< **drūna-*) ‘лук (оружие)’;

*ę-зыкъ (< **?-zūk-*) в разн. знач. ‘язык’ ~ осет. *ævzag, uvzag* ‘язык, речь’ из **hi-zwāka-*;

**gun’a* ‘плотная верхняя одежда из шерстяной ткани’ < сарм. *gaunja ‘верхняя одежда из крашеной шерсти’;

*гъранъ ‘господин, повелитель; знатный благородный человек’ < сарм., туран. **gi-ran-* ‘коровий пастух’;

*хомѣсторъ ‘хомяк’ < сарм. **hamaistar-* ‘припадающий к земле’;

*xorna ‘еда, пропитание; забота’ < сарм. (?) **xvarna-*, ср. авест. *x’arənah* ‘еда, питье’;

*хъмелъ ‘хмель’ < сарм. **humal(i)-*, ср. осет. *xumæl-læg*;

*kordъ ‘короткий меч’ < позд.-сарм. **kard-* < **kart-* ‘меч’;

*котихъ, *котъ, *котьсь ‘небольшой хлев, загон’ суффиксные производные от сарм. **kata-* ‘подземное, вырытое помещение’;

Первая часть русск. *корно-ухий* < сарм. **karna-* ‘с отрезанными ушами, глухой’ (ср. авест. *karəna-* ‘глухой’).

*kъniga ‘книга’ < позд.-сарм. *kunig, *kunuga (ср. осет. *kīunugæ, kīnyg, чиныг* ‘книга, письмо, рукопись, грамота’ и арм. *k’nik, knik* ‘печать’)

*мѣдъ ‘медь’ < раннепраслав. **m’ād(i)-* < сарм. **ma’di-* (др.-перс. *Māda-*, др.-греч. Μηδία);

*mozgъ ‘мозг’ < сарм., туран. **mazga-* (авест. *mazga-*, осет. *mažz*) ‘мозг’;

*osmъ ‘восьмой’ < раннепраслав. *astmas < вост.-и.-е. *oçtmos < и.-е. **ok’t-m-* ~ осет. *æstæm* ‘восьмой’;

*skorъ ‘скорый’ ~ осет. *скъарын* ‘гнать, выгонять, загонять’;

*šьlkъ ‘шёлк’ < герм. **silka-* < сармато-туранск. **silka-* < *sērika

*šumъ ‘шум’ ~ осет. *sum* ‘звук’;

*vatra в составе *ватрушка* ~ др.-арм. *vatra < мидийск. *atro-* ‘священный огонь’;

Некоторые туранские и аланские лексические проникновения предполагаются в позднем праславянском языке.

*čьrtogъ ‘чертог’ < туран. диал. *čīr-tāg < перс. *čār-tāg* ‘четырёхгранный свод, купол’;

*gatati ‘причитать, загадывать загадки’ < туран. **gata-* ‘пение (обрядовое)’, ср. авест. *gatha-* ‘пение (особенно религиозное)’ и др.-инд. *gātha-* тж;

*-*gur-*ъ ‘говорящий, восклицающий; говор, звук, восклицание’, русск. *балагур* ~ вост.-иран. *-*gōr-* (*Beorgor* ‘балагур, говорливый, говорун, многоречивый’, *Iatragor* ‘выкрикивающий в военном походе’, вероятно, этнонимы типа *Saraguri, Kutriguri/Kuturguri, Utiguri, Onoguri* (?);

*gъpanъ ‘господин, хозяин, владелец, пан’ < туран. *gupāna-* ‘пастух коров’, ср. пушт. *jobə*, тадж. диал. *gubonak* ‘пастушок’, ср.-перс. *gupān* ‘пастух’;

*xata ‘хата’ выводилось некоторыми из сарм.-алан. **kata-* ‘вырытый, выкопанный’, что спорно по фонетическим причинам;

*хъmelъ (греч. *χοῦμελι*) < сарм.-алан. **humala-*, осет. *humæl-læg*;

*хъrvatъ ‘хорват’ < сарм.-алан., туран. **hārvath-* ‘женский’;

*korgujъ ‘вид хищной птицы’ толкуется как производное с исходом на -*ujъ* (раннепраслав. -*aujis* суф.) от алан. **karg-* ‘черный гриф’, ‘куроед’, восходящего к вост.-иран. *karkasa;

*soxa ‘соха, рало’ < сарм.-алан. *saxa ‘сук, ветка’;

*toporъ ‘топор’ < диал. сарм., туран. **tapar-* (ср. белудж. *tapar*) ‘топор’;

Ст.-слав. *коумиръ* ~ осет. *гумери, гæмери, гуымиры* ‘великан; дубина; идол’;

Замечены некоторые лексические проникновения из сармато-аланских диалектов в западнославянские языки: польск. *baczyć* ‘видеть, смотреть, замечать’, *patrzyć, patrzeć* ‘смотреть, видеть’, диал. *szatrzyć* ‘знать, смыслить, понимать толк, уметь’, *szatrac* ‘видеть, помнить’, ст.-польск. *szatrzyć się* ‘смотреть, быть осмотрительным, внимательным’, чеш. *šetřiti* ‘беречь, экономить, оберегать, блюсти, соблюдать’ (Трубачев 1967). Последние два глагола примечательны тем, что были усвоены до метатезы -*tr-* в -*rt-* (-*rθ-*) в сармато-аланских диалектах.

Отмечу многие ключевые слова славянских культур, имеющие определенно сармато-туранское происхождение: *богатырь, кумир, книга, медь, соха, топор, хмель, шёлк*.

Наконец, во многих трудах В. И. Абаева высказывается мнение об особых межъязыковых отношениях праосетинского и праславянского языков. Сходный репертуар фонетических, морфологических и лексико-семантических явлений отмечают составители ЭССЯ.

Мои наблюдения (Шапошников 2007) над аналогичными фонологическими процессами в данных праязыках:

и.-е. **sw-* > праосет. **x-*, праслав. **x-*,

сарм.-тур. *au > осет. *û, ран.-праслав. *ai > *ô > праслав. *û,

сарм.-тур. *ai > осет. *î, ран.-праслав. **’ai* > *ê > праслав. *î,

сарм.-тур. *û > осет. *y, ран.-праслав. *û > праслав. *y

и др., над аналогами глагольных парадигм и категорий, приводят к умозаключению, что праславянский и праосетинский некогда составляли

единый языковой ареал, если не сказать, «языковой союз» типа балканского. В недавние годы были выявлены многочисленные русско-осетинские (славяно-вост.-иранские) семантические параллели (Журавлёв 2007, 2012).

На позднем этапе языковых контактов праславян с прагерманцами поменялся вектор заимствований (из прагерманского и его диалектов в праславянский и его диалекты). В начальном этапе этого языкового контактирования (I–II вв. н. э.) были заимствованы:

Прагерманские формы	→ Раннепраслав.	→ Позднепраслав. формы
*hlaiba-	→ *χlaiba-	→ *χlēbъ → *χlēbъ ‘хлеб’
*kaupa-	→ *kaupa-	→ *kōp- → *kūrъ ‘прикуп’
*kaupjan	→ *kaup’ai-t’ai	→ *kōpētē → *kūrīi ‘купить’
*lauka-	→ *lauka-	→ *lōka- → *lūkъ ‘лук’

На завершающем этапе позднепрагерманского диалектного влияния (III–IV вв. н. э.) на средне- и позднепраславянский лексический состав были заимствованы следующие лексемы:

Прагерманские формы	→ Праславянские формы
*bōka-	→ *bōka- → *būky ‘бук’
*bōkō	→ *bōkū- → *būky, *būkyve ‘буква’
*bordō	→ *bordū- → *bordy, *bordъve ‘топор-брадва’
*helma-	→ *χelma- → *šelmъ ‘шлем’
*hrungō	→ *χ(ə)rugū- → *χorugy, *χorugъve ‘хоругви’
*hulma-	→ *χūlma- → *χьlmъ ‘холм’
*liuwa-	→ *l’uva- → *lъvъ ‘лев’
*mel(u)k-	→ *melko ‘молоко’
*mariska-	→ *mariska- → *morъskъ(jъ) ‘морской’
*silka-	→ *s’ilka- → *šьlkъ
*stanga-	→ *st’aga- → *stegъ ‘стяг’
*stađ-	→ *stado ‘стадо’
*tūna-	→ *tūna- → *tynъ ‘тын’

Вновь отмечу многие ключевые слова славянских культур, имеющие определенно прагерманское диалектное («готское») происхождение: *хлеб* (*дрожжевой*), *лук* (*огородный*), *молоко* (!), *бук*, *холм*, *тын*, *стадо*, *топор-брадва*, *шлем*, *шёлк*, *хоругвь*, *стяг*, *буквы*, *купить* (*за деньги*). При этом археология свидетельствует о насущной необходимости в появлении таких слов именно в указанную эпоху. Освоение нового лесного массива (Буковина) способствовало появлению нового ботанического термина (*бук*). Утверждение товарно-денежных отношений (*купить за деньги*) документируется широким обращением римских монет разного номинала (Сымонович 1993с, 158, карта № 27). Появление письма буковыми чернилами предполагает использование какого-то недолговечного писчего материала (*бересты*?). Появление нового вида строения (*тын*) документируется черняховскими неукрепленными селищами (Сымонович 1993b, 130–133). Железные топоры-брадвы засвидетельствованы в комплексах предметов вооружения и сбруи (Сымонович 1993а, 146, таблица на с. 293).

Вероятнее всего, данные примеры лексических заимствований иллюстрируют языковые контакты праславян с восточными германцами (готами, гепидами, герулами) в период продвижения готских племен в Восточную Европу и праславяно-прагерманско-праосетинского синойклизма в составе державы готов (200–375 гг.).

Древнейшими языковыми фактами определено славянского вида, которые признаются даже ориентальной софистикой, суть слова гуннского языка в описании ромейского посольства Приска к Атилле в 448 г. и в описании готов Иордана (СДПИоС I, 89, 93, 165):

Stravam < *jъztrava ‘поминки’ (ЭССЯ 9, 80–82)

Κάμνον < *komъ ‘название хмельного напитка из ячменя, брага или пиво’ (ЭССЯ 10, 173–174, 179–180)

Μέδος < *medъ ‘хмельной ритуальный напиток из мёда’ (ЭССЯ 18, 68–72).

Практически, этих трёх слов достаточно для следующего положения:

В составе державы гуннов находились славянские племена, при этом они пришли на территорию Среднего Подунавья из Северного Причерноморья.

Использованная литература

Гей 1993 – Гей О. А. Происхождение и этнический состав // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993, сс.162–171.

Журавлев А. Ф. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica) // Этимология. 2003–2005 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 86–108.

Журавлёв А. Ф. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (Slavo-ossetica). Статья 3 // Этимология. 2009–2011. М., 2012. С. 135–172

Охманьский 1978 – Охманьский Е. Участие западных балтов в развитии средневековой Литвы // Конф. 1978, М., 1978.

Пьянков 1982 – Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе: Дониш, 1982.

СДПИоС I – Свод древнейших письменных известий о славянах. Том. I (I–VI вв.). – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 471 с.

Сымонович 1993а – Сымонович Э. А. Вещевые находки // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993, сс. 145–146.

Сымонович 1993б – Сымонович Э. А. Поселения и жилища // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993, сс. 130–133.

Сымонович 1993с – Сымонович Э. А. Хозяйство, торговые связи и общественный строй // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993, сс.155–162, карта 27.

Трубачев 1967 – Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965: Материалы исслед. по индевроп. и др. яз. – М.: Наука, 1967. – СС. 3–81.

Черняховская культура 1993 – Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993, СС. 123–170

Шапошников 2007 – Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2007. – 397 с. – сс. 255–322.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–38. М.: Наука, 1974 – продолж.

© Виктор Петрович Шульгач
(Киев)

К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ. 2

В настоящих заметках предложено новое этимологическое истолкование некоторых диалектных лексем украинского языка.

Віриглі ‘особые “па” в танцах’. Отнесено к числу неясных (ЕСУМ 1, 379). На наш взгляд, это форма мн. числа от **vir(u)golv* (с развившимся секундарным *-u-* после плавного) < **vьrgьль* (с реализацией *-ь-* > *-u-* в бинарной группе *-ьp-*). Ср. еще родственные пол. *Wirgel*, *Wargiela* – фамилии. На основе суффиксальной вариантности **vьrgьль* связано с **vьrgolv*, **vьrgulь*, описанными нами в другом месте.

Кáвід ‘род, порода’. Объясняют как результат слияния не совсем ясного компонента *ка-* и основы глагола *водитися* (ЕСУМ 2, 335). Полагаем, что это форма с секундарным *-i-*, восходящая к **кавд* < **калд* < **кълд* (*-ьл-* > *-ал-*). Значение ‘род, группа родственников, племя и т.д.’ обычно присуще формам женского и среднего родов. Ср.: блр. диал. *кодло* ср. ‘род’, *кодла* ж. ‘т. ж.’, *кодла* ср. ‘род, племя’, укр. диал. *кодло* ‘вся родня с детьми’, ‘род. племя, выводок’, русск. диал. *кодло* ‘род, племя; происхождение’, ‘гнездо, порода’ и др., восходящие к **колда*, **колдо* (метатеза) < **кълда*, **кълдо*. Именно такой путь формальной эволюции предложила в одной из работ Р. М. Козлова. Украинский факт ценен как парадигматический вариант мужского рода – **кълдь*.

Вйшарвати ‘изыскать, найти’. Квалифицируется как результат видоизменения формы *вишарити* ‘выискать’ (ЕСУМ 1, 387). На наш взгляд, это идеальное продолжение псл. *vy-sъrvati. Ср. еще русск. диал. *шаврать* ‘ходить вяло, медленно, лениво; таскать, волочить ноги; шаркать, шлендать, шамшить’, соотносительное с *шавра* ‘тот, кто любит бесцельно шляться’. Эти примеры можно рассматривать как метатезные варианты, восходящие к *шарвать, *шарва < *сървать, *сърва (*ш-* < *с-* – шепелявость). Гнездо производных с корнем **сърv-* на богатом фактическом материале (апеллятивном и проприальном) описано Р.М. Козловой.

Вняпитися ‘увлечься (о работе, занятии)’. Объясняют, как «очевидно, результат контаминации слов *нятися* ‘браться за что-либо’ и *ушнитися* ‘привязаться к кому-нибудь» (ЕСУМ 1, 411). На наш взгляд, это префиксальное (*в-*) образование от *япитися (с вторичной *н-* эпентезой) < *apiti se. Последнее сопоставимо с псл. *ара, *арати, реконструированными в (ЭССЯ 1, 71–72).

В докладе предлагаются также авторские этимологические версии для укр. диал. **вельбучитися** ‘гордиться, задаваться’, **вельмак** ‘вид дерева’, **витрибки** ‘отходы’, **вирпці** ‘постолы’, **ф’юрко** / **фюрко** ‘пчелоедка золотистая, *Merops apiaster* L.’. Фактический материал паспортизирован.

Сокращения

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О.С. Мельничука. К., 1982 – Т. 1 –.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. М., 1974 –. Вып. 1 –.

© Вячеслав Константинович Щербин
(Минск)

О. Н. ТРУБАЧЕВ О НОРМАХ СЛОВАРНОЙ ЭТИКИ

Масштаб личности академика Олега Николаевича Трубачева, новизна и оригинальность многих продуцированных им научных идей и гипотез были таковы, что напрямую задевали интересы и самолюбие других известных и менее известных славистов. Последнее обстоятельство нередко становилось причиной жарких и не всегда этически выдержанных дискуссий вокруг отдельных, наиболее новаторских идей О. Н. Трубачева. К примеру, весьма острую и не совсем адекватную реакцию ряда отечественных и зарубежных славистов вызывала его дунайская концепция прародины славян. Причем самого О. Н. Трубачева беспокоил не столько сам факт возникновения подобных

дискуссий по поводу предлагавшегося им решения проблемы прародины славян, сколько морально-этический уровень таких дискуссий: «Не имея ничего против научных споров по существу проблемы, я с немалой горечью и разочарованием наблюдал, какой яростной, неадекватной и притом – групповой – реакцией отвечают на научное расхождение, с каким пристрастием ищут в мотивах моих действий (и находят, поелику очень хотят найти!) «ложно понятый патриотизм» и даже «великодержавный шовинизм». Нехватка научной аргументации, таким образом, компенсировалась, как видим, и некрасивыми политическими ярлыками и определенными попытками остракизма («он один так думает, никто больше так не думает!»)...» [Трубачев 2003: 306-307]. Недостаточно высокий морально-этический уровень подобных дискуссий, по справедливому замечанию О. Н. Трубачева, «побуждает нас и в чисто научном обсуждении этногенеза и параметров его исследования отвести видное место напоминаниям о научной этике и научной добросовестности» [Трубачев 1992: 11].

Столь же многочисленные выпады недоброжелателей вызвало утверждение О. Н. Трубачева о наличии на постсоветском пространстве русского языкового союза. Объективность существования такого языкового союза Олег Николаевич обосновывал следующим образом: «...ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идет практически всегда через ее язык. Знание языка великой культуры пускает корни в сопредельных инонациональных регионах, языки которых при этом связывает с наиболее авторитетным языком макрорегиона целая система своеобразных отношений, которые укладываются в понятие языкового союза, уже относительно давно принятое в мировой лингвистической науке. ...Языковой союз – это масса тождественных по значению и употреблению слов, терминов культурной жизни, оборотов речи, не говоря о прямых заимствованиях. «Дающим» по преимуществу является при этом наиболее авторитетный язык региона» [Трубачев 2005с: 8-9, 11].

О. Н. Трубачев особо подчеркивал то обстоятельство, что «русский языковой союз не направлен против других языков региона... Здесь нет колониализма – ни старого («разделяй и властвуй»), ни нового («уйти, чтобы вернуться»), нет политики кнута и пряника (с «пряниками» туго...), нет вообще политики, языковой союз, в отличие от союзов политических, никто не строил, он установился сам и еще пребывает в наших суверенных домах – как залог, быть может, нового, более совершенного единства» [Трубачев 2005с: 13]. Тем не менее, как только О. Н. Трубачев высказал свое научно обоснованное мнение о существовании русского языкового союза, реакция отдельных его оппонентов на это высказывание была быстрой и весьма невыдержанной в этическом отношении, о чем с горечью признавался сам Олег Николаевич: «Высказал и – сразу сподобился нападок и политических ярлыков вроде «шовинизма». Разумеется, такая реакция неадекватна и несправедлива, и я не могу уважать тех, кто поспешил приписать мне соответствующие «измы» и приклеить эти ярлыки.

Мне почему-то верилось, что положение о языковом союзе в нашей стране достаточно серьезно и заслуживало бы иного отношения. Вряд ли честен в моих глазах лингвист, который орудует политической демагогией и трусливо уклоняется от обсуждения» [Трубачев 2005с: 10]. На наш взгляд, именно такие способы борьбы, используемые оппонентами научных идей и гипотез О. Н. Трубачева, привели его к выводу о том, что «этика у нас находится в таком же запущенном состоянии, как ... каллиграфия и ораторское искусство» [Трубачев 1993: 7].

Серьезно волновали О. Н. Трубачева и многие иные вопросы морально-этического характера: а) моральная сторона взаимоотношений научного руководителя с его учениками, среди которых нередко встречаются эпигоны [Трубачев 1993: 10]; б) дефицит чувства ответственности у отдельных исследователей [Трубачев 1978а: 18]; в) нежелание отдельных критиков и оппонентов «положительно оценить все, что несогласно с их собственным мнением» [Трубачев 2003: 253]; г) нетерпимость многих «светлых умов» к научному инакомыслию [Трубачев 2003: 308]; д) вопрос о нецелесообразности включения лексики половой сферы (т.е. непристойных слов) в создаваемые учеными словари литературного языка [Трубачев 1978б: 21] и многие иные морально-этические проблемы науки. Именно поэтому О. Н. Трубачев в своих публикациях всячески подчеркивал необходимость «обсуждения огромных по важности вопросов морали в науке» [Трубачев 1993: 9]. Кстати, этические нормы науки О. Н. Трубачев распространял и на лексикографию, в отличие от многих западных лингвистов, которые считают лексикографию в большей мере ремеслом и искусством, чем наукой (назовем для примера монографию американского исследователя С. И. Ландау «Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography» [Landau 1996]).

Насколько тесно переплелись в судьбе и творчестве академика О. Н. Трубачева вопросы словарной этики и этики науки вообще, можно судить по его собственной оценке двух опубликованных им морально-этических по содержанию статей в газете «Правда» [Трубачев 1984; Трубачев 1987]: «Они выросли из моей большой лексикографической практики – я имею в виду многолетнюю работу по созданию «Этимологического словаря славянских языков (реконструкция и объяснение праславянского лексического фонда)» [Трубачев 2005а: 405].

Проведенное нами исследование показывает, что О. Н. Трубачев придавал исключительно большое значение вопросам словарной этики: а) строгому соблюдению всеми лексикографами общенаучных и более специфических (словарных) норм; б) открытому осуждению случаев словарного плагиата и иных видов научной недобросовестности; в) формированию культуры полемики между автором словаря и его рецензентами; а также иным морально-этическим аспектам лексикографической деятельности. При этом указанные вопросы рассматривались О. Н. Трубачевым весьма широко и объемно, с привлечением текстовых материалов самых разных словарных

жанров: 1) текстов самих словарей, 2) текстов их переводов, 3) текстов словарных рецензий и иных критических публикаций. Более того, в процессе рассмотрения выявленных им нарушений словарной этики Олег Николаевич не ограничивался их простой констатацией (хотя сам факт обнаружения таких нарушений в печати уже является достаточно эффективным средством морального осуждения неэтичных деяний нарушителей). Для борьбы с многими видами таких деяний О. Н. Трубачев предложил жесткие и, на наш взгляд, весьма эффективные меры противодействия.

В частности, анализируя текст популярного по стилю изложения “Краткого этимологического словаря русского языка” (1961), подготовленного коллективом авторов (в их числе – Н. М. Шанский, В. В. Иванов и Т. В. Шанская), О. Н. Трубачев выявил “крайне низкий уровень этимологического анализа, общую отсталость, а также недобросовестное обращение с материалом, демонстрируемые на каждой странице книги” [Трубачев 1961: 135]. Отмеченные недостатки рецензируемого словаря позволили О. Н. Трубачеву сформулировать следующие рекомендации морально-этического характера для авторов подобных популярно-этимологических словарей: «Словарь может быть «кратким» и «популярным», даже «школьным» и вместе с тем он может оставаться научным. Между научным и научно-популярным изданием нет и не должно быть принципиального различия, однако писать популярные работы труднее, чем специально научные. Нельзя одновременно оставаться добросовестным и заниматься популяризацией той отрасли науки, которая не стала твоей плотью и кровью. Другими словами, написание популярной работы справочного характера должно быть итогом длительной исследовательской работы. Противоположное понимание научной популяризации почти неизбежно рождает наспех написанную стряпню, грубую фальсификацию, которую не могут скрыть ни псевдолаконичность, ни обтекаемость формулировок или нарочито глухие ссылки» [Трубачев 1961: 129].

Поскольку опубликованная О. Н. Трубачевым весьма критическая рецензия на “Краткий этимологический словарь русского языка” (1961) не остановила процесс публикации в СССР сделанных на скорую руку популярных этимологических словарей русского языка, он счел необходимым 17 лет спустя вернуться к рассмотрению данного вопроса в своем обзоре этимологических словарей восточнославянских языков, опубликованном в 1978 году в журнале “Вопросы языкознания”. В качестве наиболее удачного образца популярного этимологического справочника Олег Николаевич разбирает “Этимологический словарь русского языка” (1910–1949), подготовленный еще в дореволюционный период преподавателем гимназии А. Г. Преображенским: “Преображенский был школьный учитель, но словарь у него вполне научный. Это слияние обоих методов можно считать наиболее похвальной особенностью его словаря, можно сказать, что с его стороны это было едва ли не самым смелым шагом и самым важным авторским проявлением. Фактически есть только одна этимология, а не две – одна для учащейся молодежи, а другая для специалистов. Похоже, что с

той поры эту истину стали забывать. Только таким образом можно объяснить себе появление целого ряда этимологических словарей русского языка, выпущенных за последние десятилетия специально для школы, которые вряд ли продвигают дальше этимологическую науку, да и для учащихся и для учителей не столь полезны, как это имелось в виду, потому что популяризация – дело не только трудное, но и нуждающееся в особо прочной научной основе и особенно точном знании фактов. Популяризация полунауки, разумеется, не оправдывается ни педагогически, ни с точки зрения ответственности перед широкими кругами читателей” [Трубачев 1978а: 18].

Справедливость и обоснованность высказанных еще в 60–70-е гг. суждений О. Н. Трубачева относительно необходимости исключительно научной популяризации новейших знаний современные науковеды осознали только сейчас, выявляя причины того, почему за последние годы в десятки раз сократились тиражи наиболее известных отечественных научно-популярных журналов, таких как «Наука и жизнь», «Знание-сила», «Техника молодежи», «Квант» и другие, а также почему в постсоветский период так стремительно редуцировался социальный капитал отечественной науки, т.е. уровень доверия к ней со стороны общества и властных структур, которые уже не желают финансировать свою науку в прежних, советских объемах.

Приведу для сравнения с трубачевскими суждениями вывод двух современных (украинского и белорусского) науковедов о природе популяризации научных знаний: «Задаваясь вопросом, почему уровень доверия людей к науке так резко снизился в конце 80 – начале 90-х гг., почему общественное благоговение перед учеными и всеобщее восхищение наукой вдруг сменилось едва ли не откровенной неприязнью населения постсоветских стран, мы не можем не обратить внимание на одно обстоятельство – на чем базировалось такое отношение. В его основе лежала вера во всезнание и всемогущество науки. Этому в значительной степени способствовал сам характер популяризации науки – средства массовой информации и даже научно-популярные издания чаще всего не ставили целью передать читателям новое научное знание, а стремились поразить их «чудесами науки», вызвать восхищение ими. Естественно, что события, обусловленные человеческим фактором, как чернобыльская катастрофа, многочисленные случаи техногенного загрязнения экологической среды и т.д., основательно подорвали веру людей в чудесную силу науки.

Поэтому одним из важнейших аспектов сознательного наращивания социального капитала науки – насущнейшей задачей научного сообщества и всех общественных сил, стремящихся реализовать инновационное развитие наших стран, по нашему убеждению, является не просто активизация популяризации науки, но и коренная переориентация научно-популярных изданий и программ. Они должны нести в широкие массы новое научное знание и понимание места науки в цивилизационном процессе, способствовать осознанию обществом того очевидного факта, что наука – это передний фронт

борьбы человечества за свое место под Солнцем, основа для развития. А на фронте, как и во всякой войне, нужно быть готовым и к победам, и к поражениям. Но без упорного продвижения вперед в этом постоянном сражении наша цивилизация может утратить как основу для своего развития, так и саму возможность своего существования в будущем» [Попович, Щербин 2012: 41]. Из приведенной выше цитаты видно, что мнение современных науковедов о характере популяризации научных знаний во многом совпадает с опубликованными более сорока лет назад размышлениями над этим вопросом О. Н. Трубачева.

В другой своей рецензии – на русскоязычное издание английской “The Hutchinson Pocket Encyclopedia” (Оксфорд, 1995) – О. Н. Трубачев подробно рассмотрел основные недостатки данного энциклопедического издания: 1) наличие в нем огромного количества очевидных переводческих ошибок, вызванных беспомощностью, неряшливостью и невежеством переводчика. Такие ошибки особенно возмущали О. Н. Трубачева, который сам много переводил на русский язык и «бережный характер перевода» [Трубачев 1978b: 21] которым Русского этимологического словаря М. Фасмера полностью удовлетворил последнего; 2) несоответствие рецензируемой зарубежной энциклопедии словарным запросам русскоязычной читательской аудитории, обусловленное тем, что «русская языковая картина мира включает устоявшуюся русскую терминологию реалий **всего** мира» [Трубачев 1997: 14], а потому не приемлет навязываемые переводчиком транслитерированные термины и собственные имена (*Иванхое* вместо *Айвенго*; *гаулы* вместо *галлов*; *Карлеман* вместо *Карла Великого*; *королева Шеба* вместо *царицы Савской*; *хиттиты* вместо *хеттов*; англо-японский вариант географического названия *Эторофу* вместо русского названия острова *Итуруп* и т.д.). В более ранней своей статье, посвященной вопросам теории и практики перевода, О. Н. Трубачев назвал указанные выше требования к переводу иноязычных терминов и собственных имен правилом о том, что «не следует умножать сущности»: «Опасность этого рода всегда есть и была при переводах и пересчетах знаков одной культуры знаками другой. Не всегда легко знать, что имя китайского лингвиста, известное в англоязычном звучании *Yuen Ren Chao*, по-русски должно передаваться как *Чжао Юань-жень*. Но именно этой адекватной передаче таких **сверхзнаков**, как имена, мы должны ждать и требовать от хорошего перевода» [Трубачев 1978b: 24]; 3) «сугубо лексикографические (словарные) небрежности (типа отсылки к алфавитной позиции, которая, в свою очередь, на своем месте отсутствует)» [Трубачев 1997: 14] и многие иные просчеты.

Тиражирование подобной негодной энциклопедической продукции (а Хатчинсоновская карманная энциклопедия издана в России тиражом 20 тысяч экземпляров), по мнению О. Н. Трубачева, имеет своей скрытой целью воспрепятствовать подготовке и изданию Русской энциклопедии. Именно поэтому главной целью своей рецензии на русскоязычное издание Хатчинсоновской карманной энциклопедии Олег Николаевич считал

«аргументированную отповедь тем, кто позволяет себе (порой импозантно) сомневаться, – нужна ли вообще Русская энциклопедия» [Трубачев 1997: 16]. Более того, О. Н. Трубачев предложил в своей рецензии принять меры организационного характера в отношении такого рода «энциклопедической» продукции: «Карманная» литература такого негодного уровня в обществе, которому небезразлично образование и обучение своих членов, должна быть запрещена» [Трубачев 1997: 12].

Совсем иные меры, а именно меры морально-психологического воздействия, предложены О. Н. Трубачевым в отношении авторов и редакторов пасквиля на «Словарь русского языка XI–XVII вв.», опубликованного в международном журнале “Russian Linguistics”. Чисто по-человечески сделать это Олегу Николаевичу было совсем не просто, поскольку основателем и главным редактором указанного журнала был известный чешско-американский славист А. В. Исаченко, с которым О. Н. Трубачеву довелось много общаться во время своей командировки в Чехословакию в мае-июне 1958 г. Тем не менее, поскольку издательская политика журнала “Russian Linguistics” вступила в явное противоречие с нормами научной этики, О. Н. Трубачев вынужден был дать неллицеприятную оценку позиции редакции журнала и предложить соответствующие меры воздействия в отношении редакции данного журнала.

В статье «Славяне, язык и история», впервые опубликованной в сборнике документальной прозы «Писатель и время» (1986), Олег Николаевич поделился следующими размышлениями на сей счет: «В последнее десятилетие своей жизни Исаченко ... основал международный журнальчик “Russian Linguistics” («Русское языкознание»), как вскоре выяснилось, с главной целью – следить за новыми советскими научными публикациями по русскому языку и безотлагательно громить их в рецензиях. Последовали уничтожающая рецензия на новую грамматику русского языка 1970 г., пасквиль на «Словарь русского языка XI–XVII вв.». Одним словом, издание зарекомендовало свои интересы совершенно определенным образом. Его нынешние руководители, понявшие, что на одном противостоянии всему советскому русскому языкознанию «Рашен лингвистикс» долго не протянет, вдруг ощутили усиленный интерес к личным контактам с нашими учеными и учреждениями. Сотрудничество? Прекрасно! Но с кем? – позвольте в данном случае спросить. Разборчивость в таких делах, как знакомство, а тем более – сотрудничество, – вещь не последняя. А люди порядочные во все времена не останавливаются и перед тем, чтобы раззнакомиться с теми, кто элементарно нарушает этику. И в нашем внутреннем общечеловеческом, и в международных делах эти критерии сохраняют свою цену. Я говорю это к тому, что прекрасный лозунг «мы за сотрудничество» у нас подчас понимают и используют слишком широко. Для нас, в нашей науке о языке, где идеи и проблемы тесно переплетены с историей общества, с вопросами национальной чести, престижа и достоинства, с необходимыми общечеловеческими критериями, безусловно, очень важно изживать психологическую напряженность, насаждать и поддерживать международное и

межнациональное взаимопонимание. Но проверкой всему должен оставаться этический критерий» [Трубачев 2005b: 397–398].

Таким образом, приведенные выше размышления О. Н. Трубачева по морально-этическим вопросам науки затрагивают весьма широкий спектр «болевых точек» и нерешенных проблем научной этики, включая, в числе прочих, и нормы словарной этики. Более того, Олегом Николаевичем предложены разнообразные и весьма эффективные способы решения многих из этих проблем: от разработки морально-этических рекомендаций авторам разнотипных словарей и мер морально-психологического воздействия на недобросовестных рецензентов словарных изданий до принятия соответствующих организационных решений в отношении производителей негодной энциклопедической продукции. На наш взгляд, с годами ценность и актуальность морально-этических размышлений О. Н. Трубачева только возрастает. Когда читаешь написанные в 1986 г. слова Олега Николаевича о том, что «именно в технически перенасыщенный век этика приобретает решающее значение. Именно потому, что экономика и техника, казалось бы, заслоняют этику и этическое. Именно потому также, что одновременно угрожающе растут делячество, выдаваемое за деловитость, спекуляции всякого рода и буквально на всем, снобизм» [Трубачев 2005b: 398], то невольно возникает впечатление, что это сказано прямо о сегодняшнем состоянии отечественной словарной индустрии, которая вобрала в себя огромное множество всевозможных электронных компиляций и прочих «переделок» известных словарных изданий. Причем эти словарные компиляции и «переделки» создаются с нарушением не только морально-этических норм, но и международных норм авторского права. Более того, главной тенденцией в развитии современной отечественной лексикографии стала, на наш взгляд, стремительно протекающая коммерциализация словарных проектов, а ее «главными героями» выступают словарные плагиаторы и компиляторы всех мастей, нередко единолично публикующие по несколько десятков разнотипных справочных изданий в год.

Даже в рамках академической лексикографии постсоветских стран сегодня протекают весьма неоднозначные с морально-этической точки зрения процессы. К примеру, академическими лексикографами Беларуси в настоящее время всячески обосновывается положение о том, что развитие национальной лексикографии «достигло той стадии, когда остро ощущается потребность в переиздании всей ее послевоенной продукции» [Лемцюгова 2012: 115]. Однако, когда начинаешь знакомиться с этими словарными переизданиями (например, с новыми версиями орфографических и переводных (белорусско-русских) словарей академического типа), то очень скоро убеждаешься в том, что вся новизна этих словарей, в основном, состоит в замене списка их авторов-составителей, а сами тексты данных словарей почти не подверглись изменениям.

Можно, конечно, проигнорировать морально-этическую сторону такого подхода к переизданию академических словарей, но как в таком случае быть с реализацией в них общепринятого в мировой лексикографии «принципа,

согласно которому инновативность является необходимым требованием к новому изданию любого словаря» [Згуста 2000: 193]? О необходимости соблюдения данного принципа в отечественных справочных изданиях писали и многие известные российские исследователи. К примеру, И.Г. Добродомов считает, что «при создании словарей нельзя рутинно повторять соображения отдельных предшественников, а желательно опираться на всю лексикографическую традицию в целом: тогда возможность ошибки исключается» [Добродомов 2000: 186]. В свою очередь, О.Н. Трубачев, размышляя над материалами для этимологического словаря фамилий России, пришел к выводу о том, что «в исследованиях первостепенное значение имеет максимальный охват материала, приток свежего материала, в противном случае и лучшие из работ будут страдать схематизмом. Постоянное привлечение нового материала откроет новые неожиданные аспекты там, где обращение с некоторым количеством привычного классического материала позволяло удовлетворяться сложившейся схемой» [Трубачев 2005d: 120].

Это небольшое отступление от темы данной статьи призвано продемонстрировать, что нормы словарной этики возникли не на пустом месте, в них отражен многовековой опыт развития мировой лексикографии со всеми ее дисциплинарными особенностями. Именно по этой причине словарные этические нормы должны неукоснительно соблюдаться всеми без исключения лексикографами, как академическими, так и неакадемическими. Здесь уместно будет еще раз процитировать программную статью Олега Николаевича Трубачева «Беседы о методологии научного труда»: «Общэтические проблемы стоят в современности перед всеми нами так остро», что впору серьезно задуматься над словами выдающегося осетинского словарника и этимолога В. И. Абаева о том, что «сейчас для нас важнее всего этика» [Трубачев 1993: 7].

Литература

Добродомов 2000 – И. Г. Добродомов. Традиция и рутина в лексикографии (восточный термин *беглербей* в словарях) // Русская историческая лексикография на современном этапе: К 25-летию издания Словаря русского языка XI–XVII вв. / Под ред. М. И. Чернышевой. М., 2000. С. 180–187.

Згуста 2000 – Л. Згуста. Пути развития лексикографии будущего / Пер. с англ. // Русская историческая лексикография на современном этапе: К 25-летию издания Словаря русского языка XI–XVII вв. / Под ред. М. И. Чернышевой. М., 2000. С. 188–197.

Лемцюгова 2012 – В. П. Лемцюгова. Храналагічная мяжа сучаснасці беларускай літаратурнай мовы // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2012. № 3. С. 115–119.

Попович, Щербин 2012 – *А. Попович, В. Щербин*. Внутренняя и внешняя составляющие социального капитала науки // Наука и инновации. 2012. № 3. С. 38–41.

Трубачев 1961 – *О. Н. Трубачев*. Об одном опыте популяризации этимологии // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 129–135.

Трубачев 1978а – *О. Н. Трубачев*. Этимологические исследования восточнославянских языков: словари // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 16–25.

Трубачев 1978b – *О. Н. Трубачев*. Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории и практики перевода // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 15–24.

Трубачев 1984 – *О. Н. Трубачев*. Свидетельствует лингвистика // Правда. 1984. 13 декабря.

Трубачев 1987 – *О. Н. Трубачев*. Славяне: Язык и история: Возвращаясь к теме // Правда. 1987. 28 марта.

Трубачев 1992 – *О. Н. Трубачев*. Этногенез и культура славян. VII // Этимология, 1988–1990: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1992. С. 3–12.

Трубачев 1993 – *О. Н. Трубачев*. Беседы о методологии научного труда («Трактат о хорошей работе») // Русская словесность. 1993. № 1. С. 3–12.

Трубачев 1997 – *О. Н. Трубачев*. Русская энциклопедия и ее антиподы: Хатчинсоновская карманная энциклопедия (М.: Внешсигма, 1995. 665 с.) // Русская словесность. 1997. № 3. С. 12–16.

Трубачев 2003 – *О. Н. Трубачев*. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 489 с.

Трубачев 2005а – *О. Н. Трубачев*. Славяне: язык и история // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 405–416.

Трубачев 2005b – *О. Н. Трубачев*. Славяне, язык и история // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 389–398.

Трубачев 2005c – *О. Н. Трубачев*. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М.: ИИПК «ИХТИОС», 2005. 352 с.

Трубачев 2005d – *О. Н. Трубачев*. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 103–153.

Landau 1996 – *S. I. Landau*. Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography. New York: Cambridge University Press, 1996. 384 p.

-
- ⁱ Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангула // ИГАИМК.— 1933.— Вып. 71.— С. 11.
- ⁱⁱ Michel Balard. Byzance et les Régions Septentrionales. – P., 2004. p.123.
- ⁱⁱⁱ Gorovei S., Szekely M. Les emblèmes impériaux de la princesse Marie Assanine Paleologue // Etudes Byzantines et post-byzantines. – Bucuresti, 2005, v. V. – P. 61.
- ^{iv} Мыц В.Л. Каффа и Феодоро. Контакты и конфликты. – 2008, с. 153, 171.
- ^v Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda.
- ^{vi} Ștefan Gorovei. Maria Asanina Paleologhina, Princess Of Moldavia” (I) Studies and Materials of Medium History (Studii și Materiale de Istorie Medie (SMIM)), issue: XXII / 2004, pages: , on www.cceeol.com.
- ^{vii} Mallat P. Palaiologos family after 1453: the destiny of an imperial family //The Genealogist. – 1981. – N 2. – P. 151.
- ^{viii} Шаховской Д.М. Редакция Родословной Головиных Н.Ф. Иконникова // Род дворян Головиных в контексте российской истории. Сб. статей. – М., 2003. – С.160.
- ^{ix} Ștefan Gorovei. Maria Asanina Paleologhina, Princess Of Moldavia
- ^x Ștefan Gorovei. Maria Asanina Paleologhina, Princess Of Moldavia.
- ^{xi} ПСРЛ, т.2. – С.Перербург, 1843. – С. 360.
- ^{xii} Girolamo Lando, Titulaire du patriarcat de Constantinople (1474–1497), et son role dans la politique orientale du Saint-Siege // Annuario dell’ Istituto Romano di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia, VIII, 2006, pp. 153–258.

Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. Сборник научных статей. М. – К. – Феодосия, 2012. – 241 с.

Подготовлено к электронной публикации 5 декабря 2012 г.

Сдано в печать 10 декабря 2012 г.